

Юрий Ладнов

Посвящаю моим родителям

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТАРОЙ ПЛАНЕТЫ

ХРОНИКИ НИБИРУ: 2012

Челябинск
Издательство «Алес»

2011

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л15

Юрий Ладнов

www.yuriladnov.ru

Л15

Новая история старой планеты. Хроники Нибиру: 2012.

Литературно-художественное издание

Издательство «Алес». Челябинск, ул. Курчатова, 23б, 10 этаж.

512 стр.

ISBN 978-5-9902866-1-0

На Землю прилетает космическая экспедиция нефилимов и налаживает добычу золота, с помощью которого можно предотвратить угрозу, нависшую над их родной планетой Нибиру. Для того чтобы заменить на рудниках взбунтовавшихся рабочих-нефилимов, ученые-нефилимы производят биороботов, способных к тяжелому физическому труду. Двух особей-роботов отпускают для самостоятельного развития, наблюдая за ними и обеспечивая знаниями, – так зарождается независимая от создателей цивилизация.

Но на этом пути дети нефилимов – те самые биороботы, осознавшие себя людьми, все больше удаляются от природы и данных богами законов. В наказание создатели не предупреждают землян о грядущих смещениях полюсов Земли, и под воду уходит Лемурия, а за ней Атлантида. В панике жители этих островов бегут на нетронутые участки суши и создают на них новые государства. Нефилимы прилетают сюда в очередной раз (это происходит каждые 3 600 земных лет, когда их планета приближается к Земле на минимальное расстояние) и видят: бездуховность пожирает людей, повсюду полыхают войны, по планете распространяются инфекции. Чтобы спасти тех, кто живет по вселенским нравственным законам, создатели уничтожают рассадники заразы и разврата – Содом и Гоморру и многие другие «процветающие» города и, разочарованные, возвращаются на Нибиру. Люди же вновь начинают восстанавливать свои города, обескровленные междуособными конфликтами, и ждут повторного прилета создателей.

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТАРОЙ ПЛАНЕТЫ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9902866-1-0

© Юрий Ладнов

ГЛАВА 1

РОДИНА — В ОПАСНОСТИ, В ЗЕМЛЕ — СПАСЕНИЕ

Идея произведения основывается на симбиозе религиозных и научных знаний. Тематическую канву книги составляют заповеди большинства религий, постулаты учений великих пророков, легенды, а также летописи позабытого прошлого, такие как шумерская мифология. Герои произведения, с именами из разных эпосов, живут в параллельных составляющих времени. Главной целью такого построения повествования было показать, что фундаментом создания рода людского инопланетными существами — для решения их собственных задач — стала единая религия. На земле накоплено множество теорий развития человечества. Но, только сопоставив их вместе, можно получить единую историческую картину мира и осознать наконец, что любые верования вышли из одной прарелигии, имевшей под собой реальные события.

Юрий Ладнов

© Юрий Ладнов

Вопрос безопасности планеты Родина, подняли ученые-нефилимы. Для его решения сформировали специальную комиссию. Предстояло найти способы предотвратить надвигающуюся катастрофу. В огромном дворце верховного правителя собрались весь цвет науки, политики, руководители сферы тяжелого производства. От решения поставленной задачи зависело будущее планеты. Заседание было назначено срочно. Никто не знал причины этой поспешности, отчего нервозность в сердцах правящей верхушки общества только усиливалась. Около тридцати нефилимов сидели за большим круглым столом из цельного камня. Тишину нарушил верховный правитель планеты — Ану.

— Благодарю за организованность. Спасибо вам всем, что собрались так быстро. Сложившаяся на нашей планете ситуация такова, что её преодоление не терпит отлагательства и промедления. Существование нашего дома и большинства жителей Родины под угрозой в связи с резко обострившейся атмосферной проблемой. В случае необратимости ситуации мы сможем переселиться на другую планету, однако многие родиняне останутся здесь и будут обречены на гибель. Мы не должны допустить этого. И я думаю, что никто из нас не хочет лишиться своего дома: где еще найти такой? В нашей Солнечной системе не существует планет подобных Родине. Сейчас я предо-

ставляю слово Икнэру, ведущему специалисту в области безопасности, и он введет вас в курс дела — кому, как не ему, говорить об этом. Я могу лишь пересказать мнения этого маститого ученого, услышанное мною несколько раньше, — закончив, Ану сцепил пальцы верхних рук и облокотился на гладкий стол.

— Я сразу перейду к сути вопроса, поскольку, как правильно сказал Ану, ситуация действительно очень серьезная, — начал Икнэр. — Наша технократичность привела к разрушению атмосферы вокруг планеты, и одна из проблем, которая наиболее остро стоит в данный момент — прямое попадание солнечных лучей в связи с образованием дыры в атмосферном слое. Это ведет к облучению обитателей Родины и, соответственно, вымиранию. Мы все виноваты в сложившейся ситуации, и давайте преодолевать её вместе.

— На данный момент уже есть какие-нибудь разработки для решения проблемы? — спросил один из военных.

— Мы провели много исследований, но результаты ни одного из них не удовлетворяют нашим требованиям. Все они достаточно несовершенны и опасны, — ответил ученый.

— Неужели нет совсем никакого решения проблемы? Ведь такое невозможно! Всегда есть выход, — слегка раздраженно возразил Энлиль, чувствуя по интонации Икнэра, что проблема невероятно острая, и пристально посмотрел на ученого.

— Есть один вариант, но он абсурден и нелеп.

— В такой ситуации, как теперь, глупо говорить об абсурдности. Сама сложившаяся ситуация уже абсурдна,

и абсурдность её заключается в том, что мы, столь развитая цивилизация, не смогли уберечь себя от последствий собственных же поступков. Сейчас нам нужно рассматривать все варианты, и не важно, абсурдны они или гениальны. Излагай, Икнэр, какой выход ты видишь из этой ситуации? Тем более что в некоторых случаях от абсурда до гениальности всего один шаг, — сказал Энлиль и оглядел присутствующих.

— Нам следует распылить в озоновом слое определенное вещество, которое создаст защитный барьер. В нём, в свою очередь, вредные солнечные лучи будут отфильтровываться и отражаться. Также, это распыленное вещество поможет удерживать потоки теплового спектра на планете, выступая в качестве зеркального отражателя. Из-за вытянутой орбиты нашей планеты — Родина проходит далеко от Солнца — мы испытываем нехватку тепла, отчего и страдаем почти круглый год. Заранее должен сказать, что предложенный способ не решит проблему, а только на время приостановит ухудшение ситуации.

— О каком веществе ты говоришь? — спросил Энки.

— Только один материал, имеющий достаточную отражательную способность, подходит в этом случае, золото, — ответил ученый.

— Но у нас этого металла очень мало, — добавил Ану. — И иного способа, как добывать его на других планетах, я не вижу.

— Я согласен. Исчерпаны все ресурсы нашей планеты, но, даже если бы мы все их направили на решение задачи, нам бы все равно не хватило. Нужно организовать экспедиции на соседствующие планеты и разузнать, насколько

велики там запасы этого металла, — сказал Энки.

— Совсем необязательно организовывать туда экспедицию. Наши технические возможности достаточно совершенны, чтобы просканировать недра планет, не выходя из этого кабинета. Мы можем не тратить время на изучение, а прямо сейчас провести исследование и найти подходящее место во Вселенной.

— Правильно, Энлиль, — согласился Ану. — Уткир, сделай запрос в центр. И пока мы будем обсуждать организационные моменты, думаю, какие-нибудь данные появятся.

Уткир вышел из комнаты и связался с Центром управления полетами. Не называя причин, он приказал обследовать все планеты Солнечной системы на наличие в их недрах необходимого металла. Золото никогда не было драгоценностью для нефилимов, несмотря на его редкость, и относились к нему как к обычному материалу. Его распыляли на стены пещер, чтобы сделать их более светлыми, а дети, поскольку оно было пластичным, лепили из них поделки, изображая природу и животных.

— Какой план действия предлагаете? — спросил Ану.

— Собираем небольшой отряд, летим на место, находим золото, присылаем на Родину сообщение о его нахождении, и с Мардука вылетает корабль с рабочими, которые будут добывать материал.

— Согласен, но, прежде чем отправиться за золотом, нужно получить одобрение на поиски от наиболее высоко развитых существ планеты, на которую мы прилетим. Галактические Законы еще никто не отменил, — сказал

Энлиль.

— Ну, это само собой разумеется, — кивнул Энки. — И нужно, чтобы за рабочими постоянно приглядывали, а не то мы будем добывать золото очень долго.

— Вот пусть те, кто первыми полетят на планету, чтобы установить контакт с её обитателями, и будут там за старших, — сказал Ану. — Им станет проще организовать процесс, когда они изучат обстановку.

Сидящие за столом нефилимы закивали головами, и длинные когти на их верхних руках хаотично задвигались. Звук от этих движений напоминал стрекотание. Так нефилимы делились эмоциями и информацией, которую нельзя было передать вербально.

— Есть желающие возглавить экспедицию? — спросил Ану.

Энки и Энлиль подняли руки.

— Очень хорошо, тогда руководящий состав определен, — заключил Ану.

Энлиль откинулся в кресле и ощутил на себе враждебный взгляд собрата. Он хорошо относился к Энки, но в последнее время отношения между ними накалились. Почувствовав на себе недобрый взгляд, Энлиль ответил холодным свечением глаз и отвернулся.

— Я думаю, все мы понимаем, что задача не будет решена в скором времени. Даже если мы и найдем планету с достаточным количеством золота, то не сможем добыть его за год. И как в этом случае вы предлагаете поступить с оставшимися на Родине собратьями? — спросил Энлиль, не обращая внимания на Энки.

— Это справедливый вопрос. И у меня уже есть идеи

на сей счет, — ответил правитель. — Дело в том, что солнечные лучи попадают на поверхность планеты, где мы сейчас и обитаем. Чтобы избежать проблем на то время, пока будет происходить добыча золота, предлагаю уйти в недра планеты. Многие из вас знают, что Родина внутри полая, как и большинство других не газовых планет. Мы построим города внутри и будем защищены от излучения.

— На строительство таких городов уйдет совсем немного времени, — добавил Градак, который был ответствен за строительство. — Мы уже подготовили все, что требуется для начала работ. Для тех, кто не знает, скажу, что подобные подземные города не новы, и мы их уже строили, но в других частях планеты и для других целей.

— Очень хорошо. Тогда можно будет начать строительство в самое ближайшее время, — сказал Ану.

Диалог был прерван оттого, что резко открылась дверь. Уткир быстрым шагом прошел по залу и занял свое место. Сидевшие за столом нефилимы с нетерпением смотрели на него, но он, как подобает хорошему актеру, выдержал паузу и, дождавшись эмоционального пика в атмосфере собрания, сообщил результаты поиска.

— Подходящая планета найдена, — торжественно зазвучал голос Уткира. — Это трагически известная нам планета Ки, которую населяющие её сейчас существа называют Землей. Только там мы найдем золото в достаточном объеме. Более того, кроме золота, там много серебра и драгоценных камней, которые также можно использовать в самых разнообразных целях.

— Это хорошо. Если нам позволят, мы заберем с Ки

все, что добудем, — сказал Ану. — Тогда Энлиль сейчас летит на планету, налаживает контакт с живущими на ней существами и подыскивает место для стоянки, а Энки собирает большой отряд для отправки и ждет сообщений. Как только придет ответ, рабочие под руководством Энки и его заместителей будут отправлены. Руководить всей экспедицией отсюда буду я лично. Кстати, для тех, кто не знает, первоначальное название этой седьмой от нас планеты не Ки, а Тиамат.

Неспокойно чувствовали себя многие нефилимы, присутствовавшие на экстренном совещании. Страх от ожидания возможного конца терзал нутро, заставляя задуматься над прошлыми ошибками и будущей расплатой за них. Даже те, для кого вероятность вымирания цивилизации всегда казалась невозможной, всерьез задумались над реалистичностью подобного исхода событий.

Мысли о конце не давали покоя многим, и после совещания некоторые из них уединились, погружившись в размышления. Энлиль тоже пошел в свое любимое место, расположенное недалеко от города, на вершине высокой скалы, откуда открывался красивый вид на лес. Оттуда была едва заметна изогнутая линия горизонта, опоясывающая огромную планету. Он подошел к самому краю обрыва и сел на камень. Энлиль недоумевал: как его родная цивилизация могла погубить саму себя? Власть технократии, высочайший уровень развития общества должны были стать залогом её безопасности, но все эти материальные достижения оказались бесполезными перед лицом Природы и Космоса. Даже наоборот, именно технократия и подвела расу нефилимов к краю неминуемой кончины. Никогда не испытывал

Энлиль такой тоски. Было очень странно осознавать, что все, к чему он так привык и считает нерушимым, может кануть в Лету, исчезнуть безвозвратно. Душевная тоска была столь мучительна и сильна, что слезы страха и неизбежности навернулись на глазах. Ужасало еще и осознание никчемности расы в объемах Вселенной и его личной несостоятельности. Прежде ему казалось, что любая проблема по плечу если не ему самому, то его гениальным собратьям. Однако сейчас, когда вопрос встал ребром, никто ничего не мог сделать. Самонадеянность Энлиля и его собратьев оказалась беспочвенной и иллюзорной. Долго он сидел на краю обрыва погруженный в мысли и переживания. Тот день стал потрясением не только для него, но и для многих.

Наступал вечер. В небе не спеша двигался природный спутник, вот уже миллионы лет сопровождающий планету. С большим нетерпением ждали нефилемы наступающего момента. По времяисчислению планеты прошло лишь несколько месяцев с тех пор, как собралась экстренная комиссия, поднявшая вопрос о проблеме с атмосферой, но эти несколько месяцев были сопоставимы с тысячей лет на остальных планетах Солнечной системы. Двигаясь по эллиптической траектории, уходящей далеко от небесных тел Солнечной системы, Родина совершает один оборот вокруг Солнца за 3 600 земных лет. То, что для Земли составляет тысячелетия, за которые пишутся мировые истории — появляются и исчезают навсегда целые цивилизации, кровопролитные войны орошают поля болью и скорбью, человечество поднимается с колен и падает вновь, — то для нефилимов является лишь годом. Всего

годом. То, что непостижимо для существ планеты Земля, и только Единое Сознание в состоянии сохранить всю информацию, полученную за этот период времени, то для нефилимов — почти мгновение.

На военном космодроме, расположенном на соседствующей с Родиной планете Мардук, было много народу. Все они переправились сюда через «воздушный рукав», соединяющий две планеты. В его пределах гравитация была равна нулю, и перелет осуществлялся в короткие сроки безо всяких проблем. От этой межпланетной экспедиции зависело будущее расы — продолжит ли она свое существование, или навсегда будет уничтожена результатом собственной технократичности. Огромные корабли, предназначенные для космических полетов и способные вместить в себя до пяти тысяч нефилимов одновременно, и маленькие, для путешествия небольшой команды, стояли на площадке, конца которой не было видно. Вся планета имела страшную, даже по меркам нефилимов, поверхность. Она была словно выжжена, местами как расплавленное стекло, в огромных дырах.

На каменном подиуме величественно восседали Ану, верховный правитель планеты Родина, и его жена Анту. Оба они понимали всю серьезность и важность этого путешествия. Осознанно была скрыта от простых жителей информация о готовящейся экспедиции, ибо паника причинила бы много вреда. Население Родины, несмотря на всю свою развитость, находились в стадии «засыпания сознания»: оно начинало деградировать и многие давно известные факты ставились под сомнение. Ану знал о Законе Ритма — он понимал природу и естественность сложив-

шейся ситуации. Если нефилимы узнают о чрезвычайном положении, по всей планете покатится волна возмущения, начнутся бунты, для подавления которых придется прибегнуть к помощи военных. А проливать кровь не хотелось.

Вокруг правителя стояли военные, политики, ученые, — все планировавшие экспедицию и знающие о проблеме. Что было в их умных головах, не знал никто, но все они задумчиво молчали, а мысли их восходили к надеждам на удачный исход. Каждый сделал все от него зависящее. Теперь наступала очередь Энлиля, и только от его коммуникабельности и дара убеждения зависел результат всей операции.

Много времени готовился Энлиль к предстоящему путешествию. Для него это была возможность не только сделать полезное для родной планеты, но и изучить что-то новое, посмотреть животный и растительный мир, которых не видел прежде, пообщаться с существами другой цивилизации, о которых он знал только понаслышке. Минимум на один год ему придется покинуть свой дом и странствовать по чужой планете. Понимая, что время для отправления подошло, Энлиль вышел на стоянку, где находился его летательный аппарат, и повернулся к провожающим. Глядя на них, он прочувствовал, что каждый ждет от него только одного — успешного выполнения задания, и от этого ему стало немного не по себе. Ведь в пути случается все, что угодно, и из-за маленькой поломки последствия могут быть непоправимыми. Возможно, ему даже не удастся долететь до планеты Земля, и он погибнет в бескрайнем Космосе, а возможно, разобьется от удара о воду или сгорит в стратосфере. Паника едва не охватила душу

Энлиля, но благодаря силе воли ему удалось успокоиться и удержать себя в руках. «А может, зря я взял на себя такую большую ответственность?» — крутилось в его голове. Может, и зря, но отступить было уже некуда. Теперь он не мог развернуться и уйти. Пока мысли хаотично крутились в его голове, с трона поднялся Ану и с торжественной речью обратился к Энлилю.

— Ты был выбран не случайно для столь важного события, Энлиль. На все воля Божья, и это твое путешествие было определено судьбой, так же как и сама сложившаяся ситуация. У нас был шанс избежать её, но мы забыли, что за все в жизни нужно нести ответственность, и у каждого поступка будут свои последствия. Мы виноваты в сложившейся ситуации! Каждый из нас! Осознав проблему, мы долго ждали начала этой экспедиции. Теперь жизнь расы находится в твоих руках, и я прошу тебя сделать все, что в твоих силах. Знай, что мы на тебя надеемся и верим в удачный исход операции. Ты один из лучших существ нашей расы, но пусть это не станет поводом для гордости, а наоборот, я хочу, чтобы ты прочувствовал всю возложенную на тебя ответственность. Чем больше у нефилима знаний, тем труднее ставится перед ним задача. Пусть твой ум, доброта, духовное развитие и зрелость помогут тебе в нашем общем деле. И помни: нет места случайностям в этой жизни! Если выполнить важное поручение выпало тебе, ты был избран Богом, а значит, Он считает, что это по силам именно тебе.

Ану был мудрейшим существом планеты, и Энлиль всегда мечтал обладать столь же глубоким Знанием. Сказанные правителем слова вселили уверенность, и,

кивнув всем головой, Энлиль молча вошел на корабль. Следом за ним поднялись еще два нефилима, которым предстояло выполнять роль помощников в ходе экспедиции.

Большому черному исследовательскому кораблю предстояло стать для нефилимов домом на долгое время, и поэтому все было сделано по высшему разряду. Продовольствие размещено в грузовом отсеке, в котором оно сохраняло естественный вкус без всяких добавлений, несколько вариантов костюма и аппараты дыхания под водой. Костюмы на случай выхода на сушу, защищавшие тела от воздействия горячих лучей солнца, к обжигавшему эффекту которых нефилимы не привыкли. Множество технических новинок, которые в случае необходимости можно было обменять или преподнести в качестве подарка для улучшения взаимоотношений с живущими на планете существами. В последний раз проверив исправность аппаратуры, Энлиль запустил двигатели. Рев турбин разразился над космодромом, и черный корабль стал медленно подниматься в небо, навстречу неопределенности. Оставшиеся на Мардуке с надеждой смотрели на поднимающихся вверх собратьев, и души их были полны надежды и неизвестностью. Глядя на провожающих, которые все стремительнее уменьшались в размерах, Энлиль до конца осознал всю возложенную на него ответственность, и понимание того, что он не имеет права на ошибку, ярким пятном расплзлось по телу. Крепко обхватив штурвал, он продолжил на ручном управлении поднимать звездолет вверх.

Выйдя за пределы атмосферы, корабль оказался в пространстве, усеянном мириадами звезд. Прямо перед

ним, на расстоянии нескольких световых лет, вращались планеты Солнечной системы. В черном пространстве совершенно самостоятельно парили красивейшие планеты. От этой картины захватило дух. Сейчас Мардук приблизился к Солнцу и окружающим планетам на достаточно близкое расстояние, чтобы можно было совершить перелет. Включив двигатели на полную, аппарат заскользил в темном пространстве на бешеной скорости. В иллюминатор хорошо были видны далекие звезды и большое палящее светило, принесшее Родине столько проблем.

Обогнув свою планету, корабль устремился в нужном направлении. Нефилимы смотрели в лобовое стекло, за которым был виден бескрайний Космос. Они отчетливо наблюдали орбиту маленького Плутона. Планета плыла далеко, и, несмотря на интерес к ней, Энлиль не мог рисковать: горючего могло не хватить для дальнейшей переправки на Землю. Чуть дальше лежала дорога Ледяного Гиганта — Нептуна. Голубая и необъятно огромная, она казалась покрытой толстым панцирем льда, сковавшим её в тесных объятиях и защищавшим от посторонних вторжений. С той точки, на которой находился космический корабль, Энлиль и два его помощника; Нану и Ануш, видели все планеты Солнечной системы одновременно. Благодаря встроенной на корабле технике, была возможность с легкостью определять расстояние между планетами и даже расстояние каждой планеты от Солнца. Наведя лазерные установки на Солнце и Плутон, Ануш вычислил их положение относительно друг друга и передал сведения капитану корабля. Это не являлось первостепенной для экспедиции информацией, но любознательному Энлилю было

интересно узнать, что этот промежуток составляет около 5 912 миллионов километров. Дальше лежал курс третьей планеты — Урана. Уран, как никакая другая из планет, был окружен небольшими стражниками — двадцать семь маленьких спутников цепью кружились вокруг него, словно защитные орудия. Разноцветные кольца Сатурна особо ярко смотрелись в черном пространстве Космоса. Нефилимы замерили скорость движения этой большой планеты — она составляла 9,5 километра в секунду, — и, сделав необходимые расчеты, пришли к выводу, что один сатурианский год равен почти тридцати годам на планете Земля. Приятнейшие ощущения чего-то нового распирала Энлиля изнутри. Все это было ему ново и безгранично интересно. Лишь скоротечность жизни печалила его, своей кратковременность, и что так мало можно узнать, находясь в этих узких рамках. Следующей по счету была настоящая планета-гигант. Юпитер был самой большой и тяжелой планетой Солнечной системы. Согласно приборам, он весил больше, чем все остальные планеты, вместе взятые, не считая Мардука. Пролетая мимо неё, корабль попал в сеть притяжения, и пилотам потребовалось приложить усилия, чтобы не позволить аппарату упасть на её поверхность и не дать экспедиции закончиться, не успев начаться. Для сканирования этого гиганта потребовалось много времени, но Энлиль довел начатое до конца, и, выжав из приборов все, что они могли дать, переключил внимание на следующую планету — Марс. Особенно нефилима заинтересовал древний вулкан, который продолжал действовать, и глубокий ударный кратер, напоминавший, возможно, о какой-нибудь древней трагедии, перешедшей в разряд

легенд.

Многое из того, что происходило на самом деле миллиарды лет назад, было для большинства нефилимов легендами, но ищущему Энлилю многое представлялось предельно ясно. Каждый на Родине слышал легенду о том, как в далеком прошлом одна из лун их планеты-космодрома Мардук столкнулась с огромным гигантом. Их орбиты не разошлись в бескрайнем Космосе, и произошла страшная трагедия, приведшая к расколу легендарной Тиамат. Орбита Тиамат лежала между Марсом и Юпитером и двигалась с ними в одном направлении, а орбита Мардука проходила рядом, но двигалась в обратном направлении по отношению к ним. Два титана не смогли поделить дорогу, и произошел страшнейший по силе удар, уничтоживший все живое на планетах цивилизации в одно мгновение. Один осколок Тиамат был отброшен ближе к Солнцу, и его орбита пролегла между Марсом и Венерой, а второй разлетелся на множество осколков, но остался плыть по своей орбите, не мешая движению Мардука и его спутникам.

Ни Нану, ни Ануш, не ведали, имел ли в действительности их космодром отношение к поясу астероидов, но Энлиль знал это наверняка. Ведь от него, как ученого, не скрывалась информация, а тяга к знаниям вела его к постижению самых разнообразных наук. Изучая древние рукописи, он однажды наткнулся на манускрипт известнейшего историка, повествующего о столкновении Тиамат и Мардука. Сейчас в качестве напоминания о той трагедии остались только «кованый браслет» и его планеты Родина и Мардук, плывшие в Космосе, словно по невидимой дороге, проходящей между Марсом и Юпитером. Они двигались

ретроградно, навстречу остальным своим братьям, но от этого не были чуждыми им. От былой трагедии не осталось ничего, кроме легенд и смутных воспоминаний.

Следующей планетой была уже та самая Земля, осколок легендарной Тиамат, конечный пункт назначения экспедиции, до которого лететь было около трех земных дней. Именно столько времени предстояло провести нефилимам на космическом корабле с момента отбытия с Мардука и до посадки на Земле. Эта планета была загадкой. Нефилимы с нетерпением ждали скорейшего приземления. Уже сейчас было известно, что большую часть поверхности занимает вода и что планета богата необходимым металлом. За Землей двигалась Венера, которая по яркости свечения уступала только Солнцу и Луне, а последним был Меркурий. Приборы показывали, что он является самой маленькой планетой и находится от Солнца на расстоянии всего 58 миллионов километров, что, в сравнении с отдаленностью Плутона, является «детским» отрезком.

— Только представьте, какая там стоит жара! — сказал Ануш, указывая на неё когтем. — Удивительно, как она еще не расплавилась!

— Хорошо, что золото находится не на ней, а то несладко нам бы пришлось, — добавил Нану и перевел взгляд на приборы.

На каждой из планет присутствовала жизнь. Какие-то цивилизации были на начальном этапе своего развития, какие-то приходили в упадок, но они продолжали существовать на разных планах и зачастую скрыто друг от друга, отчего влияние одной на другую оставалось неизменным. Волновая структура мира была знакома нефилимам, но

сейчас многие начали ставить её под сомнение в связи с падением уровня духовного развития. Лишь немногие могли держать себя в сознании и не впасть в духовную спячку. Энлиль был одним из тех немногих, кто знал, что все во Вселенной вибрирует и является светом. Он знал многое о движении планет, истории Вселенной, Творце и даже некоторые Законы Вселенной. Однако были моменты, скрывающиеся за завесой тайны и непознанности. И одним из таких моментов, являлись рождение и смерть.

— Энлиль, ты знаешь многое, чего не знаем мы, и все благодаря твоей любознательности, — сказал Ануш, пощелкивая когтями. — А знаешь ли ты тайну рождения? Я долго размышлял о той пещере, но так и не смог построить никаких предположений.

— Я тоже толком ничего не знаю, — признался Энлиль. — Я знаю только то, что на Родине может подддерживаться лишь определенное количество жителей — нас нефилимов. Этакое критическое число, влияющее на коллективное сознание. Если один из нас умирает — толи от старости, толи происходит несчастный случай, так же приводящий к смерти, толи от чего-то еще, — то в скором времени из пещеры появляется другой нефилим. Я однажды наблюдал за этим явлением воочию. Из пещеры вышло существо такое же, как и мы, нашего роста и телосложения, но по его лицу было видно, что оно еще молодо.

Что происходило в пещере и как осуществлялся процесс создания нефилима, не знал никто, кроме, возможно, Ану. Эта пещера находилась недалеко от города, и из неё всегда был виден желтоватый свет. Говорили, что сразу за входом в пещеру начинались длинные коридоры лаби-

ринтов, ведущие в каменные залы, где и осуществлялся процесс создания нового нефилима взамен умершему. В эту пещеру никто никогда не входил, ибо это было табу для всех, кроме Ану и верховного жреца. Энлиль не знал точно, но догадывался, что в пещерах живут ученые-жрецы, чьей задачей является поддержание необходимой численности населения. Наверняка, по мнению Энлиля, новые тела нефилимов создавались путем генной инженерии, во всяком случае, непостижимыми его уму способами.

— А наш уход на другую планету будет расцениваться как «смерть», ведь мы находимся не на планете? — спросил Ануш.

— Конечно, нет. Ведь мы живы. Вот если мы совершим самоубийство на этой планете или уничтожим себя где-нибудь в тихом месте, вдалеке от посторонних глаз, и о нашей гибели никто не узнает, то тогда мы очень разочаруем наших собратьев. Насколько я понимаю, в пещерах создается новый нефилим лишь в том случае, если становится известно о смерти другого. А если нефилим осознано уходит из жизни, да еще никого не предупреждает о своем намерении, это является страшным проступком, который ведет к тяжелейшим последствиям для всей расы.

— А что случится, если все-таки кто-нибудь решится на самоубийство? — спросил Ануш.

— Думаю, такого нефилима будут долго искать, а когда найдут, то очень жестоко накажут.

— А как его наказывать, если он умер?

— Вот это и для меня загадка, — сказал Энлиль. — О том, что такой нефилим должен быть наказан, я читал в древнем своде законов. Но что означает подобная форму-

лировка, я не знаю. Может быть, есть какая-то часть, которая не умирает.

— Ты имеешь в виду душу?

— Я не знаю, как это назвать, но, возможно, есть что-то, чего мы еще не постигли, — с легкой грустью ответил Энлиль.

Долго каждый из летевших на Землю нефилим размышлял о существовании чего-то большего, чем физическая оболочка. Образовавшаяся тишина очень подходила для размышлений, и только тихий гул приборов регулярно нарушал её. Корабль двигался на автопилоте и не требовал физического вмешательства экипажа. Членам команды нужно было лишь изредка посматривать на приборы, убеждаясь в том, что все идет по плану и они не вышли из строя.

— Много удалось узнать об обитающих на планете существах? — нарушил Нану затянувшуюся тишину.

Энлиль отвел взгляд от космического пейзажа, и, развернувшись в кресле, посмотрел на товарища.

— Удалось собрать лишь небольшое количество информации, поскольку никогда прежде нам не было нужды общаться с ними. Мне известно лишь, что живут они под водой, довольно неплохо развиты в технической области и имеют высокий уровень сознания.

— Они в курсе, что мы направляемся к ним?

— Мы им сообщили о нашем желании организовать на их планету исследовательскую экспедицию, и они пригласили нас для дальнейшей беседы, — ответил Энлиль.

— Значит, сейчас наша основная задача — подружиться с ними? — спросил Ануш, не отводя взгляда от прибо-

ров.

— Грубо говоря, да. Нам нужно убедить их, что наши действия не приведут к негативным последствиям для их дома, и единственный способ спасения для нас — собирать металл именно у них.

Плавно корабль начал входить в атмосферу незнакомой планеты. Сине-зеленые картины пестрели под нефилимами, раздражая их мозг новыми цветами. Они не видели прежде таких ярких красок природы, а красно-коричневые цвета родной планеты были несравнимо более тусклыми. Синева занимала больше половины площади планеты, оставив суши лишь небольшой фрагмент территории. Конечно, здесь господствовали водные обитатели, и никто, кроме них, не мог контролировать планету в полной мере.

— Есть какие-нибудь ориентиры для приводнения? — спросил Ануш, положив руки на штурвал и перейдя с автопилота на ручное управление.

— Нет. Нам было сказано опуститься в теплые воды, а жители планеты уже сами обнаружат нас и встретят, — ответил Энлиль. — Наверняка они уже зафиксировали нас на своих радарх и, рассчитав траекторию приводнения, двигаются к нужной точке.

— У меня все готово, — доложил Нану. — Корабль переведен в «подводный» режим.

— Очень хорошо. Продолжаем снижение, — сказал Энлиль и начал перенастраивать установки.

— Ждем твоих указаний, капитан.

Энлиль еще на раз перепроверил приборы и, убедившись в их исправности, приказал снижаться. Пожалуй, этот этап был самым сложным во всей экспедиции. Крайне

нелегко было приводниться в незнакомом месте на новом аппарате.

Нефилимы снижались на большой скорости, и все более четкой становилась поверхность Земли — её желтые пустыни, ярко-зеленые леса, голубые полосы прибрежных вод и темно-синие глубины. Совсем скоро тонкая полоска берега скрылась за горизонтом, и вот уже водная гладь расстелилась под кораблем.

Уменьшив угол приводнения, летательный аппарат заскользил над океаном. Энлиль сократил обороты двигателя, чтобы аппарат сбросил скорость и смог войти в морскую толщину не разбившись об неё. Еще какое-то время он летел над синей гладью, сбрасывая инерционное движение, и лишь потом коснулся воды. Сильный удар едва не привел к поломке оборудования, но нефилимы прекрасно справились со своей задачей, приведя все в порядок. Брызги от удара разлетелись во все стороны, и вода забурлила от соприкосновения с горячей обшивкой корабля. На панели управления замигали красные лампочки. «Неужели произошла разгерметизация?» — испугался Энлиль.

— Отменить погружение! — громко приказал он. — Ануш, сходи в хвостовую часть корабля и воочию убедись, что вода не проникает внутрь. Удели особое внимание обшивке со стороны двигателей.

Без лишних слов Ануш встал с места и подчинился приказу. Если неисправны приборы, показывающие несуществующие неполадки, то это не беда — электронику можно починить. Но если проблемы действительно возникли с герметизацией, и сейчас корабль наполняется водой, то ситуация становилась критической. На корабле

находились все продовольствие, запасы воздуха, необходимое оборудование, и все пришло бы в негодность от соприкосновения с водой. Более того, этому кораблю предстояло быть домом для нефилимов в течение трех с половиной последующих тысячелетий, и он нужен был им сухим. С волнением Энлиль ждал ответа от Ануша. И когда из рации донесся знакомый голос, вздрогнул.

— Здесь все нормально. Я не вижу никаких повреждений. Должно быть, электроника вышла из строя, — сказал Ануш.

Энлиль и Нану выдохнули с облегчением и переглянулись.

— Надо будет проверить обшивку снаружи, когда войдем в воду, — сказал Нану.

— Верно. Сейчас погрузимся и сразу же снарядимся для выхода за пределы корабля, — одобрил командир.

Энлиль перезагрузил систему, на что ушло какое-то время, но лампочки на панели управления загорелись вновь. С приходом Ануша было решено начать погружение. Все заняли свои места, и корабль медленно вошел в воду. Глубина в месте приводнения была небольшая — около двухсот метров. Энлиль волнительно всматривался в водную толщу, пытаясь что-нибудь разглядеть. Здесь видимость была значительно хуже, чем на поверхности, и это причиняло внутренний дискомфорт всем членам экипажа. Вокруг корабля нельзя было различить никаких живых организмов. Складывалось впечатление, что океан безжизнен, но, скорее всего, обитатели были напуганы шумом от приводнения корабля. Кроме толщи воды и плавающего в ней планктона, ничего не было видно. Аппарат продолжил

погружаться, пока приборы не показали приближающееся дно. С каждым метром становилось все темнее: лучи солнца не проникали в этот подводный слой. Плавно, стараясь не усугубить ситуацию, связанную с поломкой оборудования, Энлиль посадил корабль на океанское дно.

— Ну, все, вроде добрались, — сказал Энлиль.

— Сейчас свяжусь с Родиной и сообщу об успешном прибытии, — сказал Нану и настроил рацию на нужную волну.

Из прибора послышался голос Ану.

— Как у вас дела, земляне? — спросил он, как всегда, спокойным и размеренным тоном.

— В назначенное место прибыли. Готовы к ведению переговоров, — коротко ответил Нану.

— Молодцы! Я в вас не сомневался, — счастливым голосом произнес правитель Родины.

Нану отключил рацию и, встав из кресла, всмотрелся в пространство за окном. Снаружи ничего не было видно. Он включил прожектор, освещающий пространство перед кораблем, но и в этом случае не увидел ничего, кроме стоявшей вокруг стены мути. Сев на дно, корабль поднял вокруг себя песок и другие вещества, лежащие на дне океана вот уже много лет. Каждый нефилим понимал, что сейчас нет смысла лезть в воду и проверять обшивку корабля. Все равно при нулевой видимости не удастся обнаружить пробоину. Оставалось ждать, пока осядет песок или приплывут жители Земли.

— Как долго нам придется ждать, пока киты примут решение относительно наших работ на планете? — спросил Нану.

— Не знаю. Может, сто лет, а может, и несколько тысячелетий, — ответил Ануш. — Но, так или иначе, лучше провести это время здесь, на неизвестной планете, чем на Родине.

— Главное, чтобы принятие решения не затянулось надолго. Ведь через некоторое время даже их одобрителный ответ будет не в силах уже что-то изменить. Надо понимать, что добыча золота не скоротечное занятие и потребуется много лет, прежде чем необходимое количество материала будет собрано. Более того, даже когда мы соберем золото и доставим его на Родину, еще нужно время чтобы переработать материал, и распылить над планетой, — сказал Энлиль.

— Ты прав, и сейчас время играет не в нашу пользу. Чем быстрее китообразные дадут ответ, тем скорее мы сможем приступить к работам, — согласился Ануш и, откинувшись на спинку кресла, закрыл глаза.

Когда, по мнению Нану, муть улеглась, он вновь включил прожектор. Мощный луч ударил в темноту и осветил пространство перед кораблем. Завесы из песка и мути уже не было. Нефилимы придвинулись к лобовому окну и с волнением всмотрелись в освещенное пространство. Корабль лежал на песчаном дне, неподалеку от груды поросших травой камней.

— И все? — с недоумением Ануш посмотрел на товарищю.

— Думаю, нет. Скорее всего, мы случайно попали в столь скудный на краски участок океана, — ответил Энлиль. — Мы же видели яркую сушу этой планеты, когда входили в её атмосферу, и я могу предположить, что океан

должен быть подобным. Тем более что именно вода дает жизнь на Земле.

Энлиль и Ануш откинулись в кресла, но голос Нану заставил их встать на ноги вновь.

— К нам что-то приближается... И оно огромно...

Энлиль взгляделся в даль, затем перевел взгляд на приборы. Там, вдаль, он увидел огромный силуэт, движущийся прямо на них, но радары корабля ничего не показывали.

— Похоже, на самом деле у нас проблемы с электроникой, — заметил он. — Радар ничего не определяет.

Ануш и Нану продолжали вглядываться в даль.

— Может, приготовим оружие? — спросил Нану.

— Уже не успеем: объект слишком близко, — отверг предложение Энлиль.

— Остается надеяться, что эти существа не спутали нас с кем-то другим, — сказал Ануш.

— Ни в коем случае не доставать оружие! — повторил Энлиль. — Вызывать вражду не в наших интересах.

Объект подплывал все ближе, и уже не оставалось сомнений, что он движется именно к ним. Контур принимал с каждой минутой более понятные очертания, пока не сменился четкой картинкой и нефилимы не увидели огромное существо с двумя плавниками и хвостом. Оно плыло прямо на них. Следом за ним двигалось еще несколько подобных существ. Энлиль ярко ощутил их радушие и гостеприимность и перестал беспокоиться. Эти существа приплыли к ним с миролюбивыми намерениями, источая Любовь и дружелюбие. Видимо, их доброту почувство-

вали и Нану с Анушем, — они тоже раскрепостились, и их внутреннее напряжение спало. Киты приблизились к кораблю, и Энлиль уловил в своей голове картинку. Морские обитатели вступили в диалог на межгалактическом языке — телепатическом. Этот язык был универсальным для всех планет, и им владели все существа, с разным уровнем сознания. Некоторые, правда, его периодически забывали, согласно Закону Ритма, но он всегда существовал в их подсознании, и пользовались им на неосознанном уровне. Одной картинкой существа передавали друг другу всю необходимую информацию, с гаммой всех эмоций и чувств.

— Мы рады приветствовать вас на нашей планете, — заговорил Хиф, плывущий впереди остальных китов.

— Спасибо, что не отказали во встрече и готовы выслушать нашу проблему, — поприветствовал Энлиль, вложив в свои слова максимум благодарных чувств.

— Мы с удовольствием проводим вас в подводную столицу, где есть все условия для отдыха после долгого путешествия. Там вы сможете оставить свой корабль и выйти за его пределы, — сказал Хиф, предлагая проследовать за ними.

Рев двигателей мог сильно потревожить тихую жизнь океана, и Энлиль попросил передать координаты города, чтобы добраться туда воздухом. Кит сказал, что в этом нет смысла, ведь тогда прибывшие путешественники не смогут понаблюдать за красотами места, которое должно стать для них домом на ближайшее время. Не желая отказывать, Энлиль согласился на предложение, тем более что

ему самому хотелось посмотреть на здешнюю природу.

Разговаривавший с ними кит оказался вожаком этой небольшой стаи. Уровень его сознания был выше, чем у других прибывших с ним животных, и это накладывало на него дополнительные обязанности лидера. Вся структура общества дельфинов и китов строилась по пирамидальному принципу. Всегда был вожак, обладающий зачатками индивидуальности и более высоким уровнем сознания и ведущий за собой остальных. Как в каждой небольшой группе существовал лидер, так и расу в целом возглавлял один лидер, выполняющий роль правителя.

Теперь после длительного перелета можно было и отдохнуть, пока Ануш управлял кораблем в морских пучинах. Энлиль закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Тело слегка расслабилось под музыку приятных ощущений, заигравших внутри. Это было естественным состоянием каждого из нефилимов, но к нему настолько привыкли, что перестали замечать. Для того чтобы это ощущение появилось, не надо было ничего делать. Нужно было только вспомнить, что оно есть. Приятные ощущения волнами прокатывались по телу, пронизывая собой каждую клеточку, и расслабляли его. В голове были радужные помутнения, и, сконцентрировавшись на этих ощущениях, можно было даже увидеть подобие маленьких «звездочек удовольствия» перед глазами.

Энлиль и Нану сами не заметили, как уснули, полностью доверив управление кораблем своему товарищу. Много бы еще времени проспали они, если бы сквозь сон не уловили телепатические образы, посланные Хифом. Включив сознание, они даже не поняли, сколько времени

провели в спячке.

— Вот мы и дома, — объявил кит.

Взору нефилимов открылся вид большого города, стоящего под ними на самом дне. Все здания имели обтекаемую форму, лишенную острых углов, а изящно украшенные кораллами и травой стены, расцветивали дома ярким цветом. Город находился на небольшой глубине, и падающие сверху лучи солнца освещали его и прогревали воду. Это место было домом не только для китов, но и для многих других обитателей океана.

— У нас мало специально построенных городов, поскольку мы не нуждаемся в них, — сказал кит. — Но этот город мы построили для наших меньших собратьев — рыб и мирных обитателей моря, — чтобы они ощущали нашу заботу и чувствовали себя здесь в безопасности от хищников. В основном сама природа дарует нам дома, но те территории являются общими, и на них обитатели могут встретить угрозу в виде акул и других хищников.

— А вы свободно можете передвигаться по океанам или у вас тоже есть территории, на которые вы не имеете права заплывать? — спросил Ануш.

— Мы можем плавать где угодно, когда угодно и ведем преимущественно кочевой образ жизни. Мы полноправные хозяева этой планеты, поскольку здесь нет существ более высокого уровня сознания, хотя от неприятностей не застрахован никто. Главную опасность представляют собой акулы, которые иногда атакуют наших собратьев, оказавшихся в одиночестве и далеко от стаи. Этим рыб природа одарила большими размерами и острыми зубами, но зато

забыла про мозг.

Энлиль ощутил смех китов, — так они поддерживали слова относительно мозга акул.

Хиф показал, где нефилимам лучше расположить свой корабль. Это было очень удобное место для стоянки, оно находилось в черте города. Вероятно, киты создали его специально для корабля существ, которых ждали в гости. Осторожно, стараясь не задеть здания, Энлиль плавно посадил аппарат на каменную площадку. На этот раз приземление было удачным и не привело к сильному помутнению воды.

— Готовь форму, Ануш! — сказал Энлиль, и Ануш пошел в хвостовой отсек доставать костюмы, изобретенные учеными специально для экспедиции.

Костюмы представляли собой скафандры, защищающие тела от всякого рода физического воздействия и снабженные баллонами со сжатым воздухом и примесями. Это было необходимо, чтобы первоначально приспособиться к новой среде. Энлиль понимал, что со временем они все равно привыкнут, а способ дыхания изменится.

Заглушив двигатели, Энлиль и Нану пришли в нужный отсек и надели костюмы. Снаружи их уже ждали киты. Костюмы пришлись впору и не вызывали дискомфорта. Они были гладкими на ощупь, серебристого цвета и визуально походили на кожу дельфинов и рыб, населяющих океан. Пройдя в герметический отсек, служащий местом перехода в отличную от прежней среду, Энлиль нажал кнопку на пульте, и двери позади них закрылись. Он нажал вторую кнопку, и перемычка, отделяющая нефилимов от воды, стала медленно подниматься, пропуская под собой

воду. Неприятные ощущения испытывал каждый из гостей. Хоть толстый скафандр и был герметичным, тело чувствовало контакт с эластичным материалом под напором воды. Ануш рефлекторно сделал несколько шагов назад, думая, что это поможет. Вода быстро наполняла изолируемый отсек, и скоро дошла до уровня шеи. Самым неприятным было ощущение, когда нефилимов скрыло с головой и они оказались поглощены неизвестной прежде стихией. То, что вода имеет свою плотность, отчетливо ощущалось даже через толстый костюм. Передвигаться в этой среде было непривычно.

Вода стремилась вытолкнуть вверх инопланетных гостей, но тяжелые пояса, закрепленные на теле, тянули вниз. Товарищи проследовали за приведшим их китом на небольшую ровную площадку недалеко от корабля, над которой плавал большой синий кит. Интуиция подсказывала нефилимам, что уровень сознания этого кита еще больше, чем у тех, которые привели их сюда. Скоро незнакомый кит передал телепатический сигнал, с помощью которого приветствовал их и интересовался целью прибытия. Энлиль на правах капитана рассказал о катастрофической ситуации на Родине и о том, что единственным местом, где они могут найти необходимое количество золота для решения проблемы, является Земля. Синий кит, чье имя было Большой Сэм, честно ответил, что не в восторге от идеи добывать золото в недрах их планеты, но раз уж сложилась такая страшная ситуация, то и отказать он им не может. Ему было жаль, что целая раса находится на краю гибели, хоть и в результате собственной недальновидности.

— Я мог бы прямо сейчас дать свое согласие, но нам, китам и дельфинам, следует присмотреться к вам, а вы должны узнать наши обычаи и законы. Один из самых главных законов гласит: не забирай у Природы больше, чем тебе нужно, и не загрязняй её. То есть ваша добыча золота не должна нарушить экологический фон планеты. И если любые, оставленные после вашего ухода действия повлекут за собой ухудшение в экологии, то виновными в этом будете вы, — сказал синий кит.

— Я понимаю вашу заботу о сохранности планеты, и мы с большим удовольствием проведем у вас время, за которое вы присмотритесь к нам, а мы изучим ваши традиции, — ответил Энлиль.

— Рад, что мы с вами договорились. Теперь можете осваиваться. Я, на правах принимающей стороны, разрешаю вам безгранично передвигаться по всей территории океана, но не могу позволить выходить на берег. Этот поступок будет приравняться к незаконному вторжению на планету, поскольку официального одобрения на ведение работ я вам еще не дал, а на суше мы не сможем вас достать. Однако я не запрещаю вам изучать берег из океана.

Энлиль понимал, что проблемы с Галактическим Советом нефилимам ни к чему, и заверил синего кита, что они не будут выходить на берег и нарушать законы планеты. На этом Большой Сэм попрощался с инопланетными гостями, сказав, где его можно будет найти, если понадобится помощь, и уплыл.

Осмотревшись, нефилимы пошли проверить обшивку корабля, надеясь не найти в ней повреждений.

— Как же неудобно передвигаться под водой! — телепатически поделился Нану с товарищами.

— Скоро мы здесь приспособимся и сменим костюмы на более удобные, наденем ласты,отрегулируем вес на поясе. В общем, сделаем все, чтобы уютней чувствовать себя под водой, — ответил Энлиль.

Облик нефилимов очень отличался от физических тел водоплавающих. Вытянутая назад голова и рост около пяти метров говорили о высоком уровне сознания. Тела китов и дельфинов были обтекаемы и представляли собой только туловище, с хвостом и плавниками, это способствовало удобному передвижению под водой, а стройные тела нефилимов были созданы для передвижения по поверхности Родины и лазанию по скалам. Узкие плечи, ноги с длинными когтями, четыре руки — все это только мешало двигаться под водой.

Медленно нефилимы подошли к кораблю и начали осмотр. Это заняло несколько часов, но, досконально изучив обшивку, они перестали волноваться и, расслабившись, отправились рассматривать подводный город.

Этот город не имел никакого практического предназначения и, как сказал Хиф, был лишь наглядным примером заботы перед младшими братьями китообразных. Рыбы стаи кружили в толще воды, а зеленые мурены и скаты плавали у самого дна. Товарищи подняли головы и увидели кругами плавающего над ними дельфина. Он издавал звуки, похожие на пощелкивания, передавая своим собратьям информацию о неведомых прежде существах, — дельфины были способны общаться друг с другом, находясь на расстоянии во многие десятки кило-

метров. Поняв, что его заметили, он рванул навстречу и скоро оказался рядом с нефилимами.

— Вы те самые существа с Мардука, — телепатически спросил он, — у которых случились неприятности?

Ануш послал ему полную картинку, в которой сказал, что их планетой является Родина и они не причинят дельфинам вреда своими работами. Дельфин был в хорошем настроении и начал кружить вокруг, продолжая общение. Он сказал, что рад знакомству и сочувствует в связи со сложившейся на их планете ситуацией.

Дельфина звали Игрун, и в ходе общения Энлиль понял: уровень сознания этого существа довольно-таки высок, что делает его вожаком стаи. Скоро послышался щебет, и появились еще три дельфина, похожие на Игруна. Они также были веселы, и Энлиль с товарищами не мог понять: толи это обычное настроение дельфинов, толи радость от предстоящего знакомства с инопланетными гостями. Игрун защебетал, говоря что-то своим товарищам, и Энлилю показалось, что он понимает их диалог. Он вслушивался некоторое время, и наконец, для него стало очевидной схожесть языка дельфинов и их родного — нефилимского.

Между собой киты разговаривали на понятном только их сородичам языке, а с особями остальных видов общались телепатически. Но нефилимы поняли, что их собственная «словесная» речь схожа с речью китообразных и дельфинов, и они понимают друг друга. Киты и дельфины общались при помощи щебета, жужжания, визга, скрежета, щелканья, чмокания, скрипа, хлопков, писка, рёва, свиста и других звуков, составляющих единую группу. Кроме того, посылали эхолокационные сигналы и ультразвуковые

волны, которые не воспринимало большинство обитателей океана. Собрав мысли и эмоции воедино, дельфины передавали их всего за несколько секунд, и этим были схожи с нефилимами.

Энлиль попробовал поприветствовать словами приплывших дельфинов, и, к общему удивлению, они его поняли. Эта объединяющая черта пришлась очень кстати для улучшения взаимоотношений представителей двух цивилизаций. Между Энлилем и Игруном завязался разговор, к которому скоро присоединились Ануш, Нану и три других дельфина.

— Как давно вы обитаете на Земле? — спросил Нану у одного из дельфинов, чье имя было Дгун.

— Очень давно. Я даже затрудняюсь сказать насколько. Нашим родным домом является Океания — третья планета от Сириуса Б. Предки давно покинули её с целью изучения других планет, и вот мы здесь. Земля была единственной в этом измерении планетой, пригодной для существования, поскольку на ней преобладает водная стихия. Здесь мы чувствуем себя как дома и уже не представляем жизни вне её, хотя в своих грезах и после смерти часто возвращаемся на родную планету. Наша память сохранила воспоминания о первом доме, почти полностью покрытом водой. Суше там было отведено лишь два небольших континента, на которых обитали низкоразвитые человекоподобные существа.

Все это представлялось очень интересным, но гости помнили о своей первоочередной задаче, в которую не входило собирание фольклора. Решив отложить беседы на потом, товарищи занялись делом.

Самым интересным для них была сухая часть планеты и поэтому, было решено плыть к ближайшим островам. На мелководье вода оказалась прозрачнее и теплее. В подобных частях океана кипела жизнь, в отличие от почти безжизненных глубин. Множество разноцветных рыб плавали стаями и не обращали никакого внимания на странных существ, передвигающихся по дну. Остановившись на глубине около пяти метров, Энлиль начал регулировать веса на поясе и на практике обучаться работе с жилетом. После нескольких часов тренировки, товарищи освоили технические новшества и убедились в простоте использования костюмов. Надев ласты для движения в морской толще, они поплыли вверх, чтобы из воды увидеть поверхность островов.

Их взору предстала группа больших и маленьких островов, полностью покрытых деревьями. На них не было ни полянки. Среди густо растущих деревьев кипела жизнь. Острова были причудливых форм, но все как один зеленого цвета. Нефилимы поплыли прямо к ним. Зеленые ветви деревьев свисали прямо над их головами, едва касаясь воды. Большие стаи маленьких рыбешек пролетали мимо, касаясь костюмов. Вдалеке показалось странное существо, и товарищи поплыли к нему. Это был небольшой осьминог,двигающийся в слое воды, словно шагая по невидимой лестнице. Заметя гостей, он заскользил вниз и скоро скрылся в расщелине.

Процесс изучения природы прервал знакомый треск. Это был Дружин. Он оказался перед гостями и сделал несколько кругов вокруг них. Формы его тела идеально подходили для перемещения под водой, что вызывало

зависть. Энлиль даже пожалел, что их ученые не разработали чего-то похожего. Следом за Дружином из толщи воды появилось еще несколько дельфинов. Они перекинулись репликами и предложили нефилимам взяться за плавники и прокатиться. Товарищи не отказались. Дельфины источали Любовь и с большим дружелюбием относились к новым знакомым. С ними время пролетало почти незаметно. Сидя на спинах обитателей океана, нефилимы быстро осмотрели ближайшие территории и получили массу незабываемых эмоций. За короткое время они подружились с дельфинами и много времени проводили вместе. Гостеприимные хозяева планеты показали много красивых мест в океане и виды на сушу, открывающиеся из водных просторов.

В течение 3 600 земных лет они изучали океанские глубины и общались с новыми друзьями. Подводная природа была не столь живописна и ярка, как виды, открывающиеся на поверхности воды, но её формы были плавными и округлыми. Практически не существовало острых углов, и постоянное созерцание подобной геометрии вызывало умиротворение. Сочные краски морских пейзажей были лишь на мелководье, где рифы пестрели цветами, образованными разнообразием губок, кораллов, ракушек, пестрых рыбешек.

Множество непередаваемых ощущений пережили нефилимы: плыли в гуще огромной стаи медуз, конца которой не было видно, встречались с мегалодонами и отбивались от их нападений, уходили на огромные глубины, где видели странного вида рыб и осколки прошлых цивилизаций, путешествовали в холодных водах и любовались лучами солнца сквозь толщу прозрачного льда.

Очень быстро шло земное время. Кружили голову быстротечностью смены дня и ночи, и скоро пришло время пересменки. Вновь прибывшая команда была более подготовленная, чем команда Энлиля. На этот раз в её составе были пилот, специально обучившийся полетам на новом космическом корабле, исследователь, который собирал образцы растительного мира, этнолог, изучавший традиции, легенды и образ жизни морских жителей, ученый, который обменивался техническими разработками нефилимов с технологией китов и дельфинов. От этой экспедиции ожидали большей продуктивности.

Возвращение домой вызвало тоску по любимым водным просторам и зеленым пейзажам береговой линии. Угловатые формы окружающих строений и темные краски на Родине угнетали психику, давили своей однообразностью. Когда-то привычные коричнево-красные цвета казались блеклыми и, порой траурными. На Земле краски были очень сочными и не шли ни в какое сравнение с этими. Жизнь дома сильно отличалась от разнообразной жизни на Земле. Лишь во снах и воспоминаниях, погружаясь глубоко в свою память, Энлиль мог в мельчайших деталях вспомнить земную природу и её обитателей.

.....

В общей сложности больше 55 000 лет длилось пребывание нефилимов в морских пучинах. За это время много радостных событий произошло в жизни двух цивилизаций, которым пришлось жить бок о бок на протяжении веков. В один из дней новый вожак китов, пришедший на смену Большому Сэму, умершему несколько столетий

назад, пригласил Акнэля, Тэйлора, Третьяка, которые на тот момент были в экспедиции на планете, и сказал им об окончательном решении позволить нефилимам добывать золото на планете Земля.

— Мы долго присматривались к вам и наконец пришли к единому мнению. Мы разрешаем вашей цивилизации добывать золото в недрах нашей планеты, но просим не забывать о законах. Помните, что вы не должны нарушать экологического фона и несете полную ответственность за все совершенные вами действия. Все плачевные последствия от вашей деятельности будут лежать на вашей совести, — сказал новый вожак. — У природы есть способность к самовосстановлению, но эта способность не безгранична. Не забывайте об этом!

— Мы обещаем следить за экологией планеты, — ответил Акнэль, который был главным в экспедиции. — Мы сделаем все, чтобы ваша планета не изменила облик и оставалась такой же зеленой и чистой.

— Мы очень на это надеемся, — заключил кит.

Наконец цель была достигнута. Почти два Галактических Года нефилимы ждали этого ответа. На Родине все уже было готово к отлету — команды собраны, техника находилась на Мардуке. Акнэль поспешил в космический корабль на стоянке и, связавшись с Родиной, сообщил об удачном исходе переговоров. На другом конце аппарата для связи послышался счастливый голос Ану, который поблагодарил всех за проделанную работу.

— Мы уже почти приблизились к Земле, так что принятое решение, как нельзя более, кстати, — сказал Ану, имея в виду, что Мардук скоро будет проходить рядом с

Землей. — У нас все готово для ведения работ. Вы отлично справились со своей задачей, так что собирайтесь — скоро вас сменят.

Это была хорошая новость для всех, кто был связан с экспедицией. Одним из первых её узнал Энлиль. Он не был на Земле больше ни разу со времени первой экспедиции и очень соскучился по красивым пейзажам далекой планеты. Приятная новость всполошила в нем радужные переживания, и вновь захотелось побывать там. Не теряя времени, он решил отправиться во дворец к Ану.

— Я слышал, что киты позволили нам начать добычу золота, — сказал Энлиль, войдя в зал, где сидел Ану. — Можно мне присоединиться к группе и помочь им в этом занятии?

— Я бы с удовольствием позволил тебе, Энлиль, но команда уже собрана. Однако, если так хочешь побывать на ней вновь, ты можешь полететь туда со следующей группой, — ответил Ану.

— Хорошо, — согласился Энлиль.

Он уже собрался уходить, когда Ану остановил его, и пригласил сесть за стол.

— Я читал твои отчеты относительно поверхности суши и пришел к выводу, что, пожалуй, ты достаточно изучил её. Скоро нам предстоит приземляться на планету, и хотелось бы прибыть в красивое место, где группе будет комфортно работать и вести исследования.

— На земле много подобных мест, но вам нужен какой-нибудь ориентир, чтобы найти подходящее с воздуха, — задумчиво произнес Энлиль. — Там есть территория, расположенная между двух больших рек,

впадающих в океан, где кипит жизнь, а природа наполнена яркими красками. Дельфины называли те реки Прат и Хиддекель. Это место будет идеальным для нас домом. Главное, чтобы эта часть суши не оказалась под водой в результате смещения полюсов.

— Ты сможешь отобразить на карте это место?

— Конечно, — и Энлиль выделил нужный район на протянутой Ану карте.

Во время пребывания на Земле Энлиль очень полюбил это место. Однажды, во время изучения жизни дельфинов, он с командой зашел в устье реки и поднялся вверх, где увидел сказочный пейзаж. Было запрещено выходить на сушу, но никто не мог запретить любоваться живописными картинами из воды. Высокие пальмы с густой растительностью на вершине покрывали сушу. Из глубины красочных джунглей доносились голоса птиц и животных, обитающих в этом прекрасном уголке природы.

— Очень хорошо. Значит, если то место не затоплено, мы построим город именно здесь, — и он ткнул пальцем в обведенную часть карты.

Воспоминания нахлынули на Энлиля с новой силой, и было искренне жаль, что еще целый год придется провести в томительном ожидании. Стараясь ощутить приближение начала экспедиции, он решил проводить экипаж, который улетал с Мардука на Землю на следующий день.

Вместе с остальными он прибыл на космодром по «воздушному рукаву». Ситуация напоминала ту, когда его самого провожали в экспедицию, разница заключалась лишь в том, что сейчас у провожающих было хорошее настроение, а команда была значительно больше. Около

шестисот рабочих грузились на корабль, который не шел по размерам ни в какое сравнение с теми, на которых совершались первые путешествия, — огромный и вместительный. Это был настоящий город для межпланетных путешествий. Вместе с рабочими на Землю летели двенадцать руководителей, среди которых был начальник транспорта, отвечающий за космический корабль, главный специалист, изучивший технологию добычи золота, этнограф, историк, исследователь, ученый, нефилим, чьей задачей было поддержание связи с китами. Нефилимы расширили свою цель, и теперь она подразумевала не только добычу золота, но и освоение всей территории планеты.

Энлиль стоял недалеко от Ану и слушал его пламенную речь, от которой нефилимы-рабочие почувствовали свою значимость, и ощутили огромное желание работать. Для них это была хорошая возможность посмотреть чужую планету, о которой до них уже дошли живописные рассказы, повествующие о дружелюбии обитающей на ней цивилизации и красоте природы. Энлиль по-доброму позавидовал им и помахал рукой, когда корабль оторвался от поверхности. Каждого рабочего распирало волнение, поскольку никто из них не знал истинную цель своего полета. Им сказали, что их цель — добыча золота, но не назвали причину, чтобы не устраивать паники.

После отлета корабля у провожающих еще было время для отдыха и приема пищи, до того как на Мардук вернется вторая команда, находящаяся на Земле последние 3 600 лет. Прошло несколько нефилимских часов, и в небе появился космический корабль. Двигаясь по прямой, он скоро приземлился на космодроме, и из него вышли

Акнэль, Тэйлор и Третьяк — все, кто провел на Земле последний год.

ГЛАВА 2

КОГДА СОЛНЦЕ ВСТАВАЛО НА ЗАПАДЕ

Корабль вошел в атмосферу Земли, нарушив устоявшуюся со времен последней цивилизации тишину. С падения Гипербореи на планете было безмолвие, нарушаемое лишь шумом стихий и звуками жизнедеятельности животных. Восстановив себя после гибели цивилизации человекоподобных существ, природа снова вернулась к чистоте и девственности, словно и не было никогда на неё оказано никакого негативного воздействия. Кроны высоких деревьев тянулись к небу, степи и пустыни распластались по поверхности, океан пустил свои реки-рукава по материкам, орошая сушу и питая её живительной влагой.

В иллюминатор Богдан, отвечающий за расселение нефилимов и распределение рабочих по планете, рассматривал поверхность континента, похожую на ту, что обвел на карте Энлиль. Карта сильно отличалась от того, что было видно внизу: какие-то части суши ушли под воду, какие-то, наоборот, поднялись. Океан несколько расширил свои владения, изменив рисунок материка так, что порой было сложно даже найти сходство.

— Если верить данным Энлиля, мы где-то рядом, — сказал пилот, когда приборы показали нужные координаты.

— Кажется, нашел, — радостно объявил Богдан. — Посмотри на земли справа по борту.

Правее от корабля лежал живописный лес, орошае-

мый водой из устьев двух широких рек. Высокие деревья, скученно стоявшие близ друг друга, огородили собой большие зеленые поляны. Пространство между двух плодородных рек было действительно подходящим местом для постройки базы. Сидевшие возле иллюминаторов рабочие с нескрываемым интересом смотрели с высоты на природу нового места жительства. Ничего ярче им еще не приходилось видеть за свою длинную жизнь.

— Очень похоже на то, что изображено на карте, — подтвердил пилот.

— Значит, снижаемся, — сказал Богдан. — Будем обживать здесь.

Космический корабль пошел на посадку, распугивая ревом турбин обитающих в лесах животных. Чем ниже опускался аппарат, тем выше становились леса, и жизнь можно было различить в более мелких деталях. Рабочие, как организованные военные, сидели на своих местах неподвижно, глядя в иллюминаторы. Их мозг уже начал уставать от возросшего количества новых и ярких цветов. Цветовой диапазон на Родине и Мардуке резко отличался от увиденного своей скудностью. Преобладавшие красно-коричневые краски были блеклы и тоскливы на фоне насыщенных пейзажей. Нефилимы почувствовали легкий толчок — корабль оказался на земле — и стали готовиться к выгрузке.

— С прибытием! — объявил пилот в микрофон. — Теперь можно выгружаться.

Рабочие поднялись со своих мест и стали готовиться к выгрузке. Они набросили себе на плечи рюкзаки, взяли в руки вещи и двинулись в сторону выхода. Двери корабля

открылись, и рабочие направились к ним, не догадываясь о поджидающей снаружи опасности. Едва они подошли к выходу, как лучи солнца, редкие и далекие на Родине, болезненно коснулись кожи, оставив после себя страшные раны. От неожиданной боли рабочие бросили на землю вещи и в панике скрылись в тени корабля, растолкав попавшихся на пути товарищей. Остальные же, не понимая причины их бегства, отодвинулись подальше от дверей, посчитав, что снаружи их атакуют. Определенность внес этнограф, чье имя было Казимир.

— Куда вы спешите? — выругался он, передав стрекотом когтей свое недовольство. — Вам еще не был проведен инструктаж! До тех пор, пока вы не узнаете, что можно делать на Земле, а что нельзя, как себя нужно вести, а как вести не стоит, вы не должны покидать корабль, — предупредил Казимир, немного успокоившись, продолжил: — На этой планете главенствующую роль играют китообразные. Они обитают в воде, которая занимает большую часть планеты, и вряд ли вы с ними встретитесь. Нам предстоит провести много экспериментов, прежде чем мы узнаем свойства здешних трав, ягод и растений, поэтому я настоятельно рекомендую не есть ничего из растущего на этой планете. Ну и самая главная для нас проблема — это палящее солнце, — и он указал пальцем на корчившихся от боли собратьев. — Наши тела не приспособлены к такой температуре, а поэтому прямые лучи причиняют дикую боль и приводят к ожогам. Каждому из вас будет выдан скафандр, который защитит тела, и вы не должны снимать его до тех пор, пока мы не придумаем новый способ защиты, или пока ваше тело не

привыкнет к местной температуре, или пока мы не добудем все золото.

В общей сложности около тридцати нефилимов получили ожоги в результате своей глупости и спешки. Теперь им оказывали медицинскую помощь, но боль продолжала находиться в их телах, поскольку препараты изобретенные на Родине, для избавления от местных травм не имели противодействия земным элементам и были практически бессильны. Испуганные же нефилимы выстроились в очередь за скафандрами. Им была дана наглядная инструкция по эксплуатации и использованию костюма, после чего каждый смог на себя примерить новую одежду, в которой предстояло провести очень много времени.

Скафандры были созданы из плотного прорезиненного материала, а голову защищало стекло, покрытое солнцезащитным напылением. Одежда оказалась уютной, и нефилимам не было в ней жарко за счет внутренней вентиляции. В костюмах было лишь два рукава, под сильные нижние руки. А верхние руки складывались и бездействовали. Сейчас все общение происходило телепатическим способом, и верхние руки, предназначенные для передачи эмоций, были совершенно ни к чему.

Нефилимы облачились в амуницию и столпились недалеко от выхода из корабля. Лучи солнца пугающе падали на трап, вводя инопланетных гостей в замешательство. Они бы еще долго простояли в нерешимости, если бы Казимир не пошел первым, показывая остальным, что бояться нечего. Он надел скафандр, и сделал шаг на трап. Лучи попали на серебристую поверхность защитного костюма, не причиняя боли. Казимир сделал еще шаг, и яркие лучи

полностью облизали его. Сойдя с трапа на поросшую травой землю, руководитель обернулся и посмотрел на остальных, призывая брать с него пример. Увидев, что бояться нечего и опасности больше нет, рабочие сошли по трапу и с интересом стали осматриваться.

Около шестисот инопланетных гостей высокого роста стояли на большой живописной поляне, среди зеленых пальм и непроходимых джунглей, рассматривая непривычно яркую природу и ожидая приказов.

— Всем построиться! — уловили они телепатический сигнал Воислава. — Мы прибыли сюда с важной миссией, но, прежде чем приступить к ней, нам нужно освоиться на новом месте. Можно было бы поселиться в пещерах, но за неимением их необходимо построить дома, в которых никакие природные катаклизмы не должны представлять для нас опасность. А на момент строительства мы будем жить и питаться на корабле.

В этот самый момент по трапу спустился Градак, руководитель, отвечающий за градостроение. Воислав перевел на него взгляд и передал телепатический сигнал:

— Когда начнем строительство поселка?

— Предлагаю начать завтра. Сегодня рабочие пусть расслабятся, осмотрят новый дом.

С опаской и детским любопытством нефилимы группами разбрелись по окрестностям. В скафандрах было непривычно и дискомфортно. Особенно это было связано с невозможностью чувствовать запахи и испытывать тактильные ощущения. Их интересовало на планете все, поскольку было ново и не изведано. Каждый чувствовал себя первопроходцем, прибывшим покорять новую

планету. Прогулки по берегам реки были долгими, насыщенными эмоциями. Вода, леса, горы — все это будоражило сознание и вдохновляло на подвиги. Стоя у реки, они наблюдали за плещущейся в ней рыбой, летающими над землей птицами. Щебет и плески смешивались с тихим шумом ветра и воды, указывая на живую составляющую этого мира. Планета была наполнена разнообразными формами жизни, прекрасно сочетающимися между собой и находящимися в гармонии, поддерживающими необходимый баланс. Первый земной день пролетел незаметно. Здесь сутки были несравнимо короче, чем длинные сутки на родной планете, но этот день стал началом в веренице ярких будущих дней, по крайней мере им так казалось. Светящийся в небе яркий спутник был в полной фазе, когда нефилемы вернулись на корабль. Они сняли скафандры и легли спать. Для первого дня эмоций было пережито предостаточно.

Утром руководство проснулось от громких криков, доносившихся с улицы. Это Градак руководил разгрузкой аппаратуры для строительства поселка. Рабочие выносили лазерные установки, предназначенные в первую очередь для резки камня, специальные плазменные резаки. Они обращались с оборудованием очень аккуратно, боясь повредить даже корпус, поскольку над его созданием трудился весь цвет науки с планеты Родина. Большинство технических устройств было изобретено специально для этой экспедиции, и предназначались они исключительно для работы с природными материалами планеты Земля. Большинство устройств доставляли в разобранном виде, и сейчас рабочие выносили детали и несли на середину боль-

шой поляны, где инженеры руководили процессом сборки. Некоторые элементы изготавливались настолько тяжелыми, что для их транспортировки специально привезли с собой погрузочную технику. Низкие автомобили на гусеницах, управляемые нефилимами, въезжали на корабль и выезжали с него уже груженные тяжелыми запчастями.

Несколько недель нефилемы потратили на разгрузку и сборку техники, а в это время Казимир с небольшой командой отправились на поиск подходящих материалов для строительства первого поселка. В дальнейшем поселки было запланировано построить на всех рудниках, чтобы рабочим было комфортно добывать металл. В группе под управлением Казимира шло около двадцати вооруженных военных, которые при необходимости должны защитить группу от нападений диких животных, с десятков рабочих, которые несли оборудование, около десяти этнографов и биологов, один нефилим, чьей задачей было чертить карту и отображать на ней все месторождения полезных ископаемых, которые им повстречаются.

Двигаясь вниз по реке, они встречали множество новых видов растений и животных. Представители животного мира с интересом наблюдали за неведомыми существами, и совершенно безбоязненно подходили ближе. Нефилемы телепатически посылали им образы, в которых рассказывали о предстоящей на планете работе. Звери не чувствовали в них опасность, от чего взаимоотношения между представителями двух разных планет налаживались. Биологи были готовы останавливаться у каждой травинки и дерева, чтобы, изучив его, занести всю информацию в свои записные книжки, но военные их подгоняли, напоминая

об основной задаче. Только во время привалов, которые случались лишь два раза в сутки, у биологов была возможность записать новые данные в блокноты, пока остальные отдыхали. Новая планета, с её новыми формами жизни, оказалась настоящей сокровищницей для ученых, жаждущих изучить каждый элемент растительного и животного мира.

Несколько дней двигались нефилимы в поисках подходящего материала для строительства поселка. Они миновали несколько каменных образований, но не нашли подходящей породы. Каждый раз приборы показывали то чрезмерную хрупкость камня, то его сухость. Только на третий день техника определила наилучший материал. Срезав лазерным инструментом пробный образец, биологи изучили его состав еще раз, и только после заключения было решено добывать материал именно в этом месте, которое получило название «каменные земли».

Завершив разведку, экспедиция вернулась к месту стоянки с хорошими новостями. Вся техника была уже собрана и готова к работе. Все ждали только разведчиков. Дав Казимиру немного времени отдохнуть, Градак разбил прибывших рабочих на группы по несколько десятков нефилимов. Первую группу, в которую входили квалифицированные инженеры под руководством Горазда, он отправил обосновываться в «каменных землях», и резать каменную породу, делая из нее блоки. Несколько других групп, по пятьдесят существ в каждой, должны были переносить блоки из «каменных земель» к месту строительства поселка. И одна большая группа, во главе с Градаком, осталась возле корабля для проектирования и постройки

поселения.

Горазд собрал своих помощников, и вместе они отправились вниз по реке, навстречу «каменной земле», ориентируясь только по составленной картографом карте. Три дня и три ночи двигались они к указанному району и на четвертое утро наконец достигли цели. Высокая скала с резко обрывающимся краем оголила свое нутро. Ничто не покрывало каменную гладь, и это было подходящим местом для работы. Здесь материала было более чем достаточно для постройки одного поселения.

Лагерь решили разбить в нескольких сотнях метров от скалы, в тени высоких деревьев. Там разместили кое-какую аппаратуру и специальные телеги на резиновых колесах для перевозки каменных блоков. Сама процедура добычи камня была не сложна, по меркам нефилимов. Лазерные и плазменные установки разрезали каменную породу, как горячий нож — масло, в результате чего края блока становились идеально ровными и гладкими настолько, что даже не требовалась дальнейшая шлифовка. Дрели, сверла, резки, шлифовальные аппараты — вся эта техника была технически совершенна и не требовала особого ухода. Любой рабочий мог управляться с ней, предварительно пройдя инструктаж.

Еще раз изучив скальную породу, инженеры пришли к выводу, что камень идеально подходил для постройки поселения, и можно было бы срезать всю ровную поверхность целиком, лишь углубившись внутрь массива на метр, отмерив толщину стены, но в таком случае у них бы возникли проблемы с транспортировкой. После некоторых раздумий решили отделить всю ровную часть огром-

ной скалы и распилить на неровные блоки. В лагере блоки подогнали друг под друга, как мозаику, а за счет ровных краев, сделать это было нетрудно.

Из скальной породы добывались блоки разных размеров, и, когда через две недели пришли рабочие для переправки камней на место строительства базы, большинство блоков уже было готово. Рабочие вручную загрузили их на большие телеги и потащили к месту стоянки. Каждую из телег толкали до пятнадцати рабочих. На первый взгляд, разумнее было бы прибегнуть к автомобилям и другой технике при транспортировке этих тяжелых строительных материалов, а не заставлять рабочих вручную тащить камни через сотни километров, но прилетевшие ученые еще не научились добывать горючее из земных недр, и не было гарантии, что научатся это делать в ближайшее время. Привезенное с собой топливо было необходимо для заправки космического корабля и доставки рабочих на рудники, поэтому руководители решили не тратить его на перевозку камней, тем более что нефелимы обладали огромной физической силой и переноска блоков не была для них проблемой.

Когда первую партию блоков доставили к кораблю, Градак приступил к строительству базы-поселка. На окраине было решено построить посадочную площадку для кораблей, поодаль от неё — центр управления экспедиции, где проходили планерки, осуществлялась связь с Родиной и жил руководящий состав. Вокруг главного здания, названного Храмом, запланировалось строительство временных казарм. Эта база была лишь пунктом прибытия руководства, но не местом проживания рабочих, поскольку им пред-

стояло трудиться на рудниках в разных конца планеты и уже там создавать себе базы.

Около года шло возведение базы под названием Эрида в районе Междуречья и её обустройство. Пока одни руководители курировали строительство, другие сканировали почву планеты, выискивая наиболее богатые месторождения золота. Теперь, когда база была окончательно построена, можно стало переправлять рабочих и инженеров на золотые рудники, где они бы начали выполнять свою прямую обязанность.

Шестьсот нефелимов выстроились перед двенадцатью руководителями экспедиции. Воислав произнес напутственную речь и предоставил слово Богдану.

— Вы хорошо трудились, строя нашу главную базу. Теперь пришел черед тому, ради чего мы сюда прилетели. Все вы за эти несколько лет адаптировались к местному климату и условиям, а поэтому можете приступать к работе на приисках. Сегодня большинство из вас улетят вместе со мной и Гораздом в регион, называемый Африкой. Именно там, на юге континента, сосредоточены наибольшие на планете запасы золота. Я прошу каждого из вас работать упорно. Здесь мы построили базу очень быстро, поскольку трудилось много народу, там же нам нужно будет возводить вахтовый поселок, посадочную полосу и развернуть комплексные сооружения по добыче золота. Горазд со своими инженерами облегчит вам задачу строительством современных комплексов. Я считаю целесообразным сейчас бросить все силы на создание новых небольших поселений в Африке, оставив здесь лишь руководство. После того как недра опустошатся, вы будете разбиты на мелкие группы и

разосланы на прииски в разных уголках планеты.

Закончив речь, Богдан вместе с Гораздом, Казимиром, Беримиром, Творимиром и остальными рабочими погрузились на корабль и полетели осваивать африканскую территорию вблизи реки Замбези. Корабль летел в нескольких километрах над землей, и из иллюминаторов открывался прекрасный вид на зеленую планету. Внизу можно было разглядеть лесные массивы, поля, реки. По левому борту виднелась синяя полоска океана. Прошло несколько часов, и корабль прибыл в назначенное место. Нефилимы вышли из корабля и осмотрелись. Им показалось, что природа на этой планете безгранично разнообразна и неповторима. В Междуречье, по левому берегу Прат их окружали высокие пальмы, непроходимые джунгли, здесь же росли новые виды деревьев и трав, по веткам лазили неизвестные животные. Казалось, что Земля гостеприимно распахнула перед нефилимами свои врата и принимает в теплые объятия.

— Здесь нам предстоит работать, а не отдыхать. Мы проведем много времени на этом месте, но я не вижу смысла строить каменные поселки и базы, поскольку скоро произойдет смещение полюсов, и велика вероятность того, что эта территория окажется дном океана. Наша главная задача на этом участке — добыча полезных ископаемых в кратчайшие сроки. Поэтому в первую очередь мы построим надежные каменные установки по добыче и начальной переработке золота, которые сохранят устойчивость после смещения земной оси, а бараки соорудим из дерева. Я надеюсь, что после очередного смещения эта золотая жила вновь станет сушей и мы, вернувшись через десятки тыся-

челетий, сможем продолжить работу, — сказал Горазд.

Инженеры достали чертежи сооружений и приступили к работе. Каждый отвечал за свою отрасль. Кто-то был ответствен за добычу нужного камня, кто-то — за придание ему нужной формы, кто-то — за подготовку места для сооружения, кто-то — за соединение уже готовых элементов в единую систему. Горазд был руководителем всего этого производства целиком.

Камень был единственным подходящим материалом на планете для строительства городов, баз и предприятий. У нефилимов не существовало понятия шика и блеска, а доминировал принцип долговечности, в связи с их продолжительностью жизни, и, поскольку ни дерево, ни песок не соответствовали нужным критериям, выбор пал именно на камень. Декор в домах нефилимов на родной планете ограничивался использованием драгоценных камней, украшающих стены и полки, и произведений искусства.

Палящий зной сводил инопланетных гостей с ума. Порой даже в защитных костюмах было невыносимо жарко, и не удивительно. Для широты, на которой велись работы, высокая температура являлась нормой. Обитающие там живые организмы давно привыкли к круглогодично палящему солнцу, но для гостей из далекого Космоса это было тяжелым испытанием. Лишь в тени густых деревьев нефилимы чувствовали себя сносно. Стараясь избегать нахождения под прямыми лучами, они ходили через джунгли, протаптывая первые после гиперборейской цивилизации тропы.

Гиперборея пала миллион лет назад, не оставив после себя никаких следов, кроме информации в Хрониках

Акаши. Все физические и фактические артефакты были уничтожены природой во время серии Переходов, в результате которых напряженность магнитного поля планеты падала до нуля, в результате чего разрушались все ненатуральные материалы.

Несколько месяцев продолжалось строительство каменных предприятий. На лазерных установках резался камень и скреплялся хитроумным способом при помощи скоб. Полным ходом работали алмазные сверла, создавая в камнях удивительные и непонятные многим рабочим лабиринты. Пока одни трудились, строя золотодобывающее предприятие, другие уже вывозили лежащее на поверхности золото. Месторождений было так много, что его можно было собирать и без строительства предприятий, но Ану решил выжать из планеты как можно больше. Конечно, он оказался дальновидным, так как, несмотря на несметные запасы самородков, лежащих на поверхности, этого было мало для реализации глобальной задумки, и требовалось рыть вглубь и намывать золотую крошку. Рабочие трудились не покладая рук, и скоро первый огромный поддон глубиной в пять метров был наполнен доверху. Такие поддоны были специально сконструированы для хранения золота и его дальнейшей загрузки на космические корабли с целью вывоза на Родину. Эти емкости имели в длину десять метров, а ширину — почти семь.

Всех рабочих поделили на группы и разослали в места расположения золотых жил. Организация золотодобычи была на высшем уровне. Пока одни собирали самородки и складывали в телеги, другие возили эти телеги к месту стоянки и выгружали золото в поддоны. Таким образом,

работа не останавливалась ни на минуту. Параллельно с золотодобычей, потихоньку создавалось поселение из камня и дерева рядом с кораблем, и шло формирование центра. Вахтовый поселок был назван Ламбаек. По всей размеченной территории были построены каменные золотодобывающие системы, и скоро все было готово к их запуску, но в последний момент Ану дал распоряжение добывать только золото с поверхности земли, отложив работу предприятий на потом. Тогда рабочие расширили зону сбора золота во всех направлениях. Ану хотел, чтобы из первой экспедиции подчиненные привезли как можно больше драгоценного металла, а добывать золото с поверхности было проще, и процесс наполнения поддонов шел очень быстро.

Тысячу лет рабочие добывали золото, складывая его в большие поддоны. Около шестисот нефилимов упорно трудились не покладая рук на горячей африканской земле. Руководящий состав регулярно летал в Эриду, на построенную в Междуречье базу, где все было создано для удобства и комфорта. Именно здесь хорошо отдыхалось после тяжелой работы на рудниках. Но были и такие, кто готов был регулярно находиться в Африке, добывая новую информацию об обитающих там живых организмах. К ним относились Беримир и его команда. Они уходили в многолетние путешествия и собирали сведения о животном и растительном мире, камнях и минералах, чтобы потом переправить образцы на Родину. Не было ничего, что могло ускользнуть от их пытливого глаза. Именно благодаря этой группе биологов нефилимы расширили территории добычи. Вся информация о золоте и драгоценных камнях Беримир

передавал по рации в Эриду или Ламбаек. Если Беримир находил какое-нибудь интересное место, то останавливался в нем на долгие месяцы и не покидал до тех пор, пока не изучит полностью. Ему хотелось узнать и увидеть все элементы природы собственными глазами, поэтому он был против разделения своей исследовательской группы, на котором настаивал ряд руководителей экспедиции. Разбив группу на несколько небольших отрядов и разослав в разных направлениях, верхушка рассчитывала получить больше информации о золотоносных жилах и начать там работу. Это было правильно, если смотреть исключительно с точки зрения золотодобытчика, но биолог хотел не искать золото, а изучать природу новой планеты, и не просто вести формальные исследования, используя полученные другими учеными данные, но делать это самостоятельно и досконально, не желая пропустить ничего, поскольку все его интересовало. А искать золото было основной задачей Горазда и Воислава. Несколько раз Беримира с отрядом едва не растерзали хищные животные, так как нефилимы вторгались на их территорию, но все заканчивалось благополучно. Из разговоров на телепатическом языке, звери быстро понимали, что нежданные гости не причинят им вреда, и часто даже делились своими знаниями и подсказывали интересные места для исследования. Было у группы и оружие, но Беримир категорически запретил своим подчиненным применять его.

Много лет команда биологов двигалась сквозь непроходимые джунгли, огибая глубокие озера, строя мосты через реки и переваливая через высокие горы. Несколько подчиненных Беримир потерял в коварных болотах, о

чем сразу же сообщал в Эриду, откуда эта информация уходила на Родину. Как бы сильны, высоки и могучи ни были нефилимы, с природой совладать не могли.

Почти круглый год на широте обитания основной группы нефилимов в Африке стояла теплая погода, и лишь один раз в год, на несколько месяцев, наступал сезон проливных дождей и суровых ветров. Регулярно ведя записи в своем переносном компьютере, Беримир знал, когда начнутся дожди, и ждал их с нетерпением. Та погода была более благоприятна для существ, привыкших жить в холодном климате, куда долетают уже остывшие лучи солнца.

Продвигаясь сквозь высокие палисандры, группа обнаружила красивейшее место и решила сделать привал. Эта территория была похожа на многие другие, встречавшиеся прежде, но было здесь что-то таинственное и энергетически сильное. Возможно, в этом месте из недр земли выходила или входила по спирали энергия, связывающая центр планеты с далеким Космосом. Там где заканчивался густой красочный лес, начиналось озеро. Оставив подчиненных разбивать лагерь, Беримир подошел к берегу. Да, с виду озеро было как и многие другие водоемы, но исходящая из него энергия была поистине непередаваемая. Можно было вечно сидеть на его берегу среди высоких деревьев и любоваться красотой природы, поражаясь её безграничностью. Одно было плохо в той ситуации, в которой находились нефилимы, и Беримир только сейчас осознал это. Осознание яркой вспышкой озарения вспыхнуло в голове и дало внутренний толчок к следующим действиям. Беримир мог любоваться красотой природы, но он не мог её почувствовать, не мог прикоснуться к ней

кожей, даже не мог тактильно ощутить дыхание ветра, не говоря о соприкосновении с водой. Это было огромное препятствие на пути познания природы. Возможно, именно поэтому, решил он, многие из его собратьев не воспринимают местную природу, раз не могут прикоснуться к ней, вдохнуть полной грудью, ощутить на себе. Такие нефилемы не любили изобразительное искусство, а восприятие новой планеты для них ничем не отличалось от восприятия произведений художника. Они видели лишь «картины» сквозь стекла своих защитных костюмов. Но это для них были только «виды», как нечто неодушевленное, ненастоящее, неживая жизнь, стремящаяся вверх, к развитию. Изображения в этих «картинах» двигались, шевелились, и даже общались, но без тактильных ощущений и обоняния, это были лишь нарисованные кем-то образы. С этим надо было что-то решать, и как можно скорее. Медленно, но верно подходили сроки окончания первой экспедиции, а как много еще предстояло сделать, увидеть, познать! Необходимо было создать новую форму защиты.

Воодушевленный и полный идей, Беримир вернулся к месту привала. Установленный на дереве прожектор освещал всю поляну. Собратья уже разбили лагерь и занимались своими делами — кто-то вносил в компьютеры полученную за день информацию, которую не успел внести прежде, кто-то изучал под микроскопом пойманное насекомое, кто-то просто сидел в стороне или играл в настольные игры. Подойдя к рации, Беримир связался с Эридой. Пока в ответ шло шипение, он придумывал аргументы, которые бы помогли ему убедить остальных руководителей, а самое главное — Ану, в необходимости создания новых

костюмов. Здесь нужно было сделать так, чтобы руководители сами захотели перемен и приложили все силы к изобретению. Осуществить самостоятельно такой проект ему было не по силам, поскольку требовались знания во многих отраслях науки.

— Слушаю тебя, Беримир, говори, — послышался голос Гостемила.

Гостемил был главным врачом и ответственным за здоровье всех рабочих. Именно он назначал им инъекции и процедуры в случае болезни.

— Где остальные? — спросил биолог, переходя сразу к делу.

— Здесь, недалеко. А что? Что-то случилось?

— Нет, просто есть кое-какая идея. Зови их всех.

— Идея — это хорошо. А-то мы тут уже заскучали, — ответил Гостемил. — Все ведь интересное — у вас там, а мы тут исключительно мыслительным процессом занимаемся и гуляем. Даже не знаю, с чем сравнить — или со ссылкой, или с курортом.

— Ну раз у вас там так скучно, так слетали бы к Горазду в Ламбаек да помогли нашим работникам, — усмехнулся Беримир. — У них там дел на многие тысячелетия вперед.

— Нет, лучше уж тут умственной работой заниматься, чем там одним и тем же изо дня в день. Мы сейчас как раз разрабатываем несколько новых конструкций для добычи золота и изучаем новые месторождения, которые находятся под водой, но скоро, возможно, окажутся на поверхности. Скоро ведь смещение полюсов. Знаешь?

— Да, знаю. Электромагнитная нулевая точка совсем

близко. Анализ моих наблюдений меня никогда не подводит.

— Вот и славно, — ответил Гостемил. — Значит, ты говоришь, у тебя появилась какая-то идея?

— Да, ты хорошо расслышал, так что зови остальных.

— Подожди немного, сейчас я их соберу, — сказал врач, и в рации послышалось шипение.

Слова о том, что руководству порой скучно, пришлось, как нельзя более, кстати, и Беримир решил на этом сыграть. Раз им нечем заняться, значит велика вероятность того, что они примут его предложение хотя бы от безделья.

Скоро шипение в рации резко оборвалось и послышался голос Богдана.

— Приветствуем тебя, Беримир. Как твоя экспедиция?

— Все идет своим ходом. Собираем образцы. Все в полном порядке.

— Гостемил сказал, у тебя есть какая-то идея.

— Верно, — ответил биолог. — Вы не находите некомфортным существование в этих костюмах, что защищают нас от солнца? Рабочим неудобно в них работать, они не очень прочны в эксплуатации, и в них порой бывает крайне жарко, тем более в Африке.

— И что ты предлагаешь? — спросил Богдан.

— Я предлагаю создать новые костюмы.

— И какими ты их представляешь? — спросил Воислав. — Если помнишь, то на Родине мы потратили массу времени, чтобы изобрести те, что сейчас на нас надеты.

— Да, я это хорошо помню, но у меня появилась идея. Вот уже много лет я наблюдаю за жизнью на этой планете и все больше убеждаюсь в правоте наших философов и магов, говорящих о существовании души в каждом из нас.

— Можно вот с этого момента подробнее? — спросил Творимир. — У тебя есть фактические доказательства этого утверждения?

— Для начала вспомните рассказы Энлиля о китах. О том, как они мечтают после смерти вернуться на родной Сириус. А они очень развитые существа, и сомневаться в уровне их сознания не приходится. Во-вторых, все животные, с которыми нам доводилось общаться в ходе экспедиций, имеют свой индивидуальный характер и темперамент. Пусть это не является прямым доказательством, но, на мой взгляд, индивидуальные особенности отдельного экземпляра не результат взаимодействий химических элементов на молекулярном и клеточном уровне. Кстати, наши последние исследования показывают, что подобной индивидуальностью обладают и все представители растительного мира.

— Да, Беримир. Мало кто из нас сомневается в существовании души и бессмертия, тем более что времена духовной спячки еще не наступили на Земле. Но мы так и не услышали твоих предложений насчет новых защитных костюмов. Вместо этого ты рассказываешь нам о душе. Говори, к чему клонишь, — сказал Горазд.

— Я предлагаю создать защитный костюм не для тела, а для души, — слегка неуверенно произнес биолог.

В рации повисла тишина.

— Лично я нахожу эту идею привлекательной, — слышался голос Богдана, по которому можно было догадаться, что он улыбается. — По крайней мере, её можно рассматривать как вариант. Что на это скажут остальные, я не знаю, но мне твоя идея понравилась.

— Спасибо, Богдан, — поблагодарил Беримир. — А как к ней относятся остальные?

— Как я вижу, они тоже устали жить в этих костюмах и хотят перемен, — ответил Богдан, оглядев остальных руководителей.

— И как ты предлагаешь создать нам эту новую физическую оболочку? — поинтересовался Воислав.

— Сейчас я продолжаю изучать обитающие на планете формы жизни и скоро дам ответ. Я ищу наиболее подходящую для работы форму тела, которая будет нам привычна. Должен сразу предупредить, что мне понадобится помощь многих ученых и магов в реализации этого проекта.

— Мы сделаем все для приведения этой задумки в исполнение. Ученые и маги нам в этом помогут, можешь не сомневаться. Сейчас все зависит от тебя. Собери как можно больше информации и образцов и прилетай к нам. Все опыты и практические действия будем проводить в наших лабораториях.

Это была отличная новость для Беримира. Теперь перед ним появилась конкретная цель, и он захотел получить результат в ближайшие сроки, чтобы самому, до отлета, испытать на себе тактильный контакт с земной природой.

— Задачу понял. До связи, — попрощался он, и отключил рацию.

Решив вернуться к озеру, он обернулся и увидел своих

коллег. Они уже не занимались своими делами, а стояли позади него и слушали разговор. Глядя на их вопрошающие довольные лица, руководитель телепатически передал им свою радость и сказал, что теперь им предстоит работать над созданием новой физической оболочки, наиболее подходящей для существования на этой планете и ведения золотодобычи.

Дискуссия биологов продлилась несколько дней, и только когда были представлены все собранные данные, подходящие к обсуждаемой теме, полемика закончилась. Было принято решение создать тело, похожее на тело нефилима, но лишить его всех атрибутов, совершенно не нужных для жизни на Земле. Первое, что биологи отнесли к списку «ненужностей» были верхние руки, которыми прежде передавались эмоции. Здесь, так привыкнув к телепатическому общению, эти руки оказались не нужны. Вытянутая форма челюсти, резцы и мешок для сохранения вкусовых ощущений были тоже ни к чему. Эти приспособления необходимы при поедании только морепродуктов, а при приеме другой растительной пищи бесполезны. Из-за резцов нефилимы не могли есть то, чем питалось большинство представителей животного мира, и вынуждены были есть травы с ягодами и регулярно уходить в реки и океаны для добычи морепродуктов. Продовольствие, привезенное с Родины, давно закончилось, заставив инопланетян приспособляться к земным продуктам. Очень быстро нефилимы привыкли к чужой пище, и вывели даже для себя излюбленные блюда. Но, как ни пытались они приспособиться к животной пище, они не могли пойти против физиологии.

Следующим «ненужным» элементом тела у нефилимов являлись когти, предназначенные для передвижения по скалам. Здесь, на Земле, был совершенно иной рельеф, и эти прочные изогнутые отростки, не имевшие никакой чувствительности, только мешали. Еще одним элементом была кожа, которую предстояло приспособить к солнечным лучам и уплотнить, чтобы в случае физических контактов она не рвалась. Физическая сила была наиважнейшей составляющей новых тел. Они должны были быть даже мощнее, чем тела нефилимов, а соответственно, их требовалось снабдить хорошим мышечным корсетом. Чрезмерная маневренность была ни к чему, и идею мышечного корсета единогласно приняли. Введя в компьютер все желаемые данные, нефилимы увидели нарисованную картину. Это было именно то, что они себе вообразили. Теперь оставалось собрать кое-какой материал для выведения нужного химического состава — и можно было лететь в Междуречье.

Несколько лет шли исследования в области химического состава новой оболочки души. Биологи собирали нужный материал, образцы и, когда все было готово, приняли решение лететь в Междуречье. Для этого они вернулись в Ламбаек.

Как ни удивительно, но там все было без изменений. Рабочие продолжали добывать золотые самородки и складывать их в поддоны. Когда Беримир покидал это место, наполнен был лишь один резервуар, а второй только начинали загружать. Сейчас же полных резервуаров стояло в разы больше.

Уже на подходе к Ламбаек были слышны громовые

раскаты. Это Горазд взрывал скальную породу, из которой потом рабочие извлекали золотые самородки. Взрывы были настолько мощны, что эхо прокатывалось на многие километры. Держа путь к базе, Беримир и его команда вышли напрямик к одной из жил. Именно здесь-то и взрывали скальную породу. Как выяснилось из беседы с Гораздом, на этом месторождении с поверхности добыли все золото, но приборы показали огромные запасы в недрах. Чтобы закончить работу здесь и никогда сюда не возвращаться, Горазд решил продолжить золотодобычу, используя динамит и лазерные установки, которыми сначала разрезали, а потом роняли многотонные скалы. Вид разломов говорил о том, что от скал откалывали огромные куски. Карьеры были столь глубоки, что у рабочих уходило с полчаса, чтобы спуститься на дно, а затем подняться наверх, вместе с телегой нагруженной камнями.

Горные разломы были свежими, и на них еще не успела прорасти трава, что показывало истинные масштабы проводимых работ. Поняв, насколько неиссякаемы запасы необходимого металла, руководители заставили горняков трудиться почти круглосуточно, что, разумеется, вызывало недовольство. Некоторые рабочие гибли в результате несчастных случаев, и их не спасала даже физическая сила и крепкая иммунная система. После таких инцидентов на Родину отправляли сообщение о смерти представителя вида и ждали со следующей экспедицией ровно столько же новых рабочих, сколько потеряли.

Так случилось, что именно к возвращению биологов в рудники произошла очередная трагедия. Беримир и Горазд разговаривали в тени высоких деревьев как раз в тот

момент, когда один из горняков взорвал динамитом часть скалы и после её обрушения рабочие начали грузить самородки в телеги. Руководители разговаривали об объемах добытого золота, о новых открытых видах минералов и драгоценных камней, когда послышался громкий сухой треск. Резко повернув головы в сторону звука, они увидели камень в несколько десятков тонн, откалывающийся от скалы. Он медленно заскользил вниз, набирая скорость и устремляясь к земле подчиняясь закону притяжения. Стоявшие в карьере нефилимы в панике бросились врассыпную, но не ко всем природа оказалась благосклонна. Споткнувшись, один из них упал на землю, и осколок скалы с грохотом придавил его. Камень разрезал пополам сильное тело рабочего, зажав нижние конечности. Багрово-красная кровь оросила все вокруг скорбью. Стоявшие наверху руководители видели, как собратья склонились над ним и пытались привести в чувства, но было уже поздно.

Остановив все работы на шахте, Горазд приказал извлечь часть тела погибшего из-под скалы. Лазерными установками камень был разрезан на несколько небольших частей и разобран вручную. Тело рабочего вытащили и подняли наверх. Положив в специально вырытую яму, его забросали землей, и желающие прочли эпитафию. Это была давняя традиция, зародившаяся еще на Родине в незапамятные времена. Нефилимы знали, что душа собрата сразу после смерти парила где-то поблизости и все слышала. Хорошие слова в её адрес, идущие от сердца, давали дополнительную энергию, необходимую для дальнейшего существования. Что было с душой потом, они не знали. Может, она перерождалась на другой планете или

приобретая опыт и необходимую энергию, переходила в следующее измерение, а может — и это был самый обсуждаемый вариант — прилетала в ту загадочную пещеру на Родине и жрецы вселяли её каждый раз во вновь созданное тело. В последнем случае память стиралась и душа не помнила о своем прошлом, начиная вновь мучиться в догадках о посмертном существовании. Так или иначе, но смерть, при полном осознании её отсутствия, по-прежнему оставалась для нефилимов явлением, покрытым тайной.

Несколько добрых слов сказал Горазд на правах старшего. Речи произнесли все рабочие, знавшие погибшего. Стараясь не оставаться безучастным, пару слов сказал и Беримир.

В общей сложности, около пятнадцати рабочих потеряла первая рабочая экспедиция на Земле за 3 600 лет. Смерти были очень редкими, и потому для всех они становились потрясением каждый раз, когда происходил несчастный случай.

После прощания с товарищем рабочие приступили к работе, а Беримир и его команда отправились дальше, в Ламбаек. Вместе с ними туда поспешил и Горазд, приехавший на этот рудник лишь для того, чтобы организовать взрыв скалы.

База Ламбаек, как и прежде, находилась недалеко от главного месторождения золота на планете. Деревянные бараки вмещали в себя по пятьдесят рабочих, а корпус для руководящего состава представлял собой здание несколько большее по размеру. Высокие каменные стены базы были неподвластны стихиям природы — они по-прежнему стояли на своих местах. Редко сюда прилетало

больше пяти руководителей. Как правило, они командовали из Междуречья, а здесь, на базе, практически всегда жили Горазд, так как это была пока единственная территория, на которой велись работы, и Воислав, следящий за порядком и готовый в любой момент подавить недовольство. Вместе с каждым из руководителей жили заместители, знающие свое дело и выполняющие обязанности начальства в момент его отсутствия. Недалеко от корпуса находился небольшой, но вооруженный по последним технологиям отряд военных.

Проведя несколько дней с товарищами, биологи погрузились на космический корабль вместе со всем своим оборудованием и отправились в путь. В Междуречье их уже ждали: Беримир заранее предупредил о сборе всех необходимых образцов и о скором прилете.

Корабль набрал высоту и взял курс на Эриду. Сверху было видно, как сочно-зеленый массив джунглей был окрашен буро-коричневыми расщелинами, появившимися в результате совершенного насилия над земной корой. Для группы биологов зрелище это было и пугающим, и печальным. Попытка сделать добро для одной планеты причиняла боль другой. С тоскою в сердце они смотрели, как звезда по имени Солнце садилась на востоке, освещая последними лучами тропические леса. Каждые 12 960 лет Солнце меняет свой маршрут, двигаясь то с запада на восток, то с востока на запад. Путь его целиком и полностью зависит от природных явлений, а не от собственного волеизъявления. В правые иллюминаторы были видны яркие золотистые цвета, оставленные солнцем: красный плавно перетекал в оранжевый, потом оранжевый в желтый. В

левые — только темно-синее небо.

Когда корабль приземлился близ Эриды, на улице была глубокая ночь, но на освещенной посадочной полосе стояло несколько существ. Это Богдан, Казимир и Гостемил встречали возвращающихся из длительной экспедиции товарищей. Остальные уже легли отдыхать, чтобы набраться сил к предстоящей дискуссии, обещавшей затянуться на длительное время.

— С возвращением! — крикнул Казимир вышедшим на трап товарищам, стараясь перекричать рев двигателей.

В ответ биологи помахали руками и спустились вниз. Рев двигателей резко прекратился, и вновь природная тишина пронеслась над землей. Где-то в лесу укали еще неизвестные птицы, тихонько стрекотали насекомые, шумела река.

— Как прошла ваша исследовательская экспедиция? — поинтересовался Богдан.

— Отлично, — ответил Гранислав, один из участников экспедиции.

— А главное, продуктивно, — добавил его руководитель. — Мы собрали массу интересных образцов, которые сможем отправить на Родину для более тщательного изучения и дальнейшего консервирования. Ты даже не представляешь, насколько разнообразна эта планета! У меня порой складывается впечатление, что мы никогда не соберем всех образцов и не изучим Землю в должной мере.

— Мы еще долго будем добывать здесь золото, так что не волнуйся — соберем все, что можно собрать, — улыбнулся Богдан. — А для чего консервиру-

вать собранные образцы? Я не слышал, чтобы у нас была такая задача.

— Это распоряжение Ану. Он дал его мне лично, перед самым отлетом. Скорее всего, хочет собрать коллекцию, или что-то вроде того.

— Ану мудрейший нефилим и не стал бы делать это просто так.

— Я тоже думал об этом, и мне в голову приходят только два варианта. Первое — это то, что он хочет сохранить все виды существующих растений и не дать многим из них исчезнуть после смещения полюсов, а второе — это какая-то другая цель, непостижимая нашим сознанием. Так или иначе, он мудрейший, и я ему полностью доверяю.

— Ты прав, — согласился Богдан. — Завтра нам предстоит трудный день, и остальные руководители уже легли отдыхать. Предлагаю и тебе немного отдохнуть, а потом соберемся на консилиум. Нам многое нужно обсудить.

— Как продвигались у вас исследования в этой области? Делали запросы к жрецам? — продолжал задавать вопросы Беримир, распираемый любопытством.

— Да, у нас все прошло по плану, но об этом — после отдыха. Я уже так привык к земному времени, что приходится регулярно отдыхать по ночам.

— Конечно, я все понял, — ответил биолог, поняв что Богдан устал.

— Тогда располагайтесь, отдыхайте, а позже увидимся.

Уставшие члены экспедиции зашли в барак и устроились на приготовленных им местах. Предстоящая беседа

должна была забрать много сил, поэтому Беримир без промедления лег на постель и, закрыв глаза, расслабился. Несмотря на важность предстоящей дискуссии, его не беспокоило волнение и эмоциональный фон был ровен. Скорее всего, какая-то часть сознания понимала, что в успешном исходе диалога заинтересован не только он, но и каждый из нефилимов, а соответственно, не нужно было уговаривать собратьев сделать то, что они не хотели.

Ночь прошла быстро, и вновь день разбудил собравшихся птичьими песнями. Минуло много веков с тех пор, как произошла последняя общая встреча, на которой присутствовали все руководители. За это время каждый из них сходил в длительные экспедиции, все в разное время побывали в Ламбаек. Сейчас вместо Горзда в африканских рудниках остался Милован руководить добычей золота. Следить за порядком вместо Воислава начал Некрас, его первый заместитель. Неизвестно, сколько времени должен был продлиться совет, прежде чем нефилимы придут к единому мнению.

За большим круглым столом из цельного камня собралось все руководство нефилимов. Стол был точной копией того, что находился во дворце Ану и напоминал о родном доме.

— Хорошо, что тебе удалось быстро справиться с задачей, — сказал Богдан.

На это Беримир развел руки в стороны и улыбнулся: — Старался, как мог.

— Рад вас всех видеть здесь в полном здравии и хорошем расположении духа, — начал вступительную речь Богдан. — Сегодня мы все собрались для решения одной

важной задачи, которая поможет нам жить на этой планете и вести более интересную жизнь. Здесь присутствуют все руководители экспедиции, и, должен заметить сразу, от решения каждого из вас зависит результат собрания. Переходя к сути, скажу, что выдвинутая на обсуждение идея принадлежит не мне, а Беримиру. Это именно он хочет украсить наше существование, за что ему спасибо.

Я думаю, что многие из вас знают, какая идея была им выдвинута, поэтому скажу вкратце. Наши костюмы, созданные на Родине, несовершенны, так как имеют свойство рваться и создают много неудобств, поэтому есть предложение пойти дальше — создать костюмы для наших душ, — на этом Богдан замолчал, осматривая собратьев и вглядываясь в их реакцию на последние слова. — Сейчас мне хотелось бы предоставить слово Лучезару.

— Я считаю идею Беримира вполне разумной, — сказал Лучезар, один из старейших жрецов Родины. — Меня не может не радовать тот факт, что существа нашей расы по-прежнему помнят о бессмертии души. Сейчас, видя в глазах многих из вас сомнение, я не буду стараться вас переубедить. Скажу только, что я знаю: каждый из нас бессмертен. Более того, уважая Ану и зная его мудрость, вы понимаете, что я не был бы его первым советником, если бы не знал того, о чем говорю.

— Лучезар прав, — согласился Градак. — Я не вижу повода для беспокойства. Но что именно ты хочешь предложить сделать? — обратился он к биологу.

— Я хочу создать новые физические тела, подходящие под климат этой планеты. Они будут обладать более плотной кожей, лишены непригодных частей тела, таких как

верхние руки и когти, а челюсти будут приспособлены для приема более жесткой пищи. Я собрал все необходимые образцы, из которых мы сможем создать подходящий материал. Соединив лучшее, мы создадим идеальную форму для жизни на планете.

— То есть ты хочешь из всех уже обитающих видов искусственно создать один, нарушив естественный эволюционный процесс? — поинтересовался Гостемил, которого, как врача, должна была заинтересовать такая работа.

— Не совсем. Созданный вид не будет развиваться сам по себе и вмешиваться в жизнь земных существ. Мы лишь создадим пустую оболочку для выполнения наших работ.

— Наука для того и создана, чтобы помогать развитию, — сказал Горазд, посмотрев на врача. — Лично я не был бы против, если бы мы создали идеальное животное.

— Я тоже за! Просто хотел до конца понять, как видит ситуацию Беримир. Так сказать, поставить все точки над *i* прежде, чем мы начнем работу, — ответил Гостемил.

— Да, я её вижу только так, — ответил биолог и, переведя взгляд на Горазда, добавил: — Только вот боюсь, что создать идеальный вид у нас не получится, так как строительный материал весьма далек от идеального. Мы сможем создать только неуклюжее тело, обладающее большой физической силой. Мне кажется, что за основу нужно взять гоминида, который наиболее приспособлен к работе на рудниках, чем остальные виды. Этот вид идет своей эволюционной тропой и в конечном итоге тоже когда-нибудь может стать подходящим работником, но пока до этого далеко, можно создать только тело, похожее на гоми-

нида.

— А этих качеств будет достаточно для выполнения поставленной задачи? — поинтересовался Воислав.

— Я полагаю, вполне.

— А как ты предлагаешь отличать нас, руководителей, от простых рабочих? — вновь поинтересовался Воислав, видимо продумывая способы преобразования армии или то, какими должны быть опознавательные знаки для солдат и простых рабочих в случае бунта. — Сейчас на наших костюмах есть опознавательные знаки, а потом их не будет.

— Можно создать тела разных цветов, — подключился к разговору Гудислав. На Родине он был известным искусствоведом, и его отправили на Землю для познания новых форм искусства.

— А что, это идея. Тела рабочих могут быть темного цвета ведь они постоянно трудятся под открытым солнцем, а наши тела будут светлее, — закивал головой Воислав.

— Если объединить то, к чему мы пришли сейчас, и то, что было решено некоторое время назад по рации, тогда с физическим обликом все примерно ясно. А как быть с внутренней составляющей? Наши физические тела за время жизни полностью слились с духовными. А если потребуется время, чтобы в новых телах приспособиться к телепатическому общению? — спросил Горазд.

— Этого не произойдет, ведь главное — душа, а физическое тело полностью подстраивается под неё, — вмешался Лучезар.

— Тогда нам нужно обязательно сохранить наш метаболизм и сильную иммунную систему.

— Это бесспорно. Без крепкой иммунной системы нам здесь не выжить, — ответил Гостемил.

— Тогда нужно уже сейчас создавать пробную модель. Это необходимо сделать хотя бы на компьютере, чтобы знать, в каком результате стремиться, — сказал Горазд.

— Не надо ничего создавать. Все уже создано, — счастливо улыбаясь ответил Беримир. — За время экспедиции мы с командой уже разработали компьютерные модели этих тел, и сейчас я покажу вам, что получилось.

Он открыл портативный компьютер и подключил к большому монитору, висевшему на стене зала. На экране появилась картинка странного существа, очень похожего на упомянутого гоминида, с которым нефилимы столкнулись в первые же дни после своего приземления. Руководители помнили, как эти слаборазвитые существа атаковали их корабль примитивными копьями и камнями. Защищаясь, пойманные врасплох рабочие-нефилимы открыли огонь из автоматического оружия и убили несколько десятков гоминидов, а остальных отогнали на большое расстояние. С тех пор встречи представителей двух планет происходили крайне редко. Гоминиды прятались от страшных пришельцев, боясь расправы, и лишь примитивным способом фиксировали их изображения на стенах пещер, оставляя тем самым предупредительные знаки потомкам: — увидев подобное существо в скафандре, как их рисовали первобытные художники австралопитеки, последующие поколения гоминидов должны были держаться от них на расстоянии.

— Перед вами наиболее подходящая форма для обита-

ния на этой планете, — пояснил Беримир, показывая на экран. — Как видите, у него две руки, две ноги, мощный плечевой пояс, для физического труда руками, сильные ноги. Это существо прямоходящее, что не дает быстроты, но очень подходит для работы. Вообще, такие тела лишены скорости, маневренности, но обладают невероятной физической силой, что наиболее востребовано в нашей ситуации. Этот вид обладает прочной кожей, способной принимать на себя прямые солнечные лучи, — Беримир увеличил на экране изображение кожи, показав её в разрезе. — Она содержит в себе множество рецепторов, которые помогут испытывать тактильные ощущения. На руках и ногах по пять пальцев, — он приблизил кисти рук. — На руках пальцы растут наиболее подходящим образом для работы на рудниках. Пальцы ног может и не так практичны, но давайте оставим такое количество для симметрии.

Нефилимы слегка рассмеялись и после небольшого отвлечения от темы попросили биолога продолжить.

— Особое внимание следует уделить голове, — и Беримир приблизил на своем компьютере изображение головы, которое тут же спроецировалось на большом экране. — Как видите, отсутствует мешок под челюстью — я считаю, что в командировке он нам не нужен. Вместо резцов будет удобнее использовать обычные костные отростки, идеально подходящие по своим качествам для перемалывания земной пищи.

— В принципе, Беримир, все уже готово, как я вижу, — прервал Горазд.

— Да, все касающееся физического облика готово.

Осталось только доработать с Гостемилом кое-что из внутреннего строения.

— Тогда, я полагаю, наше присутствие здесь уже лишнее?

— Нам сейчас главное — решить, стоит ли продолжать работу по созданию новых физических тел дальше или нет. А потом уже, по мере необходимости, Беримир и Гостемил будут подключать каждого из вас, — сказал Богдан.

Нефилимы одобрительно закивали головами и послали друг другу положительные образы. Это означало, что работа команды биологов не прошла даром и теперь можно с головой посвятить себя созданию нового тела, что было безгранично почетно и интересно.

В течение нескольких следующих лет Беримир, совместно с Гостемилом и Лучезаром, трудился над реализацией проекта. Все это время рабочие продолжали добывать золото, а на Родине готовилась новая экспедиция. По истечении этих нескольких лет кропотливой работы эксперимент был закончен, и в один из солнечных дней ученые вновь собрали всех руководителей в Междуречье и представили новую форму для земных экспедиций. Прежде чем принять этот образец, было проведено множество экспериментов с ДНК и митохондриальной ДНК, в результате которых появлялись и недееспособные существа. Нефилимы скрещивали ДНК самых разных животных, пойманных на Земле, и испытывали их тела на пригодность. В результате скрещивания летучей мыши и обезьяны получилось страшное, поросшее черной шерстью животное, умеющее летать, но не способное передвигаться по земле. Смешав

гены гоминида и быка, появился на свет гоминид с бычьей головой — минотавр. Гоминиды больше других «страдали» от осуществляемых нефилимами опытов, поскольку представители именно их вида чаще всего становились подопытными. В результате экспериментов появлялось множество тел, но структура лишь немногих из них была приспособлена к выживанию. Однако нефилимов это не останавливало. Если в результате скрещивания гоминида и шакала получалось неудобное тело, ученые продолжали ставить опыты на этих же животных, выводя более подходящее. И, хотя наилучшая модель костюма для души была давно определена, нефилимы не останавливались на достигнутом и эксперименты не прекращались. В результате опытов появлялись гоминиды с головой птицы, крокодила, аиста, слона и других животных, орлы с двумя головами, неимоверно большие львы с толстой шкурой, русалки. В качестве развлечения были созданы быстроходные тела — кентавры, в которых нижняя часть тела была как у лошади, а верхняя — как у гоминида. Некоторые опыты были столь удачными, что ученым удавалось вывести новый вид, состоящий из элементов трех видов. Подобным образом была получена химера — туловище козла, голова льва, хвост в виде змеи. Все наилучшие экземпляры, не имеющие дефектов, были отобраны и «законсервированы» в специальных камерах.

В стеклянной лаборатории, где повсюду стояли совмещающиеся пробирки и аппаратура, собралось все руководство. В центре комнаты находилось два каменных подиума, напоминающих кровати. Один из них накрывала ткань. Второй был гладкий, отполированный. С нескрываемым

волнением нефилимы ждали вступительного слова Беримира. Им было любопытно поскорее увидеть свои новые тела, в которых придется работать в последующих экспедициях. Первым к собравшимся вышел Гостемил. Внешне он был спокоен, но внутри кипело нетерпение. Ему, как и биологу, хотелось представить на суд своих собратьев плод кропотливой работы последних лет. Гостемил был уверен в успехе проекта, и поэтому ничто его не беспокоило. Проведя тысячи экспериментов и создав несколько пробных образцов, разработчики остановили свой научно доказанный выбор именно на этом экземпляре. Следом за Гостемилом вышел идейный вдохновитель эксперимента и без вступительной речи сразу перешел к сути.

— Все мы долго ждали этого момента, поэтому не смею держать всех вас в томительном ожидании. Скажу только одно. Всем было интересно узнать, как продвигаются успехи в эксперименте, и все вы активно помогали в его реализации. Каждый из вас внес весомый вклад в создание этого шедевра, — и Беримир указал рукой на накрытый тканью стол. — И то, что вы сейчас увидите — результат работы каждого из вас. — Он посмотрел на Гостемила, и тот, поняв что пришло его время сыграть главную роль, торжественно откинул ткань со стола.

Собравшиеся восторженно зааплодировали, и по этим аплодисментам создатели костюма поняли, что работа их заслужила одобрение и похвалу.

— Перед вами, братья, наш новый облик, — с еще большей торжественностью произнес Беримир и перевел взгляд на Лучезара, еще одного нефилима, внесшего большой вклад в создание тела.

— Позвольте вам продемонстрировать, как оно работает, и я надеюсь, что это развеет все ваши сомнения в существовании души, — сказал Лучезар. — Перед вами пустое тело, лишенное своего хозяина, то есть вас. Оно не может существовать самостоятельно, как и наши защитные костюмы, которые мы носим уже много лет, не могут ходить сами по себе. Как видите, тело лежит на одной из совмещенных между собой каменных платформ. Это специальное приспособление, переносящее своим примитивизмом в будущее, когда у большинства из нас уснет сознание, и мы не сможем даже ненадолго покинуть свое физическое тело. Такие столы займут свое место на всех базах, куда начнут прибывать корабли с Родины. Они специально созданы из гранита, чтобы их не разрушили ни время, ни Переход, поскольку этот камень является одним из самых прочных материалов, существующих на Земле. На один стол будет ложиться прилетевший нефилим, — и Лучезар указал рукой на свободную платформу. — И, совершив выход из тела, сразу будет перемещаться в другое физическое тело, — он повернулся в сторону второй платформы, на которой лежало новое тело, — свою родную оболочку оставив на столе. Приспособление, которое вы видите у изголовья столов, будет задавать направление движения души. Это сделано для того, чтобы, выйдя из тела, вас не бросало из стороны в сторону, поскольку многие забудут, как передвигаться в астрале. Приспособление будет прямиком перенаправлять вас в нужное тело.

— А что будет с нашими телами, данными нам от рождения? — спросил Горазд.

— Мы переместим их в хранилище, где они будут нахо-

диться в первозданном виде, — ответил Гостемил.

— А сейчас позвольте вам продемонстрировать работу нового тела в действии, — сказал Лучезар и лег на пустую платформу под восторженные комментарии собратьев.

Лучезар был непревзойденным магом и подобные поступки были для него естественны. Он лег на стол и начал расслабляться. Нефилимы резко замолчали и стали наблюдать. Прошло совсем немного времени, и опытный маг с легкостью оставил свое тело и вошел в новое. Рука неведомого прежде тела зашевелилась — собравшиеся затаили дыхание, и скоро аудитория взорвалась громом аплодисментов, когда это тело приподнялось на столе и свесило ноги.

— Вот видите, — послал Лучезар телепатический вопрос собратьям, — как все просто? Кстати, я вас очень хорошо слышу и понимаю, так что можете говорить как обычно. Но я еще не овладел полностью новым телом и не смогу ответить вам словами. Потребуется время, чтобы научиться управлять им, и я уже разработал комплекс упражнений, способных сократить адаптационный период.

Лучезар поднялся на ноги и сделал несколько движений. Движения получились резкие и неуклюжие.

— Сколько таких тел вы планируете создать? — продолжая аплодировать, спросил Богдан.

— Это занятие довольно трудоемкое, но мы, посоветовавшись, решили предложить вам на рассмотрение цифру 612. Такое тело необходимо любому рабочему, потому каждый из них должен получить его. Также необходимо создать двенадцать тел для руководящего состава. Вновь

прибывшая экспедиция будет брать тела команды, собирающейся к отбытию, — ответил Беримир.

— Более того, в ходе экспериментов мы пришли к выводу, что это физическое тело способно сохранять в себе информацию, полученную при использовании. Поэтому тот, кто следующим прилетит на Землю и будет выполнять мои функции, может смело брать тело, в котором жил я. Тот, кто прилетит на замену Богдану, останется Богданом для рабочих. Это очень удобно! — добавил Гостемил.

— Гениально! — воскликнул Горазд. — Я полностью согласен с предложением наших ученых.

Нефилимам понравился образец созданного тела, и они с радостью приняли его. Это изобретение должно было внести новые ощущения в жизнь инопланетных гостей на Земле. Сделать её радужнее, а самое главное — безопаснее.

Глубоко под землей было оборудовано специальное хранилище для тел нефилимов, где они хранились в течение всей экспедиции. Там соблюдались необходимые условия для того, чтобы тела не меняли первоначального вида. Каждая оболочка была защищена отдельным энергетическим колпаком, для открытия которого требовалось набрать соответствующий паттерн. Только тот нефилим, чье тело лежало под колпаком, знал личный код-паттерн заключающий в себе определенный набор чувств и эмоций, которые было необходимо вызвать в себе, прежде чем подойти к находящемуся под защитой телу. В случае неправильного набора приблизившаяся сущность моментально вспыхивала огнем, даже не успев понять, что с ней произошло. Внешне эти защитные поля были не видны, но имели

страшную силу воздействия.

.....

В предвкушении земной жизни Энлиль провел последние месяцы, воскрешая в голове воспоминания о былой поездке. Жаль, что в то время запрещалось покидать водную стихию, и наблюдать за загадочной сушей приходилось только на расстоянии. Круговорот мыслей возвращал в город дельфинов, к Дгуну, Игруну, Большому Сэму. Эти существа дали много тепла и доброты, научили по-новому смотреть на некоторые вещи, например относиться к неудачам с улыбкой, а самое главное, более широко раскрыли понятие Любви. Вся жизнь обитателей Земли была пропитана Любовью, терпением и состраданием. Не было в ней места злости и эгоизму. Жить, посвящая свою жизнь братьям — было одним из девизов океанского братства. При первом же намеке на угрозу дельфины и киты бросались на помощь товарищам, забыв о собственной безопасности. Породившие ностальгию мысли долго не покидали беспокойную голову Энлиля.

Было решено, что во время смен экспедиционного состава прилетевшие нефилимы станут занимать тела братьев, выполняющих их же функции. То есть тело Горазда брал следующий инженер, Беримира — главный биолог, а Воислава — тот, в чьи обязанности входило поддерживать порядок на рудниках. Это было очень удобно, так как тела сохраняли память, и взявший тело нефилим сразу узнавал всю информацию, полученную предшественником.

Задолго до назначенного времени Энлиль прибыл

на космодром и с нетерпением ждал остальной экипаж. Он уже слышал о новом изобретении предыдущей экспедиции — «скафандре» для души. По словам Беримира, это было лучшее из всего придуманного нефилимами на Земле начиная с первого прибытия на планету. Оно позволяло в полной мере радоваться физическим ощущениям в новом мире — от приятного прикосновения воды, ветра, солнечных лучей и всего растительного мира. Слова Беримира еще больше подогрели и без того раскаленный интерес Энлиля к давно покинутой планете, и ему хотелось на себе испытать описанные биологом чувства.

Сев в корабль и заняв свое место, Энлиль ощутил приятное волнение, оттого что скоро предстоит встреча с полюбившейся планетой. Рядом с ним расположились существа, с которыми ему придется провести следующие 3 600 земных лет. Разогнавшись, корабль оторвался от поверхности Мардука и устремился сквозь космическое пространство к Земле. Обменявшись планами на первое время после прилета, нефилимы начали заниматься своими делами. Кто-то играл в настольные игры, кто-то разговаривал, а Энлиль откинулся в кресле и уснул. Прежде чем приземлиться, новой экспедиции предстояло состыковаться с кораблем улетающей команды за пределами атмосферы Земли, чтобы переждать вызванное смещением полюсов наводнение. Проснулся Энлиль в тот момент, когда стыковка уже состоялась.

С радостью встретились собратья после долгих земных лет разлуки. Руководители двух экспедиций приняли участие в праздничном ужине в честь завершения первой смены и долго обменивались интересующей информацией.

Возвращающиеся на Родину нефилимы рекомендовали новые места для обитания, которые можно было использовать в случае затопления обжитых территорий, и продемонстрировали работу новых тел. К моменту отлета Беримиру и Гостемилу удалось создать все 612 тел, и обучить рабочих технике «переодевания». Нововведения пришлось по вкусу как простым рабочим, так и новым руководителям. Беримир объяснил, почему одни тела темного цвета, а другие светлые, и для какой цели даны те и другие части тела. В результате скрещиваний появлялись тела разного цвета — белые, коричневые, желтые, но их нефилимы решили оставить в таком же виде, поскольку своих функциональных качеств они не теряли.

Месяц корабли нефилимов провисели в открытом космосе. За это время свершился Переход, и немного успокоились разбушевавшиеся от смещения земной коры воды. По истечении месяца руководители первой экспедиции отправились на Мардук, везя с собой сотни тысяч тонн драгоценного металла, а новая команда отправилась на Землю.

Выглянув в иллюминатор, нефилимы увидели поверхность долгожданной зеленой планеты, однако это была уже не та Земля, встречи с которой ожидал Энлиль. Смещенные воды сильно изменили её материки, сделав почти неузнаваемыми. То, что раньше являлось высокими горами, превратилось в небольшие холмики. Все низины были затоплены, а большие участки морского дна, с кораллами и илом, оказались оголенными перед солнцем. Без капли надежды Энлиль приказал пилоту вести корабль к тому месту, где прежде находилось Междуречье, и каково

же было удивление членов экипажа, когда они обнаружили почти нетронутые участки суши. Лишь устья рек стали немного уже и океан сместился западнее того места, которое занимал раньше. Эрида по-прежнему была на поверхности суши, но значительно дальше от реки. Её постройки оказались нетронутыми и посадочная полоса не повреждена. Неожиданно в голову Энлилю влетела мысль о строительстве храмов на высоких сваях для того, чтобы даже в случае наводнения была большая вероятность сохранения значимых сооружений, и он решил обязательно воплотить её в жизнь.

— Опустись ближе к земле, — попросил Энлиль пилота. — Хочу рассмотреть остатки морского дна.

Пилот направил корабль ниже, и все увидели неприятную картину. Смещение полюсов совместно с Переходом произошло стремительно, погнав устоявшуюся воду в новых направлениях, и многие живые организмы не успели последовать за ней. Огромные туши китов и акул гнили под жарким солнцем, наполняя некогда свежий влажный воздух смрадом. Взяв рацию, Энлиль связался с кораблями, на которых летели рабочие, и приказал всем поставить себе инъекции, прежде чем они покинут борт. Подобное предложение поступило и к руководителям. Они согласились, и Нинхурсаг, выполняющая теперь задачи Гостемилы, сделала каждому из них прививку. Инъекции были временные, и подходили исключительно телам нефилимов. В дальнейшем предстояло вакцинировать новые тела, чтобы в скором времени не пришлось создавать другие из-за потери этих в связи с болезнью. И, хотя Беримир и Гостемил создали тела с высоким уровнем иммунитета, эпиде-

миологическая ситуация на Земле была столь критична, что приходилось принимать дополнительные меры.

Корабль коснулся земли, и нефилимы стали собираться. Сев в автомобиль, они отправились в Храм, а рабочие начали разгружать технику, которую они забирали с собой за пределы атмосферы на время наводнения. Оказавшись на месте, Энлиль первым же делом пошел в лабораторию, где должны были сохраниться столы для смены «одежды», и прихватил с собой тело. Ему хотелось первым испытать на себе новое изобретение. Разложив все по своим местам, как говорил сделать это Беримир, Энлиль лег на гранитную площадку, больше похожую на алтарь, и расслабился. По словам Лучезара, хитроумное приспособление, стоящее у изголовья, должно было само «вытащить» сущность из одного тела и перетащить в другое. Так получилось и с Энлилем. Неожиданно что-то невидимое словно взяло его под руки, подняло вверх и бросило на другой стол. В тот самый момент сердце болезненно сократилось, и Энлиль осознал себя в другой оболочке. Странно, но он не испытал каких-то неизвестных прежде ощущений. Энлиль был уверен, что его самого, а не какую-то «душу» с легкостью подняли и переложили на другой стол. Только странное ощущение, будто его закрыли в тесном саркофаге, говорило о непонятных вещах, происходивших с ним. В этом саркофаге находиться было крайне неудобно из-за его громоздкости. Энлиль попытался пошевелиться, но конечности хаотично замахали, а вместо слов раздалось невнятное мычание. Тело было крайне неудобно и неповоротливо. Вспомнив слова Беримира и данные им упражнения, Энлиль сконцентрировался на себе и, испытывая необыч-

ные ощущения, попытался подняться на ноги. Держа тело под контролем, сделать это оказалось несколько проще, чем прежде, когда он пытался шевелиться рефлекторно, используя свое намерение.

Тело было громоздко и неуклюже. Плотный мышечный корсет делал движения скованными и неумелыми. Это было оттого, что мышцы не привыкли к работе и их память была чиста. Отсутствие в них информации не позволяло работать рефлекторно и совершать четкие движения. Требовалось время и, главное, практика, чтобы загрузить в память мышц необходимую для движения информацию. Для этого нужно было жить и двигаться в этих телах. Создававшие тела нефилемы планировали, что со временем собратья привыкнут к этим оболочкам и наполненные памятью тела станут более удобными в управлении. Данные Беримиром упражнения должны были способствовать быстрому впитыванию информации о движении в мышечную память, и Энлиль решил сразу приступить к тренировкам. Ему, как никому другому, хотелось освоить тело и приступить к освоению планеты.

Продолжая стоять возле алтаря, он начал делать круговые движения тазом так, как объяснял Беримир. Это было настолько же сложно, как и смешно со стороны. Пришедшие нефилемы находились недалеко от него, в старых костюмах, и весело скрежетали когтями, не пытаясь подавить эмоции. Энлиль слышал все звуки, но сначала даже не понял, что его собратья передавали друг другу, так как новое тело не было способно принимать эти данные. А когда все же интуиция подсказала, что этот скрежет вызван его движениями, то даже не стал пытаться ничего

предпринимать, чтобы это прекратилось, поскольку тело бы все равно не послушалось.

Движения получались рваными и резкими. Потребовалось какое-то время, чтобы тело поняло, чего от него хочет хозяин, и таз стал вращаться плавнее. Понимая, что одним движением таза не ограничивается перемещение, Энлиль приступил к тренировке других суставов. Именно суставы являются теми частями тела, от которых зависит движение, поскольку основания мышечных волокон крепятся к ним сухожилиями. Вращение головой оказалось не таким простым действием, как казалось на первый взгляд. Прилагая чрезмерные усилия, Энлиль чувствовал, как что-то внутри шеи вспыхивало острыми неприятными ощущениями и сопровождалось хрустом. «Скорее всего, — думал Энлиль, — это хрустит жесткая конструкция, держащая мышечную ткань и не дающая телу принять бесформенный вид». Уменьшив амплитуду, он продолжил. Сконцентрировавшись на теле, Энлиль находился в состоянии «здесь и сейчас» и другого не замечал. В этот момент ничто, кроме сустава, на котором был сосредоточен, не имело значения. Вся реальность словно ушла на задний план.

Отдельно он разрабатывал локтевые суставы, плечевой пояс, колени, ступни. Все движения совершались по кругу — то в одну сторону, то в другую. Сначала получалось очень плохо, но, чем больше и усерднее Энлиль занимался, регулируя работу тела, тем больших успехов достигал. Он принял решение, что не освободится от тела до тех пор, пока не освоит. Видя его мучения, остальные нефилемы решили пока не надевать новую форму, боясь что это бесполезная трата времени. Увидев несовершенство

тела, они были уже не так рады этому изобретению. В теории оно выглядело намного лучше.

Несколько земных недель Энлиль развивал суставы и учился концентрироваться на теле. А когда освоил достаточно для дальнейшего передвижения, решил выбраться на свежий воздух и проверить слова Беримира относительно органов восприятия окружающего мира. Медленно он прошел через лабораторию и вышел на улицу. Движения были медленны и плавны, но уже сам процесс перемещения вызвал у остальных нефилимов радость. До этого они не верили в то, что изобретение заработает.

Мягкость и прохлада травы чувствовалась под ногами, а приятный запах свежести кружил голову. Ноги скользили по влажной траве, и это было приятное ощущение полноценной жизни внутри земного мира. Теперь нефилим и сама природа планеты Земля были неразделимы. С деревьев доносилось пение птиц, и звуки эти проникали почти в самый мозг, целительным образом действуя на настроение. Прежде такого не было. Раньше каждый звук проходил сквозь толщу стекла скафандра. Существование в физическом теле сильно отличалось от жизни в защитном костюме.

Теперь Энлиль старался соединить несколько движений в одно, собрав тело воедино и тем самым лишив его развала. Сильные, но неприспособленные мышцы уже могли держать тело в вертикальном положении, но до полного управления было далеко. Двигаясь медленно и осознанно, Энлиль пошел гулять вокруг базы. Испытывая все прелести природы, он вызывал добрую зависть у собратьев. Желая испытывать подобное, руководители пошли в

лабораторию, чтобы на себя примерить костюмы. Разложив тела по алтарям, и выбрав наиболее понравившиеся, они легли на второй алтарь и совершили «переселение». Каждый из нефилимов испытал ощущение схожее с тем, что чувствовал Энлиль в первые моменты пребывания в новом теле. Всем им было комфортно, но, видя успехи товарища и понимая перспективы, каждый старался, как мог. У кого-то получалось лучше, у кого-то хуже, но пыла, с которым они приступили к освоению, должно было хватить до окончания тренировок.

Хуже всего получалось у Будимира. Даже спустя четыре дня непрерывных занятий его движения были резки и угловаты. Он постоянно жаловался на неудачное тело, чем только вызывал смех и комментарии товарищей, чьи движения были плавны и которые уже начали ходить.

— Надо же, как вы хорошо приспособились к телам, — сказал Энлиль, войдя в лабораторию.

Сам он уже свободно передвигался и получал удовольствие от близкого общения с окружающей природой. Единственной проблемой пока для него было говорение. Времени, проведенного в теле, оказалось недостаточно для освоения этого сложного процесса, и из уст вырывались лишь звуки схожие с мычанием и криком. О содержимом информации товарищи Энлиля догадывались интуитивно, но сами не могли ничего ответить и поэтому только слушали.

— Как насчет того, чтобы выйти на природу и продолжить обучение под чистым солнцем, испытывая приятный запах свежего воздуха и ощущать его прикосновение с кожей? — спросил Энлиль.

Нефилимы стали активно жестикулировать, а некоторые из них даже пытались высказать свое одобрение при помощи слов. Несмотря на то, что из уст вырывался только невнятный рев, Энлиль их понял. Сконцентрировавшись на теле, он начал двигаться в сторону выхода из лаборатории. Остальные последовали за ним. Смотреть на это со стороны было смешно и непривычно. Рваные, резкие, отрывистые движения делали их похожими на что-то среднее между роботами, обтянутыми кожей, и зомби из фильма ужасов далекого будущего. Они шли друг за другом, вытянувшись в цепочку. Для них новая игрушка, под названием «тело», была интересна и занимательна, как и многие другие новинки на этой планете, но еще больше новинок ждало их впереди, ведь теперь перед ними оказались стерты границы и открыты врата тактильных, зрительных, осязательных, обонятельных, слуховых и вкусовых ощущений, возможных на Земле.

Зеленая планета распахнула свои объятия, едва гости вышли из тени лаборатории. Густой лес с запахом хвои и свежести возвышался до самых небес. Лучи солнца ложились на кожу, но не обжигали её, а только грели. Нинхурсаг подняла руки к Солнцу и произнесла молитву этому светилу, столь редко показывающемуся на их родной планете. Она вспомнила, как еще совсем ребенком ждала наступления того времени года, когда Родина приблизится к Солнцу и погода станет теплой. Однако со временем ситуация ухудшалась, и скоро этот драгоценный период, длящийся всего полмесяца, перестал быть праздничным, а стал внушать по большей части муки. Всею виной стала невыносимая жара, от которой можно было укрыться лишь

в недрах поллой планеты, где правительство построило несколько крупных городов для обеспечения безопасности своим жителям. На период приближения Солнца все нефилимы в обязательном порядке перемещались туда, и только ночью, или когда светило оставалось позади, им разрешалось покинуть убежища, чтобы в следующий момент его приближения вновь спрятаться внутри планеты. Сейчас Нинхурсаг знала причину той жары, и не могла не радоваться благоприятной экологической обстановке на Земле. Здесь сбывались её детские фантазии и мечты о теплом лете, купании в прохладной воде, и главным элементом в осуществлении этих грез, было тело.

Неуклюже передвигаясь по сочной зеленой траве, нефилимы вдыхали свежий воздух, ощущая ветер и солнечные лучи. Они начинали ценить тела, понимая их значимость для работы и существования на планете. «Конечно, даже рабочим будет удобнее добывать полезные ископаемые, испытывая от работы удовольствие», — рассуждали они.

Долго гуляли нефилимы вокруг базы, приспосабливаясь к телам и пытаясь пережить новые ощущения. Сделать это оказалось не просто, так как слишком сконцентрированы они были на передвижении и расслабиться не получалось. Энлиль уже давно понял, что, только находясь в расслабленном состоянии можно испытать удовольствие от природы. Он предложил собратьям устроиться поудобнее на травке, недалеко от живописных гор, и попытаться забыть о теле. Так они и поступили. Кто-то лег на спину, кто-то сел, прислонившись к дереву, но каждый смог испытать то, чего не испытывал, совершая движение. Казалось,

не только сам процесс движения отвлекал от любования природой, но и искусственные звуки нарушали природную тишину. Сейчас, пребывая в живописном месте без движения, каждый руководитель будто держал в руках тонкую нить Природы, пронизывающую всю планету, проходящую и через них самих. Это было прекрасно! Энки понял, что первая экспедиция создала тело, идеальное подходящее для существования на Земле, и даже Природа приняла нефилимов в свой союз. Все существующее на планете было настоящим, натуральным, лишенным химикатов, чего нельзя было сказать про Родину, где власть принадлежала технократии, а её огромные заводы нарушали естественное равновесие. Сидя на траве, нефилимы слышали пение птиц и доносившиеся из джунглей голоса животных. Каждый старался сидеть как можно неподвижнее, не нарушая природную тишину.

Ветер качал верхушки деревьев на склонах гор. Соприкасаясь между собой, кроны издавали шуршащий звук. Они двигались в такт с ветром, создавая иллюзию движения гор. Позади текла река, журча от трения о береговые камни. Чуть дальше она падала с небольшого обрыва и слышался шум от удара об воду. После нескольких дней тренировок тело уже не казалось громоздким саркофагом, в которое была заключена душа, а Энлиль ощущал себя самого этим телом. Энергетическая составляющая полностью слилась с физической и пропитала каждую клеточку. Он и оно было одним.

— Вы уверены, что стоит давать эти тела рабочим? — спросил Энлиль после долгой тишины.

Товарищи вновь издали характерные движения, и он

понял, что они его полностью в этом поддерживают.

— Тогда предлагаю здесь, в Эриде, научить рабочих переселяться в новые тела и отправить корабль с ними на добычу золота. Все нефилимские тела нужно хранить вместе, чтобы ни одно из них не потерялось. И если вы не против, то я тоже хотел бы отправиться с Златомиром, который заменил Беримира, на рудники и осмотреть новые месторождения золота.

Все дружно закивали, а это значило, что Энлиль мог заняться изучением планеты в той части, где еще не был. И он, хотя еще не исследовал фрагмент материка, которым любовался из воды, не мог упустить возможности посмотреть на другую сторону планеты. Тем более что Энлиль знал: скоро он все равно вернется в Эриду.

Через несколько дней корабль был готов, и руководители полетели на новые рудники. Энлиль радовался, что устроенная им прогулка произвела на собратьев самые приятные впечатления и усилила в них желание продолжать осваивать тела, закладывая в них все новые и новые навыки и развивая новые способности. Корабль летел на небольшом расстоянии от поверхности планеты, и руководители могли с высоты наблюдать за её красотами. На протяжении всего пути они не отрывались от иллюминаторов, и, только когда вид под ними сменился тем, что раньше являлось морским дном, а радары показали нужно место, приготовились к приземлению. Площадка для новых рудников была выбрана исходя из данных карты, составленной предыдущей экспедицией. Именно здесь, по их мнению, располагались запасы золота, которые скрывались водой до смещения полюсов и которые сейчас природа обнажила

перед гостями.

Корабль приземлился, и нефилимы вышли на улицу. В воздухе стоял невыносимый запах гниения живых организмов, и в этот момент Энлиль впервые осознал минусы обонятельных способностей. Будь сейчас в скафандре, он не чувствовал бы этих запахов, но дуализм мира проявлял себя и здесь. Единственное, что успокаивало нефилимов, так это привитость тел и невысокая вероятность подхватить какую-нибудь инфекцию. Ведь, потеряй они тело сейчас, их души лишатся физической оболочки и будут потеряны для окружающих. В том мире с душой могло произойти что угодно, и именно эта неизвестность пугала больше всего.

Очень быстро по чертежам Градака были выстроены устройства по добыче золота, и рабочие приступили к своим обязанностям. За время строительства базы и поселков нефилимы овладели телами почти до совершенства, познав их резервы. Теперь, когда здесь работа Энлиля была закончена и его пребывание не требовалось, он решил отправиться в небольшое путешествие. Двигаясь на запад, он встречал новые формы существования, гармонично обитающие на планете до прибытия гостей с Родины. Все живые виды были почти идеальны и прекрасно сосуществовали бок о бок, выдерживая необходимую гармонию и баланс. Главным для нефилимов было научиться существовать на этой планете, не нарушая природного равновесия и чтобы их вмешательство не привело к пагубным последствиям для этих видов. Планета была поистине живая! Каждое насекомое, каждый листочек на дереве — все было частичкой Целого, но не потеряло при этом своей индивидуальности. С чувством полной свободы, проби-

рался Энлиль через непроходимые джунгли, переваливал через высокие горные хребты, огибал простирающиеся озера. Неповторимая сказочность природы очаровывала, поражая сознание и будоража душу. Пейзажи заставляли сердце восторженно трепыхать, и сбивали дыхание. Ни Родина, ни тем более Мардук не могли сравниться с Землей. Энлилю было жаль, что не эта планета является для него родной, и он не имеет возможности вечно любоваться ею. Хотя кто знает — возможно если бы он был её обитателем, то уже привык бы и перестал замечать эту красоту. Все познается в сравнении, а если одна оппонентская сторона отсутствует, то исчезает суть сравнения сама по себе, оставляя лишь норму и обыденность единственного варианта, в котором отсутствует сравнение, а вместе с ней и возможность понимания, определение Добра и Зла, того что есть хорошо, а что плохо, теряется основополагающий принцип существования мира. Совершая эту маленькую экспедицию в новом теле, Энлиль мог любоваться красотой природы наяву, а не через стекло гидрокостюма и не с территории воды. Это было потрясающе! Он мог касаться грубых стволов деревьев ладонью и сжимать в руке мягкие листья. Вдыхать легкий вкусный воздух и погружаться в приятную стихию воды. Птица пролетела над ним и, не двигая крыльями, продолжила парение дальше, опускаясь ниже и сливаясь с зеленым фоном деревьев.

Сотни нефилимов на протяжении десяти лет собирали золотые самородки с поверхности планеты и, когда все жилы иссякли, начали копать вглубь. Эти работы, со взрывами и расколами земной коры, доставляли Энлилю нестерпимую боль, словно приспособления Горазда разру-

шали его самого. Было больно смотреть, как железные машины вмешиваются в жизнь многовековой природы, не знавшей жестокого обращения. Казалось, что такой подход нарушал рамки договора между их расой и расой китовых, в котором нефилимы пообещали не губить природу и придержать её в равновесии. «Наверняка, по мнению многих собратьев, — думал Энлиль, — до поддержания равновесия было еще далеко, и думать об этом было рано, ведь равновесие начинается там, где уровень разрушения приближался к уровню восстановления и нормы». Да, в чем-то они были правы, ведь работы по добыче золота велись на площади меньше, чем тысячная часть всей поверхности зеленой планеты, а соответственно, и до того как чаша весов склонится в сторону разрушения было далеко. Но сердце Энлиля разрывалось от осознания чудовищности этой деятельности, несмотря на её необходимость.

Несколько раз он интересовался альтернативными способами добычи золота, но всегда ученый совет отрицал вынесенные на рассмотрение предложения, и ему приходилось терпеть душевную боль. Пытаясь сбежать от переживаний, Энлиль решил перейти к выполнению своих обязанностей, ради которых его сюда и прислали. А именно он должен был поддерживать контакт своей расы с расой китов и дельфинов. Давно Энлиль не бороздил воды, некогда ставшие ему родным домом, где жили его друзья. Попрощавшись с товарищами, он пришел на берег и, надев подводный костюм, погрузился в воду. В этот момент он увидел еще один минус новой формы. Она не давала возможности открыть для себя морские глубины и испы-

тывать удовольствие от жизни под водой. Это был второй минус изобретения, а первым была неспособность планировать над землей. Стало быть, отсутствовала возможность быстрого передвижения, и что лишало любования природой с высоты птичьего полета.

С трепетом Энлиль проводил в глубинах время. Мысли его постоянно возвращали к давно минувшим событиям. Первым делом он посетил все любимые места, которые хотел увидеть вновь с тех самых пор, как покинул водную стихию. Время прошло, а коралловые рифы так и пестрели своими красками под лучами солнца, проникавшими сквозь метровый слой воды. Дельфины, как всегда, отличались своим дружелюбием. Встречи с этими существами принесли много позитивных эмоций. Все время пребывания под водой Энлиль путешествовал и общался с китами. Он радовался и делился с ними новостями с суши. Его внутренний мир сильно изменился. В душе воцарились спокойствие и размеренность.

Во время очередного выхода на берег Энлиль пришел в Эриду и был рад встретить там всех руководителей, прибывших туда для совместного отдыха. Это была наилучшая возможность поднять на обсуждение вопрос, мучивший Энлиля последнее время. Все были рады увидеть товарища, не выходившего на берег несколько столетий. Некоторые уже даже забыли, как выглядела его новая физическая оболочка. Во время праздничной трапезы Энлиль решил начать разговор.

— Как там наши рабочие в рудниках? — спросил он у Мирослава.

— Работают, хотя я уже чувствую их недоволь-

ство, — ответил главный по добыче золота.

— Если они предпримут попытку бунта, я подавлю её. Не сомневайтесь, — сказал военный.

— Никто не сомневается в твоей армии, Твердимир, — сказал Энлиль, но давай не будем действовать столь грубо.

— У тебя есть какие-то предложения? Если есть, то говори.

— За время обитания на планете в этом новом теле я убедился в его прекрасных характеристиках, но в то же время обнаружил и некоторые недостатки.

— Какие, например? — поинтересовалась Нинхурсаг.

— В первую очередь, это касается существования под водой и нашего медленного передвижения на суше.

— В этом я с тобой абсолютно согласен, — покивал головой военный.

— За время пребывания в океане я собрал кое-какой материал, который поможет нам создать новые тела, более совершенные, чем имеющиеся сейчас.

— Энлиль, как я понимаю, ты сейчас ставишь под сомнение изобретение прошлой экспедиции и хочешь показать себя лучше их? — спросил Энки.

Видимо, чувствуя, как, вернувшись, Энлиль сразу начинает набирать популярность, его старый противник и соперник Энки решил поставить его на место, и подвергнуть сомнению выдвинутое предложение.

— Ни в коем случае, — спокойно ответил Энлиль. — На тот момент это было лучшее из возможного, но мы не стоим на месте, а развиваемся. И сейчас имеем

достаточно информации, чтобы создать более совершенное тело.

— А что ты предлагаешь сделать с этими телами? — поинтересовался Энки.

— Их можно будет уничтожить за ненадобностью.

— Значит, ты так легко готов уничтожить то, что делали другие? — подловил его Энки. — Ты, как всегда, в своем репертуаре! Все так же эгоистичен и самолюбив, как прежде. Неужели общение с китами тебя ничему не научило?

Эта провокация не осталась без внимания, и, разгневавшись Энлиль, вскочил с места и хотел было ударить своего обидчика, но Энки успел увернуться, и Энлиль налетел на выставленный им кулак. Больно ударившись об него, он попытался ударить обидчика повторно и на этот раз удар достиг цели. Энки схватился за лицо, а подбежавшие собратья оттащили их друг от друга.

— Хватит вести себя как дети! — прокричал Светозар. — Довольно! Давайте лучше подумаем над предложением Энлиля, и если у тебя, Энки, есть конкретные замечания или недовольства насчет его изобретения, то высказывай их должным образом, а не приплетай сюда все подряд, — сказал он, глядя на вытирающего с лица кровь Энки.

Поняв, что перегнул палку, Энки молча кивнул, но затаил обиду до следующего удачного момента.

— В общем, я предлагаю усовершенствовать тело при помощи добавления к нему крыльев, создания более совершенных легких. И что-то надо делать с этим чрезмерно большим мышечным корсетом, например изобрести

что-то более эластичное, но чтобы не пропала физическая сила.

— Ты ставишь непростую задачу, — сказала Нинхурсаг.

— Я знаю и поэтому хочу попросить твоей помощи в достижении этой цели, — ответил Энлиль. — Большая часть образцов у меня уже есть, и осталось лишь провести немного опытов.

— В целом Энлиль прав. Я согласен, что наши нынешние тела далеки от идеальных, и идея расширить их возможности будет только на пользу нам, — добавил Мирослав.

— Я тоже считаю этот проект вполне осуществимым, а главное оправданным, и поэтому сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе, — согласилась Нинхурсаг.

— Тогда предлагаю донести эту идею до Ану и, получив его согласие, приступить к работе, — сказал Энлиль.

В этот же день он связался по рации с Ану и изложил свои мысли. Идея верховному правителю понравилась, и уже через неделю Энлиль с Нинхурсаг приступили к делу. Работа по усовершенствованию тела была кропотлива и сложна, но того стоила. Через полгода экспериментальный образец предъявили ко всеобщему обозрению. Как и при презентации первого варианта формы, в Эриде собралось все руководство. Нинхурсаг обнажила алтарь, и присутствующие увидели стройное тело серого цвета, со сложенными за спиной перепончатыми крыльями и не до конца сомкнутыми веками. Эти нависавшие над роговицей веки были хитроумной защитой зрачка от травм и одновременно обеспечивали хороший обзор для периферического зрения.

Тело напоминало своего предшественника лишь отдаленно, по количеству конечностей. В целом оно не было похоже на предшествующее. Энлиль и Нинхурсаг пояснили, что кожа серого цвета способна лучше защищать от жары и повышает холодоустойчивость в период длительного пребывания под водой. Нос представлял собой спиралевидный клапан, который не только перекрывал доступ воды в дыхательные пути, но и через него можно было общаться. Благодаря этому устройству контактирование происходило в широком диапазоне — улавливались и ультразвуковые волны, и инфракрасные. Пальцы на руках снабжались перепонками. Большая развитая грудь была крепка как камень, и её объем был увеличен в несколько раз. При помощи перепончатых крыльев можно было совершать полеты на больших высотах и резко менять среду обитания, ныряя из воздуха в воду и наоборот.

— Это тело действительно более совершенно, чем те, которые мы носим сейчас, — сказал Светозар. — Вы проделали большую работу, и она не напрасна.

— Сколько времени у вас уйдет на создание остальных шестисот тел? — спросил Будимир, и указал пальцем на алтарь. — Ведь как я понимаю, это пока единственный экземпляр.

— Да, пока это единственное готовое тело, но я думаю, что для создания остальных нам потребуется не больше земного года, — ответила Нинхурсаг. — Сейчас нам необходимо ваше согласие для продолжения работы.

Светозар посмотрел на присутствующих, остановив ненадолго взгляд на Энки, и, переведя его вновь на Энлиля и Нинхурсаг сказал: — Вижу, все согласны в необходи-

мости продолжения вашей работы, особенно если учесть, что она почти завершена. Хотелось бы только напоследок увидеть это тело в деле.

Услышав разрешение продолжать работу, Энлиль тут же лег на второй алтарь и совершил «переселение». Имея большой опыт существования в плотном физическом теле, он вспомнил ощущение концентрации на теле, и приспособление к новой оболочке прошло быстро. Это тело было легче и эластичнее предыдущего, а управление им доставляло одно удовольствие. Взмахнув крыльями, Энлиль резко поднялся в воздух и, воспарив над товарищами, сделал переворот через голову, показывая маневренность новой формы. Послышались аплодисменты, и это было хорошим знаком. Вылетев в окно, он взмыл в небеса и резко устремился в воду. Сложив крылья за спиной, Энлиль вошел в неё, не подняв брызг, и надолго скрылся в глубинах. А через десять минут вылетел из воды и вернулся, держа в руке охапку водорослей, в лабораторию, где его ждали товарищи.

Увидев способности тела в действии, нефилимы попросили разработчиков создать новые тела в кратчайшие сроки, и Энлиль пообещал сделать все возможное для осуществления поставленной задачи. Работа шла быстро. Привлеченные к ней нефилимы-ученые создавали под управлением руководителей по несколько тел ежедневно, и, к собственному удивлению Энлиля, все было закончено за полгода. Как и в первый раз, первыми примерили костюмы руководители. Сбросив старые-новые тела, они переместились при помощи алтаря в эти совершенные костюмы и окунулись в ощущение легкости. Крылатые

формы оказались значительно легче и проще в управлении. И, хотя энергетическая составляющая полностью слилась с физической оболочкой, пребывание в новых телах было комфортнее, чем раньше. Руководители быстро освоили эту форму, и военные корабли разлетелись по разным уголкам мира, чтобы, собрав рабочих, перевести их в Эриду для переобмундирования.

Перед отлетом второй экспедиции Ану попросил расширить карту добычи золота, создав на поверхности планеты как можно больше баз. К поиску новых месторождений были подключены все руководители независимо от занимаемой должности, и спустя тысячу лет на Земле стояла уже не одна база-поселок близ реки Замбези, а десятки. Было построено еще несколько поселков в Африке. Новые вахтовые поселки в Мексике, Бразилии, Китае, Японии, России, Индии, Америке, Атлантиде, на островах Лемурии. Особые сложности возникли при добыче золота на Северном и Южном полюсах, где из-за низкой температуры и толщи льда работы шли медленно. В связи с большим количеством поселков доставка рабочих в Эриду заняла больше недели.

Информация о создании новых тел держалась в секрете и не выходила за пределы круга руководителей, а поэтому рабочие были приятно удивлены, услышав, что специально для них ученые проделали такую работу. Это успокоило поднимающееся в последнее время волнение, связанное с тяжелой жизнью на рудниках. Рабочие устали от монотонной работы, конца которой не было видно. Они по-прежнему подвергали себя опасности, даже не зная за что. Некоторые из них погибли от несо-

вершенства громоздких, неуклюжих тел, а поэтому в новой оболочке каждый рабочий хотел увидеть то, чего ему так не хватало, — маневренности. Когда руководители демонстрировали последние образцы, рабочие зачарованно смотрели на них, не веря своему счастью. Все, о чем они мечтали, было сделано, и даже больше. Никто не думал о путешествиях под водой, поскольку многие рудники находились далеко от океана. О большой воде рабочие почти забыли, довольствуясь мелкими речушками, погружение в которые было бессмысленным.

Руководители не задержали рабочих в Эриде, чтобы не останавливался процесс золотодобычи, и, сменив им форму, отправили обратно.

— Надо будет уничтожить эти старые тела, — сказала Нинхурсаг, когда корабль поднял рабочих в воздух, а оставшиеся старые тела были разбросаны по всей лаборатории.

— Лучше всего будет сжечь их в большой яме в нескольких километрах от базы, а потом засыпать землей, — сказала Нинхурсаг. — Вернуть, так сказать, биологические элементы туда, где их взяли.

Старую форму собрали в кучу и, отнеся подальше от базы, сбросили в яму и подожгли. Воздух наполнился запахом горячей плоти.

Новые тела оказались несравнимо лучше предыдущих и стоили вложенных в них сил. Для нефилимов они были подобны новой игрушке, с которой старались играть по полной. Они испытывали оболочки на прочность: погружали в океан на большие глубины, поднимали высоко в воздух, пешком путешествовали по горам. Каждый

прекрасно осознавал, что это всего лишь тело, но при этом берег, так как понимал, что самостоятельно поднял его до определенного уровня, затратив массу времени, и в случае потери придется вновь вкладывать силы в развитие нового, начиная с нуля. Это было сравнимо с «прокачкой» персонажа в компьютерных играх будущего. Понимая, что Энлиль и Нинхурсаг создали тела, для которых практически нет предела совершенствования, каждый старался развить возможности своей новой оболочки по максимуму, чтобы потом передать пришедшему на смену товарищу.

Экспедиции менялись одна за другой. Наполненные золотом поддоны увозили на Родину. Там его расщепляли в мельчайший порошок на специальных установках, а потом поднимали на кораблях в атмосферу и распыляли из приспособления, прикрепленного к кораблю. Порошок зависал в атмосфере и оставался надолго. Вся проблема этого метода защиты заключалась в том, что со временем золотые частицы все же оседали и в атмосфере приходилось вновь распылять их, а поэтому работа не останавливалась ни на день.

Новая команда руководителей летела на Землю в хорошем расположении духа. Им предстояло расширить карту месторождений, и, прекратив работу во всех опустошенных землях, перебросить рабочих на новые. Однако их хорошее настроение оказалось испорчено почти сразу, как корабли приблизились к поверхности Земли. Планета спала, и не просачивался свет даже зашедшей за тучу луны. Впервые совершалась посадка в ночное время. Управлять кораблем, несмотря на совершенство техники, оказалось крайне сложно. Внизу не было видно ничего. Одна

темнота. Отсутствовали какие-либо ориентиры. Крайне велика была вероятность крушения аппарата. Ни у кого из летящих на борту нефилимов не вызывало сомнений, что в случае удара о землю им всем суждено погибнуть. Велимир крепко вцепился руками в кресло и отвернулся от иллюминатора. «Почему же они, такие умные и развитые, не предвидели подобного варианта и не придумали ничего, что помогло бы в подобной ситуации?» — думал он. Все сидели в напряжении.

Глядя вниз, пилот напрягал зрение, стараясь рассмотреть внизу поверхность планеты, но, кроме малопонятных силуэтов, совершенно ничего не видел. Приборы показывали, что корабль где-то недалеко от пункта прибытия, но ничего конкретного не было. Потеряв всякую надежду обнаружить космопорт, пилоты увидели вдалеке огни.

— Смотри! — крикнул второй пилот.

— Да неужели! — выругался Градислав и направил корабль прямо на прожекторы.

Подлетев ближе, экипаж увидел очертания знакомого поселения. Страх отступил на второй план у всех, кроме пилота. Только он знал, что показывающие высоту приборы вышли из строя и придется садиться, ориентируясь на земные строения, а определить сверху удаленность от земли было крайне сложно. Отстранив от себя штурвал, пилот смотрел на приборы, и пытался посадить корабль. Началось снижение. Пассажиры крепко вцепились в ручки кресел и приготовились к посадке. Плавное приближение к земле окончилось внезапным и резким ударом, и нефилимы повывлетали из своих кресел. Земля оказалась значительно ближе, чем этого ожидал пилот. Корабль оттолкнуло

от поверхности, он подлетел и вновь опустился, сильно тряхнув пассажиров. Нефилимы переглянулись, и, увидев, что все живы, осторожно пошли к выходу. Пилот открыл дверь и выпустил трап, а сам начал проверять аппаратуру. От удара она вышла из строя.

На улице нефилимов уже ждали. Увидев на радарх объект, находящиеся на Земле товарищи вышли встречать свою смену, но поняв, что приземление было жестким, взволновались не на шутку. Вызванные врачи уже приготовили медикаменты и были готовы оказать первую медицинскую помощь, однако все обошлось. Прилетевшие нефилимы самостоятельно спускались по трапу, и, ничто, кроме пережитого страха, их не беспокоило.

— Нам обязательно надо что-то делать с посадочными ориентирами, — сказал пилот, спустившись с трапа и подойдя к Твердимиру. — Еще бы немножко, и вам пришлось бы собирать останки корабля, а вместе с ними и нас по всей территории поселения и в близлежащих лесах.

— Очень смешно, — сказал Велимир и помотал головой. По его голосу было слышно, что он еще не до конца осознал, что цел. — Так страшно мне никогда еще не было.

— Что произошло? — спросил Светозар.

— Мы едва не разбились. У нас нет совершенно никаких опознавательных знаков на земле, которые можно было бы заметить сверху, — ответил пилот. — Мы сейчас летели вслепую. Когда видимость нулевая, поселение совсем не видно, и это когда-нибудь может плохо кончиться.

— Мы множество раз приземлялись здесь ночью, и всегда все было в порядке, — ответил Твердимир.

— Если стоит обычная ночь, то все нормально, но сегодня даже луна не придает естественного освещения.

Светозар поднял голову к небу и, не увидев луны, понимающе покивал головой, — Тут ты прав, тем более что мы уже освоились, а вы не были здесь довольно долго и все забыли.

— Вот-вот.

— Нужно создать посадочный коридор, который видно с большой высоты, — начал размышлять Твердимир.

— Мне даже кажется, что следует возвести несколько строений, которые бы отображали границы полетного коридора, — добавил Градислав.

— Ты прав, — ответил Твердимир и, задумчиво потерев лоб, добавил. — Пойдем в центр и посмотрим на карту. А заодно поговорим с Милославом, может, он что-нибудь подскажет.

Градислав и Твердимир пошли на базу, оставив остальных делиться ощущениями от пережитого. Они поднялись на второй этаж и зашли в большой зал, откуда всегда велись переговоры с Родиной. Сев за гранитный стол и разложив перед собой карту Междуречья, они приступили к её изучению. Скоро к ним присоединился и главный строитель поселений Милослав.

— В принципе здесь уже природой заложен посадочный коридор, на который мы и рассчитывали изначально, но, как показала практика, он непригоден к использованию в некоторых случаях, — заметил Градислав.

— Как ты думаешь, Милослав, можно ли здесь поста-

вить какие-нибудь строения, на вершине которых бы зажигались сигнальные огни в ночное время суток? Этакие посадочные маяки, — и Твердимир указал пальцем на карту.

— Почему бы и нет? Но в этом случае нам придется перенести центр управления, а вместе с ним и главную базу в другое место. Эрида больше не сможет выполнять этих функций, так как расположена очень неудачно. Видите, сейчас она расположена западнее самой кромки воды, и мы не сумеем построить здания на водной поверхности. Можно, конечно, «расстелить» коридор с запада на восток, но в этом случае будет неудобно наворачивать круги в воздухе. Значительно проще взять Эриду за первый ориентир, а космопорт и центр управления построить западнее от неё, — предложил градостроитель.

Градислав достал карту звездного неба и приложил её к карте Междуречья.

— Можно сделать и как предложил ты, но мне кажется, что эффективнее было бы проложить коридор северо-западнее от Эриды, — сказал военный, всматриваясь в карты. — Вот, смотри, — указал он на Мардук, что был изображен на звездной карте. — Когда мы летим с Мардука на Землю, то как раз движемся в северо-западном направлении над землей, прямо между двух рек — Прат и Хиддекель. И какой смысл нам задавать лишние виражи в небе, если можно по прямой достигнуть точки прибытия? Ведь, как известно, кратчайший путь — прямая.

Милослав изучил две карты и согласился с Градиславом.

— Тут ты абсолютно прав. Нам будет проще построить

сооружения прямо по траектории полета.

Взяв циркуль и транспортир, Милослав начертил несколько кругов и рассчитал, где должны были находиться постройки. Согласно его чертежам, маяки следовало расположить на одном расстоянии друг от друга и в пределах видимости с высоты.

— Если мы поместим Эриду в первом круге, — объяснял Милослав, отчерчивая на карте круг циркулем, — то остается место еще для двух кругов с равным расстоянием между ними. На линии второго круга, в северо-восточном направлении от Эриды, можно поместить три строения, центральное из которых обозначало бы направление движения, а два соседних — границы коридора. На линии последнего круга, в том же северо-восточном направлении, можно построить еще одно сооружение, последнее, за которым на таком же расстоянии, как от первых трех, будет находиться космопорт. Обычная геометрия!

— Логично, — согласился Градислав. — И нам не нужно строить вереницу маяков. Мы обойдемся минимальным количеством.

— Тогда можно построить еще два объекта за космопортом, дальше по направлению траектории движения, расположив их на втором и первом круге, — предложил Твердимир.

— Согласен. И в случае необходимости эти посадочные маяки можно будет расширить до уровня баз, — сказал Милослав и положил перепончатые крылья на стол.

— Осталось только вынести идею на всеобщее обсуждение, поскольку это будет не самой легкой задачей, да и

на перенос главной базы из Эриды в другое место многие могут не согласиться. Уж слишком все привыкли к этому месту, — сказал Твердимир.

— Все те, кто прилетел сегодня со мной, согласятся! Не сомневайтесь! — сказал пилот и, вспомнив недавние приключения, тяжело вздохнул: — А что касается остальных, то о каких привычках идет речь, если дело касается не только личной безопасности, но и интересов всей экспедиции? Предлагаю собирать совещание, связываться с Ану и озвучивать наше предложение.

Уже на следующий день все собрались. Впервые на совещании присутствовали руководители сразу двух экспедиций — только что прилетевшей и уже собирающейся к отлету. Все доводы и предложения были озвучены и принято единогласное решение о строительстве посадочных маяков, определяющих границы полетного коридора. Воочию столкнувшись с проблемой, и поняв её опасность, нефилимы бросили все силы на строительство важных объектов, и уже через несколько лет оно было закончено. Основные маяки получили названия Ларса, Лагаш и Ларак, а космопорт и главная база с центром управления были перенесены из Эриды в Ниппур и Сиппар. Помимо основных, крупных маяков, были построены и поменьше. Эти небольшие продолжали прямые линии «рукавов», ведущих к космопорту. Теперь, летящих на Землю нефилимов встречали маяки Эрида, Эль-Одейд, Ларса, Урук, Исин, Вавилон, Киш — по левому борту; Лагаш, Умма, Кут — по правому; и Ур, Бад-Тибиру, Шурупак, Адаб, Ниппур, Ларак — в центре. И сводились эти прямые в точке-базе Сиппар. В далеком будущем каждую базу ждала своя история, но

пока, они были не более чем фрагментами «посадочного коридора».

Вернувшуюся команду на Родине встречали как героев. Аппарат приземлился на космодроме планеты Мардук, и нефилимы вышли на землю. Глаза их уже отвыкли от скучных красно-коричневых красок, и все вокруг казалось мрачным и тоскливым. Встречающие радостно обнимали их, довольные их возвращением, а вернувшиеся нефилимы не понимали: чему здесь можно радоваться? Зеленые сочные краски природы остались в прошлом, и впереди ждало скучное существование. Возвратившиеся с Земли не понимали, как вообще можно было жить на Родине? Но также им было ясно, что пройдет совсем немного времени — они привыкнут и уже не смогут представить свою жизнь в другом месте. С грустными чувствами прилетевшая экспедиция добралась до Родины, где их сразу проводили на прием к Ану, и был дан обед в честь возвращения, и состоялся долгий диалог. Ану интересовался Землей, ситуацией с шахтами, работой на них. Биолог долго рассказывал и показывал привезенные с собой экспонаты. Когда все темы для разговора иссякли, Златомир решил обратиться к Ану и его ученым с предложением, которое пришло ему в голову еще во время экспедиции.

— Ану, за время экспедиции я много наблюдал за природой Земли, и однажды мне в голову пришла кое-какая мысль. Она касается того, как мы можем решить проблему с защитным слоем нашей планеты, не совершая длительных перелетов.

— Продолжай, Златомир! — сказал Ану. — Это очень интересно.

— На Родине расположено множество дремлющих вулканов, способных дать невероятное количество тепла во время извержения. Если мы сможем пробудить их, это вызовет сильные извержения тепла, и оно, поднявшись, сделает атмосферу планеты более плотной, и все повреждения исчезнут.

— Это интересная мысль, — заметил один из ученых. — Но как ты предлагаешь пробудить их?

— Здесь можно использовать обычные снаряды, которые следует направлять прямо в жерла вулканов. Их даже можно сбрасывать с наших космических кораблей и самолетов.

Ану сцепил руки и задумался.

— Это хорошая идея, — сказал он позже. — Но она слишком рискованная. Я не могу так рисковать, хотя это действительно очень оригинальная и, возможно, плодотворная мысль. Тем более что мы уже собрали золото, и можно продолжать процесс его переработки и распыления в атмосфере.

Озвученная идея была действительно опасна, и Златомир сам это понимал.

.....

Прошло 150 тысяч лет с тех пор, как нефилимы впервые группой прилетели на Землю и начали добывать золото. Многое изменилось на планете с того времени. Было построено по несколько баз на каждом из континентов и несколько сотен вахтовых поселков, рядом с которыми велись работы. Изменились и сами инопланетные гости. Рабочие устали трудиться на рудниках не покладая

рук и рисковать своей жизнью ради неизвестной цели. Все чаще вспыхивали среди них стычки, подавить которые могли только военные, и тем меньше оставалось желания работать. Сменялись руководители, а рабочие оставались, покоряясь накатившему на них отчаянию. Но нет существа страшнее, чем то, которое находится в этом невыносимом состоянии. Каждый лишенный выбора, способен на многое, даже на самые жестокие и необдуманные поступки, и пусть дрожит вызвавший в живом существе такие страдания.

Экспедиции менялись одна за другой каждый раз, когда Мардук приближался к Земле. Сорок два раза происходила пересменка, и десять раз смещались полюса. Твердимир, Мирослав и Градак были в экспедиции уже трижды. Два раза прилетали Энлиль и Энки. Четырежды были Нинхурсаг и Беримир, которые, как и Энлиль, полюбили зеленую планету и не представляли своего существования без неё.

Многие тысячелетия все шло своим чередом, пока не произошло событие, изменившее ход всей истории планеты. На первой построенной в Африке базе Ламбаек, золотые запасы которой были неиссякаемы, так что добыча золота продолжалась там на протяжении 150 тысяч лет, нефилимырабочие подняли восстание. Бунты на рудниках происходили и раньше, но имели меньший масштаб. Об этом происшествии руководство узнало, будучи в Эриде. Руководство той экспедиции составляли Нинхурсаг, Горазд, Богдан, Воислав, Лучезар, Акнэль, Беримир, Энки, Энлиль и еще три нефилима, впервые прилетевшие на планету. От всех находившихся в Эриде зависело решение непростой проблемы.

По радиации Энки услышал об очередном бунте, происходящем на самом многонаселенном руднике, и, поняв, что ситуация не рядовая, созвал экстренное совещание. Столкновение не имело аналогов по своей жестокости. Рабочие захватили в заложники Воислава, который вышел к бастующим. Его целью было жестокое подавление восстания. Оказав яростное сопротивление, рабочим удалось оттеснить одного из ключевых руководителей экспедиции от военных и взять в заложники. Вместе с Воиславом оказались пленены и несколько его заместителей, не представлявших такой ценности, как руководитель, и не имеющих права голоса на собраниях руководства. А значит, и толку в их захвате было мало. Поняв, что пленение Воислава — это исключительная возможность, подобия которой, скорее всего, больше не представится, рабочие сообщили по радиации на другие рудники о своем бунте, рассчитывая на поддержку, и выдвинули требования к остальным руководителям. Они больше не видели никакой возможности улучшить ситуацию и сбросить с себя оковы рабства, кроме как пойти на подобный шаг. Отчаяние, и только отчаяние сделало за них этот выбор. Единственным требованием было освободить всех их от работ и вернуть на Родину, и лишь после выполнения этих требований они согласились отпустить Воислава из плена. Поняв, что у них на руках столь важный козырь, рабочие с остальных рудников поддержали бунт, прекратив добычу, и с нетерпением стали ждать результат, отслеживая события по радиации. Встали работы на всех рудниках, включая индонезийские на острове Флорес, несколько рудников в Окинаве, в Южной Америке, на Тибете.

Руководители, не теряя времени, вылетели к бастующим и попытались убедить их отпустить Воислава и вновь приняться за работу, но рабочие ответили решительным отказом. Пускать в дело оружие было нельзя, в связи с пленением Воислава, да и любовь Энлиля, Беримира и Нинхурсаг к своим братьям не допускала даже мысли о насилии. Не оставалось ничего другого, как связаться с Ану и ждать от него мудрого решения. Узнав о случившемся, верховный правитель сразу вышел на руководство экспедиции.

Ану знал, что много тысячелетий рабочие добывали золото для неизвестной им цели. Их жизни заканчивались на рудниках и шахтах, где они не покладая рук намывали его целыми днями напролет, не зная праздников и выходных. Свободные нефилимы превратились в рабов собственной планеты, и все бы, возможно, обошлось, если бы они понимали, что цель их миссии самая благая и трудятся они во благо собственной Родины и оставшихся на ней близких. Мелкие вспышки возмущения всегда жестко подавлялись, ни о какой демократии не могло идти и речи. Политический режим Родины не действовал на этой далекой планете, где нефилимы были орудиями добычи, а не существами, имеющими права. Мелкие бунты происходили все чаще и чаще на разных рудниках, между которыми не было совершенно никакой связи. Постепенно это стало переходить в привычку, а волны возмущения только усиливались. С каждым разом для подавления бунта приходилось прибегать к более жестким мерам, и это часто заканчивалось кровопролитием. Рабочим было нечего терять, поскольку им казалось, что они обречены на пожизненное рабство, и

от этого становились неуправляемыми и злыми.

Было бы неправильно осуждать Ану, Энки, Энлиля или кого-то еще за подобное обращение с братьями. У всех была общая цель, от которой зависела жизнь на родной планете, и для её достижения все средства казались хороши. Возможно, если бы рабочие узнали, для чего они гнут спины, то стали бы работать еще активнее и позабыли об усталости и разногласиях. Но правительство держало причину в строгом секрете: паники нельзя было допустить.

— Ситуация на шахтах критическая. Уровень озлобления уже вырос настолько, что мы не можем подавить восстания, даже используя наше вооружение. Необходимо срочно что-то предпринимать, а иначе рабочие могут сорвать операцию, — сказал Энлиль в микрофон рации, сидя за большим круглым столом.

— Я абсолютно согласен с этим утверждением, — вступил в разговор надсмотрщик одной из баз в Африке, оказавшийся во время бунта в Эриде. — Мы опустошили недра планеты во многих частях суши, но продолжаем добычу. Рабочие возмущены таким объемом работ и хотят домой. Я прекрасно понимаю, что вернуть сейчас мы их не можем, поскольку они разбегутся и мы их потом не соберем, а новые рабочие не пойдут, так как наверняка сразу прознают об изнурительных нагрузках в экспедиции. Те, кто трудится на шахтах с первого дня, думали, что едут на экскурсию, когда соглашались.

— С этим надо срочно что-то делать! — сказал Энлиль.

— У тебя уже есть предложения? — поинтересовался

Энки, зная, что у Энлиля нет предложений, и желая задеть его самолюбие.

— По-моему, это общая проблема, так и давайте решать её тоже вместе, — сказал Энлиль.

— А если мы дадим рабочим возможность передохнуть, — спросила Нинхурсаг. — Какими бы развитыми ни были наши тела, они подвергаются изнурительной нагрузке уже 150 тысяч земных лет. Это очень большой срок даже для нас. Рабочим нужен отдых, а иначе ситуация будет только усугубляться.

— Предложение, конечно, хорошее, но они, труженики, не видят конца своим беспросветным будням, а соответственно у них нет цели, — сказал Энки. — Более того, если они сейчас отдохнут несколько лет, то потом будет очень тяжело заставить их возобновить работу.

— Тем более что время играет не на нашей стороне, — добавил Ану.

— По меркам Родины, пара лет — ничтожный срок, — сказал Энлиль.

— Но этого срока будет достаточно, чтобы они привыкли к хорошему, — категорично заявил Энки, пытаясь встать на сторону Ану и тем самым вызвав его расположение.

Энлиль бросил на Энки пристальный взгляд, от которого у того похолодело нутро. Все почувствовали что обстановка накаляется, и замерли в ожидании продолжения событий. Зерно конфликта между двумя нефилимами с ярко выраженными качествами лидерства было заложено давно, еще на Родине, а в последнее время прорастало все сильнее, и конфликты становились все чаще. Не желая развивать

конфликт, Энлиль перевел взгляд с Энки и продолжил беседу о бунте.

— А если мы применим грубую силу и, все-таки насильно, освободим Воислава, а рабочих заставим продолжать добывать золото, то сколько времени пройдет, прежде чем они поднимут еще один кровопролитный бунт и сорвут всю операцию? — спросил он, осматривая остальных.

— Не больше ста лет! — уверенно заявил Богдан.

— Этого времени нам явно не хватит, чтобы закончить работы, — вполголоса произнес Энлиль.

— А может, нам создать существ, которые будут вместо наших рабочих добывать золото? — предложил Энки, и по его тону стало понятно, что он уже давно вынашивал эту идею и только ждал подходящего момента, чтобы, высказав её, поставить Энлиля в неловкое положение. — Создадим физически сильных существ, которые будут добывать золото и безукоризненно выполнять наши приказы.

Нефилимы одобрительно закивали головой.

— Я категорически против этого, — заявил Энлиль, встав из-за стола. — Вы предлагаете создать живых существ, став им родителями. А что мы будем делать после того, как закончим работы и улетим? Предлагаете забрать их с собой на Родину?

— Зачем? Когда они выполнят свою работу, мы их уничтожим, — спокойно произнес Энки.

— Ты предлагаешь убить тех, кого мы создадим и обучим. Как никак, мы будем для них родителями, и должны нести за них ответственность! — сказал Энлиль.

— О какой ответственности ты говоришь? — произнес

Энки повышенным тоном, вставая из-за стола. — Мы создаем их специально для рабства! Их работа от рождения заключается в том, чтобы делать за нас грязную работу, и мы, на правах создателей вправе делать с ними все, что захотим!

— Энки прав. Мы их создаем на свет, и мы же имеем право уничтожить их, — согласилась с Энки Нинхурсаг.

— Это совсем негуманно, — сказал Беримир. — Мы не имеем права лишать жизни живое существо, пусть даже если сами его и породили. С момента своего появления — и не важно, кто его создал, — оно является самостоятельным, мыслящим, разумным, способным думать, а самое главное — чувствовать. Как мы объясним разумному существу, что мы его уничтожим потому, что сами же и создали? Это не вещь, а живой организм!

— Хорошо, мы станем с самого начала внушать им, что созданы они для того, чтобы работать, а по завершении работ подлежат уничтожению. Они будут обладать низким уровнем сознания и примут это как должное! — сказал Энки.

— Если мы будем создавать вид обычным скрещиванием, как делали это в лабораториях, то у выведенных экземпляров останутся животные инстинкты, такие как инстинкт размножения. Эти существа размножатся до такой степени, что разбегутся по всей планете, и мы многих из них потеряем, а соответственно до этих многих не дойдут наши установки, — настаивал на своем Беримир.

— Это не проблема, — сказала Нинхурсаг. — Используя наши технологии в медицине, мы сможем сделать

их стерильными или бесполоыми. Тем самым мы будем способны контролировать их численность.

— Я все равно считаю это недопустимым, — заявил Энлиль. — Что скажут на этот счет остальные? — и он окинул всех руководителей экспедиции изучающим взглядом.

— Честно говоря, Энлиль, я понимаю, что ты не хочешь причинять боль тому, кого мы создадим, но у нас нет иного пути. Я вижу искусственное создание рабов единственным выходом из сложившейся ситуации. В конце концов, проблемы с этими существами наступят гораздо позже, а ту проблему, что стоит перед нами уже сейчас, нам надо решать как можно скорее, — сказал Богдан.

Нефилимы закивали головами, и одобрительные реплики слышались со всех сторон. Энлиль и Беримир остались в меньшинстве. Было обидно, что товарищи не поддержали их в этот момент. Но в то же время Энлиль и Беримир понимали, что всеми движет инстинкт самосохранения. Каждый хотел уберечь свою Родину, и сделать был готов это любой ценой. Конечно, их не беспокоили чувства существ, которых они создадут, чтобы потом уничтожить — их заботила собственная безопасность. Энлиль был категорически против искусственного создания рабов, но других способов выйти из сложившейся ситуации и заставить рабочих вести добычу, он не знал.

— Как я понимаю, вы все согласны с предложением Энки?

— Да, Энлиль. На наш взгляд это единственное возможное решение, — ответил Богдан. — А что на этот счет скажешь ты, Ану?

Рация молчала. В зале повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь шумом приборов. Всех волновало мнение правителя, поскольку именно оно станет решающим. Энлиль надеялся, что Ану понимает всю серьезность ситуации и откажет Энки. Он периодически переглядывался с Беримиром, чувствуя его поддержку.

Наконец из рации донесся вопрос Ану:

— Энлиль, у тебя есть альтернативные способы решения проблемы?

— Пока нет, — признался Энлиль. — Но безвыходных ситуаций не бывает, ты ведь знаешь.

— При всем моем уважении к тебе, сейчас я полностью на стороне Энки. Пока мы будем искать альтернативное решение проблемы, наступят необратимые последствия. Прости Энлиль, но я должен сказать, чтобы вы все приступали к созданию искусственного раба. И постарайтесь все сделать как можно лучше — без последствий для планеты, китов и самих созданных существ.

Энлиль сложил руки на груди и тяжело выдохнул. Подняв глаза он увидел улыбающегося Энки. Как же ему захотелось ударить его! Но, удержав себя в руках, он начал придумывать следующую ситуацию, в которой сможет отомстить. Энлиль чувствовал себя мерзко, поскольку остался в меньшинстве и к его точке зрения никто не прислушался. Но он знал наверняка, что эта затея Энки обязательно приведет к страшным последствиям.

— Теперь, когда все улажено и получено разрешение у Ану, можем приступать к опытам? — спросила Нинхурсаг у Энлиля.

Энлиль понимал, что пока нефилимы видят лидером

именно его, а не Энки, и, несмотря на маленькое поражение, он решил не упускать нить власти. На правах хозяина он продолжил собрание, сделав вид, что победа Энки его не беспокоит.

— Пусть сейчас зрители рудников летят на свои рабочие места с хорошими новостями. И скажут, что мы начали создавать искусственного золотодобытчика, а пока идет работа, они должны добывать золото. Думаю, они приступят к труду с воодушевлением, — объявил Энлиль.

Смотрители рудников встали и с улыбками на лицах вышли из зала. Энлиль тут же связался по рации с Ламбаек и сообщил о найденном решении проблемы. Бунтующие выслушали его и пообещали отпустить Воислава сразу, как только будут готовы первые существа. Многие руководители были счастливы, что больше не придется проливать кровь собратьев, подавляя бунты и мятежи.

— У кого-нибудь есть предложения насчет создания этих рабов? — спросил Беримир, когда строители улетели.

— Я думаю, нам не нужно их создавать, поскольку на это уйдет масса времени, а Воислав будет все это время находиться там, — сказал Энки. — У нас уже готовые тела, так давайте мы просто одушевим их.

— То есть как? — удивился Беримир и облокотился на стол, внимательно слушая недавнего оппонента.

— Не знаю, как это сделать правильно, — ответил Энки, глядя на Лучезара, являющегося магом. — Но думаю, что есть способ одушевить эти тела посредством вселения в них других душ. Может быть, создать порталы

из других миров и через них вселить в тела существ более низкого уровня развития? Для них это будет своего рода школой повышения развития.

— Это вполне можно реализовать, — ответил Лучезар. — Но нам потребуется приложить большие усилия, чем просто открыть порталы. Здесь нужно кое-что еще. Во-первых, для создания новой расы необходим отцовский аспект, и прийти он должен из-за пределов этой системы, а во-вторых, процесс создания расы не так уж и быстр. Это вам не бездушное тело. Уйдет, как минимум, две тысячи лет на создание Яйца Жизни и работы с ним, а потом еще несколько тысячелетий на развитие этих одушевленных существ. Вы ведь не собираетесь пускать на рудники животных, которые не способны мыслить и отдавать отчет в собственных действиях.

— Тогда, если все согласны, предлагаю именно так и поступить, несмотря на большие сроки реализации, — сказал Энки.

Оставаться безучастным было нельзя, и Энлиль с болью в сердце принял тот факт, что придется создавать существ, которых потом придется уничтожить. Он неохотно согласился с учеными и влился в процесс создания рабов.

— Лучезар, — обратился Энлиль к товарищу, когда они остались наедине. — Ты ведь понимаешь, что мы причиним много боли существам, которые будут жить в телах?

— Да, но я не вижу другого выхода.

— Я даже не знаю, что тут посоветовать, — задумался Энлиль, обхватив голову руками. — А ты сумеешь заселять в эти тела только низкоразвитые существа, в кото-

рых, возможно, даже отсутствуют чувства и эмоции? Или создать роботов, не обладающих духовной составляющей?

— Ты предлагаешь создать подобие биоробота, с заложенной программой выполнения работы?

— Да. Именно так. Ты только что двумя словами воспроизвел все мои мысли, — ответил Энлиль.

— Я вижу, что ты очень переживаешь за наших будущих тварей, и это хорошая твоя черта. Ты сначала думаешь, а потом делаешь, в отличие от многих других. Но смею тебя успокоить, что в результате наших экспериментов, у нас именно это и получится. Одушевленное существо окажется столь примитивно, что ничем не будет отличаться от биоробота с загруженной в него программой.

Эти слова немного успокоили Энлиля, и он с некоторым облегчением продолжил работу.

Когда все руководители покинули зал, Богдан подошел к Нинхурсаг и отвел её в сторону.

— Я боюсь, что у нас могут возникнуть проблемы с рабочими. Будет крайне тяжело заставить их трудиться до того времени, пока изготавим искусственных рабов, а я не верю, что работа над ними закончится в ближайшее время, — сказал он ей.

— И чем я могу помочь?

— Мне нужно, чтобы ты изобрела эликсир, который они будут принимать ежедневно под видом тонизирующего средства, но в который ты заключишь одурманивающие вещества наряду с соками фруктов.

— Ты хочешь притупить их соображение?

— Да, а иначе я не заставлю их работать.

— Хорошо, я сделаю это, — ответила Нинхурсаг. — И кстати, надо было предложить этот способ Ану, когда он спрашивал о методах, которые бы заставили рабочих вести добычу.

— Я тоже об этом подумал, но промолчал, поскольку это совсем негуманный способ и применять его против собратьев жестоко.

ГЛАВА 3

СОЗДАНИЕ РАБОВ

Процесс создания новых тел был тем же, что и много лет назад, когда Беримир с командой, а потом и Энлиль с Нинхурсаг трудились над получением оболочки. Цель стояла одна — сделать нечто более развитое, чем уже существовало на планете к тому моменту. Вновь они совмещали собственную ДНК с ДНК обитающих на земле гоминидов и других видов животных, а также добавляли элементы земли, в частности глину. Образовавшуюся в результате смешения субстанцию нефилимы отложили до тех пор, пока на уровне четвертого измерения не будут закончены определенные процедуры. Несомненно, процесс создания одушевленной расы был значительно более трудоемким и требовал помощи со стороны.

В то время, пока ученые смешивали ДНК и готовили материал, остальные руководители во главе с Ану искали подходящий отцовский аспект для создания новой расы, который должен был прийти извне тела Земли, то есть из другой системы. После недолгих размышлений и дискуссий они остановили свой выбор на одной из развитых цивилизаций, находившихся недалеко от Земли. Это были сирианцы. Их знания, мудрость и способность Любить сделали бы из них хорошего родителя.

Ответ с Сириуса Б пришел скоро. Сирианцы ответили согласием и обещали прибыть в ближайшее время. Скоро нефилимы-руководители, находившиеся в тот момент

на Земле, уже встречали долгожданных гостей. Большой серебристый корабль приземлился на космодроме в Сиппаре. Если нефилимы были по большому счету существами третьего измерения, то сирианцы — четвертого. Им потребовалось проходить сквозь миры, чтобы попасть на планету, но для них это была не проблема. Двери корабля открылись, из него вышли тридцать пять обитателей планеты Сириус Б. Они были одного роста с нефилимами, но внешний облик отличался. Они имели совершенные в понимании нефилимов тела. Настолько, что было тяжело различить их пол. Золотистая гладкая кожа переливалась на солнце. Женщины имели зеленые глаза и золотые волосы. Три сирианца были членами экипажа, а тридцать два составляли одну семью, которой и предстояло принять участие в эксперименте. Эта большая семья, в прямом смысле этого слова, состояла из шестнадцати особей мужского пола и шестнадцати — женского.

— Лучезар, а почему у них такая большая семья? — спросил Творимир у старшего товарища, склонившись над его ухом.

— Количество членов семьи и другие устои, напрямую зависят от устройства той системы, где они находятся. Дело в том, что наше Солнце водородное — у него один протон и один электрон, поэтому и дети здесь могут появляться от взаимодействия одного мужчины и одной женщины. Если мы говорим о системах, где гелиевое солнце, то там дети могут рождаться только в результате акта двух мужчин и двух женщин и не меньше. Это оттого, что гелий имеет два протона, два нейтрона и два электрона, — ответил ему Лучезар.

— А что на Сириусе? — спросил Творимир еще тише.

— Сириус Б сам по себе является солнцем. Но это очень древнее солнце, называемое белым карликом и уже находящееся на высокой эволюционной ступени. Вся та система является германиевой, а соответственно и для зачатия одного ребенка надо не меньше тридцати двух существ, из которых шестнадцать мужского пола и шестнадцать — женского.

Творимир с пониманием покивал головой, продолжая взглядом изучать сирианцев, которых видел впервые. Жители Сириуса спустились по трапу на землю, и начали сканировать её взглядом, словно пытаясь найти отличия от той, которую видели во время последнего пребывания здесь.

После небольшой прогулки вблизи Сиппара нефилимы пригласили сирианцев на свой корабль и уже вместе полетели на соседнюю жаркую тропическую территорию, где посреди джунглей стояло небольшое пирамидальное сооружение. Здесь был вход в самое сакральное место планеты Земля — её матка. Все стояли в круге, когда семеро нефилимов, облаченных в скафандры и пребывающих в своих родных телах, вышли в центр и легли на траву. Осознанно выйдя из физического тела, они оказались в другом измерении и направились непосредственно в матку Земли, называемую Аменти. Прибыв внутрь, они приступили к церемонии.

Каждая сущность обрела форму сферы, и все вместе они соединились друг с другом в Цветок Жизни, выстроившись по шаблону Творения. Принципы Сакральной

Геометрии действуют и проявляются во всем на планете, в том числе они являются фундаментом для зарождения новых рас. Сразу после соединения нефилимовских сфер в образный Цветок Жизни в центре зала Аменти, на небольшом кубе, вспыхнуло серебристо-голубое пламя чистой Энергии. Оно было высотой в полтора метра и диаметром — около одного. Сами Залы Аменти также были построены на принципах Сакральной Геометрии, и комната была основана на пропорциях Фибоначчи.

Когда нефилимы сделали все от себя зависящее на этом этапе и создали Планетарное Яйцо, сирианцы перешли в четвертое измерение, и оказавшись на одной волне с созданным нефилимами Цветком, приступили к своей работе. Для начала они из ничего создали алтари розового кварца под свой рост. Однако сказать что они создали их из ничего, не совсем корректно, поскольку были они построены из энергии, находящейся в каждом квадратном сантиметре пространства, но которую не видно со стороны физического мира. Сирианцы расположили алтари вокруг созданного нефилимами Цветка Жизни и легли головами к Пламени и лицом вверх, чередуясь: мужчина — женщина. Создав матрицу Осознания высочайшего тридцать второго уровня, сирианцы слились с Планетарным Яйцом нефилимов. Матрицы женского аспекта нефилимов, Сознание, и матрицы мужского аспекта сирианцев, Осознание — соединились в планетарный союз, и произошло планетарное зачатие, основанное на Безусловной Любви между существами. Будь уровень сознания материнского и отцовского аспектов ниже, то есть не умей они Любить и видеть во всем Божественное

Начало, то эксперимент оказался бы сорван.

Две тысячи лет длился процесс планетарного зачатия. Все это время сирианцы лежали на плитах из розового кварца без движения, соединяясь с Пламенем и зачиная новую Земную Расу. Без этого зачатия не было бы возможно создать духовную основу для нового вида. Вся эта титаническая работа проходила лишь для одного — чтобы заложить зерно информации в коллективном сознании планеты. Если бы они это не сделали, то выведенный вид не мог бы существовать.

Нефилимы решили создавать этих существ по принципу собственного развития на Родине. Им не нужны были существа, способные размножаться и имеющие инстинкты к продолжению рода, поскольку держать их численность под контролем тогда будет невозможно, а соответственно, когда подойдет время их уничтожения, они не смогут ликвидировать всю их численность поголовно, не нанеся урон планете. Поэтому было решено искусственно поддерживать необходимое количество землян. К тому моменту, как Цветок Жизни заработал в полной мере, необходимое количество тел было уже готово. Нефилимы разложили их на земле, и Лучезар стал открывать порталы, по которым низкоразвитые души, желающие поднять уровень развития, могли попасть в тела.

Стремящиеся к Свету души тучами кинулись на планету прямиком из Космоса, и начали занимать свободные тела. Нечто страшное стало происходить на глазах родителей в этот момент. Лежащие без движения до сих пор, тела стали дергаться, брыкаться, изгибаться, являя таким образом непонятное зрелище. Каждый нефилим сразу вспом-

нил тот момент, когда впервые примерил новое тело на себя. Пришедшие души пытались приспособиться к телу так же, хаотично и рефлекторно дергая руками.

Эти новые тела были около пяти метров ростом, с отличным телосложением и большой физической силой. Единственное, чего им не хватало, так это ума. Они были очень слабо развиты, и нефилимы поняли, что потребуется много времени, прежде чем можно будет доверить им работу. Оставив дергающиеся тела под присмотром, несколько нефилимов и сирианцы пошли на прогулку.

— Что вы собираетесь теперь с ними делать? — спросила одна из сирианок.

— Сейчас от них мало толку. Мы еще не записали в них программу для работы. Потребуется время, чтобы они привыкли к телу и научились добывать золото, — ответил Энлиль.

— А кто сейчас работает на шахтах? — спросил сирианец, разглядывая с холма зеленый тропический лес.

— Наши рабочие. Мы договорились с ними, что они будут вести добычу до тех пор, пока новые рабочие не смогут заменить их.

— И они согласились?

— Конечно. Для них это хоть какая-то определенность.

Сирианец замолчал и взгляделся в даль. Где-то там, далеко, шла активная добыча золота. Рабочие продолжали оставлять на рудниках свое здоровье.

— Что теперь будет с биороботами? — спросил сирианец спустя время.

— Сейчас мы отправим их на остров Гондвана, — отве-

тил Энлиль, понимая, что сирианец спрашивает о землянах. — Там им придется развиваться до тех пор, пока они не научатся добывать золото. Только после этого мы отправим их на рудники, а наших собратьев освободим от работы.

Нефилимы давно решили отправить всех созданных землян на остров, где их будет проще контролировать и отсутствует вероятность потери. Опасаясь неприятных последствий, ученые вывели тела подобные не тем, какие носили сами, а похожие на первоначальные, лишенные крыльев. Благодаря отцовскому аспекту сирианцев, эти тела были лучше сложены и обладали еще большей физической силой. Нефилимам не требовалось обучать их наукам и прочим тонкостям — целью было создать биороботов, способных выполнять тяжелую физическую работу, и не задавать лишних вопросов. По большому счету, им нужны были роботы способные не мыслить, а только безукоризненно выполняющие приказы. Нефилимы рады были бы создать подобных существ, но вместе с развитием навыков, в них, согласно заложенной программе, постепенно росли и уровень внутреннего развития, и способность к мышлению.

Представители двух рас медленно подходили к Сиппару. С космодрома слышались крики и ругань Воислава. Зайдя на площадку, руководители увидели жалкую картину: нефилимы силой сгоняли землян в кучу и сажали в космический аппарат.

— Загоняй сюда это стадо! Сколько с ними возиться можно? — крикнул один из нефилимов, стоящий на трапе.

Находящийся рядом с сирианцами Энлиль почувствовал себя неловко за своих товарищей. Как ни как, но сирианцы имели к созданию землян такое же отношение, как и они сами, но вели себя дружелюбно.

Нефилимы с силой хватали землян и толкали друг на друга. Испуганные и не понимающие ничего земляне даже не сопротивлялись и только отдавались на милость своим создателям.

Космический корабль поднялся в воздух под провожающие взгляды сирианцев и нефилимов и устремился на остров Гондвана, расположенный у западного побережья Африки. Именно там надсмотрщики из числа рабочих высадили землян и остались с ними. Будущих рабов поселили в пещеры, подальше от палящего солнца, где им предстояло проводить большую часть времени.

Сейчас первостепенной задачей нефилимов было обучить их передвижению. Выведя землян на большую поляну, они начали показывать круговые движения, похожие на те, что делали сами, когда вживались в тела. Процесс освоения тела у низкоразвитых существ проходил значительно дольше и затратил несколько лет. Каждый день они делали специальные упражнения, постепенно подготавливая землян к работе на рудниках. Надсмотрщики никогда не думали, что так тяжело будет научить их держать молоток и наносить им удары. Видя, как туго даются навыки, некоторые нефилимы не стеснялись применять силу к существам, не способным ответить тем же.

Без малого 60 тысяч лет потребовалось землянам, чтобы научиться работать на рудниках и нефилимы смогли доверить им столь важную работу. За это время

многое изменилось на планете. Поднимались и уходили в бездну материки в результате смещения полюсов, уровень развития землян то поднимался, то падал в зависимости от грядущих юг. Особенно туго приходилось нефилимам, когда планета погружалась в «духовную спячку», а вместе с ней «засыпали» и земляне. Все вибрирует и подчиняется определенному ритму — сон и бодрствование, подъем сил и их упадок. Наряду с короткими по времени интервалами, как день и ночь, были и более масштабные, когда планета вступала в фазу засыпания и знания землян резко падали, наряду со способностью запоминания. Тысячи раз повторяли и наглядно показывали учителя-нефилимы навыки своим ученикам, но все было почти безрезультатно. Они ничего не понимали.

Со временем в землянах стали проявляться инстинкты, и отнюдь не к работе, как хотели нефилимы. Землян мужского пола стало тянуть к женскому. Они не понимали происходящего с ними, но инстинктивно спаривались друг с другом. Вот тут-то создатели и порадовались тому, что изобрели тела бесплодными, лишив женщин портала в матке для принятия новых душ. Эти порталы были на энергетическом уровне и не имели никаких физических аспектов. Нефилимы не могли создать землян одного пола, так как это не соответствовало принципу дуализма мироздания, но и позволить им беспрепятственно размножаться было глупо.

За многие тысячелетия каменные стены строений на базах нефилимов, которых наряду с Эридой и Ламбаек насчитывалось еще около сотни, покрылись зеленой растительностью. И во время очередной пересменки некоторые

руководители из новой команды были приятно удивлены красотой базы. Другие же посчитали базу Ламбаек заросшей и запущенной. Так и не придя к конечному заключению о внешнем виде, руководители решили использовать труд рабов с рудников в целях приведения базы в порядок и дальнейшего поддержания чистоты. Ладимир сам решил отправиться на большой рудник в Африке и выбрать подходящие для этой цели экземпляры.

Поднявшись на небольшом корабле, он летел над землей и смотрел в иллюминатор. Внизу под ним зеленая природа чередовалась с темными ранами развороченных недр. В памяти воскрес страшный момент далекого, почти забытого прошлого. Ладимир был уже взрослым, если не сказать старым, и воспоминания юности почти стерлись за долгие годы существования. Мало кто из живущих к этому моменту нефилимов мог помнить о событиях, происходящих на Мардуке, а тем более быть свидетелем. Ладимир никогда не говорил вслух о тех страшных воспоминаниях, которые не хотелось ворошить. Правительство держало эту информацию в строжайшей тайне, и впервые в жизни нефилим усомнился в правдивости слов, сказанных на том экстренном совещании, которое положило начало экспедиции на Землю. Яркая вспышка понимания влетела в голову, и он осознал, что *именно* тогда искали его собратья, уничтожая чужую планету.

...Шум стал привычным делом. Огромные машины резали планету на части, а рабочие собирали небольшие куски непонятного вещества в черные мешки и относили в хранилища. Взрывы, содрогание планеты под ногами — все это было страшно. Огромные шахты, обра-

зовавшиеся после концентрированных ядерных взрывов, были невероятно глубоки. Рабочие трудились без сна и отдыха, стараясь в кратчайшие сроки опустошить недра. Никого не волновало будущее планеты, и поэтому работы велись самым варварским, антигуманным способом. Нефилимам было наплевать на причиняемые живому существу страдания. Преследуя свою эгоистичную цель, они забыли о других...

Воспоминания были страшные, но еще страшнее становились умозаключения. Значит, правительство давно пытается решить проблему с атмосферой. Оно и прошлую экспедицию на Мардук держало в секрете настолько строго, что никто на Родине даже не знал о ней. То же самое происходило и с экспедицией на Землю. Ану до сих пор мотивировал это тем, что нельзя вызывать панику у жителей, и просил всех официальных лиц соблюдать «тишину». Значит, он был прекрасно осведомлен об операции на Мардуке, и проблема с атмосферой не столь нова, как её пытались преподнести. Но кто знает о тех варварских работах? Наверняка Ану не единственный ведающий о происходившем на той планете. Вероятно, и другие из его ближайшего окружения входят в единое правительство Родины. «А что стало потом с теми рабочими? — внезапно возник вопрос в голове Ладимира. — Неужели их уничтожили?» — Он сначала испугался своих предположений, но потом решил, что Ану не способен на такое и, скорее всего, ученые просто стерли из памяти рабочих и остальных участников экспедиции всю информацию, касающуюся цели их пребывания там.

Сейчас, находясь высоко в небе, далеко от места

проведения работ, Ладимир не слышал взрывов, но один только вид изуродованной природы причинял острую боль в сердце и воскрешал в голове страшные воспоминания. Корабль начал снижаться, и страшные язвы планеты обнажились перед ним во всем своем уродстве.

Абстрагируясь от увиденного и стараясь забыть о своей основной задаче на Земле, он сразу подошел к начальнику рудника и попросил привести сотню самых развитых землян. О цели своего визита он оповещал заранее, и поэтому подготовка землян к полету не была долгой. После небольшой проверки их умственного развития, Ладимир посадил рабов в корабль и полетел в Междуречье. К этому моменту Эрида была под водой, но нефилимы не захотели менять климатический пояс, к которому привыкли за тысячи лет, а поэтому расселились по остальным базам, находящимся в области, когда-то бывшей Междуречьем. Несмотря на сильное изменение поверхности планеты, они по-прежнему называли свое освоенное место Междуречьем, как в первый день их прибытия.

Весь полет земляне испуганно смотрели в иллюминатор. Среди этой сотни было пятьдесят особей мужского пола и пятьдесят — женского. Возможно, они даже не понимали происходящего с ними. Приземлившийся корабль встречали нефилимы. Увидев землян, они были приятно удивлены их уровнем развития, который значительно подрос с момента последней встречи.

Рабов развезли по разным базам, где они быстро усвоили садоводческое дело, и с воодушевлением приступили к работе. Больше половины из них доставили в Ламбаек, расположенный на юге Африке, с десятком — на красивей-

шую равнину с озером в центре, находившуюся на территории Тибета. Чуть больше десяти экземпляров оставили в Сиппаре, и еще тридцать распределили по базам Мексики и Китая. Несмотря на отсутствие развитого сознания, рабы понимали, что выполняют более легкую работу, и радовались этому. Примитивные эмоции проявляли они уже тогда.

Много времени провели земляне, приводя базы в порядок. Они выкорчевывали деревья и срезали тонны лиан с каменных стен. Со времени постройки прошло много времени, и природа полностью поглотила некоторые из баз. Не было проблем у землян с пропитанием: тропические деревья со спелыми фруктами росли на каждом шагу. Площади баз простирались на многие квадратные километры вокруг, но рабочим была дана задача чистить территорию от деревьев и подстричь траву только в непосредственной близости от зданий, а леса, стоящие вокруг, чистить от мусора. Когда вся работа была выполнена, землянам была поставлена задача поддерживать чистоту и порядок.

Жарким днем Будимир сидел в тени большого пальмообразного дерева и наслаждался красивым видом базы, по стенам которой расползся плющ, прикрыв камни. Только высокая трава, вырывающаяся сквозь горный грунт наружу, портила картину. Здесь, на базе в Ламбаек, которую многие называли Эдином, был удивительный климат и природа была несравнима ни с чем другим, что прежде видел Будимир. За время командировки он успел посмотреть все красоты планеты. Видел тропические джунгли и покрытые снегом леса, высокие лысые скалы и прозрачные

озера. Однако такого разнообразия жизни еще нигде не встречал.

— Борислав, — окрикнул Будимир проходящего мимо товарища. — Где садовники?

— Кто именно тебя интересует?

— Мне все равно, главное — чтобы поумнее были и не срезали лишнего.

Борислав подошел ближе и сел рядом.

— Тяжело с ними, — посетовал он. — Порой складывается впечатление, что они вообще ничего не понимают. Я посылаю им телепатические образы, а они смотрят на меня, как бараны, и мотают головами.

— Они еще очень глупы, и нужно время, пока поумнеют. Главное, что они выполняют свои обязанности по заложенной программе.

— Верно. Представляю, как тяжело пришлось их учителям!

— Как они их различали, интересно?

— Насколько я знаю, они дали им имена и порядковые числа.

— То есть?

— На всех рабочих имен не хватило, и многим учителя дали номера.

— А как называли тех, которые работают у нас?

Борислав удивленно посмотрел на него и усмехнулся:

— Мне что, больше делать нечего, кроме как запоминать их имена?

— Я все же считаю, что работающим у нас землянам нужно дать имена, дабы нам в них не путаться и было с кого спросить в случае чего.

— В этом я с тобой согласен.

— И какие будут твои предложения?

— Даже не знаю. Можно назвать их Ка, Адамом, Ти-Амат... да как угодно.

— Я не против. Тогда надо будет предупредить остальных.

— Ну так кого к тебе отправить? — спросил Борислав, поднимаясь с травы.

— А кто из них самый смысленый?

— На мой взгляд, это Адам и Ти-Амат.

— Ну вот их тогда и пришли.

Будимир продолжал сидеть под деревом, когда к нему подошли два землянина — мужчина и женщина. Они были напуганы и смотрели в пол, как провинившиеся дети, боясь поднять глаза. Будимир понял, как нелегко пришлось им в рудниках, и мысленно пожалел их. Это как же строго с них спрашивали, что, не имея, как таковых, эмоций и способности мыслить, они уже умели бояться и развили в себе чувство покорности? Наверняка память отсутствовала в землянах, и они были способны жить только в состоянии «здесь и сейчас», но множественные наказания настолько глубоко ушли в подсознание, что отложились защитной реакцией в виде инстинктов, без которых невозможно было существовать.

— Не бойтесь, — сказал нефилим. — Теперь тебя будут звать Адам, — и он посмотрел на мужчину, — а тебя Ти-Амат, — и он посмотрел на женщину. — У каждого из вас будет собственное имя, как и у нас, а это большая привилегия. Мы неспроста взяли именно вас для работы на нашей базе. Как сказал ваш начальник на

рудниках, вы одни из наиболее развитых землян, и поэтому удостоены такой почести. — Будимир понимал, что сейчас этих землян надо поддержать. — Имена каждого из нас вам будет тяжело запомнить, поэтому называйте нас пока Создателями.

Адам и Ти-Амат кивнули головами и поклонились.

— Видите, там, на стенах между камнями, лезет трава? Вам нужно вырвать её и с этого момента постоянно поддерживать фасад здания в красоте. Понятно?

Земляне кивнули еще раз и пошли работать. Работники из них были отличные. Они трудились без усталы, постоянно поддерживая базу в чистоте.

Время шло, и земляне постепенно привыкали к постоянному обществу своих создателей. Находясь рядом с ними, они скоро поднялись высоко в своем развитии — научились говорить и обрели некоторые нормы поведения. Теперь они не только трепетали и раболепствовали при виде нефиллимов, но иногда и разговаривали с ними.

Находясь на Родине, Ану понимал, что допустил простительную ошибку, направив в экспедицию двух братьев с ярко выраженными лидерскими качествами. Изначально он это сделал намеренно, полагая, что в процессе конкуренции им удастся добыть больше золота, чем прежде, но сейчас видел, что это соперничество ставит под угрозу нахождение их расы на Земле. Многократно вспыхивали конфликты между Энки и Энлилем, несколько раз они допускали кулачное выяснение отношений, каждый из них пытался подставить другого и публично указать на проступок. Руководители не хотели вставать на сторону кого-то из них и всегда придерживались нейтралитета,

если дело не касалось голосования и принятия важного решения. Однако эти конфликты всегда осуждали и старались примирить непримиримых соперников.

Однажды произошел инцидент, в который Ану не мог не вмешаться, так как возник риск срыва экспедиции. Несмотря на изолированность конфликта между Энки и Энлилем, в который не вступало остальное руководство, верховный правитель понимал, что скоро может настать момент, когда им всем придется занять какую-то из сторон. Таким образом намечался раскол на два фронта, и становилось ясно, что ужиться вместе им будет непросто. Во время очередной связи с Родиной, на которой присутствовали все руководители, Ану приказал Энки лететь в Мексику и проконтролировать там добычу золота. Это пришлось не по нраву Энлилю, проводившему в тех землях много времени.

— Ану, я сам могу справиться с этой задачей, — сказал Энлиль. — Я лично руководил строительством поселков в той части планеты, — разреши мне проконтролировать процесс. Мне, как никому другому, известны нюансы работы в Мексике. — Энлиль очень хотел улететь из Сиппара и попутешествовать, но не выпадало возможности, а теперь, когда она появилась, Ану решил направить туда его давнего соперника.

Энки было все равно — останется ли он здесь или полетит контролировать шахты, но упустить возможность пойти против Энлиля он не мог.

— Нет, Ану, — сказал Энки, вызываяще глядя на Энлиля. — Я туда полечу. Мне хочется посмотреть, как там ведутся работы, тем более что я там ни разу не был, и

полюбоваться красотой тамошних мест.

Энлиль понял, что Энки перечит ему лишь из принципа, и злость завладела его разумом. Словно пелена пала на его глаза, и агрессия забурилась внутри, готовая потоками выплеснуться в любой момент.

— Ану! — сказал Энлиль злобно и не без сарказма. — Он же дилетант в этом деле! Даже ни разу там не был! Чем он сможет помочь? — слова вылетали произвольно, словно не Энлиль сам, а кто-то посторонний вещал через его уста.

Где-то на заднем плане сознания Энлиль понял, что перегнул палку, но сказанного не воротишь, и он, обозлясь еще больше, приготовился отбивать встречную атаку. Его слова очень больно кольнули самолюбие Энки и даже лишили дара речи на короткое время. Он растерянно смотрел на оппонента и подбирал слова.

— Зря ты, Энлиль, это затеял! — сказал Энки и, не найдя нужных слов, бросился с кулаками.

Все нефилимы с ранних пор занимались боевыми искусствами. Для их расы это было обычным явлением, и, уже выйдя из пещеры, еще юные особи учились выживать в суровых реалиях Вселенной. Последние войны на Родине происходили из-за престолонаследия, и именно тогда Ану в кулачном поединке победил своего противника и взошел на трон. Также не редкими были и моменты, когда приходилось сражаться на чужих планетах и в открытом Космосе. Такие межпланетные и межгалактические войны всегда отличались особой жестокостью и беспощадностью. Погибали целые расы, а победители занимали территорию побежденных. Наука выживать преподавалась нефилимам

с ранних лет, она была жизненно необходима. Представители их расы слыли отличными специалистами в области боевых искусств, но и о тяжелом вооружении они не забывали.

Энлиль в последний момент среагировал на резкий прыжок Энки, и кулак прошелся по его лицу вскользь. По инерции Энлиль послал свой кулак вдогонку пролетающему мимо противнику, метя в основание черепа и желая переломить шейные позвонки.

Воислав первым бросился разнимать дерущихся, когда понял, что если не сделает этого, то они нанесут друг другу очень серьезные увечья. Энки и Энлиль настолько отчаянно наносили удары, что даже не заметили, как несколько раз случайно попали Воиславу в лицо локтями. Не вытирая кровь, военный продолжал разнимать осатаневших и желающих разорвать друг друга собратьев. Понимая, что одному Воиславу не справиться, остальные бросились к дерущимся и, повиснув на их руках, прижали к полу. Не в силах пошевелиться, обидчики посылали друг другу телепатические образы, полные ярости, злобы и угроз. Справиться с физическим давлением разнимающих было невозможно, но в порыве ярости Энки пытался сбросить их с себя. Энлиль понял, что это бесполезно, и смиренно лежал под четырьмя нефилимами, пока физические возможности Энки не иссякли и он обессиленным не распластался на полу.

В этой перепалке, сопровождаемой криками и бранью, никто не слышал голос Ану, разрывающий динамики колонок. Но теперь он, словно солнце, внезапно вышедшее из темноты, оглушил всех своими приказами.

— Прекратить! — кричала рация. — Прекратить немедленно!!!

Энлиль набрался смелости и сообщил Ану о завершении инцидента.

— Как вы можете выполнять одну общую задачу, когда каждого из вас разрывает личная неприязнь и конфликты? У нас достаточно внешних врагов, чтобы мы воевали еще друг против друга! Как вообще собрат может поднять руку на собрата по таким пустякам? — Ану был в ярости.

Энлиль и Энки молчали и только зло переглядывались друг с другом — каждый считал, что победа осталась за ним, хотя в действительности поединок не определил победителя.

— За что вы так ненавидите друг друга? — продолжал Ану. — Вместо того чтобы объединиться в одно грозное оружие и направить его на врагов, вы враждуете между собой.

Противники продолжали молчать.

— Значит, так! Я хочу, чтобы сейчас меня услышали все руководители, потому что я должен озвучить важное решение. С этого момента ты, Энлиль, не являешься единственным руководителем всей экспедиции! Ты будешь отвечать за добычу золота, строительство всех объектов в южной части планеты, а ты, Энки, будешь выполнять такие же функции в северной части. Пока я нахожу это единственным возможным вариантом решения проблемы, а потом посмотрим, — сказал Ану и оборвал связь.

Приказы верховного выполнялись беспрекословно, и в этот же день Энлиль покинул Междуречье. Ему было обидно, что именно он покидает Сиппар — базу, создан-

ную по его чертежам и в строительство которой он вложил столько сил. Но, с другой стороны Энлиль понимал, что теперь является полноправным правителем на своей территории и никто не смеет прийти к нему и предъявлять свои требования. Территория всей планеты ниже экватора была под его контролем.

.....

Горазд был на базе в Ламбаек и помогал руководить добычей золота, когда по рации с ним связался Энки и попросил прилететь в Сиппар. Отложив все свои дела, он сел в корабль. Прибыв на место, он увидел большое количество кораблей на базе, а это значило, что все руководители в сборе. Что-то экстренное должно было произойти, раз все собрались в такой короткий срок, и это беспокоило Горазда. Выскочив из корабля, он быстрым шагом пошел в главный зал и увидел, что все сидели на своих местах. Заняв кресло, он взволнованно приготовился слушать. Руки были крепко сцеплены и голова слегка вжата в плечи. Отстранившись от собственных ощущений, Горазд уловил, что атмосфера напряженности витала в пространстве. По всей видимости, никто не знал причину столь внезапного совещания, и это вызывало нервозность в каждом.

Оглядев собравшихся, Энки положил руки на гранитный стол и произнес вступительную речь.

— Сегодня мы здесь собрались по просьбе Ану, и я не знаю, что привело к такой срочности. Сейчас мы свяжемся с ним по рации и обо всем узнаем.

Энки подошел к рации и включил её. Послышалось шипение, и через какое-то время в зал ворвался голос

Ану. Верховный правитель Родины был в хорошем настроении.

— Приветствую вас, братья! — поздоровался он. — У меня для вас хорошая новость, и хочу сообщить её как можно скорее. Наши ученые просканировали недра Земли и пришли к выводу, что золота в ней осталось совсем немного, так что можете сворачивать экспедицию и возвращаться домой.

Слова Ану были приняты всеобщим ликованием. Богдан от радости побарабанил ладонями по столу и потопал ногами, радуясь, как ребенок. Постоянные полеты на Землю ему уже надоели.

— Поняли тебя, Ану, — сказал Энки. — Будем сворачивать экспедицию!

— Вот и отлично. Когда окажемся рядом с вами, мы вас подберем. И не забудьте забрать добытое золото.

Огромное количество золота было вывезено с планеты за время экспедиции. Миллионы тонн перекочевали с одной планеты на другую.

Всеобщее ликование оборвал Энлиль. Встав, он серьезным взглядом осмотрел присутствующих и устало вздохнул.

— Теперь пришло время принять очень важное решение. Что мы будем делать с землянами?

— Как и договаривались, уничтожим, — легко ответил Энки.

— Не знаю, как ты, а я к ним привык и уже отношусь как к собственным детям.

— И что, теперь забирать их с собой, что ли? — раздраженно спросил Энки.

— Я не знаю, — грустно произнес Энлиль.

— Их нужно всех по-быстрому собрать в одном месте и уничтожить, пока они не поняли, что мы улетаем. Инстинкт самосохранения у них развился очень хорошо, — сказал Воислав.

— Подожди. А что, если мы их не будем уничтожать сами, а предоставим это сделать природе? Таким образом мы и не погубим их, оставив чистой свою совесть, и не дадим возможности жить, — предложил Богдан.

— Это самообман, — сказал Энлиль. — Если мы оставим их одних, они все изживут себя через тысячу лет, или погибнут от ударов природы.

— Более того, здесь мы можем поставить себя под удар, нарушив договор с китами, — поразмыслив, добавил Энки. — Еще неизвестно, чем земляне будут заниматься здесь, получив массу свободного времени. Я не удивлюсь, если они смогут нанести планете урон.

— Да какой от них может быть урон? Разве что лес подожгут! — усмехнулся Воислав.

— Что бы они ни сделали, это будет лежать на нашей совести. Не хотелось бы, чтобы на Галактическом Совете поднимали тему нашего проступка, — сказал Энки. — Чтобы не мучиться, предлагаю их согнать всех в одну кучу и, направив лучи лазера, нанести один точный удар.

— В данном случае ты, Энки, хочешь уничтожить не только землян, но и труды сирианцев, и наших собратьев нефилимов, которые в течение 60 тысяч лет вкладывали силы в развитие этих существ, — сказал Энлиль.

— Кстати, мы не можем уничтожить землян без согла-

сия сирианцев! — вспомнил Беримир. — Они имеют на них такие же права, как и мы, поскольку обе наших расы выступили в качестве родителей. Я считаю, что мы, как минимум, должны предупредить сирианцев о нашем намерении и выслушать их мнение. А если они будут против, то нам следует убедить их в нашем решении.

— Никакого решения пока нет! — твердо заявил Энлиль. — Еще окончательно не принято решение об уничтожении землян!

Он был разгневан, оттого что его упрямо не хотят слушать.

— Энлиль прав, — сказал Беримир. — Окончательного решения еще нет. Но что касается сирианцев, то я не считаю нужным предупреждать их о нашем намерении. Если вы помните, то перед тем, как создать землян, мы предупреждали их о цели эксперимента. Мы сразу дали знать, что уничтожим их, как только работа будет сделана!

— Я все равно не считаю это достаточным основанием, чтобы уничтожить землян, не предупредив сирианцев, — стоял на своем Энлиль. — Давайте хоть скажем им об этом!

Повисла тишина. Все думали, как поступить в данном случае. Ситуация действительно могла усугубиться, а нефилимы этого не желали. Им не хотелось портить отношений с дружественной расой.

— Давайте предупредим сирианцев хотя бы ради формальности, — предложил Энлиль, в душе надеясь, что те поддержат его.

— Я против, — категорически заявил Энки и

пристально посмотрел Энлилю прямо в глаза. Ему явно хотелось конфликта, и он старался спровоцировать Энлиля на первый шаг.

Энлиль ответил на его агрессию холодным взглядом, но удержал себя в руках и не стал развивать конфликт, понимая, что Энки осознано провоцирует его и, когда он поддастся на провокацию, выставит инициатором.

— Твое мнение не есть мнение большинства, Энки. Так что успокойся, — сдержанно произнес Энлиль и натянуто улыбнулся.

Энки зло стиснул зубы и осмотрел присутствующих. По лицам было видно, что мнения разделились. Кто-то согласился с Энки, а кто-то с Энлилем.

— Кому бы из вас было приятно оказаться на месте сирианцев? — спросил Энлиль у собратьев. — А что, если бы мы затеяли подобный эксперимент с другой расой, выступив в качестве неотъемлемой стороны, а потом плод наших трудов уничтожили бы, даже не поставив нас в известность? Что бы вы ответили на подобный поступок?

Энлиль вглядывался в лица присутствующих, пытаясь проникнуть в душу каждого. Подход был выбран правильно: никто не хотел быть пустым местом в подобной ситуации — и без особых раздумий все руководители встали на сторону Энлиля.

— Не думал, что у тебя получится переубедить меня, но теперь я согласен с твоей точкой зрения, Энлиль. Это действительно некрасиво по отношению к сирианцам, и нам ни к чему портить с ними отношения, — сказал Горазд.

Энлиль развернул кресло в сторону расии, по которой собирался связаться с Родиной, и тут поймал на себе

злобный взгляд Энки. Он чувствовал не только этот взгляд, но и накаленную атмосферу и то, что собратья нефилимы ощущают эту открытую вражду. Все ощущения смешались в одну чувственную картину, отразившуюся внутри Энлиля.

Взяв рацию, Энлиль связался с родной планетой. Позвав к рации Ану, он стал ждать. Шипение продлилось недолго, и, когда послышался голос Ану, Энлиль изложил суть проблемы.

— Мы посовещались, — сказал он. — И решили, что следует сообщить о нашем намерении сирианцам, поскольку они также являются их создателями и имеют на них такие же права, как и мы. У нас здесь слабая рация, и мы не можем связаться с ними, поэтому просим вас сделать это. Сирианцам нужно только напомнить, что мы собираемся сделать то, что намеревались изначально.

— Я понял, что ты хочешь сказать, — сказал Ану, не дав Энлилю закончить. — Я сейчас же свяжусь с ними и, когда будет какая-то информация, сразу сообщу.

— Спасибо, Ану. Мы будем ждать, — ответил Энлиль и повернул кресло в сторону стола.

— Остается ждать, — развел руки Беримир.

— Да. Но думаю, Ану не затянет с ответом, — сказал Энлиль и посмотрел на него.

Скоро рация зашипела и послышался голос правителя.

— Вы еще здесь, земляне? — спросил он.

— Да, да, Ану, мы тебя слушаем, — поторопился с ответом Энлиль.

— Только что общался с представителями Сириуса Б,

они попросили пока ничего на предпринимать. И сейчас они собирают свои корабли и направляются к вам, так что ждите их в ближайшее время, а пока потихоньку грузите аппаратуру и продолжайте собирать золото.

— Поняли вас, — сказал Энлиль и отключил рацию.

— Приказ Ану слышали все, так что давайте ждать сирианцев и собирать технику. А земляне пусть пока добывают золото, — сказал Энки и встал из-за стола, показывая, что для него собрание закончено.

.....

Прошло несколько лет, и в один из дней радары засекли космический корабль, приближающийся к Земле. Это летели представители Сириуса Б. Приземлившись, они захотели первым делом посмотреть на результаты своего эксперимента, и нефилимы полетели на ближайший рудник показывать гостям землян.

Полуразумные рабы стояли как вкопанные, разглядывая прилетевших. Они не знали, кто это. Внешний вид гостей удивлял землян. Несмотря на сходства в телосложении, прилетевшие существа имели другой цвет кожи и волос. Хотя если бы они увидели настоящий вид своих «матерей», то поняли бы, что больше похожи на «отцов», чем на существ, постоянно находящихся рядом с ними. Нефиллимы по-прежнему находились в созданных ими физических телах. И теперь не только потому, что так было проще воспринимать солнечные лучи и жить на планете, но и потому, что землянам привычнее существовать рядом с себе подобными.

Обойдя несколько шахт и посмотрев на формирую-

щиеся обычаи, жители планеты Сириус Б предложили вернуться на базу. Только там они начали разговор, ради которого и затевался этот далекий полет.

— У нас есть для вас новость, друзья, — начал разговор представитель сирианцев. — Прежде чем лететь к вам, нам пришлось встретиться с Галактическим Советом.

После сказанного повисло молчание. Нефилимы понимали, что это значило, и от сирианцев их понимание не могло быть скрыто. А значило сказанное сирианцами следующее: принятое на Галактическом Совете решение будет единственно верным. От волеизъявления нефилимов уже ровным счетом ничего не зависело. Галактический Совет был и остается системой, обладающей множеством исключительных функций. Он есть высший орган межгалактического суда, чье решение является единственно верным и не подлежит обсуждению. Галактический Совет — это те, кто имеет право и способности даже переписывать Хроники Акаши.

— И что они сказали? — поинтересовался Энки, скрестив руки на груди.

— В целом они не против уничтожения ваших биороботов, но это измерение скоро должно стать площадкой для новой расы, и Совет решил оставить выведенных нами существ в живых. Более того, обязал нас создать условия для их дальнейшего самостоятельного продолжения рода, чтобы на базе уже созданного вида началось дальнейшее развитие. Так что, мы стали родителями целой расы, которой предстоит самостоятельно жить, развиваться, заботиться о себе и расти духовно. Это будет школа духовного

совершенствования, и, насколько мне известно, одна из самых лучших. Люцифер задумал этот Эксперимент, а он очень умен! — сказал сирианец.

В головах нефилимов крутилось много вопросов, и высказать все сразу не представлялось возможным.

— А как же все прошлые Эксперименты? — спросил Энки.

— Все они закончились неудачей, поскольку были лишены главного принципа мироздания — дуальности. Ни один из трех созданных до этого Экспериментов не развивался, поскольку не имел стимула к развитию, и все они закончились глобальными разрушениями.

— А здесь, значит, Люцифер создаст этот принцип?

— Верно. Более того, на Земле он хочет создать иллюзию конца, или, как он её называет, смерти. Тела станут умирать от времени, а души будут переселяться в другие тела, но земляне не будут помнить о прошлой жизни. Тем самым у них должно создаваться впечатление конца.

— Интересная схема, — заметил Энлиль.

— Еще бы! — добавил Лучезар.

— Осталось только придумать, как сделать людей плодовитыми. Мы изначально создавали их по своему образу и подобию одушевляя новые тела в лаборатории, в случае гибели или выработки ресурсов одного из них. Тем самым мы поддерживали необходимое количество землян, как это делается на Родине, — сказал Энки.

— Тем не менее и мы приняли участие в их рождении, — улыбнулся сирианец. — А поэтому они созданы по нашему образу и подобию тоже. В них имеется система оплодотворения и половых органов, подобная

нашей, а значит, они способны размножаться, как и мы, несмотря на то, что вы им её искусственно заблокировали.

— И что нужно, чтобы разблокировать способность к деторождению? — спросил Беримир. — Ведь сейчас они не могут рожать, несмотря на инстинкт.

— Подожди, Беримир, — сказал Лучезар. — Вспомни, мы сами решили сделать их бесплодными и для реализации этого изменили кое-что на энергетическом уровне.

— Честно признаться, Лучезар, я не особо вникал тогда во все эти тонкости, — с легким чувством вины произнес Горазд. — Помню только, что на физическом уровне мы удалили половые X- и Y- хромосомы. А что происходило на энергетическом уровне, я не помню. Расскажи, что вы тогда сделали.

— Мы удалили у них порталы, которые при соединении были способны захватывать в себя сущность, — ответил маг.

— А можно по порядку, а то я не силен в этих Сакральных Знаниях. Или нет, расскажи лучше, что нам сейчас нужно сделать для дальнейшего деторождения землян.

— Сейчас, во-первых, нам нужно добавить половые X- и Y- хромосомы в спираль ДНК. А во-вторых, создать порталы в матке женщины. Подобный, но не такой, портал должен находиться и у мужчины. С точки зрения энергетики, эти порталы выглядят как вращающиеся воронки. В момент секса между мужской и женской особями будет происходить соединение этих воронок, и в эту единую воронку, образовавшуюся в результате соединения двух, будет попадать сущность и втягиваться в матку. Таким

образом, появится возможность дальнейшего рождения одушевленного ребенка.

— А как сущность будет попадать в эту воронку?

— Вообще-то, это делается двумя способами: или находящаяся рядом сущность засасывается в матку принудительно, или её подселяет туда Управляющая Структура.

— А на этой планете есть Управляющая Структура? — спросил Воислав.

— Конечно. Ведь, если есть школа, должны быть и учителя, во главе с директором.

— А мы получали у Него разрешения, прежде чем начать здесь работы? — спросил Акнэль.

Все обернули к нему головы и внимательно посмотрели.

— Конечно! — ответил Энки. — Мы в первую очередь спросили разрешение у Него, а только потом у китообразных. Все было сделано согласно Межгалактическим Законам.

— Так, давайте вернемся к нашим тварям. У Совета есть какие-нибудь предпочтения относительно будущего эксперимента Люцифера? — спросил Энлиль.

— Да. Они хотят, чтобы мы сделали деторождающими только две особи. Их не интересуют остальные, — ответила сирианка.

— Хорошо. Тогда мы отберем одну пару — мужскую и женскую особи — и воссоздадим в них способность к деторождению, а остальные вымрут сами по себе, когда подойдет их время, — сказал Лучезар. — Даже могу предположить, что души умерших будут продолжать перерождаться на Земле в тела рожденных детей, но с учетом

правил Игры.

— Ты имеешь в виду, что они не будут помнить прошлых воплощений? — спросил Энки.

— Да.

— Лучезар совершенно прав, — заверил сирианец, хранивший молчание до этого момента. — Все именно так и будет.

— Кого вы предлагаете выбрать на роль первых родителей? — спросила сирианка.

— Тех, кто этого достоин, — ответил Энлиль.

— Предлагаю кандидатуры Адама и Ти-Амат, — сказал Ладимир. — Они довольно-таки умны в сравнении с остальными и достойны быть начинателями новой расы.

— Я согласен с этим выбором, — поддержал Беримир.

Все нефилимы согласились с предложенными кандидатурами, и только Энки воздержался от голосования. Он редко общался с землянами, но всегда это общение доставляло тем страдания. Была бы его воля, он стер бы с лица Земли каждого землянина.

— Хорошо. Тогда с кандидатами все решено, — сказал сирианец.

Энлиль был рад, что ему удалось защитить землян от полного истребления, однако и тот факт, что большинство из них будут умерщвлены, огорчал его. Совесть его страдала, но он ничего не мог поделать. Энлиль и так сделал много, значительно больше других. Отчасти, совесть его была чиста. По крайней мере, он не позволил уничтожить род землян как таковой.

— Мы хотим помочь землянам в их дальнейшем

развитии. Я имею в виду нашу расу, — продолжил сирианец, и эти слова приятно отразились внутри Энлиля.

— Если Совет вам не запрещает, то и никто другой не может препятствовать. Но я не могу пообещать, что и от нас они дождутся помощи, — сказал Энки.

— Не говори за всех, — сказал Энлиль, посмотрев на давнего противника. — Я хочу, и буду помогать им.

— Почему вы так враждебно к ним настроены? — спросил сирианец у Энки.

— А за что их любить? За их слабоумие? — ответил Энки вопросом на вопрос. — Я Люблю в них частичку Бога, Природы, пронизывающую их недоразвитые души, но вы не заставите любить их примитивизм. Это стадо. А стаду нужен пастух, беспощадно управляющий ими.

— Возможно, в чем-то ты и прав, но они еще очень малы в своем развитии и именно для дальнейшего роста сюда пришли. Цени хотя бы их стремление к росту и Свету, — сказала сирианка. Ей были больше свойственны материнские чувства, чем Энки.

— Я ценю это, но не собираюсь быть им нянькой.

— Это личное дело каждого, и давайте не будем вступать в споры, — предложил старший сирианец, который и начал диалог. — Землян хорошо любить на расстоянии, и это факт.

Энки отвел взгляд от сирианцев и направил его в окно. Он понимал, что проиграл и этот поединок Энлилю, от чего злость кипела в нем еще сильнее.

— Мы поняли нашу задачу, и сейчас же приступим к её решению, — сказал Лучезар. — Я уже знаю, что делать, и могу заверить: это не займет много времени.

На этом разговор был закончен. Сирианцы попросились с друзьями, и их корабль полетел на Сириус Б.

Лучезар с Нинхурсаг позвали Ти-Амат и Адама, и все вместе отправились в лабораторию. Энлиль решил пойти с ними и самостоятельно убедиться в удачном решении поставленной задачи. Земляне, повинувшись, пошли за своими создателями, совершенно не боясь того, что им причинят боль. Они беспрекословно подчинялись нефилимам, и слово создателей было для них единственно верным. Даже вероятность непослушания была невероятна. Лучезар положил Ти-Амат на гранитный алтарь и начал совершать не понятную никому церемонию. Одно было ясно: он создает в ней энергетический портал. Когда с Ти-Амат было закончено, Лучезар переключился на Адама. С ним он провел совсем немного времени, и скоро его миссия была выполнена. В это время Нинхурсаг совершала еще одну церемонию, по внедрению в ДНК землян половых хромосом.

— Теперь плодитесь и размножайтесь, наполняя землю себе подобными, — сказал маг, когда все было закончено.

Земляне с непониманием посмотрели на него и перевели взгляд на Нинхурсаг.

— Теперь вы способны иметь детей, — пояснила она им.

С того момента, как нефилимы добавили в них последние детали, являющиеся важнейшими для полноценного существования на Земле, Адам и Ти-Амат стали органичной частью Природы. Они были первыми, кто стал включать в себя уменьшенную копию Вселенной, и принцип «что

наверху, то и внизу» начал действовать. Земляне стали Микрокосмом внутри Вселенского Макрокосма.

— Теперь вы должны покинуть наш дом и начать жить самостоятельно. Больше мы не имеем права помогать вам, поскольку вы будете развиваться сами по себе.

— Почему? — спросила Ти-Амат, и в её лице читался испуг.

— Так надо.

— Вы выгоняете нас? Чем мы провинились перед вами? — спросил Адам.

— Вы все делали правильно. Просто так надо.

— Что теперь с нами будет? — испугано спросила Ти-Амат, первый раз подняв свои глаза на Энлиля.

— Вы будете родоначальниками следующей расы. Это большая честь для вас обоих. Вы избранные. Вы лучшие, — пытался успокоить их Энлиль.

— А как же наша работа? Разве мы больше не будем служить вам?

— Теперь вам предстоит осуществить другую миссию, но в ваших генах все равно заложена программа по добыче золота, и ваши потомки станут добывать его для нас, хоть и не будут об этом догадываться. Сейчас наша жизнь продолжится на планете, а в будущем, мы должны будем прилетать сюда каждые 3 600 лет по вашему времяисчислению и забирать добытое вами золото, — сказал Беримир.

— Пока вам не надо думать о добыче золота. У вас есть первостепенная задача, и заключается она в собственном развитии. Именно для этого вы начинаете новую расу, которая называется «человечество», — добавил Энлиль.

Адам развернулся и оказался стоящим лицом к выходу. Там, с той стороны, его и Ти-Амат ждала полная опасностей неизвестность, с её дикими животными и прочими препятствиями. Они боялись покинуть красивый Эдин, ставший для них родным домом.

— Уходите далеко отсюда, что бы мы вас не видели, — сказал Воислав.

Адам сделал шаг за порог, и в этот момент слезы покапались из его глаз.

— Не прогоняйте нас! — взмолился он, обернувшись к творцам.

— Так надо, Адам. Вы наши дети. Мы вас любим и поэтому отпускаем от себя, давая возможность жить, — сказал Беримир. — Ступайте! Вам пора.

— И помните, теперь вы живете по принципу «большой мир внутри маленького человека, маленький человек внутри большого мира», — сказал Энлиль напоследок, осознавая, что земляне его не понимают.

Адам взял Ти-Амат за руку, и они вышли с территории базы. Какое-то время оба стояли рядом в нерешимости идти дальше. Они никогда не выходили за пределы базы и росли в «тепличных» условиях, а теперь перед ними лежал весь мир. Такой жуткий и неизвестный. Постояв еще немного, они неуверенно пошли в сторону леса. Нефилимы стояли у окон, стараясь соблюдать инкогнито, и провожали взглядом землян. Здесь были все, кроме Энки.

Всё. Теперь миссия нефилимов была выполнена, и начало новой расы положено. Дальше всё зависело только от самих землян — от того, как они проявят себя. Будет ли этот Эксперимент удачным, и обретут ли его участники

необходимый духовный уровень, зависело от их желания и устремленности.

Тяжело у землян было на душе, когда шли они, гонимые богами. Их терзало страшное ощущение ненужности и опустошенности. Впервые Адам и Ти-Амат чувствовали себя одиноко. Особенно больно было признаваться в том, что они больше не нужны родителям и в их трудах не нуждаются. Зачем вообще создавали их, если потом собирались выгнать? Очень жалели себя Адам и Ти-Амат. Было обидно, оттого что других братьев и сестер не бросили, не оставили один на один с дикой природой. Адам и Ти-Амат были еще совсем детьми в своем развитии, и им предстояло научиться выживать. На ватных ногах они подходили к густым джунглям, все снова и снова оборачиваясь назад. Оба они верили, что сейчас создатели окриknут их, помажут рукой и позовут обратно. Но на базе никого не было видно.

Перед землянами простирались глубокие джунгли, наполненные странными звуками. Никогда не доводилось им все это видеть с такого близкого расстояния. Только находясь на базе, они смотрели вдаль, но даже не мечтали побывать в густорастущем лесу. Раздвинув зеленые листья, Адам шагнул внутрь. За ним зашла Ти-Амат. Озираясь по сторонам, они не знали с чего начать. Вдруг захрустели ветки — и перед землянами появился Энки. Он был, как всегда, суров по отношению к ним, но Адам был готов простить ему это и терпеть все унижения, лишь бы их забрали домой. Ти-Амат посчитала, что Энки пришел за ними, и кинулась ему в ноги.

— Встань! — грозно произнес Энки. — Я хочу сказать

вам напоследок, чтобы вы больше никогда не приходили в наш дом. Вам там не будут рады. Если вздумаете близко подойти к базе, мы сразу начнем стрелять по вам из лазера и непременно уьем.

Энки хотел сильнее обидеть землян, причинив словами как можно больше боли.

— За что нас выгоняют? — спросил Адам, готовясь получить удар за свой вопрос.

— Вы нам больше не нужны. Вы плохие работники и ослушники, — ответил Энки, и пошел той же дорогой, какой пришел.

Слаборазвитые земляне не понимали, за что их изгоняют, но, боясь гнева богов, пошли дальше, в глубину тропического леса. Южное побережье Африки было наиболее подходящим местом для жизни. Всегда теплая погода и множество фруктов. Земляне были приспособлены к праническому питанию, и не было необходимости добывать себе еду в трудах. А морепродукты и геофиты они употребляли в пищу лишь ради вкусовых ощущений.

Энлиль понимал, что дети еще очень малы, и бросить их сейчас на произвол судьбы означало обречь на неминуемую смерть. Им нужен был наставник, помогающий адаптироваться к самостоятельной жизни и выживанию в диком мире. Новая реальность сильно отличалась от тех условий, в которых жили земляне до ухода из дома своих богов. Мир был жесток, свиреп, беспощаден к слабым и больным. Энлиль очень хотел помочь, а его собратья не знали, как вести себя в подобной ситуации. Они боялись наказания со стороны Галактического Совета и Люцифера, в чей Эксперимент собирались вмешаться. Нефилимам

потребовалось какое-то время, чтобы добиться от Совета разрешения помогать землянам в их нелегкой жизни, а пока они ожидали этот ответ, Энлиль наблюдал за жизнью подопечных существ со стороны.

.....

И жили земляне тысячу лет, и рожали они детей своих в мучениях страшных. Боясь уходить далеко от богов и надеясь в глубине души на прощение, Адам и Ти-Амат не ушли в лес, как сказал им Энки, а спустя несколько дней вернулись поближе к насиженному месту. Сто лет они пытались приспособиться к жизни. Нефилимы не помогали им, а только наблюдали со стороны, оставаясь незамеченными. Очень медленно шел процесс развития во всех направлениях. Менялись времена года. Шли сильные дожди с ветрами. И только через сто лет земляне сообразили, что надо строить хижины и добывать огонь. Уютнее и теплее было под кровом, нежели под открытым небом, и в этих новых условиях зачали они ребенка. Новыми и от этого пугающими были для Ти-Амат ощущения живого существа внутри себя. В страхах прожила она последние несколько месяцев до его рождения. И когда рожала, думала, что отдает свою жизнь взамен жизни новой. Но все обошлось. Несмотря на страдания, родила Ти-Амат мальчика, и познали оба родителя неизвестное прежде чувство счастья от рождения ребенка. Каждый день с момента изгнания приносил в жизнь землян все новые и новые ощущения, неведомые прежде и скрывааемые нефилимами. Было очень тяжело, но оно того стоило. Сильное тело справлялось с трудностями и не болело. Не болело оно от того, что

не давали Адам с Ти-Амат поводов для развития недугов. Не знали они злобы, скупости, гордыни, зависти, разрушающих тонкие тела и помогающих негативной энергии проникать внутрь, вызывая болезни.

Медленно рос первенец, которого нарекли Первым. Но уже с ранних пор стал помогать родителям своим — где фрукты соберет, где траву лишнюю повыдергивает. Скот Адам не одомашнивал, поскольку огромными тогда были животные. Но если хотел маленький Первый молока, то просила Ти-Амат его у козы или дикой коровы. А поскольку язык у животных и землян был один — телепатический, то они понимали друг друга.

Инстинкт размножения брал верх, и после Первого несколько дочерей родилось у Адама и Ти-Амат. Кто-то умирал во младенчестве, но большинство выживали и продолжали жить рядом с родителями, помогая им. Адам настрого запретил им подходить и близко к дому богов, поскольку хорошо помнил предупреждение Энки о грозном оружии.

Через несколько столетий после рождения первенца у Адама и Ти-Амат появился на свет второй мальчик. И назвали его Двенадцатым, по порядку его рождения. Очень дружны они были с братом и много времени проводили вместе. Жизнь была длинной. Плодились дети у Адама и Ти-Амат, и у детей их скоро появились дети, а у тех в свою очередь тоже. В геометрической прогрессии росла численность свободных от работ землян. Увеличивалась их популяция. Но чем больше становилось землян, тем больше склок и конфликтов возникало между ними, и тем стремительнее сокращалась продолжительность их сущест-

вования. Уже не тысячу лет пребывали на Земле потомки Адама и Ти-Амат, а сначала их жизнь сократилась до девяти сот лет, потом до восьмисот и к моменту первых на их памяти смещений полюсов остановилась на семистах.

Постижение дуальности привело к способности деторождения, а вместе с этим к познанию любви и страсти. Все было бы хорошо, если бы этим ограничивалась дуальность. Но вместе с любовью земляне постигали переживания. Вместе со счастьем испытывали и горе. Эгоизм возник из ничего. Люди начали стыдиться своей наготы и стыдить тех, кто отличался от них. Внутренняя борьба начала свирепствовать в их душах, разрывая её между желаниями эго и желаниями окружающих. Со временем этой борьбе стало мало места в душе одного индивидуума, и она захотела вырваться наружу, и чтобы проявить себя в окружающем мире.

Чем быстрее размножались люди, тем обширнее становилось их поселение. Теперь это было не тихое, почти незаметное существование двух землян, а большое шумное стадо. Нефилимы с интересом наблюдали за их жизнью и развитием. Этнографы вели записи и конспектировали каждый шаг, пытаясь спрогнозировать их дальнейший рост и выстроить модель развития расы. Но так продолжалось недолго. Приближалось время смещения полюсов, и нефилимы получили от Галактического Совета сообщение, с просьбой помочь людям пережить эти события. Вода должна была поглотить всех свободных землян, уничтожив Эксперимент. Нефилимы не могли отвергнуть просьбу Совета, и, загнав землян на грузовой корабль подняли в небо. Когда воды перемешались и волны стихли, землян

высадили на сушу. Это была группа маленьких островов, поднявшихся на поверхность после смещения оси планеты. Нефилимы оставили землян там в одиночестве, дав возможность им продолжать развиваться. Группа этих островов называлась Лемурией, и находились они между Австралийским и Южно-Американским континентами. Соответственно и землян с этого момента стали называть лемурийцами.

В результате смещения полюсов полностью оказалась затоплена Гондвана, где находилось с полсотни баз нефилимов. Кроме свободных землян, создатели не дали погибнуть и первоначальным землянам, которые продолжали трудиться на рудниках. На совете нефилимов было решено, что бездушные биороботы должны продолжить добычу золота. Смещение полюсов уничтожило многих золотодобытчиков, но нефилимы искусственно воссоздали их численность и направили на новые рудники. Более того, в качестве эксперимента было запущено производство нетеров и других смешанных видов, которых во время работы над первым телом «законсервировали» ученые. Особой трудоспособностью отличались кентавры, выполняющие тяжелую работу и передвигающиеся со скоростью ветра. Нетеры добывали золото наряду с земляноподобными существами и обладали большой физической силой.

Со временем группа Лемурийских островов стала обрастать травой и деревьями, и жизнь первых лемурийцев становилась легче. Впереди эту цивилизацию ждало славное будущее, отрезком в 42 тысячи лет, но до этого было еще далеко.

ГЛАВА 4

ЛЕМУРИЯ

Лемурия состояла из нескольких тысяч маленьких островов и занимала сотни тысяч квадратных километров. На эти острова и привезли нефилимы землян для их дальнейшего развития. Потребовалось время, чтобы на поднявшейся суше вновь начали расти трава и деревья. Все это время новоиспеченные лемурийцы почти ничего не ели, и пищей их была исключительно прана. Этот способ питания был естествен для Адама и Ти-Амат, и уже они в свою очередь научили ему своих потомков. Прана значительно важнее для организма человека, чем овощи и фрукты, содержащие в себе энергию. Прана есть энергия в чистом виде.

Долго развитие лемурийцев шло без вмешательства космических родителей. Все это время нефилимы находились на планете и продолжали контролировать добычу золота рабочими-землянами и нетерами, оставаясь сторонними наблюдателями для рода Адама и Ти-Амат. Рабочие-нефилимы покинули рудники сразу, как только поняли, что их обязанности смогут выполнять созданные для этого существа. Едва Мардук приблизился к Земле, очертив очередной год, как большие корабли вернули рабочих обратно, и с ними была проделана процедура по стиранию из памяти старой информации и записи новой. Контроль за добычей золота не требовал присутствия большого количества нефилимов, и в одной экспедиции, как правило,

находилось не больше пятидесяти сородичей. Каждый выполнял свои функции.

С момента создания свободных земель значительно добавилось работы у этнографов, занимающихся изучением их образа жизни и развивающихся традиций. Зарождение земель было для нефилимов важным событием в их истории, и многих вернувшихся из экспедиции руководителей интересовала ситуация на Земле. Между Родиной и Землей была налажена постоянная связь. Во время регулярных контактов с Земли передавалась информация на Родину. Энлиль уже много лет хотел вернуться на зеленую планету, но его время все не приходило. Одно он знал точно, что вот уже в следующий раз, когда Мардук приблизится к Земле, его включат в состав экспедиции. Это пообещал Ану лично, а он всегда выполнял обещания.

Энлиль не волновался за сохранность своего тела, которое он начинал развивать с момента второго посещения Земли и брал каждый раз, когда прилетал вновь. Сейчас в его «теле-костюме» находился давнишний приятель Дружин, с которым они вместе росли. Именно его в этот момент времени на Земле знали как Энлиля, выполняющего функции смотрителя водной среды и южной части планеты. Сам же Энлиль был не единственным, чье настоящее имя было созвучно с присвоенным титулом и званием. По иронии судьбы его давнишний противник Энки тоже имел имя, схожее с названием титула. Однако для земель они всегда были Энки, Энлилем, Нинхурсаг, вне зависимости от живущих внутри сущностей, выполняющих те же задачи.

Дружин много времени проводил вместе с Градимиром, получившим звание Беримира, в путешествиях по Лемурии и наблюдениях за землянами. Ему хотелось знать о них как можно больше, и даже память в компьютерах не была способна сохранить в себе накопленные данные.

Густые тропические леса раскинулись по обе стороны реки. Дружин и Градимир плыли на тростниковой лодке по одному из многочисленных рукавов водной страны. По веткам прыгали обезьяны, воды кишели рыбой, на деревьях росли спелые плоды. Изредка над головами пролетал птеродактиль, размахивая крылатыми плечами. Где-то из-за изгиба реки донесся громкий шлепок об воду — это было сигналом, что дальше может находиться лемурийское поселение.

Пришвартовав лодку, Энлиль и Беримир ступили на берег и тихонько пошли вдоль кромки воды, пробираясь сквозь густую растительность. Скоро они оказались возле открытого участка суши, где резвились дети лемурийцев. За полянкой возвышались скалы со множеством пещер, которые и служили убежищем для земель. Лишь единожды Дружин бывал в этих природных лабиринтах. Он отлично ориентировался в горах и обладал врожденным чутьем и внутренней навигацией, но, несмотря на это, едва нашел выход.

По предварительным подсчетам, обнаруженное племя включало в себя около сотни особей, каждая из которых была занята своим делом. Все выполняли коллективные задачи, используя успех сородичей. Градимир нашел гладкий камень и, придвинув его к кустам, из-за которых было удобно наблюдать, устроился на нем. Открыв компьютер,

он начал делать записи, а его товарищ только наблюдал за действиями землян со стороны. Лемурийцы не были похожи друг на друга, в отличие от нефилимов, чьи тела и лица были едва различимы, отчего земляне их часто путали. У каждой особи были свои темперамент и личностные качества. Фаза «духовной спячки» только-только начинала вступать в свои права, и ждть от лемурийцев какого-то умственного развития не приходилось. Наоборот, земляне становились все примитивнее, их способности постепенно исчезали, а рост медленно уменьшался.

Одна из особей вышла из пещеры и направилась к берегу реки. Подойдя к прикрытому ветками строению, она откинула их в сторону, и изумленные нефилимы увидели лодку.

— Зачем им лодка? — прошептал Дружин. — Ведь они сами умеют плавать.

— Не знаю. Давай посмотрим, — ответил Градимир и сделал очередную запись.

Лемуриец отбросил ветки и начал сталкивать лодку в воду, используя силу мысли. Едва он закончил, как словно по команде из пещер вышли две особи женского пола. Они погрузились в лодку и плавно заскользили в ней по водной глади.

— Градимир, может, проследим за ними? — предложил Дружин. — Здесь все равно не увидать ничего нового.

— Я не возражаю, но на лодке нам передвигаться нельзя: они могут заметить.

— Значит, вплавь, — ответил Дружин и полез в воду. Градимир последовал его примеру. Двигаясь под водой, можно было изучать недоступные с суши виды и целые

подводные леса, скрытые от посторонних глаз. Покатые берега спускались вглубь, но дна не было видно под мутной водой. Выглядывая из реки, товарищи держали лодку в поле зрения и старались не отставать. Лемурийки проплыли вниз по течению около трех километров и пришвартовали её к пологому берегу.

А там земляне носили из леса фрукты. Погрузив их в пришвартованную лодку, лемурийки отправились в обратный путь.

— Ты посмотри, что они делают, — сказал Градимир. — Они сами изобрели лодку, чтобы транспортировать продукты. Должно быть, они уже привязаны к собственному дому и не хотят покидать его.

— Похоже на то. Они не мигрируют всем стадом в благоприятную территорию, как было раньше, а пытаются наладить продовольственные пути, искусственно приближая к дому плодовые леса.

— Я не соглашусь с тобой насчет «искусственного приближения плодового леса», поскольку до земледелия им еще далеко — не настолько земляне развиты. А вот осознанное обретение территорий — это действительно потрясающе. В них формируется понятие «дома».

Энлиль внимательно наблюдал за действиями лемуриек, и, чем дольше он это делал, тем больше ощущал их физиологическую притягательность. Внешне лемурийки были похожи между собой, и разница заключалась лишь в росте и телосложении. Энлиль попросил товарища побыть в воде, а сам поплыл к ним. Силой мысли он перенаправил лодку ближе к берегу, и никакие отчаянные попытки лемуриек заставить лодку двигаться дальше по течению

его не смогли изменить его решения. Психические силы нефилима были значительно мощнее.

Когда лодка оказалась на берегу, растерянные лемурийки смотрели по сторонам, пытаясь определить источник исходящей энергии. Понимая, что пора брать желаемое, Энлиль вышел на берег и приблизился к девушкам. Они поняли, кто перед ними, и изумлению их не было предела. В ступоре стояли они перед создателем во всей своей красе и хлопали глазами. Энлиль подошел к одной из них ближе и, взяв за руку, послал телепатический образ. Он знал, чего хотят созданные ими лемурийки, и включил в посланный образ животные инстинкты. словно загипнотизированная, лемурийка сделала шаг навстречу и прикоснулась к груди Энлиля. Звериное возбуждение разыгралось в Дружине еще сильнее. Не говоря ни слова, он схватил одну из них и повалил на землю. Градимир наблюдал со стороны и не вмешивался. Ему самому, как ученому, было интересно следить за происходящим и делать научные записи. Он неоднократно наблюдал за совокуплением землян, но в этот момент случилось нечто новое, чего не было прежде. В единый половой контакт вошли нефилимы и земляне — две особи из разных миров и с разным уровнем сознания. Это была уникальная ситуация.

Скоро лемурийка начала издавать дикие крики, больше схожие с обезьяньим визгом. Спустя мгновение крик издал и Дружин и отошел от лежащей на песке девушки. Глядя на это представление, вторая особь женского пола накинулась на Дружина со спины и вцепилась губами в шею. Нефилим силой бросил её на песок и овладел ею.

Поднявшись, он пошел в сторону реки, где его ждал

Градимир. Дружин нырнул и скрылся из виду, оставив девушек в недоумении. Для них Дружин был одним из создателей, и его поступки не обсуждались. Если он хотел овладеть чем-то, то их задача сводилась к тому, чтобы дать желаемое. Земляне считали нефилимов богами, полагая что те обладают бессмертием. Продолжительность жизни землян была несравнимо короче чем у их создателей. Кроме того, нефилимы обладали сильной иммунной системой, справлявшейся со всеми болезнями. Самым же главным фактором, который всегда был очевиден, являлись колоссальная физическая сила, способность очень быстро перемещаться и ловкость. Лемурийцы иногда наблюдали за создателями со стороны, сидя на ветках деревьев или плавая в прибрежных водах. Для землян нефилимы были большой загадкой.

— Интересно, а земляне смогут иметь от нас детей? — спросил Градимир у товарища, когда тот подплыл к нему.

— Не знаю, но скорее всего, смогут. Это особи разных видов не способны иметь потомства, а эти, как никак, подобны нам. Из одного материала созданы наши тела и ДНК наши похожи. То, что у нас иная духовная составляющая, не имеет значения для зачатия, — ответил Дружин.

— Тут ты прав, но я боюсь, что есть ряд нюансов, из-за которых все может пойти иначе.

— Можешь остаться здесь и понаблюдать за развитием событий. Как-никак, это твоя работа.

— Пожалуй, я так и сделаю. Тебе не скучно будет продолжить путешествие в одиночку?

— Думаю, оно продлится еще недолго. Нужно возвра-

щаться на базу и контролировать добычу золота.

Товарищи попрощались, и Дружин отправился дальше, а Градимир решил обосноваться в соседних пещерах и наблюдать за лемурийками. Много нового он узнал за время наблюдений. В поселении закладывались зачатки традиций и правил поведения. Помимо телепатии, лемурийцы общались на своем языке, очень странном но эффективном. Они затягивали звуки, и создавалось впечатление, что это пение. Оно было похоже на прочтение мантр их далекими потомками. За счет идущей от звуков вибрации земляне понимали своих товарищей. Тут не было смысловой речи.

Скоро у тех двух лемуриек, с которыми Энлиль вступил в половой контакт, начали округляться животы, и это стало первым признаком удачного зачатия. Градимир не сомневался в том, что к этому причастен именно Энлиль, поскольку девушки не выходили из-под его внимания двадцать четыре часа в сутки и никто больше не вступал с ними в контакт после нефилима. Очень аккуратно, прибегая к месмеризму, он отгонял от них всех особей мужского пола, не давая им вступить в спаривание.

Шли дни, недели, месяцы. И вот однажды Градимир увидел то, ради чего остался жить рядом с племенем землян. Ранним утром у одной из лемуриек начались схватки, и уже через несколько часов она родила мальчика. Исследователь записывал процесс родов в мельчайших подробностях. Ребенок был спокоен и почти не плакал. Лемурийка дала ему грудь, и скоро он крепко уснул.

Маленький мальчик лежал в тени деревьев и спал, а Градимир смотрел на него издали и не мог налюбоваться.

Ребенок был результатом слияния нефилима и землянки. Все-таки это удивительно! Первый общий ребенок имел темную кожу и очень походил на лемурийцев. Его было невозможно отличить от остальных детенышей.

Через неделю родила и вторая лемурийка. Её роды прошли так же легко, и появившаяся на свет девочка была абсолютно здорова. Дети, как близнецы, не отличались друг от друга.

Убедившись в том, что детеныши являются результатом спаривания Дружина и лемуриек, Градимир связался по рации с товарищем.

— Поздравляю, Энлиль! — сказал Градимир. — В результате твоего спаривания с лемурийками родились два ребенка.

— Ого! — удивился Дружин. — Вот уж не думал, что из этого что-то получится.

— Так я тоже ни на что не надеялся. Но неделю назад одна из них родила мальчика, а сегодня вторая родила девочку.

— То есть они могут быть родоначальниками ветви нефилимо-землян?

— Да.

— А ты уверен, что это мои дети? Может, кто-то еще вступал с ними в контакт?

— Исключено, — заверил Градимир. — Я сделал все, чтобы к ним никто не подходил.

— Молодец! — взволнованный Дружин начал нервно расхаживать вдоль берега реки, то и дело резко меняя направление движения.

— Сейчас рано определять степень их развития, так

что больше информации дать не могу. Скажу только, что они очень похожи между собой.

— Они нужны мне здесь, — требовательно произнес Дружин.

— Сейчас это сделать нельзя. Нужно выждать время, пока они отвыкнут от грудного кормления, а иначе могут погибнуть.

— Их смерти допустить нельзя! Ты лично отвечаешь за их сохранность. Теперь слушай меня! Пусть пока живут с матерями, а когда придет время, привези их ко мне.

— Понял тебя, Энлиль. Я привезу их к тебе сразу, как только они будут готовы, — пообещал Градимир и отключил рацию.

Волнению Дружина не было предела. В ту ночь он не мог уснуть и все думал о сказанном Градимиром. Правильно ли он поступил? Имеют ли эти дети, право на жизнь? Или, может, их нужно убить, чтобы генетический код нефилимов не уходил за пределы Родины? Размышления над этими вопросами не давали покоя. Очнувшись рано утром от полудремы, Дружин решил воочию увидеть своих детей.

И уже через несколько часов посадил свой корабль в паре десятков километров от того места, где они с товарищем повстречали лемуриек, а дальше полетел самостоятельно, используя крылья. Он хотел сохранить свою неизвестность и понаблюдать за землянами в естественной среде обитания.

Без особых проблем он нашел пещеру Градимира, но товарища там не оказалось. Связавшись с ним по рации, Дружин получил координаты его места нахождения и отпра-

вился туда. Градимир сидел на вершине высокого ветвистого дерева и смотрел в сторону реки. Дружин взобрался к нему и устроился рядом.

— Вон, смотри, — сказал Градимир, указывая пальцем на купающихся в реке лемуриек. — Это те самые земляне, с которыми ты вступил в связь.

— А где их дети? — испытывая нетерпение, спросил Дружин.

— Они должны быть где-то рядом с ними, но сейчас их, скорее всего, не видно из-за деревьев.

— Тогда полетели ближе!

Градимир хотел возразить, сказать, что их могут заметить, но Дружин уже оттолкнулся от ветки и перепорхнул на соседнее дерево, пролетев метров двадцать. Исследователь поспешил за ним.

— Вон они! — воскликнул Градимир, увидев сидящих внизу детенышей.

— А ты уверен, что это мои дети? Они совсем не отличаются от землян.

— Да. Я проверил их ДНК и с полной уверенностью заявляю, что они наполовину земляне, наполовину нефилимы.

— Это прекрасно! — воскликнул Дружин-Энлиль.

— Эти дети значительно сообразительнее остальных детенышей землян. Они сильнее их физически, тела подвижнее и маневреннее.

— Замечательно! — повторил Дружин.

— Что ты хочешь с ними делать?

— Еще не знаю. Хотел вот посоветоваться с тобой, — сказал Дружин и, отвернувшись от реки, присло-

нился спиной к стволу дерева. — Как ты думаешь, что на этот счет скажут остальные нефилимы, и Ану в частности?

Градимир молча посмотрел в сторону сидящих под деревом детей.

— Я даже не знаю, но, скорее всего, они будут не в восторге от твоего поступка.

— Наверное, ты прав. Тогда давай сохраним это в тайне и не будем никому о них рассказывать, — с горечью произнес Дружин. Ему хотелось, чтобы все узнали: он смог зачать ребенка с земной женщиной.

— Эти дети значительно умнее остальных землян, и я считаю, что при должном присмотре они смогут иметь прекрасное генетическое потомство. Это будут более развитые земляне, чем все те, кто сейчас живет на планете, — Градимир понимал, что это будет мощным толчком в развитии вида.

Дружин посмотрел на товарища, и в его голове зародилась потрясающая мысль.

— Ты прав. Нельзя оставить их здесь и позволить смешаться со слаборазвитыми лемурийцами. Нам нужно забрать их отсюда и привести на базу, чтобы там уделить достаточно внимания их развитию.

— А что ты скажешь остальным нефилимам? Чем ты мотивируешь этот поступок?

— Давай подкинем их к нашей пристани, и пусть все думают, что река случайно прибила их к нам.

— Не думаю, что это хорошая идея, хотя ничего другого предложить не могу.

— Значит, так и поступим, — заключил Дружин и,

оттолкнувшись от ветки дерева, подлетел к лемурийцам.

Ошарашенные земляне смотрели на незваных гостей, боясь пошевелиться. Они осознавали, что перед ними более сильные, чем они, и обладающий властью над ними. Приземлившись, Дружин подошел к своим детям и схватил их. Сильные кисти больно сжали маленькие тела, и раздался детский крик. Сердца лемуриек сжались, но ни одна из них не рискнула приблизиться, а только крик отчаяния вырвался у них из груди. Создатели были вправе делать то, что захотят, и брать, что им не принадлежит. Подлетевший в миг Градимир сковал землян собственным энергетическим каркасом, обездвигив и нейтрализовав их тела. Земляне были парализованы страхом. Им оставалось лишь смотреть, как крылатые существа похищают детей.

Градимир чувствовал печаль женщин, их нежелание отдавать детей и страх перед неминуемым наказанием за любую попытку воспрепятствовать богам. Дружин поудобнее перехватил детей и, побежав в сторону реки, взмыл в небо, держа курс на корабль. Товарищи летели над верхушками деревьев, не чувствуя своей вины и не испытывая угрызений совести. Им обоим было наплевать на чувства землян, которых считали неразумными существами и приравнивались к одному из видов животных.

На космическом корабле похитители быстро пересекли океан и приземлились в Эриде. Пытаясь остаться незамеченным, Градимир отнес детей в лес, где собирался сделать лодку, на которой им и предстояло приплыть к причалу, а чтобы они не плакали, предварительно напоил их снотворным. На изготовление лодки не потребовалось много времени. Через несколько дней красивое тростни-

ковое судно было готово, и Градимир сообщил об этом Дружину. Дружин знал, что после обеда собратья соберутся возле причала для испытания нового оборудования, и это было наиболее подходящее время для театрализованного действия. Требовалось только спланировать все таким образом, чтобы лодку с детьми нашел он, а не кто-то другой. Просчитав все на несколько раз, Дружин изложил план товарищу и стал ждать.

Задолго до назначенного времени Дружин начал прохаживаться вдоль берега, внимательно следя за поверхностью воды, чтобы не пропустить лодку. Его совсем не интересовал процесс испытания, а голова была занята совсем иными мыслями. Скоро появилась небольшая лодка, плывущая возле берега в нескольких метрах от него. Дружин оставил товарищей и, ускорив шаг, направился вдоль реки, как бы прогуливаясь. Нетерпение перехватывало дыхание и мутило рассудок. Он совершенно забыл о конспирации, ноги несли его напрямик в сторону лодки, и наконец он перешел на бег. И вот он уже был в воде по пояс. Нырнув в неё, Дружин поплыл. Стоящие на берегу нефилимы наблюдали за происходящим без особого интереса, полагая, что плывущий предмет всего лишь пустая лодка, унесенная потоком воды. Приблизившись к ней, Дружин заглянул внутрь и обрадовался, увидев двух маленьких детенышей. Именно он нашел их первым, а значит, стал полноправным обладателем найденного.

Дружин вынес лодку на берег и, рассматривая её содержимое, изучал реакцию собравшихся периферийным зрением. Еще когда он подплывал к берегу, все услышали доносившийся из лодки крик и собрались в кучу, затем

образовав кружок.

— Вы только посмотрите! — воскликнул Гудислав. — Ведь это детеныши лемурийцев.

— Верно. Только что они тут делают? — спросил Мирослав, оглядываясь по сторонам. — До ближайшего поселения довольно далеко.

— Скорее всего, их отнесло от берега, — сказал Дружин.

— И что нам теперь с ними делать? — поинтересовался Гудислав, продолжая заглядывать в лодку.

— Разрешите мне взять их на воспитание, — предложил Дружин, изучая реакцию присутствующих.

— Исключено, — категорически заявил Горыня. — Нам не нужны свободные земляне на наших базах.

В голове у Дружина заметались вопросы, которые он соединил в один.

— Ты видишь, что у нас сейчас проблемы с развитием землян? — спросил он у Горыни. — Я имею в виду их духовный и интеллектуальный уровни.

— Их уровень развития уже не наша проблема. Мы лишь были материнским аспектом в момент зачатия расы, но не более.

— Я предлагаю обучить этих найденышей тем навыкам, какие требуются землянам для жизни. Они будут развитее остальных, умнее. Мы создадим полуземлянина-полунефилима, имеющего ясную голову, и умеющего выполнять любую работу, а также способного жить самостоятельно и развиваться. Это будут те, кто создаст новую ветвь сверхземлян, не похожих на обитающих сейчас на планете. Здесь две особи — мальчик и девочка. Значит,

они смогут зачать потомство, которое будет для остальных примером в образе жизни, — пытался переубедить остальных Дружин.

— Ну если, к примеру, меня и убедили твои доводы, то я не уверен, что они убедят Галактический Совет, — сказал Горыня.

— Вот тут я не согласен с тобой. Мы ведь предупреждали Совет, что иногда будем помогать землянам в развитии. Тем более, что говорить им об этом не обязательно, — ответил Дружин.

Горыня окинул взглядом присутствующих. Все они стояли в замешательстве. После некоторых раздумий Дружин взял на руки детей и поднял над головой. Послышался плач. Но Дружин успокоил детей, вызвав в себе чувство заботы и Любви, которое те уловили.

— Ладно, ты переубедил меня, Энлиль, — сказал Горыня, махнув рукой. — Если остальные не против, то давай оставим их. Но только оставим на том условии, что ты лично будешь заниматься их воспитанием.

— Конечно, — обрадовался Дружин, и осмотрел остальных.

Нефилимы согласились, и разрешили оставить детенышей, хотя их согласия и не требовалось. Дружин выполнял функции Энлиля, а значит, был старшим, и мог делать то, с чем были не согласны многие другие. Но ему хотелось получить добровольное согласие братьев, чтобы избежать дальнейших конфликтов и чтобы его дети не стали изгоями в общем доме.

Забрав малышей, Дружин и Градимир пошли на базу. Остальные продолжили вести испытания.

Маленькие земляне оказались очень смыслеными и физически развитыми. На общем собрании их было решено назвать Адапой и Тити. Много времени проводили нефилимы за их воспитанием. Для них эти детеныши были подобны домашним питомцам, с которыми можно поиграть и в качестве развлечения чему-нибудь научить. Кто-то знакомил их с ремеслами, кто-то с животноводством. Градимир научил сажать съедобные растения и ухаживать за ними. Все у детенышей получалось удивительно хорошо. Нефилимы и не думали, что земляне могут быть такими сообразительными. Шли годы. Адапа и Тити становились взрослыми. Вместе с возрастом совершенствовались и их навыки.

Время шло, дети росли. И нефилимов поражала развитость маленьких землян. Они уже стали родными в доме создателей, и все были им рады. Больше всего гордости добавляли они Дружину. Ему было лестно осознавать, что его детей хвалят собратья. Долго они с Градимиром держали в секрете тайну рождения найденных и появления у берегов базы именно в момент испытаний. Однако самолюбие и жажда значимости были сильнее, и в один из вечеров, когда все нефилимы собрались для обсуждения планов на будущее, Дружин объявил о своей причастности к рождению Адапа и Тити. Он надеялся, что собратья поблагодарят его за этот поступок, но в ответ услышал только критику.

— Зачем ты это сделал? — непонимающе спрашивал Гудислав. — Ты хоть сознаешь, что натворил?

— Я сделал землян более совершенными. Если бы не моя связь с лемурийками, они бы сейчас так и оставались

на низком уровне развития. Но благодаря этой связи и дальнейшему рождению детей образовалась информация в Коллективном Сознании планеты. Или, может, вы думаете, что ваше обучение сделало этих земных детенышей такими умными? Ничего подобного! Они бы не смогли усвоить данную вами информацию, если бы не их умственные способности, заложенные мною, — Дружин был удивлен обвинениями в свой адрес и всячески оправдывал себя. Он искренне верил, что совершил важный и полезный поступок, и не находил причин для критики.

— Подожди, Энлиль, не нервничай, — сказал Нинурта, и по его голосу было件нятно, что он на стороне Дружина. — Твоя связь положила начало новому роду землян, берущего начало от одного из нас. Я не могу сказать, что это хороший поступок, и нам никакой пользы от него нет, но для развития лемурийцев это огромный шаг вперед. Причем шаг не естественный.

— О чем ты говоришь, Мирослав? — вмешался Казимир. — Энлиль выставил всех нас не в лучшем свете перед Галактическим Советом! Ты только представь, что с нами будет, когда об этом узнают.

— Мы ведь предупреждали их, что будем иногда помогать землянам в развитии, — напомнил Гудислав.

— Помогать, а не насиловать! — голос Казимира был груб. — Ты еще раз вмешался в структуру ДНК землян. Первое вмешательство было разрешено Советом, когда мы их создавали, а теперь ты это сделал без их ведома.

— Мы их породили, и если хотим обладать ими, то имеем полное право, — сказал Дружин.

— Не вживайся в роль Бога. То, что они тебя таким

считают, не делают тебя Им! — оборвал Казимир. — Мы их породили по просьбе Галактического Совета, а не по своей прихоти. И соответственно, если уж ты пожелал овладеть ими, то сначала надо было спросить у Совета.

— Я что хочу, то и делаю, — вскричал Дружин и с силой ударил рукой стоящее рядом дерево. Оно хрустнуло и сломалось.

Все замолчали. Глаза Энлиля были наполнены яростью, и спорить с ним в этот момент было бессмысленно.

— Сейчас уже бесполезно спорить о произошедшем. Прошлого назад не вернуть и не изменить. Давайте лучше думать, что у нас есть в наличии и как нам с этим быть, — сказал Гудислав, понимая, что спор не даст результата.

— Я вижу два вытекающих из поступка Энлиля момента. Первый — это появившийся род более развитых землян, а второй — это проблема с Галактическим Советом, — стал рассуждать Мирослав. — Предлагаю начать со второго.

— Я не вижу смысла рассказывать им об этом. Будем надеяться, что сами они ничего не заподозрят, а если все-таки правда откроется, то тут нам придется что-то придумывать. Но давайте решать проблемы по мере их поступления. Сейчас меня больше волнует Адапа и Тити. Они могут быть родоначальниками новой ветви землян, которые поведут за собой остальных. Однако, если мы их уничтожим, то избавимся ото всяких проблем со стороны Совета. Они просто не узнают об этих развитых землянах, а значит, и о причине их появления, — сказал Казимир.

Услышав такие слова Дружин сверкнул на него взгля-

дом.

— Никто из нас не хочет уничтожить Адапу и Тити. Мы все к ним привыкли и желаем им счастья. Пусть лучше они начнут новый род, а вместе с ним и новый виток развития. Адапа и Тити имеют к нам большее отношение, чем все остальные земляне, и им нужно уделить внимание. Пройдет совсем немного времени, и мы не сможем больше воспитывать их у нас. Они научатся многому и должны будут уйти к лемурийцам и стать наставниками. А мы будем следить за ними и помогать их потомкам по мере необходимости.

— Тогда предлагаю снабдить их всех какими-нибудь чипами или маяками, чтобы мы всегда могли найти их в случае необходимости, — предложил Гудислав.

— Мы не сможем снабжать чипами их маленьких детей, оставаясь незамеченными, а постоянно приходить в их жизнь не имеем права. Лучше создать им какое-нибудь физическое отличие от остальных, — сказал Градимир.

— Но, даже создав это физическое отличие, мы не сможем находить их на большом расстоянии, и оно будет действовать лишь при зрительном контакте.

— Почему? — удивился маг. — С наступлением нисходящей стадии Кали-юги, когда наше сознание начинает засыпать, вы совсем забыли о наших духовных возможностях. Ведь мы можем уловить духовную связь с любым существом, которое нам требуется. Другими словами, настроив свое тонкое тело на нужный объект, мы всегда сможем отыскать его и пообщаться телепатически. В данном случае расстояние не будет проблемой.

Нефилимы не стали спорить с магом и закивали головами, решив помогать Адапе и Тити даже в том случае,

если самим придется чему-нибудь обучаться и воскрешать забытые навыки.

Потомки полужемлян-полубогов были обречены на постоянный надзор со стороны создателей. В их тела перерождались лишь самые высокодуховные души, которые вели за собой остальных, и на собственном примере показывали, каким образом надо жить.

Время шло, а дети Дружина продолжали обучаться под руководством нефилимов. Они выросли, и скоро у них проявился инстинкт размножения. Дружин с любопытством и удовольствием наблюдал за спариванием. Ему не хотелось ничего пропустить, и он целыми днями не отходил от них. Скоро живот Тити округлился, и спустя еще немного времени на свет появились близнецы, коих нарекли Каином и Абаэлем.

По истечении нескольких лет нефилимы решили обучить каждого из них какому-либо направлению. Нинурта забрал Каина на свою базу в Бад-Тибиру, где начал приобщать к земледелию, а Мардук забрал Абаэля к себе на базу, расположенную среди кедровых гор, и начал обучать животноводству. Быстро Каин научился прокладывать каналы для орошения полей, сеять, жать, мастерить плуг из древесины для вспахивания. Нинурта построил отдельный деревянный дом рядом с базой для своего подопечного, где тому предстояло жить самостоятельной жизнью, ничем не отличающейся от жизни в дикой природе.

Мардук построил для Абаэля огромный загон, площадь в несколько десятков квадратных километров, рядом со своей базой, где ему самостоятельно предстояло построить себе жилище, в отличие от брата, и учиться пасти

скот. Прошел сезон, а вместе с ним дали первый урожай зерна, посаженные Каином, первое потомство появилось у овец Абаэля. В знак усвоенного урока и выполненного задания, братья преподнесли плоды своих трудов к ногам учителей. Все нефилимы были тронуты таким вниманием и в ответ устроили для учеников небольшой пир, на который пригласили и Адапу с Тити. Родители были рады увидеть своих первенцев после года разлуки.

После рождения первенцев-близнецов Адапу и Тити произвели на свет еще несколько детей, и все они были девочками. Понимая, что близнецам нужно продолжать род полубогов, Дружин вынудил Каина и Абаэля совершить акты с младшими сестрами. Это было необходимо, так как роду требовалось развиваться, не смешиваясь с примитивными землянами, а значит, по линии родственников.

— Запомните, вы не должны вступать в связь с грязноплотными лемурийцами, — твердил Дружин Каину и Абаэлю. — Вы берете начало от самих богов и не должны мешаться с грязью. Вы для них ведуны, за которыми они должны пойти и в которых должны видеть пример для подражания. Вы лучшее, что есть на планете! Передавайте это наставление своим детям, а они пусть передают его вашим внукам. Только таким образом ваш «чистый род» сможет вести за собой толпу и управлять ею.

Близнецы внимательно слушали своих учителей и запомнили все сказанное. Для них эти слова были единственно верными, и ослушаться создателей было невозможно.

Все руководство нефилимов собралось на праздничный обед в честь первого урожая. Столы ломились от еды и напитков, приготовленных Казимиром по лемурийским

рецептам. Настроение у всех было приподнятое, и много хвалебных слов было сказано в адрес Нинурты и Мардука, обучивших землян столь важным вещам. Теперь у нефилимов отпала нужда добывать шерсть для производства одежды — за них это делал Абаэль. А Тити вязала из этой шерсти рубахи. Каин занимался орошением полей и возвращением зерен.

Мало ели нефилимы земной пищи, стоящей на столах. Все больше для примера землянам они это делали, стремясь показать, как важен в жизни процесс добывания хлеба насущного. Энергетическая составляющая земных продуктов оказалась так мала для гостей с далекой Родины, что нужды в её употреблении не было. В основном принималась она в пищу для получения вкусовых ощущений.

— Теперь, благодаря нашим стараниям, лемурийцы способны сами заботиться о себе. Каин должен передать им знания о земледелии, а Абаэль — о производстве шерсти и скотоводстве. Мы подняли навыки землян на невозможный прежде уровень, и пусть они это знают, — сказал Дружин, поднимая кружку с козьим молоком. — Особенно должен отметить заслуги Абаэля в проделанной работе. Ему самому пришлось строить себе жилище, так как подходящих для жизни пещер не было поблизости, и на большой территории заботиться о себе самостоятельно. Все лемурийцы должны брать с него пример.

Сказанные богом слова очень польстили Адапе, уловившему горделивые нотки энергии своего отца. Дружин похлопал сына по плечу. Этот поступок не остался без внимания Каина, старавшегося не меньше брата, но не удостоенного похвалы создателя. Слеза обиды едва не

покатилась по его щеке, но он сдержал её, а вместе с ней и эмоции. Никто не уловил этих переживаний.

Несколько дней продолжались торжества, а по прошествии их лемурийцы были отправлены по своим базам. Адапа, Тити и их дочери отбыли в Эриду, Каин — в Бад-Тибиру, а Абаэль — в кедровые горы.

Шло время, братья продолжали развивать полученные знания на своих территориях. Дружин часто привозил к ним их сестер для детозачатия и внимательно следил за соблюдением чистокровности этих связей. Строго-настрога наказал он им избегать порочащих контактов с другими лемурийками, кроме собственных сестер. Его не волновали чувства Каина. Тот страдал молча, не показывая свою страсть, но каждый раз, когда видел объект этих волнительных переживаний, что-то происходило внутри. Примитивизм в ощущениях и страх перед наказанием не давал в полной мере насладиться этими возвышенными чувствами.

Заканчивалась зима, бездельное время, и приближалась весна, время приготовлений. За тем пришло и засушливое лето. Для Каина это не было существенной проблемой, поскольку выстроенные системы орошения полей работали без перебоев и поставляли воду в необходимых количествах. Куда хуже складывались дела у брата. Стада Абаэля страдали от нехватки воды и сочной травы и в поисках лучшей жизни, сами того не замечая, смещались в сторону Бад-Тибиру. К концу лета, когда овцы были истощены, Абаэль со стадами вышел на большую поляну, где было много травы и располагались красивые искусственные бассейны. Несколько недель большое стадо питалось

травой и водой на богатой территории. Это было наилучшее место для деятельности Абаэля.

Расширенный чувственный порог помогал лемурийцам отслеживать собратьев и чувствовать их в случае местопребывания на соседних территориях. У Каина и Абаэля эти чувственные границы были значительно шире, чем у других, и конечно же Каин уловил родные вибрации. Предполагая, что где-то рядом находится брат, он поспешил навстречу. Через несколько дней пути он прибыл на свои дальние пастбища. Красивые поля оказались вытоптаны скотом, а оросительные каналы высушены. Все, во что он вкладывал силы, было погублено. Повсюду паслись грязные козы и овцы, а посреди некогда красивого поля лежал Абаэль и смотрел в небо. Видимо, он был так занят собой, что даже не обращал внимания на ощущения, бьющие по тонким телам.

— Абаэль, брат мой! — послал Каин телепатический образ.

Уловив его, Абаэль подпрыгнул с места и, увидев брата, бросился к нему. Долго не виделись братья, и от этого встреча их была особенно теплой.

— Как я рад тебя видеть! — говорил Абаэль. — Вот уж не ожидал тебя здесь встретить.

— Это территории моих полей. Здесь я выращиваю зерно. А ты-то как здесь оказался? Ведь тебя Мардук забрал с собой.

— Это лето выдалось особенно засушливым, и моим стадам нечем стало питаться. Много голов погибло. В поисках воды мы долго бродили по земле, пока не нашли это прекрасное место, — и он обвел рукой поле. — Здесь

оказалось достаточно воды, чтобы напоить всех животных.

— Я рад, что здесь ты нашел достаточно воды и твои животные больше не страдают от обезвоживания.

Каину не было жалко своих трудов для брата. Он понимал, что у него ещё есть поля, на которых растут зёрна, а Абаэль может потерять оставшееся поголовье скота.

— Пусть твоё стадо пасётся на моих землях. Пойдем пока на ту вершину, — сказал Каин, указывая на стоящую неподалеку гору. — С неё ты сможешь любоваться плодами твоих трудов.

— Спасибо, брат, что не прогоняешь меня, хотя и имеешь на это полное право, — поблагодарил Абаэль.

— Ведь ты мой брат, как я могу не помочь тебе в такой сложной ситуации?

Братья взобрались на самую вершину горы и долго разговаривали. Они стояли на крутом обрывающемся уступе, внизу которого лежала груда камней. Прошло несколько часов, и солнце стало опускаться за горизонт. Именно в этот момент Каин ощутил знакомую вибрацию, и разыгрались сладкие чувства возбуждения. Где-то рядом появилась знакомая лемурийка.

— Пойдем, Абаэль, — сказал он брату, и побежал в сторону источника энергии.

Скоро они оказались у густого леса. Каин влез на вершину дерева и, раздвинув ветви, увидел сладостный объект своей любви. Потомки Дружина обладали исключительной способностью блокировать идущую от них энергию и могли оставаться не замеченными остальными лемурийцами, что помогло соблюдать инкогнито.

— Видишь эту лемурийку? — спросил Каин.

— Вижу, — ответил Абаэль.

— Она мне очень нравится.

— Боги запретили нам вступать в связь с особями не из нашего рода, — Абаэль говорил быстро и взволнованно. Он боялся послушаться создателей.

Каин смотрел на объект своей страсти, и возбуждение набирало неведомую прежде силу. Звериные инстинкты взяли вверх, и он, спрыгнув с дерева, бросился к ней. С ужасом Абаэль наблюдал, как его брат пренебрегает словами богов и спаривается с «примитивной» лемурийкой. Только вернувшись на дерево и увидев лицо брата, Каин осознал, что наделал. Его охватил страх перед наказанием. Божественное семя оказалось заложено за пределами наблюдаемой траншеи.

Спрыгнув с дерева, они побежали обратно к пасущемуся стаду, чтобы быть как можно дальше от места преступления. Только оказавшись на вершине горы с крутым обрывом, откуда было видно стадо, Каин почувствовал себя спокойнее. Брат смотрел на него укорительным взглядом.

— Что ты натворил? — твердил Абаэль, словно в бреду. — Создатели говорили нам, что этого нельзя делать! Ты ослушался их. Что теперь с нами будет?

— Мы им ничего не скажем, и они не узнают.

— Они знают все! Мы не сможем их обмануть. Даже если мы промолчим, они все равно догадаются.

— Тихо, тихо, тихо, — повторял Каин, обхватив голову руками. — Что нам сделать, чтобы они ни о чем не узнали?

— Мы должны сами обо всем рассказать. Будет хуже, если они догадаются, — говорил Абаэль. — Если мы им не скажем, они посчитают, что мы их обманываем, и рассердятся еще больше.

— Они не будут ругаться, если ни о чем не будут знать, — стоял на своем его брат.

— Нет. Мы должны им рассказать. Если ты этого не сделаешь, сделаю я.

— Не выдавай меня, брат, — просил Каин.

— Ты обманываешь тех, кто обучал нас. Я не хочу быть причастным к этому, и сам расскажу обо всем Энлилю.

— Ты не сделаешь этого! — вскочил Каин. — Меня накажут.

— Зато мы будем честны перед ними.

Каин представил наказание, и сознание его помутилось и отошло на задний план. С этого момента он стал сторонним наблюдателем своих действий. Его рука замахнулась и нанесла удар в лицо брату. Абаэль отступил назад, закрыв лицо руками от боли.

— Ты не расскажешь об этом Энлилю! — настаивал Каин и ударил еще раз.

Не отдавая себе отчета в поступках, он продолжил наносить удары по телу и голове брата, а когда сил совсем не осталось, столкнул его с уступа. Молча Абаэль полетел вниз, и только глухой удар пробудил сознание Каина странным ощущением в груди, не испытываемым прежде. Сев на землю, он закрыл лицо руками и попытался вспомнить произошедшее. Ему казалось, что последние минуты жизни прошли за темным занавесом, сквозь который просвечивались лишь кратковременные фрагменты, наполненные

странными и тошнотворными воспоминаниями. Выполнив поставленную до рождения программу, Каин заложил понятие убийства в Коллективное Сознание планеты. С помощью её землянам стал доступен один из способов познания дуальности мира. Убийство себе подобных — один из немногих вариантов преждевременной смерти и карательный инструмент в руках Игрока.

Обессиленный, сидел он на краю обрыва, боясь посмотреть вниз. Ему было незнакомо понятие смерти и убийства, но интуитивно он понимал, что свершенный поступок ужасен. Тошнотворное, болезненное состояние заключило сознание в плотный вакуум, пугающий своей безысходностью и чувством необратимости сделанного.

Эмоции и переживания Абаэля перед смертью были столь сильны и новы, что распространили свое энергетическое воздействие на многие километры вокруг. Адапа и Тити не могли не уловить их. Будучи неподалеку, они быстро определили источник энергии и прибежали к нему. Вместе с ними был Гудислав. Первым они увидели поникшего Каина, грустно сидевшего на самом краю высокого обрыва. Под ним, метрах в двухстах, на камнях лежало тело второго сына, без признаков жизни. Голова его была разбита.

— Сделай что-нибудь, чтобы он вернулся к жизни, — попросила Тити Гудислава, когда они подошли к телу. — Ты ведь создатель, ты умеешь лечить.

— Я не могу даровать ему жизнь, прости Тити, — ответил Гудислав, не веря произошедшему.

Адапу и Тити тоже было незнакомо чувство потери близких до этого момента. Они не знали, хорошо это или

плохо, но ощущение душевного опустошения и вырванности чего-то изнутри причиняло боль.

Поняв, что причина смерти Абаэля не несчастный случай, Гудислав взмыл вверх и, схватив сидевшего на краю обрыва Каина, вернулся вниз. Испуганный Каин не мог произнести ни слова. Только страшные эмоции разрывали грудь. Родители сразу догадались, что причина неприятных переживаний связана с Каином.

— Как ты посмел убить родного брата? — закричал Гудислав и наотмашь ударил Каина тыльной стороной ладони по лицу.

От сильнейшего удара его отбросило в сторону, и он судорожно начал придумывать оправдание. Сказать, что, послушавшись богов, он спаривался с обычной лемурийкой, он не мог, ибо это только усугубило бы наказание. Мимолетной вспышкой в голову вонзился момент его встречи с братом, и надуманная причина тут же вырвалась словами наружу.

— Овцы Абаэля потоптали весь мой урожай и осушили все вырытые водоемы. Я просил, чтобы он ушел отсюда, но он не слушал меня. Наоборот, еще больше скот стал топтаться на моих землях, — плакал Каин.

— Нет тебе прощения, — сказал Гудислав, бросив на него осуждающий взгляд. — Абаэля уже не вернуть к жизни, — повторил он Тити. — Выройте яму, и положите в неё тело, а потом вновь засыпьте землей. Сверху поставьте камень, как напоминание о жизни вашего сына, и каждый проходящий мимо будет знать, что здесь покойся ваш Абаэль. Сын Адапа и Тити. Умнейший из лемурийцев.

Родители похоронили Абаэля недалеко от места убийства. Все это время Гудислав сидел на вершине обрыва и анализировал случившееся. «Теперь Адапу и Тити известны ощущения потери близкого человека, — думал он. — Постепенно Игроком создается эффект дуальности: хорошо и плохо, горестно и радостно, больно и приятно. Земляне начинают накапливать в Едином Сознании планеты все необходимые для духовного развития эмоции и переживания».

Когда камень был воздвигнут над захоронением, Адапа, Тити, Каин и Гудислав, отправились в Эриду. Там Гудиславу предстояло сообщить о смерти одного из немногих лемурийцев, являющегося их потомком, и общим голосованием решить судьбу Каина. Он сообщил по рации о своем скором возвращении, и в назначенный день все руководители были на базе. Услышав трагический рассказ, Мардук ахнул от негодования.

— Как ты посмел уничтожить результат стольких лет работы? — закричал он на стоявшего перед богами Каина.

Каин закрыл лицо руками и попятился назад. Его уже бил Гудислав, и сейчас рефлексы дали о себе знать.

— Я вложил столько сил и терпения в этого землянина, а ты его убил. Теперь опять мне придется начинать все сначала. Я вновь буду повторять одно и то же недоразвитому ребенку, — продолжал кричать Мардук и размахивать руками. Ты, Каин, погубил мои труды и должен быть наказан за это.

— Пожди, не торопись, — твердо и с негодованием произнес Гудислав. — Я тоже недоволен поступком этого

лемурийца, но давай взглянем на всю ситуацию с другой стороны. Не забывайте, что Каин лишь пешка в этой Игре. Он сыграл свою роль, заложенную в судьбу изначально. Как мы можем наказать его, если это был не его выбор? Мы, нефилимы, способны выбирать, но не земляне. Повторю, земляне находятся внутри Игры, мы же — снаружи. Они живут по правилам Игры, мы — нет.

— Я это понимаю, но мы не можем оставить поступок Каина без должного внимания. Не подвергнув его наказанию, мы подадим дурной пример остальным. А нам нужно, наоборот, показать землянам, что убивать себе подобных нельзя, — сказал Градимир.

— Тут ты абсолютно прав, Градимир. Мы должны на примерах показывать землянам, как нужно себя вести, а как нельзя, что можно делать, а что нет и каково будет наказание за их непослушание. Необходимо внести запись в Единое Сознание планеты. Своего рода законы, в которых мы перечислим поступки, ведущие к понижению уровня духовного развития. Таким образом, все лемурийцы будут знать, что их совершать нельзя, а нарушившего будет ждать неминуемое наказание.

— Я считаю это вполне разумным, но, однозначно, Каин должен понести наказание, — сказал Мардук, выслушав Дружина.

— Он будет изгнан, а вместе с ним и его сестра, которая жила с ним все это время, — ответил Гудислав.

Каина и его жену выгнали из Эриды, хотя все нефилимы понимали, что его поступок вынужденный и, как таковой, его вины в случившемся нет. Это должно было случиться для запуска определенных процессов Игры, и не

имеет значения, кто оказался на этом месте — Каин или Абаэль. Теперь Каину и его семье пришлось скитаться по миру, чувствуя себя виноватым в смерти брата, и отвергнутым богами и собственными родителями. Однако Нинурта, с согласия собратьев, постоянно за ним приглядывал. Как никак, в нем была нефилимская энергетика, и этого нельзя было забывать. Нинурта вел записи о развитии подопечного, — ему было интересно понаблюдать, как пойдет развитие без вмешательства богов. Он записывал имена всех его детей. Род Каина считался погубленным в результате изгнания, и нефилимы не брали его во внимание, а сестра убитого Абаэля родила от него дочку. Судьба складывалась так, что род Адапа и Тити непроизвольно встал на путь уничтожения. Не было больше лемурийцев мужского пола, способных заложить семя жизни в лемурийек. Опасаясь этого, Дружин принуждал Адапу регулярно спариваться с Тити, но из раза в раз на свет появлялись девочки. Уже потеряв всякую надежду на чудо, нефилимы пришли в пещеру к рожаящей Тити и увидели, что она держит на руках новорожденного мальчика. Радости Дружина не было предела. Ликовали и Адапу с Тити: они исполнили просьбу создателей и не дали их потомкам кануть в неизвестность.

После этого еще несколько мальчиков родилось у Адапу и Тити. Все они были умны и физически крепки. Всех их в разной мере обучали земледелию, скотоводству, но не обучали ни счету, ни письму, ни строительству, поскольку нужды в этом не было. Лемурийцы владели способностью получать любую необходимую информацию напрямую из Хроник Акаши, а в искусственных жилищах не нуждались.

Главной задачей было научить их выживать и пользоваться своими психическими способностями. Повзрослев, мальчики начали спариваться с сестрами, и численность потомков богов резко пошла вверх. Но любимцем для всех оставался долгожданный Сати, — именно так Дружин назвал первого сына Адапы и Тити, рожденного после Каина и Абаэля.

Сати рос сильным ребенком, как и все остальные потомки создателей. Адапа обучал его ремеслу, скотоводству. Часто его забирали нефилимы на свои базы, где он также проходил обучение. От остальных его отличала любознательность, чем часто заставлял волноваться богов. Однажды Дружин, пролетая над горами и любуясь красотой резко обрывающейся скалы, уловил вибрации, исходящие от своего потомка. Сменив курс, он направился к их источнику и, едва перелетев через скалу, увидел пугающую картину. У него замерло сердце. Прямо на отвесной скале в вертикальном положении висел Сати, ухватившись рукой за уступ, и звал на помощь. Дружин рванул к нему, но, увидев создателя, Сати или от испуга, или еще от чего-то расслабил руку и полетел вниз прямо к бьющимся о скалу волнам. Страшные картины гибели любимца возникли в голове нефилима: как ветер сносит его на скалу, о которую он больно бьется и умирает; как безжалостные волны ударяют его о камни и тело тонет в темных пучинах. Только свист ветра слышал Дружин и падающего Сати видел, пока тот летел вниз параллельно скале, в попытке догнать. Твердая уверенность была в нем, что он непременно догонит Сати, но, когда падать оставалось с десятков метров, уверенность начала исчезать. Именно в этот момент неви-

димый источник сил выплеснул в физическое тело порцию энергии и, резко набрав скорость, Дружин успел схватить падающего у самой воды. Лишь брызги облизнувшись о камни волн попали в лицо испуганного лемурийца. Боясь потерять Сати, Дружин забрал его к себе на базу, чтобы там он находился под постоянным контролем. И, только научив его использовать собственные психические способности в целях самосохранения, он выпустил его обратно в дикую среду. Таким образом, Сати стал первым жрецом среди землян, который осознанно развивал свои способности и выделялся энергетикой из общей массы.

Время шло, земляне постепенно развивались. Все потомки Адапы и Тити были отпущены в самостоятельную жизнь, они передавали свои знания остальным лемурийцам. Кто знает, возможно, земляне вымерли бы сами по себе, если бы потомки богов не помогали им. Нефилимов не интересовало развитие остальных землян, но самолюбие было польщено причастностью к этим успехам.

Произошла очередная смена экспедиции. Покинул планету Дружин, и прилетел Энлиль выполнять его функции. Несмотря на пересменку, для землян все осталось прежним. Внешний облик Энлиля не изменился, несмотря на преобразование внутренней сущности. Несколько лет новое руководство изучало образ жизни землян, а потом, видя, как лемурийцы боготворят создателей, Лучезар, предложил собратьям сенсационную идею, спонтанно возникшую в его голове.

Времена «спячки сознания» для жителей планеты Родина были уже на пороге, но у постоянно расширяющих свое сознание магов рассудок оставался ясным. Уже мало

кто верил в бессмертие души и движение энергии. Только те, кто пытался постичь мир через себя и внутренние чувства, понимали происходящее. Большинство же теперь придерживались рационализма и логики, совершенно забыв о существовании «невидимого» и о том, что его аспект значительно шире «видимого», материального.

Из-за разной продолжительности года и эллипсной орбиты Родины циклы юг* на двух планетах отличались своими временными рамками и никогда не совпадали. На Родине цикл «спячки» был значительно больше, чем на Земле, и имел большой временной промежуток. Этот цикл юг напрямую зависит от вращения планеты вокруг солнца. Проходя через разные стадии, планета впадает в разные состояния, действующие на её обитателей то благоприятным, то негативным образом. На Родине как раз начинались неблагоприятные времена, когда новые руководители стали собираться в экспедицию. Их сознание оказалось в затмении, и многие Законы, некогда бывшие нормой, перестали приниматься на веру. Однако покинув Родину и прилетев на Землю, это же сознание нефилимов вышло из-под влияния родной планеты, с протекающей на ней «сонной» фазой, и перешло под воздействие планеты Земля. Таким образом, сменив планету, нефилимы очнулись от духовной «спячки», и их сознание вернулось в свое естественное состояние сознания.

Во время очередного совета богов Лучезар поведал собратям о некоторых странностях землян и озвучил свою

*Юга — особый период времени, влияющий на сознание живых существ, обитающих на планете. Существует четыре периода — Сатъя-юга, Трета-юга, Двапара-юга и Кали-юга. Каждой из юг присущи свойственные только ей черты, и каждая из них по своему влияет на понимание Истины. Общий период Юг равен одному Галактическому Году (25 920 лет).

идею.

— Чем больше я наблюдаю за ними, тем больше убеждаюсь в их жажде служения, — сказал он. — По всей видимости, это заложено в их программе. Каждый хочет верить в то, чего не видит глазами, но надеется, что где-то там, далеко, это невидимое существует.

— Или они хотят видеть перед собой живой пример для подражания, к которому нужно стремиться, — выдвинул альтернативную точку зрения Акнэль.

— Или так, — подтвердил маг, кивнув головой.

— К чему ты клонишь? — спросил Энлиль.

— Что ты такой нетерпеливый? — усмехнулся маг.

— Я не был здесь много лет, и изрядно соскучился по природе, землянам и хочу поскорее осмотреть планету. Как ты знаешь, я только что вернулся из экспедиции по южному полюсу, где нет землян и вокруг только снег, и сейчас жажду увидеть их в естественной среде обитания. Говорят, они построили поселения где-то рядом с базой, а я их еще не видел. Так что не хотелось бы здесь задерживаться, — Энлиль говорил с улыбкой на лице, и все понимали, что в его словах больше юмора, нежели недовольства.

— Ну хорошо, раз глава Нижнего Мира так занят, я перейду сразу к делу, — сказал Лучезар.

Все руководители рассмеялись, и слышались увеселительные реплики в адрес Энлиля. Маг подождал, когда смех прекратится, и перешел к делу.

— Я предлагаю дать землянам то, чего они так страстно жаждут. Я хочу предложить вам одну интересную вещь. Как вы знаете, все в нашем мире не более чем энергия.

Наши мысли и мысли землян не исключение. Они имеют энергетическую составляющую, которой мы можем подпитываться.

— Ты в своем уме, Лучезар? — спросил Ладимир. — О чем ты вообще говоришь? Как мы заставим лемурийцев отдавать нам энергию?

— Это возможно. Поверь моему оккультному опыту! Мы можем заставить их отдавать нам свою энергию, и для этого потребуется совсем немного.

— Но ведь все в мире должно находиться в гармонии. Если мы будем забирать у них энергию, то что мы будем давать им в замен? — спросил Энлиль.

— Обоснованное замечание! — заметил Лучезар. — Взамен мы будем давать им необходимые знания. Сейчас мы делаем все безвозмездно, но можно за это брать энергию.

— И как ты себе это представляешь?

— Давайте придумаем песни и гимны, которые лемурийцы должны будут петь в нашу честь, — предложил маг. — В этом случае, когда они будут петь гимны в нашу честь, потраченная энергия будет перекачиваться к нам, поскольку мы являемся её адресатами. В этом нет ничего сложного. Во всей Вселенной по подобному принципу действуют эгрегоры.

— Тогда я считаю разумным обучить их правильному произнесению гимнов, с вкладыванием в них частичку своей души, — сказал Акнэль. — Ведь чем эмоциональнее их обращение или гимн, тем более он энергозатратнее.

— Совершенно верно. Мы обучим их правильному

произношению, и они будут делать это от всего сердца, как говорится. Тем самым мы достигнем двух целей — дадим землянам веру и перенаправим на себя энергетические потоки.

— А зачем нам вообще эта энергия? Лично у меня хватает той, что получаю я сам, — спросил Энлиль.

— Лишней энергии не бывает. Её можно тратить на передвижение, к примеру, на научные открытия или на что-то еще. Вы станете всегда чувствовать в себе неиссякаемый источник сил, и это будет так до тех пор, пока нам будут петь гимны, песни, стихи и посвящать другие произведения искусства, — сказал маг.

— Хорошо. А как вы собираетесь донести эти гимны до землян? — поинтересовался Ладимир, опасаясь вмешательства Галактического Совета. — Ведь как все помнят, мы решили больше не вмешиваться в их жизнь столь радикальными путями.

— Мы обучим этим гимнам Велимудра, сына Сати, и, когда он выучится, отправим нести знание остальным. Он заслуживает того, чтобы быть в почете, — предложил Лучезар. — Это более длительный процесс, чем если бы мы сами дали лемурийцам гимны, но зато более мягкий.

— В принципе мне интересно это предложение, — сказал Энлиль. — Я считаю, что попробовать можно. По крайней мере, нам оно ничего не будет стоить.

Остальные нефилимы тоже согласились с Энлилем, и было решено сочинить гимны, а затем обучить им и другим обрядам Велимудра. Велимудр был хорошим учеником. Он быстро усвоил тексты, восхваляющие создателей. Много раз он читал придуманные богами стихи и пел песни под

аккомпанемент своих братьев и сыновей, играющих на флейтах и арфах.

Уже через несколько столетий гимны создателям распространились по всей планете и стали популярны. Их воспевали в построенных храмах, в пещерах и везде, где это было возможно. Время меняло многое в сознании лемурийцев. Нефилимы редко вмешивались в их жизнь, все больше наблюдая за ней со стороны. Понимая всю важность гимнов и духовного развития, земляне начали строить специальные сооружения, где собирались для пения гимнов. В этих сооружениях, названных монастырями, лемурийцы обменивались энергией, постепенно поднимая вибрации менее развитых существ до высот учителей. Строения были не чем иным, как посадочными платформами, похожими на пагоды. Они стояли на высоких сваях, схожих с теми, что ставили для себя нефилимы. Иногда на них приземлялись небольшие летательные аппараты, но чаще нефилимы просто прилетали на них, чтобы дать землянам знания. Часто в эти монастыри наведывались сирианцы и представители других инопланетных рас, коим было не безразлично будущее Эксперимента. Они чувствовали, что в этом месте собираются высокоразвитые существа, способные понять и усвоить принесенную информацию. Многие монастыри были окружены высокими каменными заборами, защищающими посетителей от сильных ветров.

Эти ограждения и стоящие за ними пагоды были единственными искусственными строениями на планете, возведенными лемурийцами. Сами же лемурийцы продолжали жить в пещерах, а некоторые из них еще питались

праной.

Испытав один раз способ «косвенного» вмешательства, нефилимы взяли его себе на вооружение, и следующий момент не заставил себя ждать. Едва лемурийцы привыкли петь восхваляющие богов гимны, как Ладимир решил создать еще один толчок для искусственного развития землян. Хотя и искусственным его можно было назвать с большой натяжкой. Ладимир пошел на откровенную ложь, но сделал её столь похожей на правду, что все лемурийцы и следующие поколения землян запомнили её и безоговорочно приняли как единственно правильную. На этот раз нефилимы создали «дутого» героя, совершившего космическое путешествие на небеса, в вознаграждение за его стремление к развитию. Конечно, этого лемурийца не возили на Родину, а лишь посадили в космический корабль в Лемурии и отвезли на несколько недель в Междуречье.

.....

Завершив все неотложные дела, Энлиль отправился в очередную экспедицию по планете. Предыдущую он провел на холодном полюсе, полностью покрытом снегом, и теперь ему хотелось увидеть сочные зеленые леса, частично забытые несовершенной памятью. Впереди ждали новые эмоции. Обо всех полученных впечатлениях от увиденного Энлиль делал записи. Насколько развились земляне? Как широко освоили планету? Что материального привнесли в свою жизнь в свете завершения Двапара-юги? Все эти вопросы волновали влюбленного в жизнь нефилима.

Намеренно обойдя ближайшее поселение, он двинулся на юг от Сиппара. Горы, поля, реки были столь же красивы,

как в дни первого прилета. Мелкие оттенки запаха свежей травы и леса почти забылись за время пребывания в заснеженных широтах. Целый день птицы пели свои излюбленные песни, солнце грело, ветер остужал. К вечеру Энлиль остановился в нескольких сотнях метров от гладкого как зеркало озера, за которым возвышались три высокие горы, покрытые смешанным лесом. Только с такого расстояния можно было любоваться полнотой пейзажа, не вычлняя из него отдельные фрагменты. Картина завораживала своей магической красотой и неповторимостью. Была в ней некая составляющая, невидимая глазу, но задевающая тонкие струнки души. Вдоволь насытившись ощущениями, он пошел на вершину второй горы, самой высокой из трех, желая посмотреть на равнину с высоты птичьего полета. На крыльях перелетев через озеро, он взобрался на гору и увидел на вершине построенный храм, обнесенный каменным забором.

Ранние лемурийцы успели построить на Земле огромное количество пагод, и в каждой из них регулярно проходили коллективные сборы для пения гимнов. Обойдя забор, он заметил четыре входа, ориентированные по сторонам света. Через эти проемы входили представители разных кланов, чтобы не смешиваться в однородную массу, но Энлиля причина этого не волновала, и он не стал даже размышлять над этим. В его груди играли непонятные позывные, и, поддавшись им, он воспарил вверх и опустился на высокий забор. Внутри монастыря стояли лемурийцы и чего-то ожидали.

Земляне обступили со всех сторон высокую платформу задрав головы, и ожидали пришествия богов. Многие

были золотого цвета, некоторые — серебристого. Их тела светились под лучами садящегося солнца и напоминали одушевленные самородки невероятных размеров. Энлиль был рад, что данные его собратьями химические формулы земляне используют для создания внешней красоты своих тел. Двапара-юга подходила к концу, готовя место темноте Кали-юги, и лемурийцы перестали использовать свое сознание для изменения окружающей реальности. Вместо него они начали прибегать к использованию химических формул для создания необходимых предметов. Еще давно инопланетные гости дали детям формулы специальных масел, которые пропитывая любой твердый материал делают его мягким. В этом состоянии земляне могли придавать предмету любую необходимую форму, а после испарения масла, он оставался таким, каким его слепили. Размягченное золото или серебро наносили на кожу, создавая одежду, в точности повторяющую линии тела. Золото и серебро сплетали в волокна, из которых потом плели ткани, а резьба по камню стала одним из излюбленных занятий. Земляне могли проводить за этим ремеслом несколько недель подряд, не вставая в места, пока работа не будет закончена. Творческий процесс поглощал их целиком.

Сидя на заборе, Энлиль ощущал, как от стоящих вокруг пагоды землян исходит чувство «ожидания». Они явно ждали пришествия божества, и божеством должен был стать именно Энлиль. Возможно, эта встреча была заранее запрограммирована, и лемурийцы специально к ней готовились, а возможно, они уловили его вибрации, пока он любовался зеркальным озером и стоящими позади горами,

и, решив, что он идет к ним, собрались в монастыре. Так или иначе, но, соскучившись по общению с когда-то созданными существами, Энлиль не мог им отказать. Взмахнув крыльями, он облетел лес и, набрав высоту, подлетел к храму из-за высоких деревьев. Увидев в воздухе бога, земляне вскинули вверх руки и запели восхваляющие гимны. Энлиль плавно приземлился на высокую платформу и, возвышаясь над ликующими, послал телепатически образ приветствия.

— Приветствуем тебя, великое божество! — торжественно ответили земляне.

Столь официальное приветствие рассмешило его, но он не подал виду, а только продолжил играть отведенную моментом роль.

— Праведный ли образ жизни вы ведете? — спросил Энлиль и в ответ уловил посланный образ.

Из него было ясно, что треть лемурийцев живут в одиночестве и обособленно от остальных, ведя монашеский образ жизни. Жилища их расположены вокруг храмов и вдалеке от остальных поселений. Эти монахи стараются не общаться с другими землянами, чтобы те не тормозили их развитие и не понижали уровень энергетики. Эти лемурийцы выполняли важнейшую функцию — держали общий энергетический фон планеты на высоком духовном уровне. Обычным землянам их жизнь была не понятна, а зачастую и не видна, но на энергетическом уровне они проделывали колоссальную работу по подъему духовного развития всех остальных жителей планеты. Даже монастыри были построены в «узловых» точках Земли, где их эффективность была во много раз больше, и строительство их являлось страте-

гически необходимым. Все храмы соединялись в одну сеть, разросшуюся над всей поверхностью и со стороны тонких миров напоминающую паутину.

Многие монахи совершали паломничества, перенося свои знания и энергетику из одного храма в другой. Из-за этого монастыри строили на расстоянии пешего перехода. Как правило, расстояние между ними не превышало 150 километров. Только так можно было поддерживать необходимую вибрацию планеты, не теряя эффективности.

— Тогда я расскажу вам о важности чакр для жизни и здоровья, — начал Энлиль.

Он чувствовал, как энергия шла от лемурийцев к нему, и чувство воодушевления и окрыленности придавало сил. Долго повествуя о взаимодействии тонких тел и чакр между собой, он дал землянам почти всю информацию, которой обладал сам. Многие из сказанного монахи не поняли, но вежливо промолчали, надеясь, что поймут позднее.

Покинув храм, Энлиль полетел над полями и лесами, реками и озерами, любясь природой и красотой планеты. Много дивных животных увидел он с высоты. Среди них были динозавры, мамонты, саблезубые тигры, а один раз, изучая прибрежные воды, Энлиль столкнулся со свирепым мегалодонем. Природа была совсем не такой, как в первый прилет на Землю. Все развивалось, и она не была исключением. Преобразовались уже несколько видов растений и деревьев, существовавших во время первого прилета. Природа изменила свои формы, подстраиваясь под климат и среду обитания. Огромные папоротники, достигавшие в высоту нескольких метров, покрывали собой большие поверхности суши. Некоторые элементы природы меня-

лись быстро, некоторые на трансформацию тратили тысячи лет.

К моменту первого прилета на Землю, произошедшему 260 тысяч лет назад, гоминиды стояли на одной эволюционной ступени со многими обитающими на тот момент расами животных. После вмешательства нефилимов и начала Эксперимента, вызванных превращением гоминидов в ранних лемурийцев, уровень гоминидов стал выше. А после того, как потомкам Адапы и Тити начали помогать инопланетные существа, развитие землян шагнуло вперед, оставив позади все остальные расы, включая расу динозавров, всегда идущую с ними бок о бок.

Длинные листья тропических деревьев свисали с потолка леса. Раздвигая их руками, Энлиль медленно пробирался сквозь заросли, чувствуя приятное ощущение усталости. Можно было бы взмыть вверх и совершить полет над кронами деревьев, но где-то рядом находился монастырь, и богу не хотелось, чтобы его заметили. Специально для этого Энлиль осознанно блокировал свои вибрации. Тихонько пробираясь сквозь заросли, он миновал несколько населенных пещер, останавливаясь ненадолго у каждой и наблюдая за жизнью живых существ.

Пещеры были глубоки и ветвисты, наполнены лабиринтами тоннелей и тупиковых ходов. Заблудиться там было проще простого. Однако на фоне разнообразия пещер выделялась одна, находящаяся недалеко от монастыря. Настроив свои внутренние чувства, Энлиль обнаружил, что, кроме немногих основных ходов, наиболее часто используемых лемурийцами, существует еще ряд неизведанных, расположенных в нескольких километрах в гуще джунглей.

Об этих ходах никто не знал, и еще ни разу они не были использованы по назначению.

Уйдя вглубь леса, где кроны закрывали небо и стояла полутьма, прикрытый камнями и травой, находился лаз. Энлиль откинул камень и, пригнувшись, шагнул в темноту. Настроив зрение и немного осмотревшись, он пошел по лабиринтам, ведомый собственными ощущениями. Приходилось пробираться сквозь паутины, обвалившиеся камни и клубни земли, обходить змей и других пресмыкающихся и насекомых. В такой дали от основных лазов не было лемурийцев, и все пещерные залы пустовали. Никогда здесь не ступала нога землянина. Это были таинственные места, и легенды сотнями могли рождаться в их темноте. Двигаясь по длинным лабиринтам, Энлиль наткнулся на комнату, в которой, судя по атмосфере, редко кто появлялся. Мощное защитное поле оказывало неприятное воздействие даже на нефилима. Необъяснимое чувство тревоги внезапно возникло в груди и требовало прекратить попытку продвигаться дальше. Не обращая внимание на наведенный страх, он продолжил путь, пока от сильной головной боли не помутилось в глазах. Психознергетический барьер был мощен, и пройти его оказалось невозможно.

Понимая, что ближе не подкрасться, Энлиль отказался от затеи и продолжил изучение лабиринтов. Долго он петлял по коридорам, повинувшись внутренней навигации, пока не дошел до жилых пещерных залов. Маленькие шаги не выдавали присутствия. Он держался ближе к стенам, углублениям и ответвлениям, чтобы в любой момент можно было спрятаться. Скоро появился сверток в зал. Осторожно Энлиль заглянул в него и увидел лежащего на земле лему-

рийца.

Лемурийцы медитировали только лежа. Для них медитацией являлось либо погружение в собственное «Я», либо путешествие в тонких мирах посредством астрального выхода. Обнаружить лемурийца, медитирующего в пещере, можно было очень редко, поскольку делалось это в основном в монастырях, в специально созданных в стенах нишах, или в небольших пещерах на склонах гор. Само понятие сна не было знакомо лемурийцам монахам, и Энлиль знал это. Как правило, они медитировали ночью, с момента наступления самой темной её фазы, вместо того, чтобы спать. Остальные земляне спали часто, поскольку физическое тело нуждалось в отдыхе, несмотря на сильное духовное тело.

В момент медитации монахи оставляли физические тела набираться сил, а сами собирались на астральном плане большими группами, и все одновременно под руководством гуру, которые в физическом мире были старшими в монастырях, получали задания и выполняли их на тонких планах. Они знали, что в первую очередь именно тонкие миры действуют на плотный физический, а не наоборот. Полнолуние было временем, когда монахи вообще не спали, а делали свою дневную работу.

«Видимо, лежащий лемуриец выполнял какую-то важную миссию, раз ушел в медитацию днем», — решил Энлиль и пошел дальше. В пещере народу оказалось мало — все грелись на улице, но гулять по лабиринтам лемурийского жилища без привлечения внимания больше было нельзя, и Энлиль отправился обратно. Там, где уже почти заканчивались жилые комнаты, в одном из залов он

заметил несколько каменных статуй, каждая в половину его собственного роста. Он подошел ближе и узнал в одной из них изображение хатора. Откуда лемурийцы знали об этой расе, нефилим не понимал. На его памяти не было ни одного прилета хаторов на Землю, хотя они были не обязаны оповещать нефилимов о планируемых странствиях. Согласно Галактическим Законам, нефилимы были гостями на зеленой планете, а не хозяевами. А у гостей не принято спрашивать разрешения, если являешься таким же гостем. Возможно, хаторы посещали Землю по просьбе Галактического Совета и выполняли вполне определенную функцию. Или, что тоже было весьма вероятным, сами лемурийцы летали на планету хаторов во время астральных путешествий и, оттуда привезя их образ, запечатлели его в камне. Еще одним изваянием было изображение представителя красных. Вот представителя этой враждебной расы он никак не ожидал встретить. Что им надо было от землян, Энлиль никак не мог понять. Наряду со статуями хаторов и красных, были еще статуи нефилимов, находящихся в телах землян, и сирианцев.

Энлиль увидел изваяние представителя красной расы, и воспоминания пробудились в нем и вернули в далекое прошлое. На Родине среди нефилимов не существовало расширенного понятия индивидуальности. В определенные моменты, когда того требовали обстоятельства и на кон был поставлен интерес всей расы, обитатели планеты испытывали одно и то же ощущение — в их головах звучал сигнал, и сознание уходило на второй план, полностью отдаваясь воле Единого Коллективного Разума. То же самое произошло и в тот день, когда случилась война

с красными. Энлиль помнил, как сознание отдалилось, и Коллективный Разум начал вбирать его энергетику в общий «резервуар», а когда все нефилемы передали энергию вверх, мощнейший по силе энергетический удар обрушился на Марс — планету обитания красных. В результате этого воздействия уровень сознания марсиан упал. Спасаясь от гибели, многие из них перелетели на Землю, где процесс деградации усиливался до такой степени, что красные утратили почти все свои способности. Прошло много времени, прежде чем цивилизация на Марсе была восстановлена. Потомки красных, перебравшихся на Землю, обитали на планете задолго до прилета нефилимов и создания землян. Однако даже прибывшая для добычи золота команда нефилимов отказалась поддерживать с ними контакт и игнорировала их. С самого первого дня создания биороботов красные жили поблизости с землянами и были очевидцами их развития.

Крайне необычный и разношерстный был пантеон существ, почитаемых землянами и принимаемых за богов. Перебирая в голове самые разнообразные причины появления хаторов и марсиан на Земле, Энлиль пошел к выходу.

Оказавшись снаружи, он вышел на открытое место и взлетел в небо, держа курс к храму. Усевшись на ветке высокого густого дерева подобно птице, Энлиль прикрылся листвой и стал наблюдать за землянами. С этой высоты открывался хороший вид на ближайшую пещеру и обнесенный забором храм. Храмовая площадка была несравнимо больше всех остальных, что встречались до этого. Она была большей площади, а сваи выше. Из-за способности

лемурийцев передвигать любые предметы силой мысли, независимо от веса и размера, строительство храмов не было чем-то особенным. Единственный интерес вызывала причина, по которой было возведено сооружение таких размеров, ведь все поступки землян имели вполне конкретную причину.

В стенах храма устраивались ниши для медитации. Особенно интересно Энлилю было увидеть, что расположены они не друг над другом, а в ряд, таким образом, чтобы выходящая в астрал сущность не сталкивалась с другим физическим телом и две души не перепутали тела.

Храмы были не чем иным, как школами внутреннего развития, или школами магии. Им не было присуще понятие «религии» или какого-либо еще способа вероисповедания. Ранние лемурийцы имели достаточно информации о своем происхождении и о Законах Вселенной, чтобы не верить слепо во что-то иное. Находясь в состоянии «здесь и сейчас», они моментально получали знание, требуемое в данный момент времени, и не нужно было искать его в книгах. Информация сама поступала к ним, за счет природного яснознания. В храмах лемурийцы монахи постигали окружающий мир более глубоко, чем его знали остальные лемурийцы. Если для лемурийцев месмеризм, яснознание, телекинез были естественными, то в храмах их задатки совершенствовались до уровня Знаний и высокого искусства. Именно в храмах раскрывали глубинные свойства Вселенских Законов и учили управлять ими с помощью собственной воли.

В стенах этого монастыря было сделано несколько сквозных отверстий, аккуратно обрамленных золотом.

Через эти окошки монахи передавали знания остальным собратьям, просвещая их. Если кому-то был нужен совет, то он мог подойти к отверстию и озвучить его, и если монах знал, что ответить, то непременно делал это. Было только два способа познания нового. Первый источник находился за стеной и передавал информацию через отверстие, а вторым были лемурийцы, собирающиеся вступить в монашеские ряды. Таких желающих было много. Прежде чем попасть на территорию монастыря, они долго стояли за его пределами, настраивая свою вибрацию на вибрацию храма, и, только достигнув гармонии, проходили внутрь, где их учили подключению к Хроникам Акаши и получению информации напрямую оттуда. Только усвоив вновь приобретенные данные, они могли пойти ненадолго в свое родное поселение, и поделиться знаниями с остальными.

Новичкам разрешалось возвращаться домой лишь несколько раз. В начале обучения эти уходы были необходимы из-за высоких вибраций, существующих на территории монастыря, и постоянное пребывание в них плохо сказывалось на самочувствии. Возвращение домой являлось восстановительной процедурой, стабилизирующей тонкие тела и подготавливающей к окончательному переходу в монастырь.

Делая записи в компьютер, Энлиль несколько часов наблюдал за действиями лемурийцев. Было видно, что они к чему-то готовятся. И скорее всего, они ожидали прибытия тех, кого считали богами. Возможная разгадка появления хаторов и марсиан была близка, и, усилив защитное поле, Энлиль продолжил наблюдение. Внимательно изучая действия землян, он обратил внимание на лежа-

щие груды золота: «Странно, что я не заметил их раньше». Только сейчас Энлиль вспомнил, для чего четыре сотни лет назад на Землю было переправлено несколько десятков небольших летательных аппаратов. Это делалось для транспортировки золота. Раз в сто лет, или около того, нефилимы облетали все храмы и собирали золото. Это было добровольное подношение со стороны лемурийцев. Ведь информация о добыче золота закладывалась в них с момента создания, и сейчас она включилась. Многие лемурийцы добывали золото из недр земли и со дна рек на уровне подсознания и несли его к храму, надеясь удовлетворить богов. Это было очень выгодно и удобно нефилимам, поскольку, несмотря на прекращение добычи металла собратьями, поступление золота не прекратилось, разве что на короткий промежуток времени, когда свободные земляне пытались обустроить быт.

Большой отрезок пути прошло солнце, пока лемурийцы не заняли свои места вокруг высокой площадки. И гости не заставили долго ждать себя. Внезапно на горизонте появилось небольшое космическое судно. Все земляне обратили к нему взоры и смотрели до тех пор, пока оно не приземлилось на платформе. Теперь Энлиль понял, что этот храм служил для общения с существами, прилетевшими из космоса.

Из корабля вышли два сирианца и подошли к краю площадки. Они были золотистого цвета, и Энлиль невольно сравнил с ними лемурийцев, наносивших на свои тела золото. Скорее всего, земляне делали это для того, чтобы быть похожими на богов.

Монолог сирианцев длился долго. Они рассказывали

о работе чакр и их важности для функционирования физического тела. О том, что, кроме основных семи чакр, существуют еще пять, что каждая основная чакра соответствует каждому из тонких тел. Посылаемые образы были полны и насыщены. Энлиль перехватывал их и радовался, что кто-то еще помогает землянам в духовном развитии. Все услышанное с удовольствием принималось учениками и усваивалось. Психические способности были естественными, но принципы работы вызывали много вопросов, ответы на которые и давали инопланетные учителя. Несмотря на слабые умственную активность и мыслительные процессы, экстрасенсорные способности были для землян привычны и повсеместно применяемы.

Закончив повествование, сирианцы отправились в обратный путь. Быстро набрав скорость, их корабль сделал резкий поворот на девяносто градусов и исчез, словно его и не было, а Энлиль остался на дереве наблюдать. Еще какое-то время лемурийцы не расходились, а общались между собой, обсуждая беседу с учителями.

В тот же день Энлиль связался с базой и узнал, что сирианцы предупреждали о своем прилете и для остального руководства это не было сенсацией. О найденных скульптурах Энлиль решил ничего не говорить до тех пор, пока сам что-нибудь не разведает. Еще долго каменные изображения волновали нефелима. Много дум он передумал, строя самые разнообразные предположения. Однако в конечном итоге время притупило интерес к загадке, а путешествие привело на старый рудник, хранивший не меньше интересного.

С момента принятия решения об уходе с планеты и

сворачивании экспедиции прошло много лет, но Энлиль хорошо помнил тогдашние споры и принятые решения. Несмотря на критику, Ану приказал продолжить сбор золота на планете биороботами. Все рабочие были отправлены на Родину, и их сменили ряды искусственно возвращенных существ. В своих экспериментах ученые вывели новые виды животных за счет «смешивания» ДНК. В этих рабочих была заложена программа по добыче золота, которую они безукоризненно выполняли. Обладающее огромной силой, но громоздкое, летающее, но слабое, — каждое из существ выполняло свои, строго определенные функции. На фоне их ранние лемурийцы, современники Адапу, Тити и их ближайших потомков, были совершенством.

Энлиль встал на краю глубокого карьера и присмотрелся к работе изобретенных. Кентавры, химеры, горгоны, грифоны, минотавры, нетеры и многие другие трудились одной дружной командой. Здесь находились далеко не все виды. Некоторые из них изначально были отправлены на определенные рудники и поставлены в жесткие условия, а нефелимы наблюдали за их приспособленческими функциями. Другие уже вымерли, не оставив о себе и воспоминаний в Коллективном Сознании лемурийцев.

Отсюда, с высоты обрыва, была хорошо заметна программная составляющая каждого гибрида. Все они двигались как роботы, — по одной траектории — и выполняли одно и то же. Их морды и лица не выражали никаких эмоций. Все работы велись вручную, с помощью применения мускульной силы. Монотонность и примитивизм деятельности очень быстро наскучили Энлилю, и он решил прогуляться, воскрешая в мыслях прошлые прилеты

в эту местность.

Зеленые джунгли смотрелись неестественно ярко на фоне серого карьера, где все время поднималась каменная пыль. Взрывы стали реже. Лишь раз в два года Горазд прилетал на каждый из рудников и взрывал несколько скал, снабжая биороботов объемом работы до следующего прилета. Тысячи лет назад здесь царили тишина и спокойствие, рос густой живописный лес, но желание нефилимов жить заставило свершить насильственные действия над чужой планетой. В какой-то мере Земля стала донором, а сама понесла урон. Энлилю было больно смотреть на глубокие искусственные карьеры и расщелины. Куда гуманнее стала бы добыча золота с поверхности, без применения взрывчатки и техники. Он несколько раз присутствовал при взрывах, и ему казалось, что он слышал стоны, издаваемые ни в чем не повинной планеты. Как же больно было осознавать, что его раса является тем извергом, причиняющим мучительные страдания живому существу. Однако Энлиль находил оправдание своим поступкам и поступкам собратьев, убеждая себя в безвыходности ситуации. Он видел не планету-жертву, а добровольную планету-спасителя, планету-жертвователя, безвозмездно помогающей далекому собрату. От этих мыслей на душе становилось несколько легче. Энлиль понимал, что, причиняя боль одной планете, он спасает собственную планету со всеми её обитателями от неминуемой гибели.

Приятные воспоминания далекого прошлого грели душу. Во время второй своей экспедиции на планету Энлиль жил в одной местности на Австралийском материке, и руководил строительством небольшого поселка. То

было время романтики и грез. Сейчас от того временного поселка совсем ничего не осталось. Деревья, из которых были сделаны строения, сгнили, а тропы заросли. Время вычеркнуло все упоминания о пребывании инопланетных гостей. Безрезультатно Энлиль пытался найти останки тех больших барачков, построенных для рабочих. Раздвигая ветви деревьев, он неожиданно оказался на небольшой опушке, которая обрывалась с одной стороны, и там начался глубокий карьер, а со всех остальных сторон была закрыта растительностью. Это был уникальный смотровой пункт, созданный самой природой.

Мысли вернули Энлиля в действительность, выдернув из романтических переживаний прошлого, и ощущение чужеродных вибраций ударило по нервной системе. Повернув голову, он увидел сидящих на краю обрыва четырех лемурийцев, наблюдающих за работой биороботов. До появления гостя они болтали ногами и о чем-то беседовали, но теперь от них исходил страх. Они смотрели на крылатого бога и каменели от ужаса. Это были не монахи, а самые обычные лемурийцы, забывшие, даже как подключаться к Коллективному Сознанию собственной расы и Акашическим Хроникам. Желая оставаться незамеченным, Энлиль прибегнул к месмеризму и совершил в сознании лемурийцев «подмену понятий». В этот же момент он взмахнул крыльями и, взлетев вверх, скрылся за кронами деревьев. В результате совершенных действий, лемурийцы увидели только выпрыгнувшую из леса птицу, тут же взмывшую в небо, а не существо, похожее на них, но имеющее большие крылья. Вся встреча длилась несколько секунд, однако в этот момент время словно остановилось,

позволяя обдумать каждое действие и его последствия. Пожалуй, выбранный образ большой птицы оказался наиболее подходящим для сложившейся ситуации.

Теперь Энлиль был уверен, что свободные земляне имеют контакты с гибридами. Насколько тесны эти контакты, он пока не уяснил себе, но наверняка лемурийцы считали эти виды какими-то животными, добывающими для богов драгоценный металл, а следовательно, выполняющими божественные задачи. Не исключено, что для них они имели статус священных животных, о которых слагались легенды. Летя над верхушками деревьев, Энлиль поражался стремительному упадку в развитии землян. Сейчас он вспомнил о прочитанных им записях, сделанных одним из его предшественников, который отмечал, что все общество землян распалось на две группы. Одни ушли в храмы — и их было меньшинство, — а другие стали вести исключительно мирской образ жизни — сбиваться в группы, создавать большие семьи из двухсот членов, и идти на поводу у животных инстинктов. Где-то не за горами было и время, когда главенствующим в обществе станет проявление собственного эго с присущим ему самолюбием, эгоистической индивидуальностью и личной точкой зрения.

Сейчас жизнь землян была гармонична и миролюбива. Все они были дружны, счастливы, а родственные связи уходивших в монастыри лемурийцев столь тесно переплетались, что крайне тяжелым становился их разрывать. Храмовая жизнь в корне отличалась от жизни в семье. Любые занятия и упражнения там были направлены на сохранение божественности, Любви, а все это основывалось

валось на уничтожении собственной индивидуальности. Монахи были в первую очередь жертвователи, пренебрегающие собой ради развития остального общества. В них жило понимание того, что делая добро остальным, они в первую очередь помогают себе.

Вылетев на большую поляну, Энлиль увидел гуляющих с большими корзинами лемурийцев, собирающих фрукты, семена и орехи. Где-то рядом должен был находиться монастырь. Одним из самых распространенных блюд в храмах был «лемурийский прасад». Готовился он путем смешивания молока, семян, орехов, фруктов и меда в однородную массу. Однажды Энлилю преподнесли это блюдо в чаше из высушенной тыквы, и он на себе испытал его полезные свойства.

Вспоминая вкусовые ощущения монастырской еды, он летел в сторону храма. Внутренний водитель безошибочно подсказывал направление движения. Дойдя в воспоминаниях до послеглотательных ощущений, Энлиль увидел монастырь. Снаружи строение было таким же, как и большинство остальных, но энергетический фон отличался. Здесь обитали не самые духовно развитые земляне. И конечно же, в связи с этим монастырь не играл ключевую роль в «паутине» храмов.

Внизу, в широкой бочке в половину лемурийского роста мешали «лемурийский прасад». Судя по дурманящему сладкому запаху, он был уже готов. Несколько лемурийцев направлялись к бочонку, держа в руках тыквенные чаши. Каждый имел свой личный сосуд, куда наливался напиток. Наполнив его до краев, земляне разошлись в разные стороны и сели для медитации. О том, что вся

жизнь — медитация, лемурийцы знали не понаслышке, а поэтому все делали осознанно, пребывая в состоянии «здесь и сейчас». Концентрация на каждом выполняемом в настоящий момент времени действии была предельно высока. Один из землян сидел на траве и держал чашу в руках, чтобы еще и через них впитывать энергию напитка. Он визуализировал все живительные свойства и начал пить маленькими глотками, чувствуя, как полезные вещества поступают в организм и, преобразуясь, дают телам силу.

«Лемурийский прасад» включал в себя все необходимые для жизни компоненты. В его состав входили четыре части. Первая — это животный мир, дающий через коров молоко, которое питает мышцы и придаёт большую мышечную силу. Вторая — пчелиный мед, защищающий тонкие тела от астрального воздействия и проникновения в них негативной энергии. Третий — семена и орехи, укрепляющие нервную систему. И четвертый — фрукты, плоды кустарников и деревьев.

Рецепторы физического тела дали слабину, и во рту выделилась слюна. Вкусовые воспоминания о прасаде были ярки, но Энлилю хотелось вновь испытать их физически. Сидя на ветке дерева, прислонившись к толстому стеблю, он хотел уже прибегнуть к месмеризму и украсть немного вкуснейшего напитка, но в последний момент одернул себя, вспомнив, что нельзя вмешиваться в жизнь землян по пустякам. Концентрируя свое внимание на поведении других лемурийцев, Энлиль достал компьютер и начал делать записи.

У стен монастыря около пятнадцати лемурийцев начинали играть в распространенную игру. Её смысл был прост:

один галящий догонял остальных и башил их поочередно. Все происходившие в храмах игры и мероприятия не имели никакого соревновательного аспекта. Участники выступали на одной стороне и помогали проявить себя другим. Подобные игры способствовали избавлению от эгоизма, желания выделиться, превзойти всех, постепенно поглощающих землян, и развивали дух коллективизма, единства, равенства и взаимовыручки. Особенно это стало важным на поздних этапах развития цивилизации, когда большинство лемурийцев были охвачены жаждой самоутверждения, стремлением вычлнить собственное «Я», и в связи с этим бесконечно возникающими конфликтами.

До чего приятно было наблюдать за царящим миром и гармонией. Монахи Любили всю окружающую их действительность во всех её проявлениях. Им было присуще терпение, неторопливость, добродушие — все то, чего так не хватало большинству нефилимов. Познавшие дуальность мироздания, собратья Энлиля часто конфликтовали между собой и вступали в прения, совершенно забыв истину и причины своего существования. Лемурийцы же были чисты и невинны, словно дети. Все их качества были проявлением наивности, отчего Энлиль начинал любить их еще больше.

Любуясь землянами, он даже не заметил приближающуюся со стороны астрального мира новую энергию. Только когда неизвестное существо материализовалось на поверхности пагоды, он обратил на неё внимание. К этому моменту лемурийцы уже стояли вокруг платформы и, задрвав головы, смотрели вверх. Судя по их реакции, существо было им знакомо, однако Энлиль был уверен, что

не встречал этих вибраций раньше. Окончательно материализовавшись, оно приняло образ лемурийца. Это было не высокоразвитое существо инопланетного происхождения, а вполне земное. Его вибрации оказались значительно интенсивнее, чем даже у гуру монастыря.

В то время для многих земных существ и всех без исключения существ находящихся в астрале, не было, как такового, понятия имени. Каждая сущность имела свои собственные, неповторимые вибрации, по которым другая сущность могла определить, с кем общается. Подобные вибрации имеют все существа, находящиеся в тонких мирах, а имена были придуманы для физических тел, чтобы посредством звука привлекать внимание другого существа. Изначально каждый землянин обладал такими способностями, но со временем они стали ослабевать, пока окончательно не сошли на нет. Обнаруженную на платформе сущность звали Миннезингер — Энлиль считал это с её вибраций, а вместе с именем и некоторую информацию о её прошлом. Однако не все он смог узнать и решил сразу после окончания её встречи с лемурийцами пообщаться с ней лично.

Едва лемуриец задал первый вопрос, как Энлиль тут же перехватил его. Землянин интересовался странными существами, добывающими «металл богов» в больших глубоких ямах. Ему хотелось знать — кто это? И для чего они добывают столько золота.

— Это существа, заменившие нас в служении родителям. Они выполняют работу, которую когда-то делали мы, но в силу определенных обстоятельств были освобождены от неё, — и Миннезингер передал одним образом момент

добычи золота ранними землянами, взятый, скорее всего, из Хроник Акаши.

Энлиля поразила степень его осведомленности. Миннезингер показывал такие знания, которые лемурийцы не могли считать самостоятельно, несмотря даже на способность некоторых из них читать из Акаши. Энлиль отбросил размышления в сторону и, настроив вокруг себя защитное поле, стал слушать дальше. Монахи интересовались дальнейшим развитием лемурийцев и их ролью в этом процессе. Конечно, эти земляне понимали возложенную на них задачу — нести знания остальным, на собственном примере показывая превосходство духовного над физическим.

— Вы, монахи, являетесь самыми просвещенными из землян, и именно вы должны через окошки в стенах передавать знания остальным, а не копить в своих библиотеках. Сейчас ваши братья, живущие вне монастырей, ведут себя как животные, спариваясь со всеми подряд. Эти связи без разбору ведут к повреждению тонких тел и чакр, их дисгармонии и, соответственно, духовному падению, — говорил Миннезингер.

— Они повинуются инстинктам, — слабо возразил один из собравшихся.

— И эти инстинкты нужно усмирять, если вы хотите развития. Все инстинкты — животны, а мы пытаемся создать развитое общество. Между цивилизованным обществом и высокой духовностью развитием существует огромная разница, но развитое общество — это лишь одна, но обязательная ступень для совершенствования всей расы. Именно зародыш цивилизованности и отличает нас от тех

же динозавров, коим не свойственная эта черта ни в каких проявлениях.

— И как нам быть? Что мы можем сделать такого, чтобы заставило остальных пересмотреть свое отношение к телу?

— Насильно вы ничего не сделаете, но если будете действовать мягко, то можете добиться результата. Вам нужно ввести новое понятие медитации, а именно способность концентрации на молитве или каком-то другом не физическом объекте, например на собственных верхних чакрах. Эта концентрация перенаправит внимание с сексуального влечения на работу других эмоций и поможет гармонизировать энергоцентры.

Миннезингер говорил правильные вещи, и Энлилю было интересно узнать, откуда взялся этот землянин. Едва Миннезингер закончил и левитировал вверх, как нефилим тут же направил на него энергетический луч и притянул к себе. Скованный, словно оковами, землянин не мог пошевелить и пальцем без разрешения Энлиля.

— Кто ты? — спросил он, направив телепатический образ.

В ответ существо послало картинку своего происхождения, и удивленный Энлиль осмотрел его еще раз.

— Странно, — сказал он. — А мне казалось, что всем потомкам Каина создали какой-то генетический дефект. Что-то вроде «клейма», которое должно было стать опознавательным знаком для всех его потомков.

— Я умею трансформировать свое тело по собственному желанию. Захочу — проявлю все свои физические недостатки, а нет — так об этом никто и не узнает.

Из первого образа Энлиль понял, что это существо является потомком нефилимов, идущим через ветвь Каина. Оно пришло на Землю с другой планеты и имеет несколько иной уровень знаний и духовного развития. Поначалу, оно не очень выделялось на фоне остальных землян, однако за счет стремления к духовному росту быстро стало набирать опыт и знания от перерождения к перерождению. За несколько тысячелетий оно научилось искусству материализации и набору психической энергии.

— И часто ты выступаешь в роли пророка и учителя? — спросил Энлиль.

Миннезингер висел в воздухе, не в состоянии пошевелиться, и только посылал ответные образы.

— Я общаюсь только с живущими в монастырях землянами. Они хотят услышать и стремятся к развитию. Остальные же деградируют.

Энлиль послал одним образом историю последних нескольких лет путешествия по землям лемурийцев.

— Вообще не понимаю, что ты пытаешься найти в путешествии. Не самое удачное время ты для него выбрал, — ответил ему Миннезингер.

Понимая, что землянин не убежит, Энлиль освободил его из энергетических оков и, поблагодарив за стремление к Свету, позволил продолжить свое паломничество по астральному плану, ничего не ответив на последнюю реплику.

Солнце только что село за горизонт. Энлиль задрал голову вверх, и дыхание его перехватило. Серые облака опустились низко над землей и растянулись горизонтально к её поверхности. Где-то вдалеке за горами, за которые

зашло солнце, он видел золотисто-оранжевые переливы. Это лучи садящегося солнца падали на облака и окрашивали их в такой цвет. Лучи попадали и на другие горизонтальные облака, но, чем ближе они располагались к Энлилю, тем меньше в них было красок. Природа этой планеты не могла сравниться ни с чем другим, что он видел прежде. Прошло много времени с того момента, как экспедиция покинула дом и прилетела сюда, на Землю, но Энлиль не жалел ни о чем, кроме того, что многие другие нефилемы уже переставали замечать эту красоту. Он продолжал стоять на месте и смотрел на горизонт. С озера дул прохладный ветер, но чуткий Энлиль не уходил. Чем ниже садилось солнце, тем краснее становились прежде золотисто-оранжевые облака и тем дальше от него сдвигались яркие краски. Каждое мгновение, каждый вдох природы был уникален, и неповторим. Это надо было только захотеть увидеть.

За восемьсот лет экспедиции Энлиль успел понаблюдать за землянами и падением их природных способностей. То, что когда-то было естественным, становилось экстраординарным. «Пройдет еще несколько тысячелетий — и они совсем деградируют до уровня дикарей», — размышлял Энлиль. Много видел путешественник за столетия странствий по планете. На его глазах происходили счастливые моменты рождения и трагические смерти. В целом жизнь лемурийцев была наполнена счастьем и беззаботностью. Все нужное для жизни всегда оказывалось под рукой. Побывав на всех континентах и изучив традиции многих племен и монастырей, Энлиль понимал, что ничего нового больше не увидит, и решил вернуться к собратьям.

На базе ничего не изменилось, только высокий забор из циклопических каменных плит растянулся по всему периметру. Он отгораживал уединенную жизнь нефилемов от присутствия землян, стремящихся быть как можно ближе к богам. Собратья по-прежнему контролировали добычу золота и наслаждались климатом. Порой целыми днями они занимались своими делами — купались, ели, отдыхали — и лишь вечером собирались на короткую планерку. Энлиль быстро втянулся в этот график, и много времени стал проводить в окрестностях базы. Особенно ему полюбилось небольшое озеро, появившееся в результате обильных дождей, пролившихся около ста лет назад.

Энлиль сидел возле небольшого озерца и молчал. Он боялся нарушить природную тишину и внимательно вслушивался в каждый вдох природы — щебет птиц, шорох травы под ногами и листьев над головой, всплески воды. Растущие справа и слева от него деревья корнями уходили в воду. Это маленькое озерцо, по форме напоминавшее полумесяц и поросшее со всех сторон лесом, кишело рыбой. В основном здесь обитал карп. В мутной воде ничего не было видно, но всплески резвящейся рыбы, выпрыгивающей из воды, слышались постоянно.

Большая синяя стрекоза застыла перед лицом Энлиля, изучая «невиданное животное». Хлопая крыльями, она какое-то время висела в воздухе, но, видимо, приняв неподвижное существо за камень, улетела по своим делам.

В метре от Энлиля, у самого берега, раздался громкий шлепок. Это карп выпрыгнул из воды, чтобы погреться мгновение на солнышке. Несколько шлепков послабее донеслось с середины озера, и еще один, но значительно

дальше и глуше. Должно быть, это большой старый карп, весом в несколько десятков килограммов, ударился о воду в попытке посмотреть на лес взглядом земного животного. Им, рыбам, природа видится иначе, чем представителям суши. Они имеют удовольствие любоваться ею снизу вверх, сквозь водную толщу.

Раздался хлопот крыльями, — это орел полетел над гладью озера, постепенно набирая высоту. Редко взмахивая крыльями, он парил над всей видимой частью озера и вот скрылся за деревьями справа, а мелкие птички безостановочно продолжали петь лесу свои песни.

— Энлиль! — послышался сзади чей-то голос. Как он был не вовремя! Нарушить эти природные звуки и спокойствие было преступлением! Чужеродный голос исказил звуки всплеска воды, шуршания листьев, пения птиц. Однако это оказался брат Энлиля, а поэтому такое «преступление» должно было остаться без наказания.

Как не хотелось отрываться от этой разных оттенков зеленой листвы, мутной воды с ребристой поверхностью от плавающей рыбы, щебета птиц, но была первопричинная цель, с которой он сюда прилетел. С неохотой и стараясь сохранить свое неприсутствие в природе, он поднялся и пошел на голос. Чем больше движений он совершал, касаясь листьев и ломая под ногами сухие ветки, тем дальше удалялся от истинно живой природы, с её первозданной тишиной.

— Энлиль! — повторилось вновь. — Пойдем, я покажу тебе одного умного землянина из соседнего племени. Помнишь, я говорил тебе о нем?

Энлиль вспомнил, что Акнэль обещал познакомить его

с каким-то лемурийцем, обладающим большей любознательностью и умом, чем остальные.

Выйдя из кустов, Энлиль наткнулся как раз на Акнэля. Он был в хорошем расположении духа.

— Ты еще не видел то небольшое поселение, которое было рядом с базой во время твоего ухода в экспедицию? — спросил Акнэль.

— Нет, не было времени, да и особого желания. Хотелось немного отдохнуть и побыть наедине с самим собой.

— Оно так разрослось, что сейчас ты его не узнаешь.

— Земляне плодятся с невероятной скоростью. Даже не могу себе представить, что будет через полмиллиона земных лет. Ведь планета будет перенаселена.

— Это уже не наши проблемы. Да и вообще, Эксперимент есть Эксперимент, и будь что будет. На то это и Эксперимент, — сказал Акнэль, пошарив руками в карманах хламиды.

— Ты что-то ищешь? — спросил Энлиль.

— Обещал показать Нуску плазменный резак для добычи золота и, видимо, забыл его на базе.

— Зачем ему резак? — удивился Энлиль.

— Он хочет понять принцип работы.

Энлиль сделал удивленное лицо, но ничего не ответил. Он прекрасно понимал, что, как бы ни был умен и любознателен лемуриец, ему не понять работу этого устройства.

— Иди пока в сторону поселка, а я вернусь на базу и потом догоню тебя, — сказал Акнэль и быстрым шагом пошел в обратную сторону. Отговаривать его было бесполезно: если он решил показать землянину устройство, он непременно сделает это.

Энлиль вновь остался наедине с собой. Это одиночество ему не надоело за время длительной экспедиции, и он продолжал радоваться таким приятным моментам. Лес распахнул перед ним свои объятия, словно приглашая пройти еще глубже. Двигаясь в сторону поселка, Энлиль вышел к реке, пускающей рукава в две стороны. Слева была удивительная растительность, венчающаяся с живописным скальным уступом. Справа — рукав уходил вглубь густых джунглей и, петляя, терялся в лабиринтах лесов. Энлиль знал, что где-то в той стороне было поселение землян, сменившее не одно поколение с момента его отбытия. Многие успели родиться, кто-то уже умер. Прыгнув в воду, Энлиль переплыл на противоположный берег и пошел дальше. Пробираясь сквозь густую растительность, он заметил покрытое золотом женское тело.

Лемурийка стояла у реки и, подняв вверх руки, радовалась солнечному свету. Под золотым костюмом был виден каждый изгиб тела, блестящего под лучами. Её глаза были закрыты, прямой носик смотрел в небо, на лице сияла улыбка. В странном состоянии помутнения Энлиль пошел к ней.

Лемурийка подняла глаза и увидела бога. Никакие законы и правила не смогли сдержать вспыхнувшие в груди обоих чувства. Сердца застучали, дыхание перехватило. Они смотрели друг на друга, не осознавая происходящего. Лемурийка понимала, что это чувство несравнимо велико со всем, что было раньше. Энлиль понимал, что испытываемое чувство схоже с любовью, но откуда оно взялось? С чего вдруг в нем и к ней? Да, она красива, но почему именно высокие чувства, а не страсть тянула

его к ней? Ничто в жизни не случайно, тем более любовь. Да какая любовь! Все эти мысли и вопросы проскакивали где-то на заднем плане сознания, вытесненные чувством влюбленности. Размышления о внезапности чувств были впереди, а пока в голове и груди Энлиля господствовала любовь. Любовь сбивающая дыхание, учащающая удары сердца, затмевающая реальность и заставляющая неметь. Прежде это было несвойственно нефилиму. Двое смотрели друг на друга, и рефлекторно Энлиль обхватил своими большими ладонями её кисть. Лемурийка вздрогнула и опустила взгляд. Для неё это было невыносимо и непостижимо. Разве мог создатель обратить на неё внимание? Дрожащей рукой Энлиль гладил тыльную сторону её ладони. То, что до этого момента казалось реальностью, испарилось. Исчезло пение птиц, шум деревьев, журчание воды. Солнечная погода сменилась неким вакуумом, охватившим Энлиля, и волной накативших чувств. Ему показалось, что сейчас он вот-вот упадет в обморок. Энергия, пронзающая две души, была столь велика, что лемурийка не выдержала её и, закрыв глаза, начала медленно сползать вниз. Одной рукой Энлиль подхватил её изящный стан и аккуратно положил на траву. Он стоял на коленях и любовался её красотой. Понимая, что это всего лишь обморок, он не спешил приводить её в чувства, хотя сделать это было проще простого. Неимоверное наслаждение доставляло любование этой дивной красотой. Проведя тыльной стороной ладони по её щеке и, поправив волосы, Энлиль взял её руку и поднес к губам. Несмотря на всю любовь к землянам, он не испытывал подобных чувств к отдельно взятому индивидууму. Никогда прежде особи разных видов

не могли любить друг друга, по крайней мере так казалось Энлилю.

Сконцентрировавшись на теле, он начал проводить манипуляции с энергией, приводя лемурийку в чувства.

Она открыла глаза, резко вдохнула прану и, увидев перед собой создателя, замерла в нерешительности. Больше всего она боялась его как бога — существо, обладающее огромной силой перед ней, существо, которое она видела лишь издали и к которому относились с огромнейшим почтением. Она прекрасно понимала, что Энлиль не простой бог, а обладающий властью над себе подобными. Минуло относительно немного времени с тех пор, как нефилимы произвели землян, и память в лемурийцах о своих создателях была свежа. Конечно же, эта красивая лемурийка тоже знала все прошлое. Но знание других лемурийцев отличалось тем, что они почитали нефилимов не только как создателей, но и как богов — существ более знающих и сильных, — кем, собственно, они и являлись. Эта любовь была неожиданна и внезапна. Своей стремительностью она застала врасплох идущего в поселение нефилима.

Исходившая от Энлиля энергетика оказалась столь мощной, что справиться с ней ослабевшей девушке было крайне сложно. Большие глаза её стали медленно закатываться, и в глубине сознания нефилим понял, что, во избежание тяжелых последствий, ему нужно удалиться. Эта мысль выдавливала все остальные мысли, оставляя право господства лишь эмоциям. Нежно Энлиль положил лемурийку на песок, а сам неохотно отошел назад и скрылся за деревьями. Выставив защитное поле, он продолжил наблю-

дать за объектом внезапной влюбленности, затаив дыхание. Сновиденческое состояние даже сейчас не давало трезво мыслить и рассуждать.

Прошло несколько минут, и лемурийка открыла глаза. Сев на песок, она непонимающе осмотрелась, а потом встала и продолжила заниматься своими делами. Удивительно, но Энлиль не смог увидеть её мысли, словно они находились для него в зоне недосягаемости, зато он уловил вибрации Акнэля. Товарищ уже был на месте и ждал его, хотя все планировалось наоборот.

Оставив объект эмоциональных переживаний, нефилим на ватных ногах дошел до поселения и, не обращая внимания на интерес землян, прошел напрямик до необходимого места, повинаясь внутренней навигационной системе. Акнэль и землянин сидели в тени высокого дерева. Нефилим заметил необычное состояние товарища, но не приставал с расспросами, а продолжил рассказывать землянину об устройстве плазменного резака для работы с камнем, крутя его в руках. Сев рядом, Энлиль попытался сосредоточиться на разговоре, но слова пролетали мимо, не оставляя отражения в сознании. О чем собрат говорил с землянином, он не слышал. Голова была занята воскрешением образов лемурийки, так странно задевшей сердце своей красотой. Даже образ умного лемурийца, о котором так много приходилось слышать, не мог зафиксироваться в сознании.

Раз за разом воскрешая в памяти произошедшие события, Энлиль узнавал все больше. То, что оставалось незамеченным в момент встречи, проявлялось сейчас. Из её неповторимых вибраций он узнал, что имя её Даура и

она является дочерью вождя племени. Отец оберегал её и был противником беспорядочных спариваний. Уровень его сознания был выше, чем у других, и он понимал важность создания семей и семейных ценностей, являющихся фундаментом цивилизованного общества.

Несколько раз Акнэль похлопал по плечу Энлиля, прежде чем тот отреагировал на них.

— О чем ты так задумался? Мне казалось, ты сам хотел познакомиться с Нуску.

— Да, хотел... и хочу сейчас... Просто неважно себя чувствую, — ответил Энлиль. — Ты уже закончил здесь?

— Еще нет.

— Тогда оставайся, а я полетел на базу, — и Энлиль с места взмыл вверх, над верхушками деревьев.

Акнэль не стал отговаривать и продолжил обучение землянина. Пролетая над поселением, нефилим пытался отыскать красивую лемурийку, но её нигде не было видно. Сделав петлю, он вернулся к месту, где произошла их встреча, но и там никого не было. Внутреннее чутье молчало. Полет до стен базы проходил в зрительном напряжении. Ему хотелось увидеть её еще разок, но желаниям не суждено было сбыться.

Прилетев на базу, он зашел в зал переговоров с Родной и начал обдумывать сложившуюся ситуацию. Ситуация действительно была не простая. Первой причиной являлся Галактический Совет, который не одобрит его связи с лемурийкой. Второй — его собратья, негативно воспринимающие любые связи между нефилимами и землянами. Да и он сам был не совсем доволен связями своего предшест-

венника. Но, с другой стороны, он никак не мог избавиться от своих чувств, странным образом терзающих струнки души. Весь день он провел в размышлениях, а к вечеру решил еще раз слетать в поселок.

Солнце садилось за горизонт, бросая прощальные лучи на реку и стоящие вдоль берегов деревья. Зелень джунглей покрылась золотистым цветом, словно на них распылили миллиарды тонн мельчайших золотых частиц. Лемурийцы были заняты своими делами, совсем не жизненно важными, но доставляющими массу удовольствия. Кто-то сидел на вершине дерева, свесив ноги, и любовался закатом солнца, кто-то нежился под его последними лучами, кто-то общался с собратьями. Каждый из них любил жизнь за её совершенство. Ничего не надо было делать, чтобы выжить. Оставалось только придумывать новые занятия, чтобы заполнить свое свободное от отдыха время.

Поселение людей находилось рядом с базой, которую нефилимы обнесли высоким забором, но Энлиль облетел его и сел на дереве с противоположной стороны, откуда можно было увидеть большую часть поселка. Он сканировал глазами поселение, пытаясь отыскать знакомое тело, покрытое золотой пылью, но ничего подобного не увидел. Можно было бы без труда обнаружить Дауру, если бы работали его внутренние способности, но они молчали. Казалось, девушка поставила вокруг себя защитное поле невидимости, подобное тому, которое активировал Энлиль, но это было невозможно. Ни один лемуриец, даже гуру из монастырей не умели делать такие сложные манипуляции с тонкими телами и психической энергией. Солнце садилось все ниже, и видимость становилась хуже. Потеряв всякую

надежду увидеть плод своих волнительных переживаний, Энлиль спрыгнул с ветки и, взмахнув крыльями, поднялся в воздух.

В груди не унималась тоска, и мимолетный образ лемурийки всплыл перед глазами. Хотелось вновь воочию увидеть её красивое лицо, смуглую кожу, длинные волосы. Божественно очаровательный лик никак не выходил из головы. Бросив последний взгляд на пещеры, Энлиль замер в нерешительности, и сила притяжения едва больно не притянула к земле. Сердце громко застучало, и медленно сквозь затуманенное сознание стала пробиваться реальная картина. Знакомый силуэт выглянул из пещеры и потянулся. Это была та самая Даура. По какому-то судьбоносному стечению обстоятельств она тоже заметила его и замерла. Оба смотрели друг на друга, находясь в едином визуальном туннеле, отгородившем их от всего остального мира. Рефлекторно Энлиль присел на ветку дерева, не отводя глаз от лемурийки. Сердце стучало и дыхание было сбито. По поднимающейся груди Дауры и её тяжелому дыханию было видно её волнение. Она тоже испытывала волнительные ощущения при виде крылатого бога. Энлиль не посылал телепатических образов для завязывания отношений, а только наблюдал. Ощущения его были самыми сильными из всех, что он испытывал, находясь в физическом теле.

Красивое лицо было очень близко... на расстоянии протянутой руки... Глаза смотрели прямо на него, и в них читался весь трепет... Губы были расслаблены... Не было тех десятков метров между ними... не было спустившегося на планету сумрака... Вновь незнакомые до недавнего

времени ощущения бурей разразились в груди...

Они не замечали, как шло время. Не увидели и как из пещеры вышел вождь, отец Дауры. Бросив взгляд на сидящего на ветке бога, он сначала оторопел, а потом поклонился и вернулся в пещеру, позвав за собой дочь. Едва лемурийка отвела взгляд, как туннель исчез, оставив все новые чувства без изменений. Нутро по-прежнему трепетало, а сердце беспокойно стучало. В этот момент Энлиль понял, что не будет ему больше того спокойствия, которое прежде сопровождало на протяжении всех экспедиций. Долго он еще сидел на ветке, надеясь на повторное появление Дауры, но темнота сгущалась, а она так и не выходила. Потеряв всякую надежду, Энлиль взмахнул крыльями и полетел на базу. Чувства в груди и милый сердцу образ озаряли дорогу сквозь ночную тьму. На следующий день он решил однозначно познакомиться с лемурийкой ближе, чего бы это ему ни стоило.

Вечерний птичий щебет сменился тихим шелканьем насекомых, кажущимся на фоне ночной тишины звонким и пронзительным. Природная тишина поглотила в своих объятиях все Междуречье, погрузив его в сон. Все спали. Только Энлиль не мог уснуть. Его сердце волнительно колотилось в груди, а перед внутренним взором стоял лик лемурийки. Прошло много времени, прежде чем Энлиль провалился в дрему, а затем в глубокий сон.

Проспал он необычно долго, и, когда солнце уже приближалось к зениту, сквозь сон стали пробиваться голоса птиц, резко цепляющие раскаленный мозг и заставляющие пробуждаться. В каменный храм не проникали лучи, и стояла приятная прохлада, вызывающая желание

еще немного полежать. В момент пробуждения вспомнился и канувший в прошлое день, со всеми его событиями. Приятное чувство влюбленности вновь проявило себя в груди, словно и не уходило из него на ночь, а только Энлиль сам перестал замечать его на время. Ему хотелось прыгать, дышать полной грудью, смотреть во все глаза. Окружающий мир полностью изменился в сторону прекрасного, и даже воздух стал каким-то сладким. Птицы радостно щебетали на ветках, лемурийцы уже не почтительно склоняли перед ним головы, но делали это с радостью и счастьем, а его собратья-нефилимы были с ним особенно приветливы. «Что наверху, то и внизу», «что внутри, то и снаружи», — поймал себя на мысли Энлиль.

С необычайным трепетом он ждал следующей встречи с девушкой, которая совсем недавно была для него незнакомой и такой далекой. Можно было ждать случая, чтобы увидеть её вновь, и этот момент был бы чрезмерно приятен, но нефилима не устраивало такое положение вещей, и он не хотел полагаться на случай. Было значительно проще самому прийти к лемурийке, не дожидаясь благосклонности судьбы.

Он облетел поселение со стороны, набрав по дороге фруктов для завтрака, и занял наблюдательный пункт. Лемурийцы были увлечены своими делами, играли в подвижные игры, общались. Даура среди них не появлялась. Она пришла так же неожиданно, как и оба предыдущих раза, вынырнув из леса, и, не замечая наблюдающего взора, весело побежала к реке, размахивая руками. Любовь с новой силой вспыхнула в груди Энлиля, и понимание влетело в голову и душу. Он однозначно осознал,

что эту лемурийку невозможно было не любить. Она могла в одночасье стать скверной и жестокой, но это бы не заставило разлюбить её или забыть. Можно было простить ей все пороки и слабости. Но эти самые грубые черты принадлежали бы ей и уже от этого становились бы прекраснее. Не черты характера или поступки украшали или унижали Дауру, а она сама по себе, по собственным энергиям, возносила их до высот прекрасного. Любовь раскрасила мир вокруг Дауры в приятные глазу и сознанию нефилима цвета. Перепрыгивая с ветки на ветку, Энлиль двигался за ней, словно в бреду, пробираясь сквозь плывущий в голове туман. Лемурийка забежала в реку и, нырнув, скрылась в её водах. Надеюсь, что она скоро появится, Энлиль остался на ветках, держась руками за ствол, но объект любви не появлялся. Решив, что она поплыла куда-то, он бесшумно воспарил над рекой и, всматриваясь в воду, полетел по течению. Чей-то скользящий под водой силуэт он настиг только через несколько километров. Без раздумья Энлиль камнем бросился в воду, как орел бросается в неё, заметив рыбку. Река приняла идеальное тело без лишних всплесков, и, махнув один раз руками, он нагнал Дауру. Казалось, сознание Энлиля отошло на второй план, пропустив вперед неизвестную программу действий. Руки обвили тонкий стан лемурийки и развернули к себе. Словно ожидая подобного, обернувшись Даура обхватила его за шею и прижала к себе. Река несла два сплетенных тела по течению, в направлении, заданном мгновение назад инерцией.

Даура издала стон и, обхватив шею Энлиля еще крепче, вынырнула из воды. Взаимообмен насыщенными обра-

зами шел с невероятной скоростью, и по ним нефилим понял, что лемурийка заметила его сидящим на дереве и специально уплыла подальше от поселения, зная, что он последует за ней и настигнет в том месте, где они смогут остаться наедине. Она испытывала к нему такое же чувство любви, как и он к ней, отчего образовавшаяся вокруг них энергетика была невероятно чиста и приятна. Энлиль закрыл глаза от удовольствия и прижал Дауру к себе еще крепче.

— Вожди будут против, — сказала она, продолжая обнимать его за шею.

В недоумении Энлиль взмахнул крыльями и поднялся над водой, прижимая Дауру к себе. Они летели над вершинами деревьев, оставляя позади базу и поселение. Впереди у них были большая часть дня и бескрайние просторы планеты, со всем разнообразием живописных мест.

— Смотри! — закричала Даура, указывая пальчиком на землю.

Энлиль опустил голову и с высоты птичьего полета увидел большое стадо вулканодонов, бегущее через лес. Величие этого момента невозможно передать словами. Большие, сильные, мощные, но добрейшие существа бежали, снося на своем пути деревья, и минуя линии водоемов и кустарников. Небольшие деревья, как щепки, ломались под напором сильных тел и разлетались в стороны. Предупреждающий рев вырывался из больших животных и своим громким звуком сковывал мышцы. От топота тысячи лап дрожала земля, и столп пыли поднимался до самых вершин деревьев, когда стадо пробежало по песку. Почва вибрировала, и эту вибрацию хорошо ощущали влюб-

ленные, даже находясь в сотне метрах над поверхностью земли.

Энлиль понимал, что стадо пытается от кого-то скрыться, и слегка сбросил скорость, чтобы увидеть настигающий источник опасности. Впереди виднелась полоска заканчивающегося леса, после которой начиналось поле, и всем драматическим событиям предстояло развернуться уже на нем. Большие взрослые особи выбегали из-под густых крон деревьев и, набирая скорость, старались поскорее удалиться от леса. В хвосте стада бежали детеныши. Они были слабы и не обладали необходимой выносливостью, а поэтому именно им предстояло стать жертвой.

Несколько маленьких вулканодонов испуганно озирались назад, уже чувствуя неминуемую опасность. От открытой местности нельзя было ждать помощи — наоборот, для уставших детенышей она была неминуемой смертью. Следом за ними из-под деревьев резкими движениями выскочили тираннозавры и в несколько прыжков нагнали самого последнего вулканодона. Щелкнули зубы, и сомкнувшиеся челюсти ухватили детеныша за мягкую часть спины. Жалостный стон молнией прорезал пространство над поляной, заглушив своей энергетической заряженностью даже топот убежавшего стада. Отчаяние ребенка было не по возрасту осознанным и страшным. Детеныш понял, что это его последние минуты жизни, и никакие крики о помощи его не спасут. Энлиль уловил мимолетный образ, возникший в голове разрываемого со всех сторон на части животного: оно не подетски понимало, что ценой собственной жизни спасает остальное стадо. Пусть не навсегда,

но на какой-то промежуток времени оттягивает гибель кого-то из них. Даура наблюдала за происходящим с неким удивлением — ей была непонятна эта неоправданная жестокость по отношению к себе подобным.

Когда-то динозавры и многие другие пресмыкающиеся стояли на одной ступени развития с гоминидами. Но после вмешательства нефилимов и сирианцев гоминиды превратились в «землян» и сделали большой эволюционный прыжок вперед, оставив позади представителей других видов. Кто знает, возможно, если бы не инопланетное вмешательство, то именно раса динозавров, уничтожив гоминидов, стала бы господствовать на планете Земля, возводить города и вести технократические войны. С наступлением Кали-юги динозавры стали особенно агрессивными по отношению к лемурийцам, и лишь те, кто еще не утратил способности к месмеризму, могли противостоять им.

Детеныш вулканодона был растерзан за несколько минут. Этого хватило тираннозаврам, и они не продолжили преследование, а вернулись в лес.

Энлиль перехватил Дауру и полетел дальше, размахивая большими кожистыми крыльями. Он держал курс на самую высокую точку Междуречья. Даура наверняка не бывала там прежде, и ему хотелось её удивить. Заметив пик высокой горы издали, он попросил лемурийку закрыть глаза и, замахав крыльями, еще быстрее полетел к вершине. Эту горы нефилимы часто использовали в качестве наземного ориентира, когда приземлялись на космических кораблях. С неё открывался красивый вид на пики близлежащих гор, кажущихся маленькими на фоне

этого великана. Энлиль набрал высоту и приземлился на вершине.

— Теперь можешь открыть глаза, — сказал он, и Даура распахнула свои большие глаза.

Радостный крик удивления порадовал Энлиля, и было понятно, что она в восторге от увиденного. Хотя никакой другой реакции он и не ждал. Сюда мало кто навещался из землян из-за труднопроходимой местности. Даже нефилимы были здесь редкими гостями. Никто не любил это место так, как Энлиль, Дружин и Градимир, часто прилетающие сюда, чтобы собраться с мыслями, да и просто помечтать.

Даура смотрела сверху вниз, на возвышающиеся под ногами пики, затаив дыхание. Её глаза всматривались в земную жизнь, и она ощущала себя богом, смотрящим с высоты на суетливые будни земных творений. Даже птицы кружили ниже, чем возлюбленные. Руки создателя нежно придерживали Дауру за талию, слегка притянув её к себе. Приятный запах волос дурманил голову, а мягкие ладошки, лежащие поверх кистей Энлиля, вызывали в теле легкую дрожь. Все, что было у всемогущего нефилима, он был готов отдать Дауре безвозвратно. Все титулы, включая титул правителя Нижнего Мира, меркли в потоке любви к лемурийке. Она была неповторимо красива и внутренне привлекательна. Её притягательность была нестерпимо огромна и сильна. Как магнит тянула она Энлиля, и все сопротивление было бесполезно. Ему хотелось находиться рядом с ней каждый момент времени, не отпуская от себя ни на секунду.

В том, что эти чувства были взаимны, не вызывало

сомнений. Оба ощущали ответную любовь, и отношения развивались быстро. Время неумолимо несло вперед, и солнце начало садиться за горизонт. С вершины горы простирался пейзаж, равного которому не было на всей планете. Молча влюбленные смотрели на оранжевый закат и последние лучи, лежащие на поверхность Земли.

Когда солнце полностью скрылось за горизонтом и тьма спустилась на планету, Энлиль крепко обнял Дауру и, поднявшись в воздух, полетел к базе. Обмен информацией не останавливался ни на минуту. Лемурийка была потрясена днем, проведенным с богом, и, когда настал момент расставания, сильно обхватила крепкую его шею и, прижавшись к ней губами, рассказала, как ей было хорошо.

Прощаться Энлилю не хотелось, и поэтому, отправив Дауру в пещеру, он сел на ветке и стал наблюдать за готовившимся ко сну поселением. Глядя на пещеры, он представлял, что его любимая находится рядом, и от этого теплые чувства согревали его и не позволяли тоске взять над ним верх. Было приятно просто находиться на ветке, понимая, что лемурийка рядом.

Тот фрагмент информации, в котором Даура сообщила, что вожди будут против их общения, все чаще воскресал в голове Энлиля, и, не выдержав, он полетел в поселок, чтобы найти Нуску и узнать его мнение на этот счет. Нуску был удивлен визиту нефилима.

— Здравствуй, Нуску. Мне нужен твой совет, — сказал Энлиль и поведал о любви с Даурой. Он передал тот фрагмент ситуации, когда Даура сообщила о негативном отношении вождей к их возможному роману.

— Ты же бог, — ответил землянин.

— Я не бог.

— Они тебя таким считают. Бог берет все сам. Если ты не возьмешь её сам, они перестанут считать тебя таковым, и почитать как бога.

— Как же я могу её взять? — не понимал Энлиль. — Это ведь не вещь, чтобы взять её и унести.

— Энлиль, ведь ты разбираешься в лемурийской сущности лучше меня! Ты должен понимать, что для отца Дауры, вождя племени, пропагандирующего послебрачные половые связи, самым главным является её невинность. Если ты овладеешь ею, он вынужден будет выдать её за тебя замуж. А если Даура любит тебя и сама этого хочет, то это совсем не аморально, а даже наоборот, справедливо.

— Я вообще не понимаю, почему этот вождь вмешивается в наши с ней отношения.

— Во-первых, этот вождь её отец, а во-вторых, он боится, что ты воспользуешься его дочерью, как уже однажды воспользовался двумя лемурийками, и те родили от тебя детей. А если ты ей воспользуешься и бросишь, то все его попытки объяснить лемурийцам важность секса с одной особью будут перечеркнуты, а все его попытки создать цивилизованное общество будут провалены.

— О чем ты говоришь? — удивился Энлиль.

— Я не осуждаю тебя за тот поступок. Прошло уже много времени, да и ты имеешь на это право, — ответил Нуску, отводя глаза.

Энлиль напряг свою память, пытаясь воскресить все минувшие события, связанные с влечениями к лемурийкам, но не вспомнил ничего подобного. Он уже хотел повторить

о своей непричастности к чему-то подобному, как вдруг вспомнился инцидент с его предшественником по имени Дружин. Он вспомнил, как на Родину поступил сигнал с Земли и было собрано заседание. Руководители сообщили о двух смысленых землянах по имени Адапу и Тити, с которыми они проводят много времени, пытаясь обучить ремеслам, земледелию, различным навыкам. Потом, по истечении какого-то времени, было еще одно совещание, на котором Дружин рассказал о своей причастности к рождению Адапу и Тити. Сначала все осудили его, но потом признали родителем «цивилизованных» землян, от которых пойдет род правителей и лемурийцев, за которыми последуют остальные. Энлиль знал, что лемурийцам, для которых существуют только одни боги, даже в голову не может прийти, что в одном теле могут жить разные существа в разные отрезки времени, а поэтому говорить о своей непричастности к инциденту прошлого было глупо — они бы все равно не поняли или не поверили. Земляне владели способностью получать из Хроник Акаши информацию о физическом аспекте жизни, но не о духовном, скрытом за физической скорлупой.

— Тогда это было нужно, — соврал Энлиль, — для дальнейшего развития землян. Вождь имеет полное право опасаться за честь дочери, но я действительно люблю её и хочу объединить наши с ней судьбы.

— Если тобой движет любовь к Дауре, то используй свое божественное положение и действуй, — сказал Нуску и слегка улыбнулся.

Ради любви и возможности быть всегда рядом с Даурой Энлиль пренебрег многим и решил действовать нагло, как

поступало большинство его собратьев. Пришлось представить, что земляне не живые существа, пусть и слаборазвитые, а всего лишь говорящие вещи, стоящие на низшей ступени умственного развития и эволюции.

Утро следующего дня выдалось особенно жарким, но в тени джунглей зной был не так ощутим. Открыв глаза, влюбленный нефилим понял, что уснул на дереве, на которое взлетел после ночного разговора с Нуску. Диалог тут же воскрес в памяти, но при солнечном свете предложенная землянином идея не казалась такой чистой, какими были испытываемые чувства. В Энлиле была не животная тяга, подобная той, что испытывал Дружин к двум лемурийкам, а настоящая, чистая любовь двух непохожих душ. Всем сердцем Энлиль полюбил красавицу. Долго размышлял он над словами лемурийцев — Нуску и Дауры. И казалось, предложенный вариант был единственным, чтобы всегда быть рядом с лемурийкой. Конечно, он мог бы забрать её не спрашивая мнение отца, но это бы больно обидело доброе сердце милой девушки.

Спрыгнув с ветки, он пешком пошел через поселение, пытаясь отыскать возлюбленную. Лемурийцы провожали его взглядами и раболепно склоняли головы. Энлилю всегда было интересно узнать, почему они вдруг стали считать их, нефилимов, богами и относиться с таким смирением. Понятно, что так проявлялось чувство благодарности к создателям, но не только. Возможно, это было связано с взаимоотношениями нефилимов и землян. Представители Родины старались держаться от них на расстоянии, общались очень мало и только по делу. Наверное, это и создавало у лемурийцев впечатление небесной недостижимости

своих создателей и добавляло авторитета.

Встретив Дауру выходящей из пещеры, Энлиль в очередной раз поразила её красоте и, крепко обняв, поцеловал её в щеку. Лемурийка слегка отклонилась и пошла дальше, жестом приглашая за собой. Когда влюбленные скрылись за изгибом реки, Даура бросилась на шею Энлилю и, крепко обняв, положила голову ему на плечи.

— Прости, я не могу позволить волноваться моему отцу, — сказала лемурийка. — Но я тебя безумно люблю и хочу быть рядом.

— Глупо скрывать нашу любовь, тем более что я могу взять тебя, даже не спросив об этом никого из них, — ответил Энлиль, имея в виду жителей поселка.

— Можешь, знаю. Ты можешь все. Но этим ты причинишь боль и мне тоже.

— Тогда как *мне* быть? Я хочу всегда быть с тобой!

— Всегда? — улыбнулась Даура. — Ты ведь бог — ты бессмертен. А я всего лишь лемурийка, которой когда-то суждено умереть.

— Скажи, что мне сделать, чтобы вожди одобрили наш союз?

— Не знаю, но думаю, что здесь ничего поделать нельзя.

— Твой отец не верит в искренность моих чувств и боится, что я воспользуюсь тобой? Ведь так?

— Возможно. Он безгранично уважает и боится тебя, а от этого понимает, что если между нами что-то произойдет, то все его стремления донести до соплеменников важность семейных отношений будут напрасны. Он пытается бороться с половыми инстинктами и объясняет важность

секса лишь по любви, отвергая животные чувства. Мне он говорит, что беспорядочные половые связи разрушают и дисгармонизируют наши тонкие тела, а это приводит к духовному падению.

— В этом он абсолютно прав, но я не хочу, чтобы его убеждения мешали нашему счастью.

— Я люблю тебя, но, пожалуйста, не делай больно моему отцу, — еще раз попросила Даура.

— Возможно, было бы правильным прийти к нему и рассказать о своих чувствах к тебе, но я не стану этого делать. — После этих слов легкий свет надежды, появившийся на мгновение в глазах Дауры, потух. — Я люблю тебя, а все они для меня ничего не значат. Если захочет, пусть приходит сам и просит, чтобы я взял тебя в жены.

— Он побоится.

— Тогда я сделаю так, что он будет вынужден ко мне прийти, — сказал Энлиль и, крепко обняв лемурийку, поцеловал в губы.

Даура ответила тем же и закрыла глаза от удовольствия. Первый поцелуй был неповторим. Сконцентрировавшаяся энергия едва не валила с ног даже нефилима. Вновь вся реальность исказилась и ушла на задний план сознания. Желание физической близости не главенствовало в ощущениях Энлиля, и внутренние вибрации чистой любви были мощнее, но он понимал, что, только вступив с Даурой в половой контакт, сможет добиться поставленной цели.

Страстно Даура целовала губы возлюбленного в такт накатывающему возбуждению. Впервые в жизни ей так сильно хотелось близости с особью противоположного пола. Обхватив ногами талию Энлиля, она подалась

навстречу его движению, и тонкая нить, держащая отца в волнительном напряжении за свою дочь, порвалась. Обратного пути не было. Своим поступком возлюбленные вынудили вождя племени явиться к богам. Лемурийка быстро двигала тазом, но скоро издала крик, после которого её пыл поугас. Скоро закончил и Энлиль, излив в лемурийку семя жизни.

Откинувшись назад и припав спиной ко мху у корня дерева, он притянул Дауру к себе и поцеловал. Так хорошо ему не было. Половой акт возвысил и без того высокие чувства, вывел их на недостижимый уровень. У Дауры не было сомнений в правильности сделанного поступка. Она любила Энлиля и пошла на риск ради их отношений.

.....

Так уж повелось, что, когда выдавалась свободная минутка, нефилимы-руководители собирались вместе на одной из баз и устраивали коллективные посиделки. В это время они обсуждали последние новости с Родины, играли в игры, делились мыслями о новых разработках, и практически всегда этнографы рассказывали что-то интересное о жизни землян, выступая в роли учителей. Кому, как не им, было знать о жизни лемурийцев, их привычках, нравах, зарождающихся обычаях и обрядах. В такие дни нефилимы всегда старались придумать что-то интересное, новое, проводили много времени за приготовлением блюд и напитков, употребляемых землянами. Нефилимам очень нравилось дегустировать земную пищу. Хотя для них эта еда не была эффективна, в связи с их высоким метаболизмом, все же её вкус они могли оценить по достоинству.

Особенным любителем земных угощений прослыл Горазд, полюбивший её за яркие вкусовые ощущения.

Если лемурийцы-монахи употребляли в основном прасад, в основе которого были молоко, орехи, мед и семена, то остальные земляне употребляли самую разнообразную пищу и напитки, отвергаемые монахами. Нефилимам не было нужды развивать свое сознание, и они с огромным удовольствием употребляли блюда, которые готовили простые лемурийцы. Этнографы путешествовали по планете, записывая рецепты блюд из плодов и трав растущих в той части суши, а потом собирали компоненты, консервировали специальным образом и привозили на базу, чтобы в дальнейшем создать готовый продукт.

Популярностью среди нефилимов пользовались напитки, расширяющие сознание землян. Многим было приятно ощутить расширение сознания искусственным образом. Однако на нефилимов эти напитки имели слабое действие.

В этот раз местом для сбора была база в Ниппуре. Два больших пирамидальных строения с плоской посадочной площадкой на вершине стояли бок о бок, почти соприкасаясь основаниями. Нефилимы сидели на высокой платформе одного из них, употребляя лемурийские блюда и разговаривая о Родине. Обнесенная забором база имела лишь одни ворота, к которым вела тропинка. Именно по ней нефилимы попадали на базу и приходили земляне спросить у богов совета.

— Энлиль, — обратился к товарищу Ануш. — Говорят, у тебя появилась земная любовь.

— Да, — спокойно ответил Энлиль, и перед глазами

возник образ любимой Дауры, который он тут же передал своим собратьям.

— Она хороша, — заметил Ишон.

— Не думаешь ли ты, что Ану будет против? — спросил Ануш.

— Мне все равно, кто будет против — Ану или Галактический Совет.

— Любовь затмевает тебе разум? — поинтересовался Ануш, искоса посмотрев на него. — Ты можешь подставить нас всех.

— Я могу подставить только себя. Вы не в ответе за мои действия.

— Ну, это с какой стороны посмотреть.

— О наших с ней отношениях никто не узнает, — сказал Энлиль.

— Очень глупо на это надеяться. Галактический Совет знает многое.

— Но ведь они не узнали о том, что Адапа и Тити являются детьми Дружина.

— У Дружина не было никаких чувств к тем лемурийкам, а ты любишь свою, и скрыть это крайне сложно.

Энлиль задумался. Была правда в словах Ишона.

— Если хочешь знать мое мнение, то я против. Однако, если ты любишь, общайся. В конце концов, мы живем ради внутренних переживаний, а любовь — самое приятное из возможных в этом теле чувств, — сказал Ануш.

— Спасибо за понимание, — поблагодарил его Энлиль.

— Какие у тебя планы на совместное будущее с Даурой? — спросил Ишон спустя время.

Энлиль задумался. Сердце пело песню каждый раз, когда он видел её или слышал это имя. Даура поглотила все его время, мысли, разум. Порой он и сам не верил, что такое с ним происходит. Это было и чуждо, и приятно одновременно, кружило голову и затуманивало разум. Он был готов на самые необдуманные поступки ради возлюбленной. Желание всегда быть рядом уже давно подтолкнуло к мысли о создании летательного аппарата, с помощью которого Даура сможет всегда путешествовать рядом. И сейчас Энлиль мог озвучить свою реализованную задумку.

— Я хочу изобрести летательный аппарат для неё, чтобы она всегда была рядом со мной.

Неожиданно Ануш сделал удивленное лицо и направил свой взгляд вдаль, оставив сказанное без внимания.

— У нас гости? — спросил он у присутствующих.

Все обернулись в сторону ворот и увидели направляющуюся в их сторону процессию. Впереди испуганно шел вождь, отец Дауры. На темном лице была видна серость, а руки дрожали. Давно Энлиль не видел подобного страха. Даже с высоты было заметно, как ноги идущих тряслись. Подойдя к воротам, вождь упал на колени, и его примеру последовали остальные.

— Что он будет делать?

— Скорее всего, ждать, пока к нему кто-нибудь не выйдет.

— Так и есть, — пробормотал Энлиль. Его тон вызвал вопросы, и все повернул головы к нему.

— Это к тебе? — поинтересовался Ишон.

— Да. Это отец Дауры.

— И что он хочет?

— Недавно я вступил в физическую близость с его дочерью, и теперь он хочет попросить меня стать её мужем.

— Ха, — усмехнулся Ануш. — Ты себя слышишь, Энлиль? Ты хочешь вступить в брак с землянкой?

— Я ведь сказал, что пойду на все, чтобы быть с ней, а вступление в брак — это единственная возможность быть рядом.

— Получается, для тебя отношение к землянам важнее, чем мнение нефилимов? Тебя больше беспокоит то, что подумают земляне, чем твои собратья и то что ты подставляешь нас перед Советом?

— Земляне развиваются. Им нужно идти вперед, и её отец выступает за духовный рост. Наш с ней брак не отразится на нашем сознании, но поможет землянам. Я люблю наших детей, и если честно, то рад, что наша с Даурой любовь сделает что-то полезное для них.

— Тогда, может, тебе лучше пойти и встретить гостей? — предложил Ануш.

— Я сделаю это, — сказал Энлиль и полетел к вождю.

Вождь увидел приближающегося бога, и челюсть его задрожала. Он склонил голову. Приземлившись, Энлиль встал во весь рост и сделал шаг навстречу.

— Встань! — властно сказал он.

Вождь робко поднял глаза и встал с колен. Ноги и руки его тряслись.

— Что ты хочешь? — спросил Энлиль у вождя, не обращая никакого внимания на других лемурийцев.

— Я не смею говорить с тобой без серьезного повода.

Я лишь хочу спросить, — послал вождь телепатический образ. — Не хотел бы ты взять мою дочь Дауру в жены?

— Я люблю Дауру и буду с ней. Я собираюсь также соблюдать принципы, преподносимые тобой остальным землянам.

— Значит, ты не против? — спросил вождь.

— Конечно, нет. Я хочу стать для Дауры единственным, и пусть все будет по обряду, который вы называете бракосочетанием. Я хочу быть её мужем.

Глаза вождя раскрылись еще шире. Конечно, отец не знал, что вся ситуация была подстроена и он оказался лишь актером, исполняющим отведенную роль.

— Я могу идти? — спросил вождь после непродолжительного молчания.

— Да, конечно. И передай Дауре, чтобы она пришла ко мне. Хотя нет, — сказал он, поразмыслив, — ничего не говори ей. Я сам скоро прилечу.

Вождь развернулся и пошел обратно чуть более уверенной походкой. Не останавливаясь, он проследовал мимо лемурийцев и отправился в поселение. Осторожно, боясь создать лишний шум, остальные пошли за ним. Проводив их взглядом, Энлиль взмахнул крыльями, и вернулся к собратьям.

— Как все прошло? — спросил Ануш.

— Можно подумать, что-то могло было пройти плохо, — ответил за Энлиля Ишон и повернулся к нему. — Перед приходом землян ты говорил об изобретении летательного аппарата для лемурийки.

— Да. И если быть с вами откровенным, то я его уже изобрел, — сказал счастливый Энлиль. — Если хотите,

я принесу его прямо сейчас.

— Конечно, неси, — ответили нефилимы почти одновременно, а Ануш добавил, что давно не видел изобретений, сделанных ученым Энлилем.

Энлиль расправил крылья и перелетел в соседнее здание, но вернулся очень скоро, держа в руках странную конструкцию.

— Главным требованием при изготовления аппарата была его надежность. Так что не обращайте внимания на внешний вид, это явление временное, — сказал Энлиль, и в его голосе были слышны нотки гордости за собственное изобретение.

Много времени потратил он на разработку конструкции. После нескольких недель работы, изобретение было готово. С виду оно было похоже на небольшой рюкзак и крепилось за спину своего владельца, а управлялось при помощи джойстика, который нужно было держать в руках на протяжении полета. Нажимая на клавиши джойстика, управляющий вручную отдавал команды прикрепленному за спиной аппарату. Изобретение было способно перемещать по воздуху своего хозяина на любое расстояние и, что самое важное, не требовало подзарядки. Работа устройства основывалась на принципах Сакральной Геометрии, а она гарантировала надежность, как ничто иное.

Энлиль надел аппарат на себя и продемонстрировал его на деле.

— Это интересный аттракцион, которым и мы можем пользоваться, для развлечения, — заметил Ануш.

— Тогда вам придется самостоятельно их изобретать. Я могу дать только чертежи, — сказал Энлиль.

— Нам и не потребуется твое присутствие. Имея чертежи, мы все сделаем сами, — ответил Ишон.

В торжественный день Энлиль и Даура двигались через живой коридор лемурийцев, скрещивающих над головами новобрачных ветви с красными цветами. Сверху, прямо под ноги падали белые лепестки и слышалось красивое пение. С венками из цветов на шеях влюбленные исполнили все необходимые церемонии и удалились на базу.

Теперь они счастливо могли проводить время вместе, не опасаясь за репутацию вождя, однако на Родине все было иначе. Узнав о женитьбе Энлиля на лемурийке, нефилимы пришли в бешенство.

— Как он посмел пренебречь всей расой? — кричал Энки, разъяренный этим поступком. — Ну я еще понимаю — овладеть ими физически, но сойтись в душевном плане с низкоразвитыми существами — это никуда не годиться. Он выставляет всех нас дураками, приравнивает к животным! — Руки Энки тряслись от злости.

Даже Ану, всегда спокойный, рассудительный и деликатный, был подавлен и зол. Он любил и уважал Энлиля, и от этого совершенный поступок был сравним с предательством. Ярость Энки не знала границ. Он понимал, что давний конфликт с Энлилем может продолжиться, но на этот раз завершится уже его, Энки, победой. Все нефилимы были настроены против руководителя Нижнего Мира. Окажись Энлиль в этот момент на родной планете, смерти ему было бы не миновать.

— И как быть теперь? Нельзя допустить этого произвола! Слишком много нареканий в адрес Энлиля за последнее время. вспомните хотя бы его частые выходы к людям.

Он слишком много берет на себя.

— Не наговаривай на него лишнего, Энки. Все знают о твоём давнем с ним конфликте, — резко оборвал Ану, чтобы утихомирить безадресные нападки.

— Но ведь Энки прав, — сказал Воислав. — Энлиль ведет себя вызывающе и неуважительно по отношению к нам.

— У вас есть какие-то конкретные предложения по его наказанию? Если есть, то озвучивайте, а нет, так и не надо пустословить, — сказал Ану тем же грубым тоном.

Нефилимы задумались. Им хотелось наказать Энлиль, но, каким образом, они не могли придумать.

— Сейчас, пока он находится на Земле, мы ничего не сможем ему сделать, но скоро произойдет пересменка. И когда он вернется на Родину, будет наказан. Каким образом произойдет наказание, у нас есть время подумать, но оно неизбежно, — Ану говорил медленно, словно обдумывал что-то.

— Ану, — обратился Энки к верховному правителю Родины, — а не думаешь ли ты, что Энлиль не вернется из этой экспедиции?

— Как не вернется? — резко выпрямившись, спросил он.

— Очень просто. Ты ведь знаешь Энлиля: если он что-то решил, то не отступится от своего. Там он может находиться с лемурийкой, а сюда ему придется вернуться одному. Он не сможет взять её с собой, в связи с рядом обстоятельств.

— Энлиль в первую очередь нефилим, — напомнил Ану. — Его нахождение в теле землянина — мера вынуж-

денная. Как только он поменяет тело, его духовная составляющая сольется с ним, и он поймет, что лемурийка ему не нужна. Просто сейчас, пока он находится в теле с определенными особенностями, относящимися к тому миру, он и ведет себя подобающе.

— И он это знает, — сказал Воислав. — Весь вопрос в том, захочет ли он поменять тело, зная, что разлюбит лемурийку. За три с половиной тысячи лет он привык к ощущениям земного тела, и все остальные будут казаться ему чуждыми. Ему хорошо и в нем. Я не исключаю возможности, что Энлиль откажется менять тело и лететь к нам. Если уж он решился на такой шаг, как женитьба, то все остальное ничего для него не значит, тем более что, взяв лемурийку в жены, он понимал, под какой удар ставит нас.

Ану сильно взволновали слова Воислава. Он тяжело вздохнул и уперся руками о стол. В молчании заключалось его согласие со словами военного.

— В любом случае он уже сам себя наказал, — выдохнул Ану. — Если он вернется, ему суждено стать изгоем на этой планете.

Пока нефилимы, во главе с Энки, готовили наказание Энлилю, тот заболел Даурой все сильнее, и эта болезнь причиняла мучительную боль в момент расставания. Даура была причиной недуга и лекарством от него же. Только находясь рядом, нефилим чувствовал себя спокойно, и весь мир уходил на второй план. Будучи вдалеке, он испытывал слабость, скучал по жене. И не было ему покоя.

Энлиль и Даура любили друг друга, но каждый из них, в силу развития, делали это по-разному. Энлиль любил

лемурийку со всеми присущими высокому развитию чувствами — теплотой, радостью, вдохновением, тоской, скукой, боязнью потерять. То есть со всеми ощущениями дуальности Эксперимента. Лемурийцам же были незнакомы понятия боли, горя, только чувство тоски посещало их в момент потери близкого существа. Вся их жизнь состояла из радости, счастья и веселья. Состояние единения и всеобщей любви сопровождало каждое мгновение длинной жизни. Даура не имела понятия о ревности, измене, отчего любовь её носила только светлые, чистые чувства, лишённые эгоизма дуальности.

Энлиль старался не расставаться с Даурой ни на минуту, и даже в командировках она всегда сопровождала его. Все возможные места были ими исследованы, осмотрены и изучены. Изобретение очень понравилось Дауре, и она освоила его на удивление быстро. За несколько недель под руководством Энлиля она научилась свободно передвигаться и даже совершила первый самостоятельный полет, на протяжении которого её сопровождал Энлиль. Изобретение было просто в управлении и надёжно. В нём Даура могла бесшумно передвигаться по воздуху, следуя за возлюбленным. Недели они проводили в понравившихся им местах, а когда насыщались энергетикой места, летели дальше.

Лишь единожды Энлиль вместе с остальными руководителями полетел на рудник в районе Алтая для сбора информации о новых месторождениях алмазов, широко используемых расой нефилимов в высокотехнологических изобретениях. Все время, пока шла командировка, тоскливо было у него на душе. Очень хотелось, чтобы

возлюбленная находилась рядом. Им предстояло быть вместе совсем немного времени, поскольку период жизни землян был несравнимо меньше, чем продолжительность жизни богов. Эти пятьсот лет, или около того, были каплей в море для Энлиля, и хотелось их все провести рядом с Даурой. Одно его радовало, что скоро он вернется из этой вынужденной командировки и вновь сможет обнять любимую. Многократно он представлял, как обнимает её тонкую талию, касается губами её лица, вдыхает её запах. Грезы кружили голову, но разбивались о скалы реальности. Чем ближе было время возвращения, тем чаще снились ему её волосы, профиль красивого лица, и во сне он ярко ощущал невидимую нить энергии, натянутую между ним и любимой. Чувства связывали не сердечные чакры, а чакры, расположенные немного выше и отвечающие за любовь к конкретному существу.

Много раз Энлиль размышлял над мирозданием, и его влюбленностью в существо изначально чуждого образа и подобия. Что же произошло? Почему он полюбил этот ставший милым сердцу образ? Осознание накатывало на него все чаще, и он понимал, что любит её не за красивые глаза, волосы, изящную фигуру, а просто — любит. А все элементы внешности лишь дополнительные видимые компоненты чего-то большего, светлого и чистого. Если бы сейчас она стала другой, вид её поменялся бы, в силу каких-то обстоятельств, он бы продолжал бы её любить так же сильно. Конечно, внешние данные были важны при первой встрече, и именно благодаря им он обратил на неё внимание, однако они ушли на задний план уже на следующий день, а внутренние чувства вскружили голову. Энлиль

даже не хотел бороться и управлять ими, поскольку чувства эти были прекрасны. Но в чем же была причина этой вспышки ощущений между ним и этой землянкой, с которой никогда прежде он не мог встретиться. Ведь у них был разный уровень развития, и, соответственно, реализовали они себя в разных измерениях. Сколько он ни размышлял, ответ так и не приходил.

С каждым днем любовь все больше и больше прорастала в нем, и все ярче он понимал, что искренняя любовь, а не сексуальное влечение, между существами происходит не в результате внешней красоты, с одной стороны, и влюбленности в эту красоту — с другой, а зарождается в глубинах души, подчиняя себе сознание.

Беспамятная любовь задурманила голову, лишив способности мыслить и оценивать складывающиеся ситуации. В первые месяцы знакомства, это ощущение любви к конкретному индивидууму было ново, в первую очередь из-за своей яркости и из-за проекции этих ощущений на физическое тело, но теперь Энлиль узнал что значит «любить и быть любимым», и даже научился жить с этим. Возможно, если бы тогда, давно, нефилимы не разделили землян на два пола, то те и не переживали бы этих странных ощущений влечения. Всяческое подавление в себе этих эмоции привело к яркому пониманию невозможности побороть страсть, иногда проявляющуюся в физическом теле.

В моменты интимной близости Энлиль любил сам процесс. Касание обнаженных тел доставляло незабываемое удовольствие, оно кружило голову, едва не приводя к потере сознания. Касания губами груди, вдыхание запаха, крепкие объятия — все это происходило в слад-

ком дурмане, похожем на сказочно красивый сон. Самой большой мечтой для обоих было слиться в единое целое, прочувствовать себя одним неразлучным и неразделимым целым. Для Энлиля оргазм был делом привычным и даже побочным, мешающим продолжать ласки бесконечно. Это мимолетное состояние землян было естественным состоянием нефилимов, живущих в своих родных телах на Родине. Каждое мгновение жизни они проживали в состоянии «земного» блаженства и не понимали, как лемурийцы могут получать такое удовольствие от этих обыденных чувств.

Все континенты, все времена года, все времена суток были любимы Энлилем и Даурой, но из всех мест они больше всего любили острова родной Лемурии — Таити, Матиава, Тулуила, Хаапай, Нуку-Хива, Муреа, Гавайи, Рапа. В один из чудесных вечеров влюбленные лежали в низине острова Гавайи, меж высокой травы, рядом с маленьким соленым озерцом, а вдалеке со всех сторон стояли живописные горы, поросшие дикими кедровыми лесами. Энлиль и Даура лежали в темноте, а истинные Боги рассыпали перед ними звезды по всему горизонту. Как алмазы на черной шелковой скатерти лежали они миллионами. Энлиль протянул руку перед собой, указывая на самую большую яркую звезду, и тихонько прошептал, повернув голову к возлюбленной:

— Знаешь, как называется эта звезда?

Лемурийка улыбнулась и помотала головой.

— Это звезда по имени Даура, — ответил он, но тут же поправил себя. — Хотя нет, ты достойна большего, чем одна звезда, названная в твою честь. Тобой можно было

бы назвать целое созвездие или галактику.

— Если бы ты только знал, как мне хорошо с тобой, — прошептала Даура, крепко обнимая руку Энлиля. — Я люблю тебя с такой силой, что даже не могу громко говорить об этом. Мои чувства не дают мне сделать этого.

— Когда говоришь о любви, громкие слова совсем ни к чему, — тихо ответил Энлиль и поцеловал её.

Счастливый нефилим безгранично полюбил весь мир, со всеми его темными аспектами. Жизнь раскрасилась в яркие краски и приобрела новый эмоциональный вкус. Не хотелось ни на минуту расставаться с Даурой, и, даже когда инопланетные собраты собирались на базах для традиционных посиделок, Энлиль брал её с собой.

Теплым солнечным днем такая встреча состоялась на базе в Бад-Тибиру. Энлиль и Даура любили это красивое место, особенно вид на высокую крутую скалу, в нескольких километрах от которой и находились строения. Много красивых мест посмотрели возлюбленные за то время, что они были вместе, но такого сочетания грубой высокой серой мощи и нежной сочной зеленой равнины они не видели. Прилетев на базу раньше остальных, они поднялись на вершину скалы и с неё начали наблюдать за пасущимися на равнине стадами животных, пролетающими птеродактилями. С высоты цитадель богов казалась совсем небольшой, и её каменные строения смотрелись гармонично на фоне природы. Обняв крепкие плечи, тонкие руки с легкостью повалили податливое тело на траву, и губы коснулись шеи. Каждое касание Дауры приятно расслабляло тело Энлиля. От прикосновений её губ к его к лицу

он закрывал глаза и издавал стоны от удовольствия. Иная реальность поглощала сознание, с головой топила в своих пучинах. Ничего подобного ему не приходилось испытывать прежде, находясь в этом теле. Каждая клеточка отвечала на нежные прикосновения губ, и тело изгибалось под этим нежным воздействием. Каждое движение, каждое прикосновение были дороги Энлилю, и хотелось остановить время в этих прекрасных ощущениях.

Нежась в объятьях, влюбленные наблюдали за базой, скрывшись в высокой траве. Отсюда было видно, как со стороны Сиппара прилетел Ишон. Не замечая влюбленных, он приземлился на вершине храма и вошел внутрь. Скоро появился и Ануш. Он летел на изобретении Энлиля, держа в руках наполненный мешок.

— Все уже собрались. Может быть, пойдём? — спросил Энлиль, с любовью посмотрев на лемурийку.

— Не отпускай меня, Энлиль. Никогда! — ответила Даура, проигнорировав его вопрос, и обняла возлюбленного.

— У меня и мысли такой не было, дорогая! Как я могу тебя отпустить?

— Я не знаю. Возможно, ты захочешь улететь на свою планету.

Энлиль открыл ей тайны, непостижимые для сознания землян. В их числе была и история о пересменках, смене образа и создании тел. Очень трудно Дауре было поверить в сказанное, но представленные факты быстро изменили сложившееся с детства мнение.

— Я даже уже и не знаю, какая планета мне роднее. Одно знаю точно: моя планета та, где есть ты, — ответил

он. — Мне так приятно смотреть на тебя, гладить твои волосы, смотреть в твои глазки, касаться твоего тела, — и Энлиль положил руку на живот любимой.

Округлый живот был мягким и приятным на ощупь. Даура загадочно посматривала на возлюбленного, и в её глазах читалась загадка. Все вопросы Энлиля остались без ответа, и только красивая улыбка появилась на лице лемурийки. Неожиданно в руку что-то ударило, но нефилим посчитал, что ему это почудилось. Потом еще один удар, но уже посильнее, пришел из живота Дауры. Энлиль поднял вопросительный взгляд, но ответом на него вновь явилась загадочная улыбка. Мозг начал складывать факты последних дней в одну общую картину, и не успел ответ прийти в голову, как Энлиль уже подпрыгнул и оказался в вертикальном положении.

— У нас будет ребенок? — почти вскрикнув, спросил Энлиль и уставился на лежащую в траве лемурийку. Не дождавшись ответа, он упал перед ней на колени.

— Да, у нас будет ребенок, — сказала Даура, счастливо глядя в глаза Энлиля.

Вне себя от радости, Энлиль обнял возлюбленную и повалился к ней на траву.

— Он будет самым умным из землян, и поведет их всех за собой. Я дам ему все Знания, которыми обладаю сам.

— Как мы его назовем? — спросила Даура.

— Жданом. На вашем языке это значит «долгожданное дитя», — ответил нефилим с улыбкой счастья на лице.

Еще никогда со времен Дружина земляне не рожали детей от богов. Тот род породил более совершенных землян, которые обучали собратьев ремеслам, скотоводст-

ву, наукам, необходимым для жизни. Многие потомки Адапы и Тити сейчас жили в монастырях, помогая остальным в развитии. Некоторые пошли по пути цивилизации, и начали закладывать фундамент для строительства цивилизованного общества. Для Энлиля было не только приятно, что его дети поведут за собой землян, но и повышало статус. Ему льстила мысль о том, что даже после своей смерти его потомки будут ходить по Земле и продолжать род, берущий свое начало от самого бога Энлиля — правителя Нижнего Мира.

Целуясь, возлюбленные катались по траве на краю обрыва. Радости не было границ. Впервые Энлиль испытывал чувства, связанные с продолжением рода. «Какие же счастливы эти земляне, — думал он. — Они получают удовольствие не только от любви, секса, но и от того, что результатом этих действий является рождение детей». Играючи толкнув Энлиля в грудь, Даура прыгнула со скалы и, управляя летательным аппаратом, понеслась к базе. Быстро овладев этим устройством, она получала удовольствие от полета. Энлилю нравилось видеть, как изобретение помогает любимой девушке. Даура управляла им ничуть не хуже, чем его собратья, использующие такие же аппараты для развлечения.

Энлиль расправил крылья и устремился за ней, спрыгнув с обрыва, но тут же сложил крылья и поддался прекрасному чувству свободного падения. Ветер свистел в ушах, и земля неумолимо приближалась. Несколько раз махнув крыльями для увеличения скорости, нефилим пытался догнать лемурийку, но сделать это удалось только у самого храма.

Ануш стоял на балконе пирамидального строения и смешивал какие-то ингредиенты с водой, готовя земные коктейли. Остальные продукты уже лежали на крыше, служившей посадочной площадкой для кораблей и смотровой вышкой одновременно. Именно здесь встретились товарищи и начали приготовления, пока Даура разглядывала строения базы, находящиеся за высоким забором. Мало кто из землян был удостоен чести посетить «дома богов», а ей удалось не только побывать во многих из них, но и узнать значение находящихся внутри предметов. Солнце ярко светило, бросая золотистые лучи на серое тело скалы. Под этими божественными проявлениями скала поблескивала и переливалась. Ануш развернул мешок и достал из него несколько пробирок с жидкостями.

— Откуда у тебя их столько? — спросил Энлиль. — Мы как ни встретимся, ты приносишь что-то новое.

— Лемурийцы разбежались по всей планете, обустроивая свою жизнь, в том числе разнообразия блюда в зависимости от рациона и места обитания. На каждом континенте свои особенности. Единственное, что остается неизменным — знания, способности, хотя в некоторых регионах их уровень несколько отличается. Но это связано с построенными по всей планете монастырями. Где-то они в состоянии поднять уровень чуть выше, за счет собственной энергетики, а где-то это не делают специально.

— Да в фантазии им не откажешь, — добавил Ишон.

— Они начинают материализоваться, особенно женская половина. Все чаще пытаются понять законы природы, в то время как мужские особи слепо следуют указаниям природы.

— Значит, именно особям женского пола должны быть обязаны земляне своим развитием в целом и развитию логики и размышлению в частности?

— Да, — ответил Ануш. — И скажу более. Именно благодаря им в лемурийцах зарождаются понятия Добра и Зла. Эксперимент начинает набирать силу.

— Звучит довольно странно. То, что для нас является чувством, и мы не можем объяснить это словами и посредством логики, они начинают познавать именно с логики и мышления.

— На этой планете есть свои законы, которые пока лично мне не совсем понятны.

— Кто знает, — сказал Ануш, — возможно, и на Родине было когда-то так.

— Все может быть, — пробормотал Ишон.

— Как вам летательные аппараты? — спросил Энлиль, переводя тему разговора.

— Потрясающе. И хотя в них нет нужды, мне нравится такое развлечение.

— Если спрятать крылья, то мы очень похожи на летающих землян, — добавил Ануш.

— Но самое лучшее, что дало нам твое изобретение — это гонки.

— Да, — затаил Энлиль и вспомнил, как они на спор летали до скалы, стоящей напротив.

Для них эта игра вошла в привычку, и каждый пытался добиться максимальных успехов. Весь смысл игры заключался в том, чтобы как можно быстрее разогнаться, а потом, подлетев как можно ближе к скале, резко устремиться вверх, используя клавиши джойстика. Самые потрясаю-

щие ощущения испытывал организм, когда инерционная сила несла их на скалу, но летальный аппарат поднимал их вверх, и они, не долетая всего несколько сантиметров, поднимались вверх. В этой игре одно неправильное нажатие кнопки могло стоить жизни — нефилемы разбились бы о скалу, столкнувшись с ней. Но в этом и заключался весь интерес и азарт, без которого жизнь не имеет никакого смысла и вкуса. Развлечение помогало выбросу в кровь большой порции адреналина.

— Попробуешь этот коктейль? — спросил Ануш и протянул стакан.

— И что входит в его состав? — поинтересовался Энлиль.

— Здесь целая смесь из опия, гашиша, измельченных листьев кока.

— До чего природа благосклонна к землянам! Она дает им массу веществ, с помощью которых они могут расширить сознание.

— Главное — не злоупотреблять, потому что сначала они дают расширение сознания, а потом эффект становится менее значимым и ощутимым. А самое главное, что это все искусственные способы. Земляне должны научиться самостоятельно, без помощи посторонних веществ, поднимать свой уровень. Тем более что все эти растения способствуют лишь развитию определенных способностей, но не духовному развитию в целом.

Чтобы получить ощутимый эффект от напитков, нефилемы употребляли их литрами, в то время как самим землянам хватало нескольких сот граммов. В этот день Энлиль с товарищами попробовали много вкусной пищи, приве-

зенной Анушем из северных островов Лемурии. Все это время Даура была молчаливым гостем. Она вообще говорила мало, чувствуя себя дискомфортно перед другими богами, и смущалась. Она, как и остальные, пила напитки, ела еду, которую ей не доводилось есть прежде, но в меньших количествах.

— Скоро произойдет пересменка, — сказал Ануш, когда Даура ушла на противоположную часть платформы. — Каковы твои планы по отношению к Дауре?

— Я останусь здесь, — уверенно ответил Энлиль.

— Ты отдаешь себе отчет в своих действиях? Твой поступок пойдет против всех правил.

— Мне наплевать на правила, которые идут против моих внутренних желаний. Я люблю её и буду с ней, прекрасно осознавая, какие неприятности меня ждут.

— Самое главное, что ты это понимаешь, — сказал Ануш и похлопал его по плечу.

Анушу было искренне жаль оставлять Энлиля, но он знал, что на Родине он будет обречен на душевные муки. А на Земле он будет счастлив, несмотря на возникшее напряжение в отношениях с обитателями родной планеты.

Когда напитки стали действовать на сознание нефилемов, Ишон предложил устроить их излюбленное состязание. Товарищи без раздумья согласились. Накинув на плечи летательный аппарат и взяв в руки джойстик, Энлиль спрыгнул с площадки и стал набирать скорость, двигаясь в сторону скалы. Скорость была около трехсот километров в час, когда он понял, что пора делать резкий поворот на девяносто градусов вверх. Нажав нужную кнопку джойс-

тика, он испытал мощный толчок и ощущение внутреннего перенастроя. Тело по инерции тащило вперед, прямо на скалу, а сам аппарат за счет собственной силы пытался поднять его вверх, спасая от смертельного столкновения. Крича от удовольствия, Энлиль собственными глазами видел, как скала приближается, сокращая расстояние. Он поднимался вверх, и ему казалось, что вот-вот врежется в скалу на самой её вершине. Когда до препятствия оставалось не больше полуметра, каменная порода резко закончилась, и он пролетел мимо. Эмоции заставили закричать. Хлопая руками по ляжкам, он сделал в воздухе переворот и на спине полетел к товарищам.

— Это было круто! — крикнул Ануш. — Но я сделаю это лучше.

— Попробуй, — сказал Энлиль. — Ты видел: мне чуть-чуть не хватило до столкновения.

Ануш спрыгнул с сооружения, как это сделал Энлиль несколькими минутами ранее, и стал быстро набирать скорость. Его скорость была выше, но рычаг джойстика он включил немного позже, показывая, что сможет совладать с прибором и законами природы. У Ануша создалось впечатление, что скала втягивает его в себя, пытаясь поглотить, невидимые щупальца схватили его и неумолимо тянут к себе. Он поднимался вверх, но скала тянула к себе. Пожалуй, впервые в жизни Ануш ощутил дыхание смерти. Она дышала прямо в лицо, желая поглотить своим черным чревом. Взглянув вверх, он увидел, что до вершины остается около тридцати метров, но расстояния до скалы явно не хватало, чтобы без последствий завершить маневр. Ишон и Энлиль тоже рассчитали траекторию и поняли, что

этот полет может закончиться трагедией.

Приблизившись к скале, Ануш начал отстраняться как можно дальше от каменного монстра, втягивая живот и выдыхая воздух, чтобы уменьшить объем груди. Когда до вершины оставалось полметра, он коснулся скальной породы, издав шоркающий звук и, сбив острый каменный выступ, вырвался на открытую поверхность. Энлиль вздохнул с облегчением. Молча и без эмоций Ануш возвращался на базу.

— Ну ты даешь! — подбодрил его Энлиль. — Это было круче, чем получилось у меня. Бесспорно, победил ты.

— Не думал, что победа дастся таким страшным путем, — ответил Ануш, потирая обезображенную грудь. — Приятного в этом мало, особенно когда так больно. Я уж подумал, что придется вам оставить меня здесь.

— Теперь твоя очередь, — сказал Энлиль Ишону.

— А смысл? Лучше, чем Ануш, этого никто не сделает. Остается ждать следующего тура, — ответил тот.

— Можно его начать хоть сейчас, — усмехнулся Ануш и, увидев вдалеке поселение, добавил: — А хорошо, что земляне не пользуются таким приспособлением, а иначе много бы трагедий произошло.

— Я думаю, что если бы земляне научились пользоваться им, то не вели бы себя так бесшабашно, как делаем это мы. Даже если бы они придумали подобную игру, хотя в них отсутствует соревновательный азарт, они бы выбрали другое препятствие. Например, лес или кусты. Это более безопасно.

— Вы с Даурой когда-нибудь соревновались подобным образом? — спросил Ануш у Энлиля, взглянув на Дауру.

— Я учил её резким подъемам в целях безопасности, но я не хочу, чтобы она осознанно рисковала собой, — ответил Энлиль, обняв возлюбленную, и не веря, что скоро у них появится ребенок.

— Я хорошо умею обращаться с этой штукой, — сказала Даура, искоса поглядывая на Энлиля, полагая, что он ей не верит и не ставит в один ряд со своими друзьями, способными весело проводить время. — Я могу так же!

Все понимали, что причина самоуверенности заключается в количестве выпитых напитков.

— Конечно, ты сможешь! Никто и не сомневается в тебе. Ты ведь показывала мне свои резкие подъемы вверх, — ответил Энлиль, пытаясь успокоить её.

— Ты все равно не веришь мне! — обиженно ответила Даура и, оттолкнув Энлиля, спрыгнула вниз.

Очень быстро она набрала скорость. В первое мгновение никто не понял, что произошло, и, только когда заметили, что она движется в сторону скалы, все стало ясно. Царящая атмосфера праздника тут же сменилась тревогой. Энлиль бросился ей вдогонку, придавая дополнительную скорость взмахами крыльев. Подобной скорости ему еще не удавалось развить прежде. Приблизившись к ней, он схватил её за голень, но, обернувшись, Даура отдернула ногу и оторвалась от Энлиля. Повернувшись к возлюбленному, лемурийка отвлеклась от управления аппаратом и пропустила критическую точку подъема. Дальше любой маневр для неё должен был закончиться столкновением со скалой. Понимая, что точка пройдена, Энлиль страшно

закричал, не осознавая своих действий. Даура резко взяла вверх, но было слишком поздно. Даже доли секунды были жизненно важны. Энлиль начал подниматься вверх. Он притормаживал крыльями, раскинув их на максимальную площадь, но все происходило как в страшном сне. Сознание влюбленного нефилима затуманилось. Он понимал, что было уже поздно, слишком поздно. Раздался шлепок, и Даура исчезла из виду, оставив после себя лишь влажное облако розового цвета, медленно расширяющееся и оседающее на камни.

Затуманенными глазами наблюдал он за происходящим, а сознание отказывалось принимать случившееся. Это было похоже на страшный дурной сон. В голове стояли момент удара и разлетающиеся во все стороны брызги. Тошнотворное ощущение подкатило к горлу, и страшный крик вновь вырвался из груди. Подлетев к скале, Энлиль вцепился руками в небольшие выступы и сильно ударился об неё головой. На том месте, куда ударились любимая, осталось только кровавое пятно.

Подлетевшие товарищи тоже не верили в произошедшее, но были способны мыслить трезво. Они стали оттащить товарища от скалы, но тот держался крепко и постоянно кричал. Ануш и Ишон даже боялись представить переживаемые в этот момент чувства друга. Он был не похож на себя, словно рассудок помутился. С большим трудом они сдвинули его с места и опустили к подножию скалы. Не отрывая глаз, он смотрел на кровавое пятно и боялся верить произошедшему. Хотелось закрыть глаза и проснуться уже в другом месте, чувствуя на себе руку любимой Дауры.

— Ануш, дай что-нибудь, что задурманит его разум.

— У меня ничего нет, — ответил тот и обнял друга за плечи.

Сейчас, в природной тишине, нарушаемой только редкими криками Энлиля, все казалось обыденным и не напоминало о случившейся трагедии. Даже деталей от аппарата не лежало поблизости. Видимо, они отлетели много дальше, чем можно было заметить. На планету уже спускались сумерки, усугубляющие состояние шока, в котором находился Энлиль. Анушу казалось, что он еще не до конца осознает происходящее, и был прав.

Долго Энлиль сидел на камнях у подножия горы, молча смотря вверх и не обращая внимания на уговоры вернуться к храму. Только когда солнце зашло глубоко за горизонт, он сам поднялся и пешком побрел в сторону базы. Товарищи двинулись за ним, стараясь не шуметь, они периодически переглядываясь. Каждый из них вспоминал страшное мгновение.

Ануш винил в случившемся себя. Зачем он начал этот глупый и бесполезный спор? Ишон упрекал себя, за то, что высказал сомнение в неспособности землян летать на аппаратах так же хорошо, как нефилимы. Все они были виновны в смерти Дауры в той или иной степени. Даже вина Энлиля была очевидна, только его сознание еще было не способно мыслить. Зачем он отвлек Дауру в самый важный момент, когда она еще могла завершить маневр, схватив за ногу? Ведь не сделай он этого, все могло быть иначе!

Энлиль сидел в темноте, освещенный только звездами и луной, на том самом месте, откуда начала свой послед-

ний путь его избранница. Сознание постепенно возвращалось, и страшное понимание случившегося сводило с ума. Печаль кружила в груди, слезами выливаясь наружу. Он и не знал, что организм умеет реагировать на мучения подобным образом. Его изобретение забрало любимую девушку и неродившегося ребенка. И выходит, что он сам оказался прямым виновником их смерти. Это была трагедия всей его жизни, которая казалась никчемной, и была уже не нужна. Страшная пустота теперь господствовала внутри Энлиля, а каждая фибра души жалобно стонала, причиняя боль. Никакая физическая боль не была сравнима с этой.

Почему так произошло? За что это наказание? Ни эти, ни другие вопросы не волновали его. Он находился наедине со своими чувствами, и не было в нем места размышлениям, логике, анализу. Это все должно было возникнуть немногим позже, а пока была только душевная боль, ужасная тоска по той, которую больше не суждено увидеть. Только приятные воспоминания проведенных вместе моментов остались у него, и приятный образ Дауры всплывал в воображении на фоне звездного неба.

Множество прекрасных моментов было между ними, но в голову упорно лез только один. Воспоминание было отчетливо, словно происходило в настоящий момент, и от этого особо болезнен был его раскол об реальность.

...Шел дождь, и свежесть стояла в воздухе. Прилетев в Сиппар, Энлиль пошел проверить связь с Родиной и отремонтировать главный компьютер, а Даура осталась ждать снаружи. Долго переустанавливал он программы, и когда вернулся на улицу уже темнело. Дауры нигде не было. Несколько раз он позвал её, но в ответ слышно было,

только как дождь барабарил о землю. Он обошел базу, но никто не повстречался ему. Волнения не было, поскольку ничто не угрожало лемурийке. Решив проверить строения изнутри, Энлиль обошел их, и обнаружил Дауру в Центре Управления ковыряющейся в главном компьютере. Много часов потратил он на восстановление машины, а сейчас она вновь была сломана. Полагая, что к этому причастна лемурийка, он с досадой крикнул на неё и позвал за собой. Очень хотелось спать после длительного перелета и нескольких бессонных суток. Стараясь не обращать внимания на свои эмоции, связанные с поступком Дауры, он лег на постель. Лемурийка легла рядом, положив руку ему на грудь. Какое-то время было тихо, но скоро голос Энлиля зазвучал в пространстве.

— Ты трогала компьютер? — спросил он.

— Да. Мне интересно, как он работает.

Обида за впустую потраченное время и силы внезапно вырвалась наружу. Потеряв самообладание и контроль над собой, Энлиль приподнялся на локтях и накричал на Дауру.

— Зачем ты испортила компьютер на базе? — злился Энлиль.

— Я не ломала его. Я лишь подошла и нажала мигающую кнопку.

— Тебя никто не просил делать это! Ты испортила то, что я ремонтировал несколько часов! Теперь он опять не работает! Мне завтра придется вновь неизвестно сколько времени провести с ним! — кричал Энлиль. — Почему ты такая глупая? Не понимаешь, что существуют вещи, которые тебя не касаются!

По идущим вибрациям лемурийка чувствовала, как любимый злится на неё, но не понимала за что. Отвернувшись, она положила ладони под щеку. Энлиль перевернулся на спину и начал смотреть на созвездия, ярко сияющие в ночном небе. «Где-то там есть жизнь, — думал нефилим, стараясь убежать от неприятного возбуждения. — Там идут войны и происходят технократические катастрофы. Как хорошо, что вся эта грязь не присуща этой планете в этом измерении. Здесь жизнь протекает плавно и размеренно, хотя наше насилие над природой тоже можно назвать войной между представителями двух царств, из которой мы пока выходим победителями. Но война есть война, и в ней перевес всегда оказывается то на одной, то на другой стороне. Так и природа зачастую берет реванш, отправляя нас в нокдаун и заставляя начинать все сначала. Смещения полюсов можно назвать её самовосстановлением, но это заставляет нас строить новые базы и искать новые месторождения полезных ископаемых».

Пока он размышлял, справа послышались тихие всхлипы. Он прислушался, но было тихо. Даура, должно быть, уже спала, а этот звук издавали насекомые, и доносился он откуда-то из кустов. Едва мысли вновь овладели разумом, как звук повторился. Энлиль привстал и заглянул в лицо лемурийке. В свете звезд и луны можно было разглядеть слезы на красивом лице. Девушка тихонько плакала, и душевные муки принялись терзать Энлиля. Как были прекрасны её слезы! Даура плакала из-за него, и, поняв это, он начал корить себя за грубые слова, сказанные в её адрес. Повернувшись, он обнял её за талию и прижал к себе. До этого момента тихие, всхлипы стали

усиливаться и совсем скоро перешли в тихий плач. Она не отталкивала обидевшего её бога, а даже наоборот, прижалась к нему ближе. Он провел ладонью по мокрым от слез щекам и начал целовать затылочек. Множество чувств и мыслей возникло в голове и груди в тот момент. Все они обвиняли его и оправдывали лемурийку.

Она повернулась и крепко обхватила Энлиля за плечи. Даура любила его, несмотря на принесенную боль. Как можно было не любить такую девушку? Энлиль ощущал её слезы на своей груди, и чувство вины возрастало от этого. Обняв друг друга еще крепче, они закрыли глаза от удовольствия и в скором времени уснули. Несколько раз Энлиль просыпался ночью, и всегда первыми мыслями были воспоминания о плачущей Дауре. Каждый раз он находил её спящей недалеко от себя, но обхватывал своими сильными руками и, крепко прижав к себе, засыпал с приятными чувствами в груди...

Сейчас, вспоминая эту историю, Энлиль проклинал себя за причиненную Дауре боль, и слезы сами катились из глаз. Если бы он мог хоть предположить, что случится трагедия, которая разлучит их, то не терял бы и драгоценной секунды на ругань, а наслаждался бы каждым мгновением, проведенным рядом с возлюбленной. Как же ему сейчас было стыдно и больно! Он ненавидел себя за слезы Дауры, причиненные ей переживания, и ненависть разрушала его изнутри. Обхватив голову руками, Энлиль упал на колени, и, головой прижавшись к каменному полу, громко заплакал. Слезы прерывались тяжелым дыханием.

Энлиль был в смятении после гибели возлюбленной. Он чувствовал себя опустошенным, и ничто не могло вернуть

его к прежней жизни. Слезы горечи катились из глаз, и боль разрывала грудь при каждом воспоминании о любимой. Они даже не успели насытиться друг другом, порадоваться общему счастью — рождению ребенка. Никакие разговоры и общение с Анушем и Ишоном, которые видели страдания и хотели помочь ему, не увенчались успехом. Много времени они проводили рядом с товарищем, но Энлиля словно подменили. Померк интерес к жизни, к планете. Уже не было экспедиций, веселых сборов на базах, посещения лемурийских поселений. Все исчезло для него, и осталась только суровая реальность и страшные воспоминания. Нефилим ушел в свой внутренний мир, где Даура по-прежнему была рядом и радовала своим существованием.

Дауру невозможно было забыть и выкинуть из головы. Её образ всегда стоял перед глазами, и ничто не могло стереть его. Боль, и только боль хозяйничала в груди сильного нефилима, не побежденного лишениями многих экспедиций, но уязвимого самым прекрасным чувством — любовью. Трагедия была нелепа и абсурдна, отчего боль становилась только сильнее и нестерпимее. Самое дорогое, ценное, важное было потеряно в одно мгновение в результате нелепой шутки. Если бы было можно вернуть время, то Энлиль отдал бы все, чтобы исправить ситуацию. Он бы остановил её, не дал ей полететь. Он разбился бы сам, но не дал бы погибнуть Дауре и своему ребенку. Как ярко он мечтал о совместном ребенке и строил планы на будущее! Представлял, как его дети затмят славу и величие Адапы и Тити. Но мечтам так и суждено было остаться мечтами, не выйдя за уровень грез.

Все сладкие мечты вдребезги разбились о грубые скалы реальности. Только во сне он был с любимой Даурой и нерожденным Жданом, но и то сон был короткий, а пробуждение от него несло с собой только душевные муки. Лучше бы его четвертовали, подвергли самым страшным испытаниям, но лишили этих переживаний. Найдется ли существо, способное забрать себе эти мучения, пусть попросив за это его внутреннюю сущность? Он был готов на все, лишь бы прекратились мучения, которые невозможно было подавить ни логикой, ни временем.

Жизнь Энлиля круто изменилась, разделившись на две части — до смерти Дауры и после её трагической гибели. Сильно изменился и он сам. Раздражение стало постоянным спутником, и никто не знал, поспособствует ли что-нибудь его возвращению в прежнее состояние. Такое поведение в результате смерти лемурийской особи было странно и непонятно большинству его сородичей. Для большинства из них созданные земляне попрежнему приравнивались к насекомым, обладающим несколько более высоким развитием, чем некоторые виды растений.

— Все чаще я убеждаюсь в несовершенстве этого мира, — сказал однажды Энлиль Анушу, когда друг нашел его сидящим на высокой скале. — Здесь однообразны природа, несмотря на видимое отличие, поэзия, музыка. Эти слова — слишком плоский инструмент для передачи мыслей и эмоций. Ноты приелись и не способны тронуть душу. Чем больше я узнаю об устройстве этого мира, тем больше разочаровываюсь. Знания порождают печаль! Все одинаково здесь, все кружится в порочном круге мироздания, и степень различия зависит от ширины этого круга. Так

только на Земле? Или Родине с другими планетами свойствен подобный принцип? Возможно, и дома все движется по кругу, но, в связи с более протяженными сутками и длиной года, там и шире этот круг. Как хочется ошибаться! Что есть правда во Вселенной? Каково её устройство? Или все известное мне прежде — ложь? Нет этих Семи Вселенских Законов, а есть что-то другое? Объясни мне, Ануш! Прошу!

Ануш молчал. Он не знал, что ответить мучающейся душе. Страдания Энлиля были не сравнимы ни с чем. Столько разочарований и горя свалилось на него в одночасье! И понимание земной природы, и конфликты с собратьями, и эта чудовищная трагедия с возлюбленной. Боль бурлила в сердце бога, и никто не мог ему помочь.

На Родине скоро узнали о трагической гибели избранницы Энлиля и его страданиях, но у нефилимов это не вызвало никаких эмоций. Для них это была смерть простого землянина, стоящего не выше насекомого. И эта нелепая гибель не избавила Энлиля от ожидающего наказания. Ану и Энки был важен сам факт пренебрежения расой.

Все годы, пролетевшие с момента гибели Дауры и до отлета на Родину, Энлиль провел в душевных муках. Ему была безразлична собственная участь по возвращении домой, поскольку внутренние переживания были сильнее. Хотелось сбежать с некогда любимой планеты, оставив на ней и все переживания. Краски поблекли в горестном тумане стоящей перед глазами пелены. С нетерпением он ждал момента, когда смог бы навсегда покинуть Землю. Пятьдесят раз прокрутилось колесо времен года, и Мардук приблизился к Земле.

Наконец пришло время покинуть планету. Сейчас Энлиль уже не любил её природу, поскольку она отняла самое светлое, что появилось в его жизни за последнее тысячелетие. Спустившись в хранилище тел, он огляделся по сторонам, зашел внутрь и открыл тяжелую железную дверь, за которой стояли гранитные алтари с лежащими поверх телами. Эти оболочки уже были непривычны и пугали своим видом. За три тысячи шестьсот лет, что длилась экспедиция, Энлиль почти забыл как выглядит их истинный образ. Глядя на родное тело, он ярко осознал, что если бы земляне увидели настоящие оболочки своих создателей, то очень испугались бы.

Энлиль помнил, что тела защищены энергетическим колпаком и уничтожат чужака. Медленно подошел он к защищающему тело пространству, и попытался вспомнить код-паттерн, заключающий в себе определенную гамму чувств. Эмоциональное состояние было подавленным, и Энлиль не мог настроиться на набор нужной палитры, тем более что прошло много времени с того момента, как тело было «законсервировано». Надежная защита оказалась серьезной проблемой, ведь всего один неправильный шаг мог стоить жизни. Физическое тело, в котором Энлиль провел на Земле все экспедиции, сгорело бы меньше чем за секунду. Попытавшись сконцентрироваться еще раз, он закрыл глаза и сделал шаг в сторону тела. В этот момент его не волновала собственная дальнейшая судьба и мысли были заняты Даурой. Жизнь без неё не имела никакого смысла.

Сделав шаг, Энлиль был готов умереть, но судьба распорядилась иначе, и он прошел сквозь защитный слой.

Без капли эмоций Энлиль лег на гранитный алтарь, и его перебрало в родное тело. Совершенно по-другому он почувствовал себя в старом-новом теле, и причина была не столько в физических ощущениях, сколько в душевных. Станным образом чувства нежности к Дауре слегка приумолкли, и разрывающая душу тоска уже терзала не так ярко, как прежде. Внутри было относительно спокойно.

«Переодевшись» Энлиль поднялся на космический корабль и вместе с Анушем, Ишоном и остальными взлетел в небо под внимательными взглядами землян. Последний раз он смотрел из иллюминатора на зеленую планету — её моря, океаны, реки, горы, долины, леса, ущелья, скалы. Много связывало его с Землей, но теперь все это хотелось забыть.

Три дня корабль двигался в направлении Мардука. На борту царил напряженная атмосфера, и всем было предельно ясно, что их ожидают не с распростертыми объятиями. Странно было ощущать себя в этих телах. За время экспедиции от них отвыкли, и требовалось время, чтобы вновь «срастись» с ними.

Корабль мягко приземлился, и нефилимы начали собираться. Волнение Ануша заметили все — он то и дело что-нибудь ронял и был рассеян. Ишон беспокоился, но его эмоции не были столь очевидными. Энлиля охватило равнодушие — его мысли и чувства по-прежнему занимал образ Дауры. Двери корабля открылись и взору космонавтов открылся мрачный вид Мардука. Темная планета, с её вспаханной расплавленной поверхностью, была страшна. Мардук ничем не был похож на Землю. Вид планеты больно ударил по эмоциям прилетевших нефили-

мов, и тоска по зеленой планете кольнула сердце. Земля была девственна и невинна, а их родная планета — уже мертва. «Неужели мы и Землю доведем когда-то до подобного разрушения?» — подумал Ишон, но тут же отогнал эти мысли.

Ступив ногой на расплавленную поверхность, Энлиль окончательно осознал, что теперь дома, а его пребывание на Земле было явлением больше временным, чем постоянным. Попав в атмосферы родных планет, все трое вспомнили свое истинное «Я» и оценили необдуманность некоторых земных поступков. Однако это не снимало с них ответственности за содеянное.

Первым, кого увидел Энлиль, был нахально улыбающийся Энки. Он прилетел на Мардук встретить потенциальных узников и собственноручно доставить к Ану. Он собирался показать тем самым еще и свое превосходство перед Энлилем. Рядом с ним стояли и другие нефилимы, но не было никого из верховного руководства. Несмотря на косвенную причастность Ишона и Ануша к тому, что пережил Энлиль, их также посчитали виновными в истории Энлиля и Дауры. Бездействие тоже вина и заслуживает наказания.

Не говоря ни слова, Энлиль прошел на корабль, который должен был доставить всех на Родину, и занял свое место. Внутри было безразличие. А как бы он поступил, если бы кто-то из его собратьев совершил подобный поступок, находясь в экспедиции? Скорее всего, никак. Ведь был Дружин, проявивший физическую слабость, и Энлиль не критиковал его.

По рукаву, соединяющему две планеты, команда быстро

добралась до Родины. Энлиль, Ануш и Ишон вышли из корабля и поняли, что идут подобно заключенным. Со всех сторон их обступали собратья, словно думая, что товарищи куда-то сбегут. Противные ощущения испытал каждый из них в тот момент. Все вместе они погрузились в большой вездеход и отправились во дворец к Ану.

Главная пещера выделялась на фоне остальной природы, словно была специально спроектирована для создания основного места планеты. Со времени отлета с Земли Энлиль не произнес ни слова. Диалоги шли внутри его, но ни одна мысль не вырвалась наружу. Трое вышли из вездехода и в окружении десятка собратьев медленно пошли во дворец. Ничего не изменилось за 3 600 земных лет. Все тот же стол и остальные детали интерьера, что были здесь тогда.

За каменным столом сидел Ану, и лицо его не выражало никаких эмоций. Вся агрессия и обида на Энлиля сгладились временем, но сам факт проступка оставил в груди неприятный осадок. Вместе с верховным за столом сидели представители, руководящие правительством. Далеко не все они имели прямое отношение к экспедиции, но все присутствовали на первом совещании, когда было принято решение лететь на Землю с исследовательской целью. Энлиль ощущал агрессию собратьев по отношению к себе. Почти все были настроены против него.

— Здравствуй, Энлиль! — медленно произнес Ану. Но Энлиль почувствовал его легкую раздражительность.

Он молча кивнул в ответ.

— Зачем ты это сделал? Зачем ты подвел всех нас? — спросил Ану. — А ведь я никому не доверял так,

как доверял тебе.

— Я люблю её... Любил.

— Не говори глупостей. Ты нефилим, а она землячка. Как ты мог полюбить её? Ты же не любишь клопов или других насекомых. Она, как и они все, ненамного дальше ушла от животного. Она почти насекомое, на таком же низком уровне развития.

Как Энлиль мог объяснить, что любит не за что-то, а вопреки чему-то!?

— Ну, скажи, Энлиль, объясни. Может, я чего-то не понимаю? — продолжал Ану.

— Ты не сможешь понять этого, Ану. Откуда ты знаешь, что значит любить, если не был в теле землянина? Ты не находился под властью тела и не испытывал присущих ему эмоций.

— Мне это знать ни к чему! Я нефилим, а не землянин. И ты нефилим, но лишь временно выполнял поставленную задачу, используя земную форму. Ты ведь умеешь контролировать свои эмоции, как никто иной, тогда почему этого не сделал? Как мне кажется, ты просто-напросто не должным образом отнесся к поставленной задаче.

«И вправду, почему такое произошло с ним, Энлилем, — размышлял нефилим. — Никогда прежде не было ничего подобного. Может, он просто хотел чего-то нового, новых эмоций и именно поэтому поддался на заманчивую провокацию чувств? Может, и так. Но, как бы там ни было, он искренне любил Дауру, и эта любовь была самым светлым, самым чистым, самым бескорыстным, самым потрясающим ощущением из всех, что он испытывал в своей длинной жизни».

— Мы не должны были смешиваться с землянами, — продолжил Ану, понимая, что не дожидается от Энлиля никакого ответа. — У них свои этапы эволюции. Созданные тела, для наших же нужд, слишком развиты в сравнении с лемурийскими. Нельзя было допустить, чтобы наши ДНК скрестились с ДНК землян, поскольку это приводит к «блужданию» наших генов по планете. В общем, Энлиль, говорить о твоем поступке можно долго, однако сути это не изменит. Ты совершил проступок, и будешь наказан. Наказать тебя смертью будет очень жестоко, поэтому ты будешь изгнан с территории нашего города. Уходи в ближайшее время и знай: теперь ты здесь чужак. Вместе с тобой я изгоняю Ануша и Ишона. Они бездействовали, когда надо было раскрыть тебе глаза и наставить на истинный путь. Именно бездействием они виновны перед нашей расой, — сказал Ану и, положив руки перед собой, показал, что разговор закончен.

Энлиль уже собрался уходить, но голос Ану вновь нарушил тишину.

— И должен признаться, ты очень меня разочаровал! — добавил он.

Ану был единственным из сидящих за столом, перед кем Энлиль чувствовал свою вину. Конечно, он был виноват и перед Анушем и Ишоном, но в данном случае они не были его противниками. Странное чувство одиночества возникли в Энлиле в тот момент, когда он вышел из дворца.

Странно, очень странно, но сознание Энлиля необъяснимым образом меркло с того момента, как он оказался на Родине. Он ловил себя на странных мыслях, на несвой-

твенном ему безразличии, словно кто-то беспощадно стирал часть его памяти. Что происходило, он не мог понять. Лишь кратковременное осознание этого явления влетело в голову и, намекнув на связь с югами Родины и давно длящейся духовной спячкой нефилимов, безвозвратно исчезало.

Прилетев на родную планету, товарищи тут же попали под влияние господствующих сил Вселенной, воздействующих на неё в течение иных временных отрезков, чем на Землю. Причиной тому была иная продолжительность вращения вокруг Солнца.

Куда идти, Энлиль не знал. Успокаивало лишь то, что он остался не один на один с проблемой, а их было трое, и все они пострадали из-за одной девушки. Кто-то прямым, кто-то косвенным образом. Решив напоследок пройти через город, они направились на север. Весть о предательстве Энлиля в чрезмерно сгущенных красках давно облетела город, и попадавшие на встречу нефилимы игнорировали его, стараясь лишний раз не встречаться взглядом. Словно и не было его. Это казалось очень обидным. Досаднее всего было то, что он старался делать все, что мог, для спасения своей планеты, добывал золото, рискуя собственной жизнью, исполнял свои функции как можно лучше, но, несмотря на все это, стал изгоем из-за одной маленькой, но, как показалось многим, непростительной ошибки. Как быстро одной маленькой ошибкой могут быть очернены годы кропотливых трудов и честно заработанный авторитет втоптан в грязь.

Медленно двигаясь по городу, товарищи вышли на большую площадь, с которой раньше выступал Ану перед

обитателями Родины. К счастью, лишь немногие нефилимы гуляли по поверхности планеты из-за жары. Остальные прятались в недрах полрой планеты, дожидаясь окончания лета. Главная сцена, образованная скалой со срезанной верхушкой, была пуста, но правее от неё собралась небольшая группа нефилимов. Товарищей не интересовала причина сора, но они решили не пройти мимо и напоследок почувствовать причастность к жизни города. Подойдя ближе, они поняли, что один нефилим что-то рассказывал, а другие поднимали его на смех. Рассказчик, одетый в рваную хламиду белого цвета, был стар даже по меркам нефилимов. Все смеялись над ним. Они считали его умалишенным.

— Такой же изгой, как и мы, — заметил Ануш.

— Интересно, за что его так высмеивают? — спросил Ишон, словно самого себя.

— Он добровольно идет на это изгнание, — грустно отметил Энлиль, еще раз бросив взгляд в сторону толпы. — Должно быть, он уверен в своих словах, раз, не боясь наказания, приходит на площадь и вещает перед толпой. Страдать за правду и собственные убеждения всегда легче, чем быть осужденным незаслуженно.

— Земляне — странные существа, но наши собственные собратья еще более странны. Слишком много в нас самолюбия, — сказал Ануш.

— В этом ты абсолютно прав, — подтвердил Ишон.

Миновав толпу, осужденные пошли дальше. Скоро они оказались у границы города. Не было каких-то опознавательных знаков в виде каменных заборов, но нефилимы знали, что здесь заканчивается поселение.

— Простите меня, — сказал Энлиль, обернувшись к товарищам. — Наказание должен был понести только я. Вы не виноваты.

— Знаешь, Энлиль, может, мы и не виноваты, но я бы чувствовал себя виновным, если бы обвинил в случившемся только тебя, сняв с себя ответственность, — сказал Ануш.

Взглянув на Ишона, Энлиль увидел его лицо и понял, что тот солидарен с Анушем.

— Даже не знаю, что ответить, — эти слова дались Энлилю тяжело. Он был до глубины души тронут поступком товарищей, и благодарен существам, которых никогда не считал близкими друзьями, за такую преданность.

— Спасибо, — сказал Энлиль не найдя других слов, и крепко обнял их всеми четырьмя руками.

— Что будем делать теперь? — поинтересовался Ишон, показывая Энлилю, что все в полном порядке.

Конечно, Ишон тоже чувствовал внутреннее опустошение, но он не хотел, чтобы Энлиль это видел и чувствовал свою вину перед ним.

Не придя к какому-то единому мнению, нефилимы пошли вдоль городской границы в поисках нового дома. Они брели по лесу, вспоминая забавные моменты из земных экспедиций. Около часу прошли в поисках нового места обитания, хотя по меркам землян прошло чуть больше четырех месяцев. Все, что подходило для создания дома, было занято. Оставалось только идти вглубь леса. Долго они ходили по окрестностям некогда родного города. Много размышляли над своей судьбой. Сначала угловатость форм и мрачные краски окружающего пейзажа,

сводили с ума привыкших к зелени товарищей, но постепенно прежние привычки брали верх.

Близилась ночь. Распыленные частицы золота висели в атмосфере, медленно и незаметно оседая. Прощальные лучи солнца отражались от искусственного щита, делая воздух золотистым. С грустью Энлиль наблюдал за садящимся светилом и движением спутника, на протяжении многих лет сопровождающего планету. Если бы жители Родины знали, сколько труда и сил было вложено в обеспечение их безопасности, тогда никто из них не посмел бы бросить и косога взгляда в адрес осужденных собратьев. Но они ни о чем не знали, кроме того, что им преподнес Энки. В связи с секретностью экспедиции было запрещено рассказывать о ней хоть кому-то, однако тот нашел способ поведать историю о предательстве Энлиля, умолчав о самой сути путешествия на чужую планету.

Ночевать пришлось в одной из пещер, возникшей на пути, когда уже почти погасли последние лучи солнца. Судя по обстановке, здесь кто-то жил, но сейчас отсутствовал. Это обстоятельство не смутило товарищей, и они, удобно расположившись, заснули крепким сном. Впервые засыпали они в неприятном состоянии душевной пустоты и отрешенности.

Открыв глаза ранним утром следующего дня, Ишон увидел лежащего рядом с ними собрата в старой разорванной хламиде. Скорее всего, это был хозяин пещеры, гостеприимно не прогнавший незваных гостей. Выйдя на улицу и постояв там несколько минут, Ишон вернулся обратно и опять лег спать. Ему хотелось отдалить воспоминания об изгнании, а помогало сделать это не что иное, как сон.

Проснувшись через несколько часов, Ишон заметил, что существа, ночевавшего с ними, уже не было. Снаружи веяло свежестью леса и, потянувшись, Ишон вышел из пещеры навстречу прохладе. Нефилим в серой хламиде стоял к нему спиной, лицом — к лесу и делал упражнения, похожие на те, что делали все нефилимы, обучаясь боевым искусствам еще в юном возрасте. Почувствовав чье-то присутствие, хозяин пещеры медленно обернулся, продолжая плавные движения руками, и посмотрел на гостя. Ишон был очень удивлен, узнав в старце того, кто повстречался ему и товарищам днем ранее на городской площади. Находясь в нескольких метрах, изгнанник улавливал теплую энергетику безусловной Любви, идущую от старца. Он не знал, что сказать хозяину и чем объяснить свое присутствие в его доме, но тут на выручку пришел проснувшийся Энлиль. Он вышел из пещеры и, увидев старика, подобрал нужные слова.

— Прости нас за вторжение в твой дом! — сказал Энлиль. — Мы случайно забрели в эту пещеру.

— Нет места случайностям в этом мире, — ответил старец, продолжая концентрироваться на своих движениях.

Было странно смотреть на существо, осознанно делающее одновременно несколько вещей. Старик выполнял контролирующее движение двух рук и тела одновременно и поддерживал разговор с гостями.

— Мы не посмеем надолго оставаться здесь, сейчас уйдем, — сказал Энлиль и уже хотел вернуться в пещеру, чтобы разбудить Ануша, но старик остановил его.

— Не уходите оттуда, откуда всегда успеете уйти. У

вас впереди еще долгая жизнь, но признайтесь себе, что сейчас вам идти некуда.

— С чего ты это взял? — спросил Ишон, взглянув на Энлиля.

— Вы потеряны, и в душах каждого из вас царит смятение.

— Ну, допустим, ты прав, — сказал Энлиль, выступая вперед. — Но с чего ты это решил?

— Все ваши чувства и эмоции хорошо улавливаются через идущие от вас вибрации. Ведь каждой эмоции присуща собственная вибрация.

— Ты что, жрец или маг? — спросил Ишон.

— Это синонимы, — ответил старец.

— Это не имеет значения...

— Конечно, не имеет, — ответил старец, не дав Ишону закончить фразу. — Можешь называть меня как хочешь, но я всего лишь существо, которое развивает данные природой способности и не дает им кануть в бездну под воздействием Вселенских Законов.

— По-моему, ты говоришь глупости, — сказал Ануш.

Он слышал разговор с самого начала, но вышел из пещеры только сейчас и сразу влился в разговор.

— Верить или нет — личное право каждого, но вот твой приятель мне верит, — сказал старец, посмотрев в сторону Энлиля.

Не ожидающий такого развития разговора Энлиль растерялся и удивленно посмотрел на странного собрата. Он еще сам не успел до конца разобраться со своим мнением, а мысли уже были озвучены посторонним нефилимом.

— Возможно, в сказанных тобой словах есть доля правды, — ответил Энлиль, стараясь придерживаться нейтралитета.

Старик улыбнулся.

— Видимо, общее сознание планеты уже во всю силу действует на вас. Ненадолго же хватило вашей силы воли, чтобы удержать воздействие наступившей Кали-юги, — сказал он, и повернулся к лесу.

— Подожди, — сказал Энлиль. — Что ты хочешь этим сказать?

— Ты и сам все знаешь, только боишься себя услышать, да и позабыл часть знаний.

— Напомни, если тебе не сложно.

— Существует понятие «юг», влияющих на сознание планеты в момент нахождения в разном положении относительно Солнца. Сейчас на нашей планете господствует Кали-юга. Это время духовной спячки и полнейшего упадка. После неё наступит время просветления и выхода из темноты — Сат-юга. Предшествовала же Кали-юге Двапара-юга, которая была сумерками и подготовкой к вступлению в темную югу. Своего рода прелюдия. На противоположной стороне этого круга юг находится полная противоположность настоящему времени — Трета-юга, юга Света, мира, идиллии, и всего лучшего, что было создано. Вы находились на другой планете, вращающейся по иной орбите, чем наша планета, а соответственно имеющей иной график смены юг. Пока вы пребывали там, вы были подвержены влиянию именно той планеты, а не этой, но вернувшись, резко попали под новое воздействие, и часть вашего сознания начала стремительно искажаться,

стирая и закрывая ненужные файлы в памяти. Если бы на Земле правила Кали-юга, как и здесь, то ваше сознание даже не заметило бы этого.

Вы наверняка замечали падения и подъемы развития землян. Это связано не с чем иным, как с воздействием юг на их сознание. Помните, как долго ваши собратья пытались донести Адапу и Тити знания о земледелии и ремеслах, но все было безрезультатно, а потом в течение нескольких десятилетий эти же земляне освоили все навыки и даже больше? Думаете, это ваша заслуга? Ничего подобного. Просто, когда началось обучение, планета находилась под властью Кали-юги, а потом перешла в Сат-югу, — сказал старик и, сделав руками странное движение, словно зафиксировал упражнение, закончил.

Что-то в голове Энлиля провернулось, и подозрение в том, что он знал все это раньше, закралось в голову. Он думал над сказанными стариком словами, и только больше вопросов, чем ответов, возникало в голове. Откуда старцу было знать о происходивших на Земле событиях, об Адапу и Тити например, если он не был там и не имел никакого отношения к правительству Родины?

— Откуда ты знаешь о том, что происходило на Земле? — словно читая мысли Энлиля, спросил Ишон. — Это ведь секретная информация.

— Ты сразу хочешь узнать слишком многое. Это будет чрезмерно большой кусок информации для всех вас, чтобы проглотить его, — ответил старец, направляясь в пещеру.

Товарищи последовали за ним.

— Подожди. Ты ведь сказал, что магнитное поле

планеты или Кали-юга — не пойму до конца — притупляет сознание. Верно? — спросил Ануш.

Старец молча кивнул.

— Тогда почему ты не забыл этих Знаний, в отличие от остальных?

— Я нахожусь под защитой Мер-Ка-Ба. Она защищает меня и мое сознание от негативного воздействия всех посторонних энергий, в том числе и таких глобальных, как ослабленное магнитное поле.

— Я никогда не слышал ни о чем подобном, — с уверенностью заявил Энлиль.

— Возможно, и не слышал, но, без сомнения, пользовался ею, хоть и давно. Это своего рода магнитное поле, не видимое глазом обычных нефилимов.

— А мы можем активировать её у себя? — спросил Инош, заинтересовавшийся этим скорее от безделья.

— Можете, но сначала подумайте, надо ли вам. Это займет массу времени, которое вы могли бы потратить на что-нибудь более интересное и веселое, — ответил старик.

— Нам некуда торопиться, — грустно сказал Энлиль и присел на камень. — Если у тебя есть время, мы могли бы рассказать о причине нашего пребывания здесь.

— Только есть ли в этом какой-то смысл? — спросил Ануш. — Ты и так все знаешь.

— Мне будет очень интересно послушать историю ваших жизней, тем более что ваш рассказ избавит меня от самостоятельного изучения ваших биографий.

— Ну, как хочешь, — сказал Энлиль и поведал историю своей земной любви.

Долгий рассказ прерывался дополнениями Ануша и Ишона. Все это время старик внимательно слушал, задавая дополнительные вопросы. Он был потрясающим собеседником.

— Ты поддался внутренним чувствам, забыв о прямой обязанности, — сказал старец, выслушав повесть. — Не могу сказать, что ты поступил хорошо, но, по крайней мере, ты предпочел внутренний мир внешнему. Любые чувства — это благо, особенно, когда они приятные.

То ли из-за услышанного, то ли из-за чего-то еще Энлиль встал и вышел из пещеры. Его друзья переглянулись. Они понимали, что весь этот разговор разбередил постепенно заживающую душевную рану.

— Было тяжело смотреть на Энлиля после гибели лемурийки, — шепотом сказал Ануш старцу. — Эта смерть изменила его до неузнаваемости. Молчание стало постоянным спутником. Мы старались не оставлять его надолго в одиночестве, но и это не помогало. Энлиль любил её всем сердцем, и, лишь быв свидетелями этой любви, мы простили этот поступок, названный остальными предательством. Если бы они видели, как развивалось это взаимное светлое чувство, то не были бы так категоричны в своих комментариях и решении.

— Неужели эта любовь затмила его разум? — смеясь, спросил старец. — Ведь там Спектакль, а образ лемурийцев лишь сценические костюмы, в которые одеты бессмертные души! Эта лемурийка бессмертна, а её тело лишь явление временное.

— Но ведь Энлиль любил её такой, какой увидел.

— Ничего подобного! — твердо заявил старец. — Если

бы ему понравился только её образ, то это была бы лишь сексуальная страсть. А он любил её внутреннюю составляющую — душу.

На улице послышались шаги, и в пещеру вошел Энлиль. Ануш сразу замолчал, не успев озвучить вопрос, готовый сорваться с языка.

— Не переживай, Энлиль. С твоей лемурийкой все в порядке, — сказал старец, улыбаясь, когда вернувшийся занял свое место.

Энлиль резко бросил на него удивленный и в то же время осудительный взгляд.

— Не смотри на меня так. Я знаю, что говорю. Там, на Земле, идет Эксперимент. Думаешь Галактический Совет допустил бы гибель хоть кого-то из испытуемых? Конечно, нет! И Даура, и все остальные земляне играют свои роли, а закончив их, перерождаются и начинают играть новые.

Энлиль смотрел отрешенным взглядом, словно сказанные слова вновь вогнали его в стопор и смятение. Увидев такую реакцию, старец покачал головой.

— Я и не подозревал, что вы забыли даже такие банальные вещи.

В его словах была истинна, которую каждый ощущал внутренними рецепторами.

— Как нам быть теперь? — спросил Ануш. — Возможно, ты говоришь правду. Скорее всего, так и есть. Но как нам уверовать в неё?

— Только практикой, — пожал плечами старец.

— Ты сможешь нам? — спросил Ануш.

— Если вы хотите, то помогу. Тем более что вас никто не ждет в городе.

Товарищи понимали, что нашли себе временное занятие и теперь будут при деле, а это особенно приятно после целого дня мыслей о своей ненужности обществу. Помощь старца особенно заинтриговала Энлиля — где-то в глубине души теплилась вера в слова старика о бессмертии любимой. Упустить единственный шанс проверить услышанное было нельзя. Ведь это хоть и сомнительная, слабая, но надежда еще раз повстречаться с Даурой.

— С чего нам начать? — спросил Энлиль.

— Для начала забудьте о всех стереотипах, навязанных вам обществом, — сказал старец. — На данный момент сознание планеты и почти всех её жителей спит. А разве могут слепцы указывать дорогу? Слушайте только свое сердце, тихо шепчущее вам, и не поддавайтесь на провокацию красивых физических образов. Все в этом огромном мире состоит из энергии, а красота — это лишь вопрос трансформации энергии в физический образ и индивидуальный. Кому-то нравится предмет, а кто-то считает тот же самый предмет уродством. Самый наглядный пример — живопись.

— То есть все в нашем мире — только энергия? — недоверчиво спросил Ишон.

— Абсолютно верно. Энергия — если рассматривать с молекулярной точки зрения. Или вибрации — если смотреть на волновое устройство Мира. Сейчас это кажется сомнительным, но придет время — и вы сами все поймете.

На этих словах старец медленно поднялся и прошелся по комнате пещеры, о чем-то размышляя.

— Знаете, у нас с вами будет достаточно времени,

чтобы узнать теорию, поэтому предлагаю прямо сейчас начать с практики, — сказал он. — Вам нужно начать с самого простого. Сядьте прямо, закройте глаза и расслабьтесь.

Ануш сел на соседний с Энлилем камень и сделал все, что сказал старец. Ишон сел на сделанную из сломанного дерева скамейку и, взглянув на Энлиля, закрыл глаза и начал расслабление.

— Расслабляйтесь медленно и плавно, — слышался плавный и ровный голос старика сквозь темное пространство закрытых глаз. — Ощутите, как мышцы на вашем лице расслабляются. Мелкие мышцы глаз расслабляются, и с них сходит напряжение, которое казалось вам естественным. Постепенно спускаемся вниз — и ощущаем, видим внутренним зрением, как расслабляются мышцы шеи. Потом плечи. Затем наступает время правой верхней руки. Потом левой верхней. Ваше внимание скользит ниже, и вы расслабляете по очереди нижние руки. Представьте, как мышцы виснут на костях и не могут сократиться. Им тепло и комфортно. Ваша спина расслабляется. Большие куски мышц словно тают и обмякают. Грудь и пресс расслабляются. Расслабляются ваши бедра, колени, голени. Расслабляется каждая мелкая мышца на ногах. Ногам тепло и уютно. Теперь вы чувствуете тяжесть тела. Мышцы висят на костяном каркасе. Сконцентрируйтесь на теле. Внутренним взором осмотрите его и расслабьте все напряженные места, все суставы, мелкие мышцы, соединяющие кости и сухожилия. Расслабьте короткие мышцы, крепящиеся к позвоночнику. Теперь, когда ваши мышцы расслаблены, вам тепло и комфортно, расслабьте желудок, а следом за

ним и все остальные внутренние органы. Не торопитесь. Представляйте и чувствуйте, как каждый орган расслабляется и теплеет. Ваше тело полностью расслабленно. Расслаблены все мышцы, сухожилия, органы. Теперь расслабляется ваш мозг. Он словно растекается, и вы чувствуете приятное ощущение небытия, — старец говорил тихо, но концентрировался на каждом слове, и слова несли энергетическую заряженность. Они проникали в самую глубину сознания и управляли телом каждого, кто их слышал. — А теперь, представьте пламя свечи, горящее перед вашим лицом. Визуализируйте его очень ярко. Так ярко, чтобы тепло пламени согревало ваше лицо.

Едва Ануш представил горящую свечу, как пламя больно обожгло лицо. Слегка откачнувшись назад, он едва не потерял концентрацию и не напряг мышцы, но мыслительный процесс все же вмешался в медитацию и не дал больше сконцентрироваться так ярко. В памяти то и дело всплывал яркий момент контакта с пламенем, которое до сих пор ощущалось на коже лица.

Ишон видел пламя перед собой и находился в приятном состоянии расслабленности. Мозг то и дело хотел отключиться, ввергнув самого Ишона в сон.

Энлиль очень старался, но сон упрямо забирал его в свои объятия, используя каждый удобный момент. Визуализировать пламя огня не получалось. Едва он захотел сделать это, как сознание отключилось, и накатившийся сон уронил его навзничь. Поняв, что находится в горизонтальном положении, Энлиль растерянно поднялся на ноги и, увидев сидящих без движения друзей, тихонько сел на прежнее место. Вторая попытка оказалась еще менее удач-

ной, чем первая. Без напутствий старца и тихой голосовой установки он не смог даже расслабиться.

Много времени товарищи проводили в медитациях. Спешить им было некуда, и они выполняли все, что говорил учитель, старательно. Самым успешным учеником был Ануш. У него всегда все получалось хорошо почти сразу. Энлиль же, напротив, был не так успешен, как остальные, но, понимая, что это единственная возможность встретиться с Даурой, занимался усерднее и больше остальных. Однажды он остался наедине со старцем, и между ними произошел разговор, оказавшийся ключевым для развития Энлиля.

— Мы занимаемся уже долго, и я внимательно наблюдал за тобой с самого начала. Ты впитываешь теоретическую информацию как губка, но, когда дело доходит до практики, у тебя не всегда получается. Твоя проблема заключается в том, что ты слишком ярко хочешь добиться успеха, — сказал учитель. — Ты пытаешься насильно притянуть к себе видения и остальные побочные эффекты духовного развития.

— Почему — побочные? — удивился Энлиль.

— Потому что видения, предсказания будущего, выходы в астрал и многое другое — это все цветы на обочине дороги духовного развития. Самое главное — Безусловная Любовь. Если ты научишься Любить, все эти навыки сами придут к тебе, и придут очень легко. Развивая в себе только способности, но не зная цели, нефилим встает на путь так называемой черной магии.

— И что нужно сделать, чтобы научиться Безусловной Любви?

— Научись Любить весь Мир со всеми его темными и светлыми сторонами. Осознай дуальность и его идеальность. Открою тебе секрет: только научившись этой Любви, можно освоить медитацию Мер-Ка-Ба.

— А освоив Мер-Ка-Ба, уже не надо будет делать то огромное количество упражнений, которые мы делаем сейчас? — добавил Энлиль словами, сказанными когда-то самим старцем.

— Совершенно верно. Мер-Ка-Ба — это вершина пирамиды самопознания. Она есть все, но все стальное без неё — лишь блеклые тени действительности. Мер-Ка-Ба — это Вселенская Троица, состоящая из Космоса, Планеты и Космической Энергии. Каждый из вас есть Все, ибо в каждом из вас сочетаются и гармонизируют все элементы Вселенской Троицы. Каждый из вас носит в себе Мер-Ка-Ба, а она состоит из направленного вверх треугольника, являющегося связью с Космосом и его составляющей, и направленного вниз треугольника, являющегося частью планеты, и дискообразного поля, что есть Космическая Энергия в чистом виде.

— А кто же тогда мы сами? Я имею в виду наше физическое тело, — спросил Ануш.

— Вы — это часть Космической Энергии, соединенной с физическими элементами.

— Мне кажется, я понимаю тебя! — счастливо произнес Энлиль.

— Конечно, понимаешь! В тебе большой потенциал, и кладезь Знаний. Просто ты многое забыл.

Эти слова приятно отразились в душе Энлиля и придали новые силы для достижения цели.

Шли недели, месяцы, годы, а старец все обучал своих учеников. Многие постигли они за этот промежуток времени, немало увидели. Сейчас они знали наверняка, что планета находится в духовной спячке и её жители не помнят многих очевидных фактов. Он дал им знания Мер-Ка-Ба, и именно на этом поприще преуспел Энлиль. На её базе он ушел далеко вперед от своих друзей, и сейчас им было его не догнать. Мер-Ка-Ба помогла раскрыть все психические способности, заложенные в теле изначально, и открыть много нового. Энлиль первым «рассекретил» создаваемый Мер-Ка-Ба «капкан», о котором умолчал учитель. Именно он осознал, что во время медитации Мер-Ка-Ба, не войдя в священное пространство сердца, приводит к тому, что энергия Любви высасывается из сердечной чакры, вместо того чтобы наполнять её. Друзья были благодарны учителю, и теперь сказанные в первый день знакомства слова «в этом мире нет места случайностям» имели для них смысл. О какой-то обиде на Энлиля за его причастность к изгнанию никто и не думал. Все осознавали, что это был важный поворот судьбы. До определенного момента друзья полагали, что на их долю выпала важная задача — поддерживать в гармонии общий уровень сознания планеты, но однажды к ним пришел старец, отсутствующий несколько недель без объяснения причины, и попросил их собраться на месте для групповых медитаций.

— Рад вас всех видеть в здравии, — поприветствовал учитель. — Как проходили без меня занятия?

— Все хорошо, — ответил Ишон.

— А как ваши МерКаБа? Они активны?

— Да, — ответил Ануш.

— Я не делал свою уже несколько недель, — сказал Энлиль.

— Думаю, у тебя не уйдет много времени на её активизацию, — сказал старец. — Сегодня у нас состоится не обычная лекция. Я хочу, чтобы вы задавали мне все те вопросы, которые накопились у вас за время наших занятий.

Друзья обрадовались, как дети. Сколько раз они задавали вопросы, но ответ был один: в следующий раз. И вот, наконец, этот следующий раз пришел. Ученики переглянулись, и Энлиль задал первый вопрос.

— А откуда вообще на Землю попала жизнь?

— Это произошло миллиарды лет назад, в тот самый момент, когда Мардук столкнулся с Тиамат. В то время на Землю попало Семя Жизни и стало развиваться. Этот процесс был медленным, но результатом эволюции стали гоминиды. И они, несомненно, достигли бы уровня землян, если бы вы не ускорили ход истории искусственным образом. Помнишь, когда вы отпустили от себя Адама и Ти-Амат? Так вот, сразу после этого сами они и их потомки незаконно вторглись на территорию гоминидов, и между ними вспыхнули конфликты. А так как ваши творения оказались развитее, то они и перебили тех. Гоминиды были не способны даже общаться телепатически, и очень скоро большинство из них было уничтожено в результате потопа, вызванного смещением полюсов, а немногочисленные остатки были добиты свободными землянами, а если быть точным, то ранними лемурийцами.

— Мне вот всегда хотелось узнать, откуда ты знаешь

о событиях, происходивших на Земле? Ведь тебя не было там, — изумился Энлиль.

— Ну и что? Все эти события были запланированы, и вы лишь играли отведенные вам роли. Вы настолько вжились в роль богов, что стали забывать, что вы сами ходите под Богом! Хотя это, скорее всего, связано с наступлением эпохи «духовной спячки». А если говорить о том, как я это узнаю, то отвечу: видел в Хрониках Акаши планеты Земля.

— Подожди, подожди! У меня возникло еще два вопроса.

— Тогда давай по порядку. Какой первый?

— Первый связан с Хрониками Акаши. Что это такое?

— Хроники Акаши — это банк памяти планеты Земля. В нем хранится информация прошлого и будущего, во всех вариантах. Если хочешь почитать её, то лучше поторопись. Придет время — и все Хроники будут переписаны. Сказать точнее, они будут смешаны в единую массу. Фрагменты и события разных эпох смешаются между собой.

— Для чего? — спросил Ануш.

— В Хрониках Акаши содержится правда о происхождении землян и история планеты в целом, включая времена Гипербореи, время двух лун и многое другое. Однако эти знания не вписываются в рамки Эксперимента, поэтому на Земле никогда не будет известна вся правда. Многие космические силы сделают все, чтобы скрыть её. Они будут старательно скрывать интересующую землян информацию, а когда поймут, что это бесполезно, то дадут им маленький кусочек правды, смешанной с большой ложью, и назовут это истиной. Так повелось, что выданные за

правду факты на деле окажутся ложью, и пришедшая на её место «правда» будет точно такой же ложью. В сокрытии информации заинтересованы не только многие расы, но и Управляющая Структура. Знания умножают печаль, и им это известно.

— Как тяжело, наверно, знать все это! — сказал Энлиль старцу.

— Уж лучше знать, чем жить в неведении, — ответил старец и после секундного молчания попросил задавать второй вопрос.

— Я совсем не понимаю тебя, когда ты говоришь о Боге, — сказал Энлиль.

— На планете Земля существует Управляющая Структура, которая наблюдает за развитием людей, за соблюдением Вселенских и Галактических Законов, в том числе закона причинно-следственной связи, и за тем, в чем подчинении находится весь Эксперимент. Именно Управляющую Структуру в будущем станут подразумевать многие земляне, когда разговор будет заходить о Боге. Все живущие земляне не имеют полной свободы волеизъявления, а действуют исключительно в пределах своей роли и возможных вариантов её сценария. А мы, нефилимы, имеем полную свободу волеизъявления, поскольку у нас нет Управляющей Структуры.

— Но ведь ты же сказал, что мы играли отведенные нам роли.

— Верно. Вы начинаете играть эти роли, когда прилетаете на Землю и вмешиваетесь в жизнь землян. Помните, как вы уничтожали землян за проступки? Неужели ты думаешь, что Управляющая Структура, самое главное и

полноправное существо на планете, допустила бы подобное в собственной Игре? Если задумаешься, то поймешь, что вы были оружием в Её руках, и не более! Вы выполняли поставленную Ею задачу, а считали себя вершителями судеб!!!

Энлиль понимающе покивал головой, и Ишон задал свой вопрос:

— А откуда вообще появились Вселенная, планеты, Земля? Нам с ранних пор рассказывают, что Земля — это остатки Тиамат, но откуда взялась эта Тиамат? Кто был её создателем? Как на Земле зародилась жизнь? — спросил Ишон. — Ведь, как вы помните, мы усовершенствовали уже готовый вид, эволюционировавший до этого сам по себе.

Старец посмотрел в сторону леса, и ничего не ответил, желая выслушать мнение остальных учеников. Ануш первым попался на провокацию учителя и, посчитав, что старец не услышал заданного вопроса, решил выдвинуть свои теории.

— Я не знаю, каким образом появились Вселенная и планеты, но я слышал от наших ученых одну интересную теорию. Они говорят, что первые элементарные формы жизни прибыли на Землю в замороженном состоянии, находясь внутри метеоритов. Карбонхондритамоновые метеориты падали на поверхность планеты, а зачатки живого, находящиеся в них, постепенно приспособлялись и развивались. В этих метеоритах вкраплены микроскопические органические частицы, из которых и зародилась жизнь на Земле, — сказал Ануш.

— Не забывай, что сейчас для нефилимов времена

спячки сознания, и те, кто называет себя учеными, забыли правду. Не все золото, что блестит. Я считаю теорию пансермии не совсем точной, хотя это только мое сугубо личное мнение, — ответил учитель.

Много вопросов задавали нефилимы, и почти на все получили ответ. Единственный вопрос, на который Энлиль не услышал ответа, был связан с пещерами.

— Ты знаешь многое — расскажи, что происходит в той пещере, из которой появляются молодые особи нефилимов? — спросил Энлиль.

— Вам еще рано знать о таких вещах, хоть вы и делаете большие успехи. Если все будет нормально, я расскажу об этом, но позже, — ответил учитель и решил перейти к делу.

— А теперь пришло время осознать бессмертие души и отсутствие смерти, — сказал учитель. — Даю вам несколько часов на активизацию Мер-Ка-Ба и жду вас в древнем храме на скале.

— Ты говоришь про искусственно сложенное каменное сооружение, являющееся словно естественным продолжением высокой скалы? — спросил Энлиль.

— Да. Это один из древнейших храмов нашей планеты. Сейчас он пустует, но его энергетика по-прежнему сильна.

— Что там произойдет? — нетерпеливо спросил Ануш.

— Я же вам уже сказал: вы осознаете свое бессмертие, — спокойно повторил учитель.

.....

Прошло много лет с момента ухода Энлиля на Родину. Уровень землян падал. Менялся мир, менялись и земляне. Срок их жизни уменьшился, а большинство способностей было позабыто. Лишь немногие сохранили знания и память к завершению Кали-юги на планете Земля. Лемурийцы давно облюбовали поверхность всей планеты, но для нефилимов они так и оставались лемурийцами, по названию первого места обитания. Время окончательно отучило лемурийцев питаться праной, вместо неё они перешли исключительно на твердую пищу — фрукты, мед, молоко, орехи, семена растений. Процесс любого перехода от одного состояния к другому был очень медленным и плавным. Не все земляне в одночасье переставали питаться праной, а сначала только один процент, потом этот процент увеличивался, пока все лемурийцы не забыли о праническом питании. Процесс «забывания» длился несколько тысячелетий.

Со временем лемурийцы расселились по всем континентам, где на берегах водоемов и в руслах рек начали создавать обособленные поселения. С момента ухода Адама и Ти-Амат с базы, уровень сознания землян падал, и это отражалось на их росте, имеющем прямое отношение к уровню сознания. В последние века существования континента они были не выше 160 сантиметров. Если в тот момент, когда Дружин совершал насильственные действия по отношению к землячкам, лемурийцы отличались только отсутствием крыльев, то теперь разница между тварями и создателями была огромна. Лемурийцы отделялись от природы, постепенно забывая все то, что в них заложили

нефилимы, — способность телепатического общения, телекинеза, месмеризма, — и переходили к материальному миру. Этот деградационный путь длился очень долго, но нефилимы могли его наблюдать благодаря продолжительности своей жизни.

На фоне устоявшейся разрухи, тьмы и постепенного падения два высоко духовных существа начали делать то, что не могли сделать остальные. Они были одни из немногих, кто своей Любовью и чистотой чувств стали поднимать уровень сознания землян. Но они были единственными, кто заложил в Коллективное Сознание планеты информацию о духовном сексе, называемом тантрой. Имена этих лемурийцев были Тайя и Ай. Занимаясь тантрой, бесконтактным сексом, они зачали ребенка и обрели бессмертие, чего никто не сумел сделать до них. Это вызвало большой резонанс в обществе, и скоро Ай и Тайя основали Наакальскую Школу Мистерий, в которой обучали тантрическому сексу и Вознесению через него. Количество семей, достигших зачатия подобным образом, росло и скоро составляло триста тридцать три семьи, по три человека в каждой — отец, мать и ребенок. Постигшие бессмертие лемурийцы знали о приближающемся смещении полюсов. Они позаботились заранее о сохранении знаний и мигрировали в безопасные районы, захватив с собой множество артефактов, среди которых была гранитная статуя Дауры, которую Энлиль приказал высечь сразу после смерти любимой. Теперь их новым домом была территория, простирающаяся от озера Титикака до горы Шаста через Центральную Америку и Мексику. Вместе с ними на этой территории стали жить и их последователи.

В последние годы существования Лемурийского континента места лидеров стали занимать бывшие гуру, служившие в монастырях. Своими знаниями они стремились поднять уровень развития землян выше того, что имелся на тот момент. Приход к цивилизованности являлся единственным возможным вариантом, чтобы развиваться. Гуру проникли во все сферы жизни, через которые можно было влиять на умы и сознание землян. Кто-то стал бродягой, кто-то королем. Нищие, судьи, и маги — все они различали друг друга в общей массе, но не показывали вида, и, лишь собравшись на астральном плане, обсуждали дальнейшие пути развития. Многих из них лемурийцы боялись, многих боготворили и уважали, но все без исключения, гуру выполняли важнейшую задачу. Кто-то осознанно становился изгоем, кто-то получал лавры, а кто-то жертвовал своей жизнью, совершая героические поступки и показывая пример окружающим. О таких душах впоследствии слагали легенды, добавляя в них некоторые штрихи из собственных фантазий. Все правители без исключения были существами высоко духовными, и они осознавали свою роль в жизни.

Смещение полюсов уничтожило большое количество биороботов-нетеров, продолжающих добывать золото, и с каждым разом их становилось все меньше. Запасы спасительного металла в недрах планеты стремительно уменьшались, и творцы не стремились восполнять численность биороботов. Тех, кто выживал, вполне хватало для продолжения добычи.

В момент смещения полюсов произошел и Переход, когда духовно развитые сущности пошли дальше, а нера-

дивые ученики школы под названием «Жизнь» начинали сначала закреплять урок Любви, но в несколько усложненной форме. Обладающие высоким уровнем сознания Ай и Тайя, как и большинство их учеников, осознанно осуществили Переход в следующее измерение, но вернулись на Землю, чтобы помочь выжившим. Каждый из них осознавал свою миссию, и потому был готов терпеть «прелести» земного существования, ради тех, кому требовалась помощь.

В тот момент, когда группа островов Лемурии уходила под воду, из центральной части Атлантического океана поднялся большой кусок суши, названный Атлантидой. Именно туда-то и переселилась Наакальская Школа после того, как континент стал пригоден для жизни.

ГЛАВА 5

ДЕТИ АТЛАНТИДЫ

Нефилимы сократили состав прибывающих на планету команд до минимума. Теперь на Земле находилось не более десяти собратьев одновременно, и все они продолжали наблюдать за землянами. Существовать рядом с атлантами и не вмешиваться в их жизнь было тяжело. Создатели видели, как прекрасны особи женского пола, и жажда физической близости брала вверх, несмотря на запрет. Многие из побывавших в земной экспедиции и носившие тела землян уже не считали близость Дружина с лемурийками проступком, а, наоборот, поддерживали его.

Кали-юга воздействовала на сознание нефилимов, заставляя потакать звериным потребностям. Один за другим они вступали в физическую близость с дочерьми атлантов, позабыв о запрете. В результате любовных утех с земными женщинами на свет появлялись дети, отличающиеся от остальных ростом и силой. Рожденных от создателей называли по-разному. Кто-то именовал их Героями, кто-то — Рефаимами, а кто-то Сынами богов. Даже когда уровень землян падал и понижался их рост, потомки нефилимов оставались прежнего роста. Это были издревле славные атланты.

Ученики Наакальской Школы перебрались на вновь образованный континент на северо-западе Атлантического океана, состоящий, кроме основного материка, еще и из девяти небольших островов, и начали его освоение.

Обжившись на островке Ундал, они основали свою Школу. Земляне называли это место Островом Бессмертных и с большим почтением относились ко всем его жителям.

Много времени Ай и Тайа пребывали на Ундале, выжидая подходящего момента. Они не могли приступить к своим духовным практикам из-за низкого уровня сознания лемурийцев, по-прежнему находящихся под властью Кали-юги. Когда стало приближаться время подъема сознания, ученики Наакальской Школы начали постепенно помогать землянам на пути их духовного развития. Ай, Тайа и ученики решили искусственно помогать лемурийцам, построив Атлантиду по принципу Сакральной Геометрии. Это было ненавязчиво с их стороны, но весьма эффективно. Лемурийцы продолжали жить в своих пещерах, а образовавшаяся неподалеку энергия постепенно поднимала их общий уровень сознания вверх. Для этой цели большой остров под названием «Атлантида» был поделен с севера на юг пополам двенадцатиметровой стеной. Такую же стену воздвигли и с запада на восток. Эти сооружения делили остров на четыре части, и схематично напоминали устройство головного мозга. Это было первое, что сделали ученики Школы. Следующим шагом стало распределение учеников поровну по западной и восточной части острова. Деление это было сделано согласно доминирующему началу. Те лемурийцы, в которых преобладало логическое мышление, то есть мужское, перешли в западную часть острова, а существа с преобладающим эмоциональным компонентом, женским, остались в восточной. Однако это не означало, что все женщины перешли в одну часть острова, а мужчины в другую. Деление осуществлялось согласно внутренним,

а не внешним факторам. С этого момента ушедшие в западную часть острова ученики символически выполняли роль левого полушария головного мозга, а оставшиеся в восточной — правого.

Медитативные практики, игры, любование природой — всем этим занимались лемурийцы, пребывая в новом доме. Сейчас они могли отдыхать, и в таком состоянии заключалось томительное ожидание светлых времен. Чувство страха перед временем и боязнь не успеть выполнить свое предназначение не были свойственны им, в отличие от остальных лемурийцев, поскольку зачав ребенка через тантрический секс, все родители и новорожденный обретали бессмертие физического тела и оказывались Вознесенными Учителями. Им ничего не оставалось, кроме ожидания, и любые предпринимаемые действия были бесполезны, так как шли против Закона Природы.

Среди учеников Наакальской Школы, которые к тому моменту уже стали Вознесенными Учителями, было много потомков Дружина и других лемурийцев, родившихся в результате сношений нефилимов с земными женщинами. В небольшом количестве там были земляне, не имевшие прямого отношения к утехам создателей. И не удивительно, так как в совершенные тела потомков богов вселялись высокодуховные души, способные использовать физическую оболочку должным образом. Игрок всегда давал роли согласно уровню внутреннего развития.

Одним из немногих землян, кто не являлся потомком богов, был Тоум, когда-то давно живший в Междуречье и известный под именем Нуску. Он помнил многое о своих прошлых жизнях, и конечно же свое общение с Акнэлем, а

также с Энлилем, свидетелем любви которого стал. Стремление к Знаниям и Свету привело к тому, что Игрок запланировал в последнем перерождении его встречу с Айем и Тайей, которая должна была закончиться обретением бессмертия физического тела. Постоянность оболочки была важна для каждого, поскольку именно со сменной её происходила так называемая смерть, заключающаяся в потере памяти. Смерть — лишь забвение прошлого, но не более того.

Однажды, через три перерождения после знакомства с Энлилем, Тоум встретился с Христой. Эта встреча была не случайна для обоих, и, полюбив друг друга, они отправились в путешествие по живописным островам Лемурии. Теплой звездной ночью, путешествуя по астральному плану, Тоум встретился с Тайей, которая и рассказала о своем Вознесении. Заинтригованные рассказом, влюбленные совершили путешествие на остров, где жили Ай и Тайя, и попросили обучить их тантре. Примерно в то же время с подобной просьбой обратились и другие лемурийцы, стремящиеся к Вознесению и Знаниям. Ай и Тайя понимали свое предназначение и, не задумываясь стали выполнять роль наставников, сформировав Наакальскую Школу. Тоум и Христа были успешной парой и скоро достигли цели. Они были одними из первых, кто осуществил непорочное зачатие, в результате которого на свет появился Арлих — в будущем легендарный правитель Атлантиды, известный как Арлих Вомалитес.

Каждый из Учителей работал с психической энергией и изучал жизнь остальных лемурийцев через внутренние планы. Учителя знали, что жизнь обитающих во тьме собра-

тьев сложна и полна опасностей, и именно поэтому хотели помогать им. Во время одной из коллективных медитаций было принято всеобщее решение о постепенном закладывании информации в Хроники Акаши. Это делалось во многом для того, чтобы выступать для землян в качестве живого примера, к которому они будут стремиться. А когда кто-то из Учителей улавливал пронзающие пространство вибрации страха перед опасностью, ему разрешалось прийти на помощь.

Ранним утром во время легкой медитации по созерцанию дерева, стоящего на берегу океана, Джирджис уловил вибрации испуга. Они шли сквозь пространство, двигаясь с запада, со стороны континента, облюбованного лемурийцами. Джирджис находился на самом западном островке и первым почувствовал призыв о помощи. Мгновенно материализовавшись в нужном месте, он миновал океан, тропические леса американского континента, даже не затратив на это времени. Оказавшись в очаге опасности, он увидел, что находится недалеко от береговой линии, где высокий водопад бросает воды прямо в океан. Слева находились дома из больших обтесанных камней и из глины. Лемурийцы только начинали подниматься по лестнице развития, и до сложных сооружений было еще далеко. За пределами города находилось необъятное злаковое поле. Оно кормило большую часть населения города и поэтому было жизненно важно, — конечно, его оберегали.

Толпа лемурийцев держала в руках палки и камни, и каждый пытался поразить ими огромного тираннозавра. Такого большого ящера Джирджис еще не видел. Прочитав из Хроник Акаши историю этого соперничества, Учитель

понял, что динозавры поведались топтать поле, и лемурийцы, временно забывшие о телепатическом общении, не смогли найти с ними «общий язык», в результате чего и состоялся конфликт. Защищающийся тираннозавр схватил зубами одну из нападавших и перебросил через себя, что заставило остальных отступить. Увидев, что можно обойтись малыми жертвами, тираннозавр положил свою жертву на землю и стал ждать отступления вооруженного противника, но лемурийцы не поняли этого. Они были в замешательстве: убить лемурийку, чтобы разом прекратить её муки, или уйти?

Вдруг из ниоткуда возник Вознесенный Учитель и медленно подошел к враждующим сторонам. Появление его было внезапным и неожиданным, но лемурийцы узнали в нём Джирджиса. Не торопясь он подошел к лемурийцам и подал сигнал остановиться. Агрессивный настрой был подавлен, и Джирджис перевел внимание на тираннозавра. Большие зубы хоть и выглядели угрожающе, но были не страшны воспитаннику Наакальской Школы. Страх, всегда тормозивший землян на пути к росту, давно был им усмирен. Медленно, но бесстрашно приближаясь к ящеру, Джирджис всем своим видом показывал недоразвитым собратьям пример гуманизма и миролюбия. От него исходила Любовь и доброта, настолько хорошо ощущаемые большим тираннозавром, что тот даже подпустил Учителя на расстояние вытянутой руки. Тяжелое дыхание животного наводило на лежащую лемурийку ужас. Она боялась пошевелить раненой рукой и жалостливо смотрела на Джирджиса. Лемурийцы затаили дыхание. Сам факт приближения к свирепому хищнику был для них ужасен и невозможен.

Джирджис, чувствуя, что лемурийцы ждут от него спасения девушки, слегка прикоснулся ладонью к морде динозавра и телепатически извинился за своих собратьев.

Как выяснилось из общения, животное не осознавало, что топчет засеянные землянами поля. И конечно же, его реакцией на атаку стала ответная атака. Продолжая разговор, бессмертный лемуриец попросил тираннозавра, чтобы тот обратился с просьбой к его сородичам больше не топтать посевы, и отпустил его. Ящер попятился назад, перешагнув через лежащую лемурийку, и скрылся в густом лесу.

Джирджис подошел к раненой и осмотрел её. Схватив лемурийку зубами, динозавр разорвал ей живот и сильно повредил руку. Оставалось совсем немного времени, чтобы ситуация не перешла в разряд необратимых. Встав на колени, Джирджис начал взглядом соединять её энергетические тела, а когда закончил, заживил все внутренние органы, мышцы и соединительную ткань. Исцеление было столь удачно, что не осталось и шрамов.

Изумленные лемурийцы стояли вокруг и наблюдали за спустившимся с неба Учителем. Им было не понятно, почему он отпустил опасное животное, хотя мог с легкостью убить его.

— Будьте всегда добры к ближним, даже когда они виноваты, и за это вам воздастся вдвойне, — сказал Джирджис, почувствовав вопрос лемурийцев. — Сегодня вы стали свидетелями проявления всеобщей гармонии на нашей планете. Да, эта планета не принадлежит только нам! Представители миллионов других царств живут на ней и развиваются. Бог не зря поселил нас в одном месте.

Будьте терпимы друг к другу, Любите ближних, заботьтесь о природе. Во всем живом на нашей планете тоже кроется частичка Бога! На ваших глазах я миром разрешил давний и жестокий конфликт. Помните: миром, а не силой! Тот, кто донесет мой поступок до остальных исковеркав факты, будет лжецом.

Лемурийцы внимательно слушали пришедшего на помощь старшего брата и благодарили.

— Мы донесем твой поступок и слова до остальных, — ответил один из них, после чего Джирджис исчез и вернулся на Атлантиду.

Несколько тысячелетий Вознесенные Учителя Наакальской Школы жили каждый на своей стороне острова, не покидая обозначенных границ и почти не контактируя между собой. Они жили в мире и гармонии, отделенные от суеты остальных землян, которые давно утратили способность перемещения под водой на километры морских просторов. Когда подошло время, Учителя решили перейти к следующему этапу искусственного развития. Из общего числа учеников были выбраны трое для выполнения символической роли шишковидной железы. Это были Тоум, Ильтар и Сен-Жермен. Они, как никто другой, учились познавать мир и логическим, и интуитивным путем одновременно. С этого момента эти трое выступали связующим звеном между западной и восточной частью острова — символами левого и правого полушарий головного мозга. Они могли беспрепятственно передвигаться по всему острову, в то время как остальные не покидали своих территорий.

Тоум и Ильтар до этого момента находились на правой

стороне острова, и им было интересно понаблюдать за жизнью друзей в левой части. Много времени трое провели сначала на одной стороне острова, потом на другой, соединяя свои вибрации и выводя их на одну волну. Когда процесс гармонизации был закончен, они приступили к следующему этапу — им предстояло воссоздать образ Древа Жизни на территории острова Атлантида.

Самым сложным являлось вычислить точки для заложения всех двенадцати элементов Древа Жизни, которые бы замкнулись в единый образ, создав энергетический рисунок. Одна маленькая ошибка привела бы к разрыву всей цепи и, соответственно, непригодности всего образа в целом. Работа велась на тонких планах, и все было просчитано с точностью до миллиметра. Десять точек находились на территории самого большого острова, одиннадцатая лежала на северном острове Ундаль, а двенадцатая располагалась в южных водах. Все точки находились на сакральном расстоянии друг от друга и представляли собой узловыe элементы огромного рисунка, обладающего силой. Никаких сооружений не строилось в физическом мире на месте энергоцентров. В них просто не было смысла из-за развитого у лемурийцев правого полушария мозга и умения видеть в тонких мирах.

Все было выстроено по принципам Сакральной Геометрии: один большой образ включал в себя точно такой же, но меньших размеров — и так далее по принципу матрешки. Глубокие знания о Сакральной Геометрии были даны высокоразвитыми существами с других планет, среди которых были сирианцы и хаторы.

Теперь пришло время одушевить созданный образ,

вдохнув в него Жизнь. Без этого Древо Жизни не начало бы работать. Для реализации последнего этапа все Вознесенные Учителя собрались в центральной точке и провели необходимую медитативную процедуру.

Древо Жизни «задышало», и из центра каждой точки в пространство взмыли энергетические воронки, как чакры, выходящие из тела человека. Древо Жизни одинаково везде — и в теле человека, и на территории острова. Каждый энергоцентр выполняет строго определенную задачу и олицетворяет свойственные его назначению чувства и эмоции. Как в теле землянина определенные чакры отвечают за соответствующий уровень сознания и восприятия мира, так и поселившиеся вокруг определенного центра лемурийцы начинали воспринимать окружающий мир через призму соседствующей энергии. Издалека можно было хорошо разглядеть, как все вместе, хотя и неосознанно, и каждый сам по себе они создавали точную проекцию единого землянина. Как никогда была видна гениальность Сакральной Геометрии и очевидны принципы — «Все Едино» и «Что наверху, то и внизу».

Образовавшиеся вихри распространяли свои вибрации по всей планете, и лемурийцы, почувствовав эти вибрации, стали перемещаться в их направлении. Несколько столетий продлилась великая миграция. Как магнитом их тянуло на Атлантиду со всех частей планеты. Миллионы существ прибывали на этот большой остров, и селились вокруг образовавшихся энергетических воронок. Многие сами не понимали причину, по которой их тянуло сюда. Однако прибывшие на Атлантиду чувствовали себя комфортно и уютно, ощущая внутреннюю связь с этим местом. Каждый

лемуриец стремился к тому энергоцентру, который был ему ближе по внутренней природе.

Как выяснилось, из десяти заложенных звеньев Древа Жизни два оказались незаселенными. Причина была проста: уровень сознания и опыт лемурийцев соответствовал не всем десяти энергоцентрам — вибрации двух из них были пока им незнакомы. Как известно, свято место пусто не бывает, и два эти энергетических вихря не могли оставаться незамеченными. Эти пустующие энергоцентры взволновали Вознесенных Учителей своими последствиями, но они ничего не могли поделать. Обратного пути не существовало, и атланты решили во всем положиться на Божественную волю.

Энергетические воронки поднимались ввысь, минуя атмосферу и уходя в далекий Космос. Они служили сигнальными маяками для внеземных рас, которым требовалось место для поселения.

Однажды ночью спокойствие Вознесенных Учителей нарушил представитель Галактического Совета. Он явился всем Учителям одновременно, и между ними состоялся телепатический диалог.

— Вы создали Древо Жизни на вашем острове, но оно, как сами видите, не является заполненным на физическом плане. Для гармонического развития вам необходимо заселиться и две пустующие территории существами, подходящими к ним по уровню сознания.

— Среди нас нет таких, — ответил Ай.

— Я знаю, и поэтому пришел сюда, — ответил представитель. — В далеком будущем вашей планеты, если смотреть с настоящей временной точки, произойдет

Переход, и так случится, что некоторые сущности не смогут его осуществить и будут сброшены обратно. Галактический Совет предлагает вам принять их и позволить поселиться рядом с одним из пустующих энергоцентров. По сравнению с вами, эти существа на недостижимой ступени сознания и, прибыв сюда, поднимут ваш общий уровень на неведомую прежде высоту. Они принесут с собой массу идей, которые и не возникали в ваших головах ранее.

— Что это за раса? — поинтересовался Тоум. — Каков их характер? И можем ли мы ожидать от них угрозы? Ведь высокий уровень сознания еще не говорит об их добродушии.

— Эта раса называется «иври». Они ваши очень далекие потомки, и будут относиться к вам как к предкам. Вы являетесь частью их истории, о которой они, правда, ничего не помнят. Однако на интуитивном уровне эти существа все знают. И будут помогать вам. Они уже давно стали технократической цивилизацией, и их знания помогут вам осуществить большой шаг-прорыв. Два раза в вашей истории, начиная с гоминидов, уже происходил эволюционный скачок вперед, и сейчас пришло время третьему.

Вознесенные Учителя хотели видеть своих собратьев развитыми и согласились на предложение Галактического Совета.

Лемурийцы, которых с момента переселения на Атлантиду называли атлантами, начали размножаться с невероятной скоростью, и, когда рождающиеся дети стали перебираться на одну из пустующих территорий, Вознесенные Учителя поняли, что это приходят в физический мир иври. Они действительно были очень умны. В возрасте пятнадцати

цати лет иври уже соответствовали по развитию взрослым атлантам, а этот уровень был чрезвычайно высоким. Они совершали непонятные их биологическим родителям поступки и вели себя неподобающе.

Небывалый скачок рождаемости закончился так же неожиданно, как и начался. За несколько лет на свет появились все не прошедшие Переход иври и заселили один из пустующих энергоцентров. С их рождением на Земле начался и рост Атлантиды. Они учили других атлантов строить здания, из которых возникали города, обучали торговле и ремеслам, неизвестным ранее видам животноводства и земледелия, открывали новые знания по астрономии и физике. Если бы не иври, атланты очень долго шли бы в своей эволюции к этим высотам.

Все города были выстроены согласно Сакральной Геометрии, и имели определенную структуру. Таким образом, центральный город Атлантиды, называемый Халидокеан, состоял из трех ровных колец суши, разделенных рвами с водой.

Кроме центрального города Халидокеан, на континенте находились города Портея, Посейдонис, Му, Ом, Сионис, Пеос, Сас, Альта и один пустующий город-энергоцентр, названия которому никто не давал. Все они были похожи между собой. Однако каждый город имел свои отличительные черты и выполнял строго определенную функцию.

Город Посейдонис находился на северо-западе острова. Развиваясь наряду с остальными городами, он был высок и красив. Однако правивший здесь Вознесенный Учитель Эль Мория жил в совершенно обычном, построенном из лавы храме у подножия горы. Он проводил много времени

в медитации. Его храм стоял прямо перед входом в разветвленный лабиринт пещер, в глубине которого сидели представители ранних лемурийцев, атлантов и предшествующих цивилизаций в состоянии соматхи. Последний из них вошел в пещеру сразу после крайнего смещения полюсов и находился там уже несколько тысячелетий. Сидящие были лучшими представителями своих рас, и, уйдя в соматхи, они берегли себя для следующих цивилизаций, на случай глобальных катастроф и Переходов. Вместе с ними сохранился и весь объем знаний, который они собирались передать далеким потомкам.

История этой пещеры уходила корнями в далекое прошлое планеты, к периоду, предшествующему цивилизации нефилимов и даже Гипербореи. Она находилась за пределами понимания большинства представителей Атлантиды, но атланты осознавали её значимость в истории и развитии расы, а поэтому было не удивительно, что так оберегали спокойствие её обитателей.

Города Атлантиды были похожи между собой высокими зданиями, возвышающимися среди зелени и речных каналов, пускающих свои паутины по всем территориям острова. Выкрашенные в яркий цвет строения смотрелись сказочно живописно в сочетании с тропическими джунглями и хвойными лесами. Центральные части городов занимали храмы и учебные заведения. Одним из любимейших цветов атлантов был белый. Построенные из белого мрамора храмы выглядели чарующе красиво. Главным строительным материалом для зданий служили огромные многотонные блоки из лавы, разного цвета мрамор, черный камень, обработанные по специальным правопо-

лушарным технологиям, а изнутри здания были покрыты разнообразными драгоценными камнями — изумрудами, бриллиантами, сапфирами, алмазами. Однако, несмотря на внешнее сходство, атланты хорошо видели сакральные различия. Здания в разных городах были выстроены в форме геометрических тел — шара, икосаэдра, тетраэдра, октаэдра, додекаэдра. Архитектура сооружений соответствовала новым принципам Сакральной Геометрии, о которых Вознесенные Учителя не имели представления и узнали только от иври. Таким образом были выстроены и храмы, служившие центрами развития цивилизации атлантов. Форма зданий зависела от города-энергоцентра, выполняющего ту или иную функцию. В городе Халидокеан, являющемся сердечной чакрой Атлантиды, строения были в форме октаэдра и преимущественно зеленого цвета. Здания Сас были выкрашены в оранжевый цвет и имели форму икосаэдра. За пределами каждого поселения находились невероятно огромных размеров круглые амбары, служащие хранилищами продуктов на случай катаклизмов. Рядом с Сионисом, городом иври, находился еще и космопорт для осуществления полетов и испытания летательных аппаратов.

Иври открывали землянам материальные аспекты мира, о которых те даже не помышляли. Они понимали, что могут играть господствующую роль на планете, и постепенно двигались к своей цели. Нельзя сказать об их страстном желании властвовать над умами атлантов, поскольку они и так знали о своем превосходстве, но само осознание себя негласными правителя планеты льстило их самолюбию.

Если иври в первую очередь акцентировали внимание

землян на освоении внешних аспектов и материальных ценностей, то Вознесенные Учителя развивали в них внутреннюю сущность. Многие из Учителей служили в храмах жрецами и несли Знания остальным атлантам. Таким образом, Тоум, к примеру, служил в одном из храмов Халидокеан и пользовался большим уважением.

Возникновение храмов привело к тому, что воздействие на атлантов стало оказываться двумя способами. Общий способ — когда сознание Вознесенных Учителей и иври влияло на каждого из них вне зависимости от желания. Узконаправленный способ — когда группы или индивидуумы стремились к Свету и Знаниям и приходили за ними в храмы. Для развития сознания оба типа воздействия были хороши, но особых успехов добивались те, кто приходил в храмы и старался своими силами постичь невидимое. Однако таких было меньшинство. Желание развиваться играло с атлантами злую шутку, и, стремясь познать физический мир, с его технологиями, наукой, строительством, они уходили все дальше от Природы, от Бога и от своих внутренних чувств, оставляя лишь инстинкты.

Бразды правления над городами-государствами передавалась от отца к сыну. Престол занимали Герои, потомки нефилимов, поскольку были сильнее и умнее остальных землян. Их рост, мощь, крепость, физическая сила, были показателем царственности. В незапамятные времена, в эпоху Лемурии, когда земляне жили стаями и подчинялись вожакам, нефилимы вышли к ним и поведали о государствах, в которых правят мудрые правители. Рассказав об основных принципах такого уклада жизни, они назначили первых царей из своих потомков. Ранними государствами

стали племена, а царями — вожди. Время шло, общество менялось, и во времена Атлантиды на смену племенам все же пришли города и государства, а вождей сменили полноправные правители.

Правители городов-государств Атлантиды отличались мудростью. Но были и такие, в чьи тела создатели заложили огромную физическую силу, затмевающую рассудок. Самым выдающимся из таких правителей был царь города Му, по имени Гильгамеш. Не было равных ему по силе на всей планете. Возгордился Гильгамеш, осознав какую богатую мощь он унаследовал от предков. Взыграла в нем гордость и затмила здравый смысл. Многодневные пиры, прелюбодеяния, насилие, затмевали его жизнь, и никто не мог воздать ему по заслугам за аморальное поведение, недостойное правителей. Это наводило ужас на всех жителей Му. Отцы боялись выпускать своих дочерей из дому, дабы Гильгамеш не обрек их на бесчестье. Мужья прятали жен за спину, опуская глаза в землю, когда встречали на пути царя.

Очень любил Гильгамеш слушать истории о мироздании и своем происхождении, лежа в королевской кровати. Упиваясь мечтами о собственном божественном происхождении, он грезил о встрече с создателями человечества. Рассказчики повествовали о страшных технических устройствах, способных убивать одним выстрелом, и о неприступных стенах. Из повести в повесть, как серебряная нить на черном бархате, кочевал образ засекреченной базы, скрывающей от глаз атлантов в горах Куньлунь секреты межпланетных путешествий. Даже во снах Гильгамешу являлись образы его странствия на далекий

континент, где продолжали обитать нефилимы. Увидев несколько раз один и тот же сон, он уверовал в необходимость путешествия. Однако отправляться в столь далекий поход одному было рискованно, и Гильгамеш решил отыскать себе спутника, способного сравниться с ним в силе и отваге. Долго он не мог встретить подходящего воина, пока совершенно случайно, на прогулке вблизи одной маленькой, всеми забытой деревушки, ему не встретился широкоплечий, с развитой мускулатурой, атлант. Как две капли воды он был похож на Гильгамеша — тот же рост, вес, цвет глаз, волосы, лицо. «Должно быть, нефилимы порезвились и здесь...» — подумал Гильгамеш, увидев на пути полудикого атланта.

— Как тебя зовут? — спросил царь Му, прислонившись к стволу дерева атланта.

Тот медленно обернулся и, увидев похожее на себя существо, отпрянул.

— Эндику, — ответил он.

— Я Гильгамеш, — представился царь и подошел ближе. — Вижу, ты силен. Не желаешь помериться со мной силой?

Эндику скромно пожал плечами и еще раз окинул взглядом пришельца. Царь не отставал, внимательно рассматривая своего дальнего родственника. Было ясно, что перед ним такой же потомок нефилимов, как сам Гильгамеш. Правда повезло этому богатырю меньше — и он родился не в семье правителя. В лице Эндику отражались доброта и Любовь. Глазами полными уважения к природе и всему живому он смотрел на Гильгамеша, словно ребенок.

— Ну так что? Давай пойдем в твою деревню, и там

я докажу тебе, что, хоть и похож ты на меня, я все равно сильнее, — настаивал правитель.

Не проронив ни слова, Эндику развернулся и медленно побрел в сторону поселения. В неторопливой походке читались уверенность и мощь, скрывающиеся за скромностью. Бережно он отгибал ветви своей сильной рукой и плавно возвращал их на место, словно боясь причинить боль деревьям. Выйдя к деревне, Гильгамеш уверенной походкой направился на центральную площадь, оставив Эндику позади. Жители с удивлением выглядывали из окон своих домов, но, узнав правителя, выходили на улицы. Всем хотелось знать причину его появления в их позабытой деревушке. Весть о том, что сам царь пожаловал к ним, облетела поселение быстрее, чем сам он дошел до площади. Когда Гильгамеш и Эндику добрались до места, их уже обступала большая толпа зевак.

— Вот здесь мы с тобой и сразимся, — сказал царь Му и скинул с себя богато украшенное платье, оголив могучее тело.

Эндику стоял неподвижно и, лишь когда Гильгамеш приблизился к нему, подогнул колени, округлил спину, вытянул вперед руки — приготовился к обороне. Крепкие руки сцепились так, что издался хруст, и началась борьба. Жители деревни наблюдали за противостоянием царя и местного богатыря, все сильнее убеждаясь в их родстве, — не могло быть двух столь похожих существ, да еще и обладающих равной силой. Гильгамеш пытался провести один захват за другим, но каждый раз Эндику вырывался и переходил в наступление, заставляя уже обороняться царя. Несколько часов продолжалось жесткое

противостояние равных борцов. Устали противники. Устали зрители. Гильгамеш взглянул на Эндику и сквозь затуманенное от усталости сознание увидел потухшие глаза атланта. Тот тоже устал, но сдаваться не собирался.

— Довольно, — сказал Гильгамеш, слегка ослабив руки. — Ты продемонстрировал свой характер.

Эндику тяжело выдохнул и, расслабив руки, повис на Гильгамеше. Оба они медленно сползли на землю, чтобы отдышаться.

— Я собираюсь отправиться в путешествие на далекий континент к нашим создателям. Из тебя бы получился хороший попутчик. Ты силен, храбр, на тебя можно положиться. Пойдем со мной! — предложил царь.

— А пойдем, — без малейшего раздумья ответил Эндику. — Хорошо будет посмотреть мир. Я еще никогда нигде не был дальше моего поселка.

Гильгамеш с трудом поднялся на ноги и, окинув взглядом толпу, похлопал по плечу своего нового друга.

— Этот атлант силен, как никто из тех, кого я встречал в своей жизни. Его отвага ни с чем не сравнима и должна остаться навеки в вашей памяти. Эндику силен, храбр, скромн. В нем собраны все лучшие качества воина, — говорил Гильгамеш, а сам все больше проникался уважением и симпатией к сидевшему перед ним атланту. — Он будет мне надежной опорой в опасном путешествии. Мы с ним равны, а именно в равенстве и лежит основа дружбы. С этого момента пусть каждый знает, что Эндику мой брат, и жизнь его будет подобна жизни Героя. Мы с ним совершим то, чего до нас еще не совершали атланты. Мы пойдем в покрытые кедами горы Куньлунь,

где нефилимы хранят секреты межпланетных путешествий и знания, не постижимые простым смертным.

Вернувшись в Му, друзья собрали еды и двинулись в дальний путь. Гильгамеш категорически отказался лететь до конечного места назначения на гаруде*, поскольку боялся быть замеченным, и решил добраться на ней только до территории великих рек, а оттуда идти пешком к Кедровым горам.

Перелетев океан и значительную часть суши, друзья посадили гаруду рядом с лесом и, прикрыв её ветками, отправились в сторону Кедровых гор. Еще по дороге в город Эндику проявил себя как отличный проводник, хорошо ориентирующийся в лесу и способный выбраться из любой природной западни. Лесная жизнь вдали от цивилизации сделала из него потрясающего охотника и собирателя. Гильгамеш чувствовал себя рядом с Эндику спокойно, поскольку был уверен в нём как в себе самом. Во время путешествия друзья многое поведали друг другу. Гильгамеш рассказывал истории, о которых узнал от ораторов, и даже высказал предположение о рождении Эндику. Эндику был удивлен и обрадован таким предположением, но в смиренной душе его не разыгралась гордыня.

Через несколько дней странствия, друзья подошли к горам Куньлунь, встречающим их непривычной тишиной и умиротворением. Покой нарушали лишь щебет птиц и шуршание кедровых веток высоко над головами. Не было даже следов диких животных. Атмосфера взывала к осторожности, и Гильгамеш, приложив палец к губам, попросил Эндику молчать. Подъем в гору оказался непростой,

*Гаруда — аппарат, предназначенный для полетов в пределах планеты.

но друзья в тишине преодолели все сложности и подошли вплотную к засекреченной базе нефилимов.

Через высокие каменные заборы ничего не было видно. Только страшное оружие с самонаводящимся прицелом перемещалось вдоль забора, выискивая движимые объекты. Теперь было понятно, почему здесь не было животных. Страшное оружие испепеляло неосторожных обитателей леса, перепугав их сородичей. Информация об опасном существе Кедровых гор сразу ушла в Коллективное Сознание многих видов, и никто больше не хотел приходить в гиблые места.

Хитроумное оружие создали нефилимы спустя несколько столетий после последних смещений полюсов, когда началась миграция лемурийцев, и многие из землян решили поселиться рядом с базой. Во избежание лишних контактов с землянами и было выставлено оружие, перемещающееся по периметру забора и стреляющее лазерными лучами по всем движущимся объектам, чей размер превышал беличий.

Спрятавшись за толстым деревом, Гильгамеш и Эндику притаились и задержали дыхание. Царь Му знал, что подобное устройство не только фиксировало движение, но и реагировало на повышенную температуру, исходящую от живых существ, и неприродные звуки. С тихим жужжанием орудие приблизилось к товарищам и замерло. Гильгамеш насторожился. По его примерным подсчетам, до лазерной установки было около шести метров, и нейтрализовать её было крайне неудобно, находясь на таком расстоянии. Он взглянул на друга. Тот стоял за деревом, широко открыв глаза. Дыхание его было тяжелым, и это могло доставить

большие проблемы. Едва об этом подумал Гильгамеш, как лазерные лучи, молниями сверкнув в темноте густых деревьев, срезали ветви. Повинуясь интуиции, Эндику присел, и луч срезал толстый ствол прямо над его головой. Спасая друга, Гильгамеш в ту же секунду выпрыгнул из-за дерева и, обойдя лазерную установку, нанес по ней удар ногой. От этого установка съехала с рельсов, и упала на землю. Подоспевший Эндику ударил по ней большим бревном с такой силой, что толстое бревно разлетелось в щепки. Послышался железный скрежет, раздался унылый свист, и грозное оружие пришло в негодность.

— Молодец, Эндику! — похвалил Гильгамеш. — Твой удар нейтрализовал лазер.

Эндику улыбнулся и попытался перелезть через забор.

— Ты куда? Давай попробуем пройти через ворота. Мы ведь не воры, — сказал Гильгамеш.

Еще раз взглянув на высокий забор, Эндику отошел назад, бросив это бесполезное занятие. Следуя за Гильгамешем в сторону ворот, он с опаской крутил головой по сторонам. Долго друзья шли вдоль забора, пока наконец не увидели высокую деревянную дверь на петлях. Это был не главный вход на базу и им редко пользовались. Он выполнял свои функции в те моменты, когда требовалось срочно покинуть пределы базы, а добраться до ворот не оставалось времени. Точно такой же вход был в каждой из четырех стен. Гильгамеш потянул на себя ручку, и дверь открылась. За высоким забором находилось несколько каменных строений. Одно из них было лабораторией, где нефилимы проводили эксперименты с ДНК. Второе — главным

домом, где жили нефилимы, а на крыше его была посадочная площадка для корабля. Назначения остальных строений Гильгамеш не знал.

Выйдя из тени высоких деревьев, друзья увидели, что сейчас день. Блуждая по темным лесам, они потеряли счет времени. Светило солнце, и дул слабый ветерок. Гильгамеш огляделся, но никого не увидел.

— Нам нужно добраться вон до того здания, — сказал Гильгамеш, указав пальцем на пирамидальное строение.

— Тогда давай лучше торопиться, пока нас не увидели, — ответил Эндику и побежал через открытую местность прямо к главному строению.

Сердце Гильгамеша дрогнуло в тревожном предчувствии. Он интуитивно повернул голову в сторону лаборатории и увидел показавшееся из-за этого строения страшное существо, подобия которому он не встречал прежде. Оно было похоже на быка, только в несколько раз больше размером, с неестественно развитой мускулатурой. Сознание Гильгамеша помутилось, и видимые образы замедлили свое движение. Услышав топот, бык побежал за Эндику. Царь Му криком предостерег друга об опасности и помчался за ним, готовый прийти на помощь, когда начнется схватка. Услышав его, Эндику обернулся и, увидев быка, резко остановился, приготовившись в поединку. Он слишком уверовал в свои силы после уничтожения лазерной установки и посчитал, что справится с результатом эксперимента нефилимов. Красные глаза мутанта смотрели прямо на Эндику, а изо рта брызгала пена. Гильгамеш спешил как мог, но бык оказался проворнее, чем предполагали друзья. Эндику увернулся от бегущего на него зверя, но мутант

изловчился, и рогом зацепил его живот. Атланта подбросило в воздух и перевернуло. Животное резко остановилось, подняв столб пыли, и, развернувшись, вновь побежало на лежащего Эндику. Гильгамеш в прыжке выдернул друга из-под копыт бегущего чудовища и, аккуратно положив на землю, приготовился отбивать следующую атаку. Животное вновь развернулось и побежало на Гильгамеша. Резко отскочив в сторону, правитель Му ударил животное в горло. Удар в незащищенное место был очень болезнен, и вызвал болевой шок. Пользуясь моментом, Гильгамеш отважно прыгнул на спину животному и вцепился ему в горло, пытаясь вырвать кадык. Что-то щелкнуло в кулаке Героя, и страшное животное замертво рухнуло наземь.

Из раны Эндику сочилась кровь, но на лице не было и следа страдания. Он лежал и радовался победе друга. Рана была серьезной. Рог животного пропорол кожу, пробил печень, желудок и селезенку. Гильгамеш понимал, что ранение серьезное, и мысли вихрем закрутились в голове. Он не мог решить, продолжать идти к цели, ради которой задумывалось путешествие, или не рисковать жизнью друга и вернуть его домой.

За время похода с Эндику Гильгамеш понял, что обрел настоящего друга. Оба были готовы умереть друг за друга. Желание достичь поставленной цели ушло на второй план, и вперед выступила забота. Представив, что может потерять Эндику навсегда, Гильгамеш вцепился руками в волосы, и страшно закричал.

— Все будет хорошо, — прошептал он Эндику и, подняв на руки, понес его к гаруде.

— Мы ведь еще не заполучили секреты нефили-

мов, — сказал Эндику.

— Ничего страшного, друг. Мы за ними сюда еще вернемся, — ответил Гильгамеш. — Вместе вернемся.

Гильгамеш прошел не через одно сражение и разбился в ранениях. Эндику же не понимал всей серьезности своего положения, и поэтому страха и отчаяния не было в его глазах.

Несколько дней Гильгамеш нес друга без остановки, пока не дошел до гаруды. Раскидав ветки, прикрывающие корабль, он положил Эндику внутрь и уже был готов закрыть за ним дверь, как остекленевшие глаза друга заставили его остановиться. Ком подкатил к горлу, и обида захлестнула слезами. Упав на колени, царь обхватил мертвое тело друга и зарыдал. Много товарищей потерял он в войнах, но такого горя не испытывал. Оно сводило с ума и мутило сознание. Сквозь болезненный мрак пробился чей-то голос, доносившийся из-за спины. Гильгамеш обернулся — перед ним стоял нефилим. Горе подавило инстинкт самосохранения. Гильгамеш не испытал даже страха в тот момент.

— Кое-как я нашел тебя, — сказал нефилим, назвав его по имени. — Что привело тебя сюда?

— Главное-то, что меня уводит отсюда, — ответил Гильгамеш, и вытащил тело друга из гаруды. — Оживи его. Ведь в тебе есть сила бога, — взмолился он.

— Я не могу.

— Почему? Ведь ты наш создатель. Тебе подвластен секрет вечной жизни.

— Во-первых, землян создала наша раса, а не я. А во-вторых, есть Законы, которые не позволяют мне воскре-

шать. Если Бог дает жизнь существу, то Он и забирает её в нужное время. Твой друг вызрел и обрел необходимый опыт. Больше от этой жизни он ничего не мог получить. Но ты не волнуйся. Если захотите, вы еще встретитесь в следующих жизнях. А пока знай, что он прожил эту жизнь не напрасно. Жизненная цель каждого существа сводится к тому, чтобы оставить после себя «заряд», быть примером для остальных, стать для других живых существ примером для подражания. Если уж ты, великий царь Гильгамеш, так оплакиваешь этого атланта, значит, он прожил не зря и оставил след в душах тех, с кем встречался на жизненном пути, — ответил нефилим.

После сказанных слов Гильгамеш почувствовал себя спокойнее. Помутнение рассеялось, и голова начала мыслить трезвее. Нефилим был прав. Его друг Эндику прожил светлую жизнь и совершил много великих поступков. Пусть он прожил в деревне и не видел развлечений, но та жизнь в лесу среди животных доставляла ему удовольствие. Даже совсем недавно в Му, на пиру в честь предстоящего путешествия, впервые познав хмельные напитки и женщин, он не был очарован ими и поспешил вернуться в родную среду.

— Как тебя зовут? — спросил Гильгамеш создателя.

— Мое имя будет тебе непонятно, поскольку прозвучит непривычно твоему уху. Но земляне именуют нас по нашим рангам. Так что называй меня Энлиль, — ответил нефилим. — Лучше скажи мне, зачем ты вторгся без разрешения на нашу базу, разрушил установку и убил животное.

— Мы хотели разгадать секрет межпланетных путешест-

вий и познать то, что является непостижимым для простых смертных, а вместо этого я потерял друга.

Услышав это, Энлиль рассмеялся.

— Зачем тебе знать секреты межпланетных путешествий? Ваши ученые уже вплотную подошли к разгадке. Зачем тебе знать секреты смертных, если земляне такими не являются? Ты удивляешь меня, Гильгамеш.

Слова о бессмертии землян не произвели на правителя никакого впечатления, поскольку глаза его видели смерть и разум отказывался принимать иное. Эти слова прошли мимо, не оставив почвы для размышлений.

— Что касается остальных «непостижимых» секретов, то слишком уж ты далеко зашел, — продолжал нефилим. — Ответы находятся внутри каждого из вас, и никто кроме вас самих, не сможет поведать об этих явлениях. Ищи ответы на Вселенские Законы и Законы Жизни внутри себя!

Грустно было на сердце у Гильгамеша. И хотя перед ним стоял создатель, он желал одного — поскорее покинуть это место, навсегда забравшее жизнь Эндику. Извинившись, Гильгамеш положил тело друга в гаруду и улетел. Пообщавшись с высокоразвитым существом, Гильгамеш почувствовал, что обрел мудрость, чуждую до этого момента, однако легче ему не стало.

Встретившие своего правителя жители Му увидели его скорбный лик и сразу поняли, что произошло несчастье. Когда тело Эндику извлекли и подготовили к погребению, Гильгамеш рассказал всем присутствующим о путешествии и подвигах Эндику. Он сделал все, чтобы о безвременно ушедшем друге слагали легенды и пели в память о

нем гимны. Эндику достоин этого, как никто другой.

Несколько дней провел Гильгамеш в одиночестве. Не хотелось ему пиров и разврата. Все больше думал он об Эндику и его образе жизни. Так где же настоящая жизнь? Здесь, среди технических устройств и чумного пира? Или там, в лесах, где воля и покой? Но, так или иначе, а природа смогла взрастить такого великого атланта как Эндику, а значит, она и есть настоящая. Сила и знания друга были настоящими, естественными, взяты у природы. Их он впитывал из самой жизни, они не были украдены или подслушаны. Чувствовал Гильгамеш, что устал от правления, что надо переосмыслить прожитое. Возложив все государственные дела на своих заместителей, он ушел в лес, подальше от людей. Неприятен ему стал шум городов и конфликты собратьев. Природа, её мудрость и тишина стали ближе сердцу.

Долго брел Гильгамеш на запад, вглубь континента. По-новому видел теперь он окружающий мир. Жизнь и смерть Эндику заставили иначе взглянуть на привычные вещи, сменить приоритеты. Гильгамеш чувствовал живое дыхание природы и радовался каждому её проявлению. Но чужим пока он был в этом лесном мире. Прошло недостаточно времени, чтобы все вибрации выровнялись и животные стали чувствовать исходящую Любовь. Накопившиеся за многие годы эмоции и стереотипы, направленные на разрушение, оставляли свой след в вибрациях. Выйдя из прохлады деревьев, Гильгамеш увидел льва и львицу, нежащихся под лучами солнца. Радость наполнила сердце и обволокла теплом. Забыв об опасности, направился Гильгамеш прямо к ним. Почувствовав приближение

чужака, лев вострепнулся и вскочил на лапы. Лев улавливал прошлую агрессию стоящего неподалеку существа, несмотря на Любовь в его сердце и доброту, и опасался нападения. Гильгамеш приговаривал добрыми словами львов, но те его не понимали. Любовь затуманила разум, и вытеснила прежнюю агрессию и всегдашнюю готовность к бою. И когда он сделал еще один шаг вперед, лев совершил прыжок. Рефлекторно сильные руки сомкнулись на звериной шее. Раздавшийся хруст пробудил прошлые эмоции, и ярость наполнила грудь. Сбросив с себя мертвую тушу, Гильгамеш кинулся на львицу, предупреждая атаку. Когти в кровь царапали грудь, но ушедшее на задний план сознание этого не замечало. Герой размыкал челюсти, готовые с лязгом сомкнуться. Вновь раздался хруст, и нижняя ослабевшая челюсть животного упала в руки. Страшный крик облетел лес, и вырвавшаяся львица побежала прочь.

Уставший Гильгамеш сел на корточки и, закрыв лицо руками, заплакал. Как же больно было осознавать, что вновь руки его окропились кровью. Одно было утешением: львы первыми напали на него, и ему пришлось обороняться. Горький осадок в груди не оставлял его несколько недель, пока чувство Любви к природе не воспылало в нем с новой силой.

Много лет Гильгамеш отшельником странствовал по свету, прислушиваясь к своему внутреннему миру. Все чаще он убеждался в божественной нити, пронизывающей все живой на планете. Когда внутренний мир его созрел, распахнул свои бесконечные просторы, Гильгамеш почувствовал, что пора возвращаться домой, и брать бразды правления в свои руки. Развитие внутри впоследствии

порождает развитие наружу.

Вернувшегося царя не узнавали в родном Му. Он стал другим. Прежде угрюмое, его лицо просветлело, а жестокий характер сменился созидательным. Мир и порядок, добро и Любовь воцарились в Му с возвращением Гильгамеша. Природа вернула его к естественному состоянию Любви, а он, за счет своей власти, передал её жителям своего государства. Одна судьбоносная встреча в корне изменила его душу и вернула в состояние блаженства. Не было больше в истории Атлантиды правителя, с которым произошли такие метаморфозы и который отныне нес своему народу добро и Любовь.

.....

Спустя столетие после странствий Гильгамеша, пространство ночной Атлантиды содрогнулось от постороннего вмешательства. Вознесенные Учителя и ирви вострепнулись, и каждый по-своему начал изучать ситуацию. Вторжение оказалось столь грубым и насильственным, что его ощутили все. Ирви первыми поняли, что происходящее связано с пустующим энергоцентром, и направили к нему летательные аппараты. Полетом руководил лично Амит — лидер ирви. Прибыв на место, они обнаружили, что источник вторжения еще не достиг цели, но пространство содрогается от его приближения. Они затаились в густом лесу и стали ждать гостей. Скоро из пространства вышло существо. Не зная, как себя вести, Амит решил дождаться кого-нибудь из Вознесенных Учителей и выйти к гостю. Первым на место прибыл Ай. Вместе, Амит и Ай, вышли из леса и пошли на встречу. Ночь была темная,

но луна ярко освещала землю. Увидев направляющихся к нему землян, пришелец начал разговор, не дожидаясь вопросов.

— Мы существа из далекого прошлого, когда вас еще не было. И будем жить здесь, хотите вы этого или нет, — сказал он.

Атланты не смогли ничего возразить, но Амит хотел уже что-то сказать, как в пространство вновь произошло вторжение, и появилось еще несколько существ.

— У вас есть разрешение от Галактического Совета на прибытие сюда? — спросил Амит.

— Оно нам не требуется, — как бы между прочим ответил один из пришельцев, проходя мимо.

В его словах чувствовалась странная вибрация, лишенная эмоционального фона.

Атланты и иври развернулись и ушли прочь. Всех иври больно кольнула обида, а атланты и не поняли, что пришельцы вторглись в их дом, даже не спросив у них на то разрешение. Горделивость была в них в зародышевом состоянии. Вернувшись на свои места, иври долго строили предположения относительно появления незваных гостей, но ни одна из рас не совпадала с их образом. Только атланты, со своим правосторонним восприятием мира, поняли, что это гости с планеты Марс. Остальное было слишком сложно для их понимания, и сознанию атлантов больше ничего не открылось.

Марсиане пришли в третье измерение Земли из четвертого измерения, где их души также имели тела. Прибыв в плотный мир, их тела начали деформироваться, принимая новый, приспособленный для существования облик.

Трансформация была болезненна и быстротечна. Какие-то элементы тела менялись сами собой, а какие-то марсиане изменяли намеренно, проводя над собой эксперименты. Так или иначе, но скоро внешне они стали схожи с остальными землянами. Но это вызвало новую проблему для марсиан: не умея чувствовать внутреннюю составляющую, они не могли отличить самих себя от остальной массы атлантов. Решением этой проблемы стало изменение ДНК, что привело к смене цвета кожи на красный.

Несколько лет марсиане вели себя тихо, и их поведение не вызывало нареканий. Они расселялись вокруг энергоцентра и строили сооружения. Площади Атлантиды хватало всем — и атлантам, и иври, и марсианам. Численность последних была мала в сравнении с атлантами — всего около четырех тысяч против миллионов. Они не контактировали с землянами, но в редкие моменты общения вели себя высокомерно. Много времени иври и Вознесенные Учителя проводили в наблюдении за расширением владений марсиан. Территория их росла, хотя численность жителей увеличилась ненамного. Они создавали аппараты, логико-технические принципы устройства которых были не понятно атлантам. Атланты же строили свои корабли на базе Сакральной Геометрии и правополушарных технологий и приводили их в движение за счет психической энергии и работы шишковидной железы. Устройства марсиан приводились в движение с помощью сложных механических связей. Только иври понимали, что техника эта носит совсем не мирный характер. Их левополушарное восприятие мира позволяло распознать отдельные фрагменты увиденных конструкций, хотя они и не могли создать

подобное из-за своего низкого развития. Иври стояли на несколько ступеней развития выше атлантов, однако и они были подобны недоразвитому ребенку, когда сталкивались с марсианами, намного опережавшими их и в развитии своей технократической цивилизации и по уровню сознания в целом.

Жажда власти и господства над новой родиной никогда не исчезала у марсиан с момента прибытия. Все это время они в построенных лабораториях, на заводах и фабриках восстанавливали свое военное величие, чтобы провести массивную атаку на остальные девять поселений и установить свое господство над Атлантидой. Их сознание не знало ничего другого кроме власти, и эгоистические мотивы опять взяли вверх. Марсиане не хотели договариваться и идти на компромиссы с существами, для которых эта планета была домом еще задолго до их появления. Уверенные в своем техническом превосходстве, марсиане решили силой завладеть материком. Они развязали войну, рассчитывая, что это будет краткая победоносная кампания.

Девять космических кораблей с пятью сотнями марсиан приближались к городам атлантов. Спавшие земляне даже не подозревали о предстоящем вторжении и радикальном изменении всей жизни. Сгустившаяся ночь скрывала от них приближающуюся угрозу. Бесшумно корабли приблизились к окрестностям городов и разгрузились. Большой отряд марсиан под руководством генерала растянулся в длинную шеренгу и пошел прямо через город. Передернув затворы строй быстрым шагом двигался в центр. На пути у него появились два мирно сидящих атланта. Не заду-

мываясь, марсиане нажали на курки, и кровь окропила зеленую траву. От выстрелов вскочили спящие атланты, и пространство пронзил вопрос: «Что это было?». Мгновенно поняв, что несколько из собратьев погибли, атланты остолбенели. Для них это было ново и чуждо. Даже старшее поколение, пользовавшееся авторитетом из-за многих прожитых лет, не помнило ничего подобного. В памяти атлантов не прижились моменты со времен Каина, когда один поднимал руку на другого. Весь их мир был насыщен розовыми красками и беззаботным счастьем. Однако выстрелы разом изменили многое.

Тем временем отряды продолжали двигаться вперед. Удивленные атланты выходили из своих домов и падали под градом пуль, прибывших из прошлого гостей. Гремели выстрелы из крупнокалиберного оружия, раздавались взрывы. Десятками земляне падали на родную землю. Без каких-либо эмоций, лишь выполняя поставленную задачу, марсиане двигались сквозь города, истребляя проснувшихся местных жителей. Они забегали внутрь домов и расстреливали спящие семьи.

В это же самое время отряд вооруженных марсиан проходил и через город иври Сионис. Иври сразу поняли, что происходит, поскольку в их духовном опыте прошлых земных жизней подобное совершалось неоднократно. Войны, восстания, вооруженные конфликты — все это было им знакомо. Запрыгнув на несовершенную, по меркам марсиан, технику, они кинулись в бой. Хрупкие космические корабли были уязвимы перед оружием марсиан, и пробитые пулями, они с грохотом падали вниз, разбиваясь вдребезги. Багровая кровь текла рекой.

Самый большой отряд был высажен рядом с Халидокеан. Марсиане знали о главенствующем положении этого города и видели в нем главную цель. Они двигались вперед, убивая всех попадающихся на пути. Первостепенной целью был главный храм из белого мрамора, являющийся для жителей города святыней. Его уничтожение вызвало бы у землян психологическую подавленность. Подходя к нему, марсиане разрушили несколько покрытых малахитом трехступенчатых пирамид и октаэдрообразных зданий. Беспрепятственно дойдя до цели, нападающие направили тяжелые орудия, и большой шарообразный храм из белого мрамора, всегда блестящий под лучами солнца, разлетелся в разные стороны, как уроненный на пол глиняный кувшин. Драгоценные камни, покрывавшие стены изнутри, разлетелись на многие сотни метров вокруг. Слезы покатались из глаз Тоума, когда он увидел падение своего дома.

Уже через час безответной атаки были убиты сотни тысяч атлантов. В панике они начали прятаться в лесах и пещерах, надеясь спастись от кровавой резни. Им было страшно смотреть на все это. Если поначалу атланты не испытывали никаких ощущений перед смертью и не знали страха перед болью, то теперь, почувствовав боль от пулевых ударов испытываемых собратьями, каждый атлант сохранил в себе эти ощущения и боялся прикосновения странного маленького предмета к своему телу.

Страшные ощущения переживали и иври. Несмотря на численное превосходство, несовершенство техники делало их уязвимыми перед врагом. Однако они пытались оказать сопротивление. Марсиане не ожидали, что кто-то

из атлантов откроет по ним огонь, поскольку для них и иври и коренные атланты были одной внешности. Эта внезапная атака удивила их.

Свобода и само существование атлантов и иври висели на волоске. Понимая, что нужно срочно предпринимать какие-то действия, Амит связался с Айем. Почти в то же мгновение Вознесенный Учитель возник перед ним.

— Наша общая свобода в опасности, — сказал иври. — Марсиане хотят захватить власть над планетой и не остановятся ни перед чем. Ваши атланты не смогут противостоять им. Они слабы и ничего не знают о войнах.

— Но мы не можем оставить все как есть, и позволить событиям развиваться самостоятельно, — ответил Ай. — Я полагаю, что сейчас необходимо вмешательство Вознесенных Учителей.

— Сейчас наше единственное спасение заключается в объединении.

— Что ты предлагаешь?

— Мне нужно пообщаться с главами городов.

— Хорошо, — согласился Ай и телепатически связался с друзьями.

Перед Амитом в своих физических телах возникли Ильтар, Тоум, Арлих и Ра.

— У марсиан техническая оснащенность лучше нашей, — начал Амит. — Но у нас есть одно преимущество. Это численность. Мы должны духовно объединиться, наши силы должно укреплять чувство взаимовыручки. Только это поможет дать им отпор. Жителям моего города давно знакомы ощущения насилия, и они сразу оказали

сопротивление, что ввергло наших врагов в шок. Если вы научите своих собратьев, как себя вести, то внутренний настрой каждого усилит общую веру в собственные силы, и мы сможем оказать сопротивление.

— Наши собратья не знают, что значит убивать. Они миролюбивы. В их сознании не заложены термины «причинение боли» и «убийства», — сказал Тоум.

— Хорошо, но сейчас каждый из них испытывает боль сам или чувствуя страдания близких ему существ. Пусть они вспомнят инстинкты самосохранения. Только объединившись, они смогут лишиться себя этих страданий.

— Я согласен с Амитом, — сказал Ай. — Если мы этого не сделаем, то погибнем.

— Медлить нельзя, — сказал Амит. — Нужно срочно призвать жителей наших городов встать на защиту друг друга. Атланты физически сильны. Пусть они вцепляются в своих обидчиков, пусть бьют их палками, пусть закидывают камнями, рвут на части, причиняют боль. Любыми способами причиняют ответную боль. А иначе мы все погибнем.

Вознесенные Учителя переглянулись и исчезли. Амит понял, что сейчас они дадут указания своим собратьям. Связавшись с приближенными, он передал разговор, и, заручившись поддержкой, иври перешли из обороны в наступление.

Отступление — смерть. Лишь атака способна ослабить яростный пыл нападающих.

Призыв к братьям был разослан по энергетическим каналам связи, и атланты, неумело, но отчаянно, начали защищаться. Они прыгали с деревьев на головы

врагов. Вцеплялись в них зубами. Бросали большие камни. Душили.

Иври пытались окружить марсиан и поразить своим несовершенным оружием в спины. Это было подло, но результативно. Один отряд врагов иври взяли в кольцо и расстреляли перекрестным огнем. В панике марсиане кричали и пытались спастись, но все остались лежать на земле.

Неся потери, генерал марсианской армии приказал начать отступление от Сиониса, и солдаты побежали к кораблю, продолжая падать от выстрелов в спину. Иври поднимали оружие врагов и начинали стрелять уже из него.

Атакующие остальные города марсиане были поражены внезапно сменившейся обстановкой. Тысячи атлантов прыгали на них с деревьев, с крыш зданий и разрывали их тела на части. Атлантами двигал страх перед болью, и этот страх делал их злыми. Нападая, они защищали себя и своих близких. Телепатически Ай передал им информацию об использовании оружия марсиан, но не научил, как это делать. Схватившие его атланты, не поняв принцип действия нового для себя устройства, стреляли наугад, часто калеча и убивая собственных братьев. Страшные переживания испытывали атланты от происходящего.

Вторгнувшиеся на территории чужих городов марсиане начали понимать несостоятельность идеи маленькой победоносной войны. Неся потери, они бросались в сторону космического корабля, не дождавшись приказа. Это трусливое бегство нападавших обрадовало Вознесенных Учителей, атлантов и иври. Атланты хлопали в ладоши, радуясь

как дети.

Война стоила сотням тысячам атлантов и иври жизней. Еще ни разу за весь Эксперимент Игрок не осуществлял такого массового переселения душ одновременно. Не знавшие до сих пор боли земляне познали теперь горечь утрат, а Вознесенные Учителя пожалели о своем поступке. «Лучше бы атланты развивались самостоятельно, без помощи искусственного подъема сознания, за счет проекции Древа Жизни», — думали они. Несостоявшаяся победоносная война заложила зерно конфликта, сопротивления в душах атлантов, и даже признание своего поражения марсианами и заключенное мировое соглашение не успокоили их. Конечно, они были рады тому, что снова пришел покой в их дом, но радость эта была с внутренним неприятным осадком и осознанием своей уязвимости перед соседом.

В сложившейся ситуации состоялось объединение иври с атлантами. Понимая, что от марсиан исходит угроза, иври стремились к тесному общению с атлантами. Объединение с ними играло на руку иври. Атланты были многочисленны, но наивны, и эта очевидная наивность помогала иври в управлении ими. Под предлогом активного обмена технологиями руководство иври решило сделать из атлантов штурмовую пехоту. Все переговоры проходили на уровне глав городов и под бдительным вниманием Вознесенных Учителей, по-прежнему ведущих за собой землян. Ай и Тоум, бывшие тогда руководителями атлантов, чувствовали корыстную подоплеку в идеях иври и осознанно пошли на выдвинутое предложение, понимая, что по-другому им будет очень тяжело. Амит давил на то, что заключенный

с марсианами мир в силе до тех пор, пока те не изобретут более совершенное оружие. А когда это произойдет, инопланетяне пренебрегут данным обещанием и осуществят очередную попытку захвата власти и порабощения землян. Таким образом, всегда открытым, искренним атлантам пришлось ввязываться в первые политические игры, отличающиеся подлостью, грязью и безнравственностью.

В результате короткой войны все города Атлантиды оказались разрушены в той или иной степени. Центральный город Халидокеан, самый большой и красивый, превратился в руины. Под обломками храмовых стен лежали безжизненные тела атлантов. Вершины октаэдрообразных дворцов были снесены, а учебные заведения из лавы, которые украшали драгоценные камни, стали развалинами. Города невозможно было узнать. Они стали серыми и безжизненными. Негативная энергия боли, страха и разрушения окутала некогда миролюбивые земли.

Несколько лет атланты и иври сообща восстанавливали города, используя лево- и правополушарные технологии. Были воздвигнуты высокие стены вокруг каждого поселения. В результате возникла новая, более совершенная архитектура, основанная на тех же принципах, но с использованием большего количества драгоценных камней и металлов. Инициаторами возведения этих величественных зданий были иври, знавшие вкус дороговизны и помпезности. Вместо разрушенного белоснежного храма из мрамора в центре Халидокеан поставили подобный храм, округлой формы, покрыв снаружи лазурной плиткой и усеяв изнутри сотнями тысяч агатов, сапфиров, алмазов. Купол храма венчал золотой диск, а новое название было

«Инкал».

Разрушение городов послужило толчком к развитию совместных технологий, и со временем на свет появились более совершенные, чем прежде, гаруды и валиксы*, основанные на принципах Сакральной Геометрии. Эти аппараты использовали для полетов энергию кристаллов, а некоторые конструкции приводились в движение силой мысли. Все они были бесшумными и экологически чистыми. Совместные исследования помогли выявить новые источники энергии, которые использовались в дальнейших разработках. Это солнечная энергия и энергия магнитного поля Земли. Производство летательных кораблей заставило осуществить строительство небольших космопортов рядом с каждым городом. Из поколения в поколение города Атлантиды преобразовывались, становились краше и величественнее. Все больше времени основная масса атлантов проводила за изучением левополушарных технологий и физических явлений.

Атланты стариков своих уважали. Чем старше был атлант, тем соответственно более уважаем. Пока одно поколение сменяло другое, атланты рождались и умирали, Вознесенные Учителя продолжали жить. Много времени они проводили в тонких мирах и вдали от посторонних глаз. Лишь верховные наставники храмов и городов чаще остальных пребывали в физическом мире, помогая собратьям в их росте. Они видели, как иври и марсиане одновременно, но каждый в своих целях, постепенно внедряют новые технические устройства и прогрессивные формы государственности, однако оставляли это без внимания.

*Валикс — аппарат, предназначенный для межпланетных перелетов.

Они не кричали во всеуслышание о бездуховности этих явлений и тем более не устраивали войн, а делали свое дело, не лишая атлантов свободы выбора. Учителя знали об эволюционном пути землян, который должен был быть тернист и обманчив.

Среди всех Вознесенных Учителей особым уважением пользовался Арлих Вомалитес, сын Тоума. И когда марсиане решили создать единое правительство в Атлантиде, он своей смышленостью добился назначения на должность верховного правителя. Путь к этой цели был сложен, но, заручившись поддержкой атлантов и Учителей, Вомалитес добился своего, обойдя одного из марсиан, тоже стремившегося стать верховным правителем. После прихода к власти Арлих настоял на сохранении храмов и жречества, однако встречным требованием марсиан было назначение их представителей на все остальные руководящие посты.

Строя политическую систему, основанную на либерализме, марсиане постепенно внедряли свои технологические разработки, прикрываясь желанием помочь землянам. Они говорили, что теперь они братья атлантов и все являются жителями одной страны, а поэтому пекутся о благополучии всего народа. Наивные атланты верили и с удовольствием пользовались новыми разработками. Для марсиан ложь стала привычным явлением, с помощью которого они искусно внедрялись в жизнь землян. Не было настоящей, искренней дружбы между красными атлантами и существами, для которых Земля была родным домом, несмотря на внешнюю близость в отношениях. Красные атланты были хорошими актерами, умеющими вводить в заблуждение. Они навязывали дружбу, не зная что она есть на самом

деле. Внешне были открытыми, а в действительности выуживали интересующую информацию.

Из регулярного общения сами атланты нового о своих псевдо друзьях узнавали не много. Так, во время одной из бесед иври по имени Хоэм узнал у марсианина причину их прилета на Землю, состоявшегося много тысячелетий назад.

— Откуда вы прибыли на эту планету? — спросил Хоэм однажды ночью у товарища, с которым вместе дежурил и следил за ходом одного эксперимента.

— С Марса, — спокойно ответил тот. — Мы были участниками одного из Экспериментов, подобного тому, что сейчас здесь осуществляет Люцифер. Но наша затея провалилась.

— Почему вы выбрали именно Землю? — спрашивал Хоэм, в глубине души надеясь, что гости все-таки покинут их планету.

— Во-первых, это самая близкая к нам планета, а во-вторых, и это самое главное, Земля очень похожа на Марс той эпохи, когда мы его разрушили. Случилось это около девятисот тысяч лет назад. У нас была почти такая же живописная природа. И хотя нам всем она безразлична, мы просто хотели увидеть что-то подобное.

— Тот Эксперимент, в котором вы принимали участие, провалился по вашей вине?

— Не только. Вообще, любой Эксперимент — это тест, целью которого является проверка в действии заданных принципов и параметров. Наш Эксперимент привел к полному хаосу во Вселенной, и большинство планет оказались разрушенными в результате войн. Марс не

стал исключением. Некоторые сумасшедшие у нас на планете, подобные здешним Айям, Тоумам, Арлихам, говорили что это произошло из-за наших попыток изменить мир — подчинить его технократии и удалить от Божественной Природы. Но ведь мы-то с тобой понимаем: всему виной стало чрезмерное развитие вооружения. Можно подумать, что если бы мы строили свое существование по Законам Природы, основываясь на пресловутом чувстве Безусловной Любви, то этого не произошло бы. Интересно, те сумасшедшие сами-то хоть знали, что представляет из себя Любовь?

Хоэм промолчал. Он понял единственную проблему марсиан, и заключалась она в их черствости и чрезмерной логичности. Они не умели испытывать чувств радости, Любви, сострадания, не умели переживать, а значит, только существовали, опустившись до уровня инстинктов. Ими владели лишь эгоизм и стремление к власти. Именно жажда власти была в них на первом месте, и именно ею они руководствовались при осуществлении своих целей. Только технологический прорыв интересовал их. Хоэму стало страшно, когда он понял, на что способны эти холодные пришельцы, и мурашки пробежали у него по спине.

— А как вы осуществили перемещение на эту планету, если вы из далекого прошлого? Вы тоже не смогли осуществить Переход? — перевел разговор в другую плоскость Хоэм.

— Переход здесь абсолютно ни при чем. Мы построили искусственную Мер-Ка-Ба в планетарных размерах, создав из неё пространственно-временную машину. В самый последний момент, перед тем как появилась серьез-

ная угроза уничтожения нашей планеты, мы стали в срочном порядке искать место, куда могли бы перенестись и выжить. Именно так мы увидели пустующий энергоцентр на Земле.

— Ваша планета была густо населена?

— Да. Я бы даже сказал о её перенаселении, но не у всех была возможность переместиться на другую планету. Это стало привилегией избранных из высших слоев общества, — ответил марсианин.

— А что стало с теми, кто остался?

— Все оставшиеся на Марсе погибли, — спокойно ответил марсианин.

.....

Техническое развитие стремительно шло вперед, оставляя позади совершенствование психических и личностных способностей. Атланты даже забыли, как обогреть себя во время ночной прохлады и темноты. В результате этого им пришлось изобретать альтернативные источники тепла и света, что привело к разработкам электричества.

С грустью Арлих Вомалитес и другие Вознесенные Учителя наблюдали за добровольным порабощением собратьев. Все меньше народу приходило в храмы в поисках Знаний, и все больше землян, увлеченных новыми разработками, занимались бездушной наукой. Арлих знал, что и посредством логики можно добиться совершенства в строительстве городов, летательных аппаратов и всего остального, но только все это было лишено Божественного начала.

Как известно, придерживаться золотой середины на

практике очень сложно, и это влечет к «стягиванию» на одну из сторон. Так произошло и с атлантами. Погружаясь в науку, они постепенно начинали забывать о своем внутреннем потенциале. Происходила подмена: природные задатки оставались не востребуемыми, земляне попали во власть машин. Их сознание постепенно становилось «мужским», и левое полушарие атрофировалось, а вместе с этим исчезали и многие врожденные умения. Прошло много тысячелетий с момента несостоявшейся победоносной войны марсиан, и атланты утратили способность к перемещению предметов на расстоянии, к яснознанию, к передаче мыслей на расстояние. Телепатическое общение исчезло, вместе с атрофированием шишковидной железы, и на его место пришла агглютинативная речь*, которая лишь со временем усовершенствовалась и стала инфлекционной*. Прогрессировали технические устройства, развивалась наука, и тем глубже, в беспросветную бездну падали психические способности, данные изначально Природой, богами и Высшим Разумом. Иными словами, атланты поддались на провокации марсиан и стали зависимы от их технологий, то есть уже не могли выжить без техники и науки.

Лишь небольшой процент жителей Атлантиды остался верен своему Природному началу и Знаниям Вознесенных Учителей. Остальные же видели в Арлихе Вомалитесе лишь верховного правителя, принимающего политические решения, но не духовного лидера. Те, кто не поддался иллюзорному совершенству технократического мира,

*Агглютинативная — примитивная речь.

*Инфлекционная речь — высокоразвитая речь, ставшая родоначальницей санскрита.

молча хранили свои навыки, совершенствуя их и передавая потомкам и ученикам. Было опасно для жизни говорить вслух о природных способностях, ибо марсиане всячески пытались известить всех, кто противоречил им, увидев их истинную внутреннюю сущность, и мешал воплощению первостепенного замысла.

Больно было смотреть, как некогда единое общество начинает делиться на классы. Верхние ступени в нем в основном занимали атланты марсианского происхождения. Средние — атланты и иври, ставшие опорой науки и её двигателем. А низшим слоем оказались все остальные атланты. К нему относили и атлантов, помнящих о своей первостепенной природной составляющей — их считали сумасшедшими. Роль представителя среднего класса была проста — они являлись примером для подражания. Сюда входили наиболее образованные члены общества, деятели науки. На эту ступень нужно было стремиться подняться низшему слою.

Марсиане пытались не только завладеть сознанием атлантов, но и сравнить их между собой, вызвать междоусобицы и конфликты. Одним из методов было узаконивание рабства. Арлих и остальные Учителя боролись с этим варварским явлением, как могли, но большинство жителей Атлантиды почувствовали вкус власти, и не поддержали своего правителя. Таким образом беззаконие, сопутствующее обществу рабов и господ, было приведено в жизнь, и конфликты вспыхнули еще ожесточеннее.

Не покладая рук рабы трудились на фермах, служили в домах влиятельных атлантов, занимались ремеслами, день и ночь работали в полях, выполняли всю самую сложную

физическую работу на заводах и предприятиях, в то время как остальные пожинали результаты их трудов.

Созданная в Атлантиде политическая система стала не чем иным, как рабовладельческим строем, но марсиане стремились к ней и теперь, достигнув своей цели, чувствовали себя комфортно, на своем месте. Средний класс тоже был доволен положением дел и всеми способами пытался возвысить себя, не обращая внимания на страдания остальных. Погружаясь в материальный мир удовольствий, представители этой части общества, забывали о чувстве сострадания, любви, взаимовыручки. Все это тонуло в ярких красках эгоизма и страстей.

Если две обезьяны дерутся между собой за банан, третья, как известно, выжидает, пока они перебьют друг друга, чтобы потом без лишних энергозатрат завладеть фруктом. Внутренние конфликты и столкновения интересов поставили под вопрос главенствующую роль землян на планете, и на неё стали претендовать самые развитые представители животного царства — динозавры. Они хотели доминировать на планете, а не находиться в тени атлантов. Тот же эгоизм, желание править и принимать важные планетарные решения были первопричиной их агрессии. Для осуществления плана им требовалось захватить энергоцентры Атлантиды и поселиться рядом с ними. Обретение контроля над Древом Жизни обеспечило тотальный контроль над всей Землей.

Долго динозавры выжидали подходящего момента для атаки. И только когда возмущение в обществе достигло апогея, животные пошли в наступление. Огромные полчища ящеров шли сквозь южный город Альту, как когда-то это

делали марсиане. Только сейчас атланты уже не помнили о телепатическом общении, и жители других городов не смогли в тот же момент узнать о нападении. Динозавры были физически сильнее атлантов и лучше организованы. Землян же подвело отсутствие дисциплины и утерянное чувство взаимовыручки. Завидев большую армию зверей издали, жители Альты в панике разбегались.

Отделившись от остальной массы, четыре тираннозавра кинулись на застывших в ужасе атлантов. В несколько прыжков преодолев полсотни метров, они разорвали их на части и, перепачканные кровью, вернулись в строй. Запах крови сводил с ума, и животные, впадая в боевой транс, озлоблялись еще больше. Им хотелось убивать жестоко и мучительно. Улавливая страх, ярость волнами накатывала на помутившееся сознание, и безнаказанность дурманила голову. Жители города пытались скрыться внутри строев, но идущие в конце отряда брахиозавры рушили здания своими многотонными телами. Тысячи атлантов оставались погребенными в руинах, когда беда, казалось, уже прошла мимо.

Несколько часов армия двигалась к центру большого города, разрушая все на своем пути. Дойдя до энергоцентра, один отряд расположился рядом с ним, а другие же, опьяненные жадой крови, пошли дальше, разрывая на части и топча попадающих на пути.

За два дня город полностью был взят под контроль и окружен. Динозавры хотели уничтожить всех жителей этого южного города и только потом двинуться дальше, чтобы захватить новые города. Лишь немногим атлантам посчастливилось покинуть пределы города незамечен-

ными. Их дом был подконтролен животным, и оставаться там больше было нельзя. Опасаясь преследования, жители Альты садились в лодки и спешно уплывали в дальние земли, где когда-то давно обитали их предки, уцелевшие после затопления Лемурии. Теперь тонкая полоска Южной и Центральной Америки приютила их своим климатом.

Новость о нападении динозавров на южный город дошла до Халидокеан лишь через несколько дней после внезапной атаки, несмотря на развитость технологий. Один из атлантов-ученых сумел добраться до вещательного центра и, починив разрушенную рацию, сообщил об опасности. Зато после получения данных в главном городе всей Атлантиды новость быстро долетела до Пеоса и Сас, близлежащих к Альте городов. Все понимали, что динозавры не ограничатся захватом одного города и скоро двинутся дальше. В спешке жители Пеоса и Сас собирали свои вещи и покидали дома, уплывая далеко на восток, в неизведанные земли Европы и Африки. Большая часть землян поселилась на территории Египта и Мексики.

Узнав о захвате Альты, в Инкале собрали экстренное заседание верховного правительства во главе с Арлихом Вомалитесом. Среди собравшихся был и один представитель иври, не являющийся членом верховного правительства, но он был «крупной пешкой» за которой пойдут иври в случае военных действий.

В просторном белом зале с потолком, украшенным драгоценными камнями в виде господствующего Созвездия, находился овальный стол из белого мрамора. Во главе стола находился трон, украшенный алмазами, а позади него, как напоминание о вечной связи богов и землян,

возвышалась гранитная статуя Дауры, перевезенная из Лемурии в последние дни существования островов. Белый пол устилало изображение Цветка Жизни, выгравированное золотом. Со стороны балкона были расположены музыкальные инструменты, на которых во время медитаций играли музыканты. При помощи этих инструментов можно было воспроизвести любые звуки природы. Особенно хорошо под них шла работа с чакрами.

Собравшиеся атланты заняли свои места вокруг овального стола и приступили к переговорам.

— Я думаю, пришло время признать, что мы настолько заигрались в мелкие междоусобные конфликты, что просмотрели рождение опасного врага, пришедшего извне, — начал один из лидеров марсиан по имени Дисеммиарт. — Этот враг лишен всяческих понятий о нормах, нравственности и морали. Мы для него всего лишь лакомый кусок плоти, которым можно поживиться на пути к захвату власти.

— Принцип «против кого будем дружить» актуален сейчас, как никогда прежде, — добавил его товарищ.

— Верно, — заметил Дисеммиарт и продолжил. — Я думаю, мы все понимаем причины, которые движут животными. Это не голод. Нет. Это намного страшнее. Эта жажда господства над всей планетой, которую они хотят утолить любым способом, не гнушаясь жестокими убийствами и подлыми внезапными атаками в спину. Один город уже разрушен до основания, а все его жители убиты. Вслушайтесь в эти слова! Все жители города убиты! Убиты наши с вами собратья! Убиты такие же, как мы с вами! Никогда ничего подобного не происходило на планете.

Правитель иврийского города Сионис, по имени Гиль, внимательно слушал, и слезы боли едва не покатались из его глаз.

— Как мне известно, — продолжал Дисеммиарт, — два наших города, Пеос и Сас, опустошены. Жители покинули их, едва узнав о кровавой расправе над соседями. В ужасе они бежали прочь от дома, гонимые озлобленными животными. Вот и считайте, что уже три города-энергоцентра отданы чужакам. Осталось еще семь. Казалось бы еще целых семь, но вы посмотрите, с какой легкостью враги завладели этими тремя городами! Почувствовав свое превосходство, ощутив запах крови и безнаказанность произвола, эта многочисленная армия животных воодушевится и, гонимая вперед этими ощущениями, покорит все остальные города. И кстати, следующим городом после Пеоса и Сас, станет Халидокеан, так как именно он следующий на их пути. Никакие стены не спасут наш дом и столицу страны. Как правильно сказал мой друг, принцип «против кого будем дружить» актуален сейчас, как никогда. Нам нужно забыть о всех мелких конфликтах, возникавших между жителями нашего единого государства, и объединиться против внешнего врага, пока он не воспользовался нашей разрозненностью и не уничтожил нас всех, — заключил Дисеммиарт и внимательно окинул взглядом окружающих.

Марсиане закивали головами и стали высказывать одобрение произнесенным словам своего лидера. Вместе с ними кивал головой и Гиль.

Молча Арлих смотрел на разыгрываемый перед ним и Гилем спектакль, прекрасно понимая всю фальшь сказан-

ных слов. Марсианам было его не провести даже своим красноречием и актерской игрой. Они ничем не рисковали, предлагая развязать войну против динозавров, поскольку ударные силы должны были состоять из атлантов и иври, а все марсиане были заняты на своих руководящих постах, и их жизни практически находились вне опасности. Это было в их духе — решать проблемы чужими руками.

— Какие у вас предложения? — спросил Арлих, внимательно осматривая присутствующих.

Арлих Вомалитес был слишком мудр, чтобы показать свою осведомленность и разоблачить марсиан.

— Я считаю необходимым дать отпор этой стае.

— Но динозавры сильнее нас физически, — сказал Гиль.

— Я говорю не о глупом прямолинейном размахивании руками, а об эффективном и мощном оружии, — ответил Дисеммиарт, глядя иври в глаза.

— Ты предлагаешь использовать подлое оружие, поражающее противника из-за угла, вместо того чтобы вступить в честный рукопашный бой? — спросил Арлих. — Если бы эти динозавры напали на нас, используя оружие, то твое предложение было бы оправданно, но они пришли безоружными.

— Сам факт того, что они первыми напали на нас, разрешает нам обороняться любым способом. Мы не нападаем первыми. Мы лишь защищаем свои дома и наших близких, — сказал Дисеммиарт.

Точка зрения марсиан была разумна, и Арлих это понимал. И хотя атланты были сильны, противники были крупнее, все же тяжелее и мощнее, а значит, справиться с ними

было не такто просто.

— Хорошо, Дисеммиарт, — сказал Арлих. — Я согласен с твоей точкой зрения. Теперь ответь мне: у вас уже есть какие-то разработки?

— Нет. Мы не были готовы к такому повороту событий. Но нам потребуется совсем немного времени, чтобы разработать оружие, способное уничтожить большой кусок мышц. Как-никак нам не с космическими кораблями сражаться, — ответил марсианин.

— Но перед нами встает другая проблема, — добавил марсианин, не проронивший до этого ни слова, но внимательно следящий за ходом дискуссии. — Мы, марсиане, не так многочисленны, чтобы в одиночку сражаться с оружием в руках против целой армии. Нам потребуется много солдат, которым мы выдадим оружие, обучим обращению с ним и отправим в бой.

— Я принимаю это предложение, и мои собратья поддержат меня в этом. Можешь на меня рассчитывать, — ответил Гиль не задумываясь.

Дисеммиарт кивнул в ответ и перевел взгляд на Арлиха, молча потирающего свою заплетенную в косичку бородку. У него не оставалось иного выхода, как принять предложение марсиан. Под угрозой находилась безопасность всей Атлантиды. Но что ему больше всего не понравилось, так это действия марсиан, поставивших всех атлантов и иври под удар, а самих оставшихся в безопасности.

— Сейчас, когда опасность угрожает всем нам, глупо выставлять какие-то требования, поэтому я согласен на ваше предложение, — ответил Арлих. — Сколько дней вам потребуется, чтобы создать оружие?

— Дайте нам неделю. За это время мы что-нибудь изобретем. А пока у вас есть время мобилизовать всех атлантов. Пусть все они прилетают сюда, в Халидокеан. Именно отсюда и начнем защиту, — ответил Дисеммиарт, и на этом дискуссия завершилась.

Ровно через неделю, как и договаривались, армия из двух сотен тысяч атлантов-рабов стояла за высокой городской стеной. Марсиане вручили каждому оружие и рассказали, как им пользоваться. Это было уже не то огнестрельное оружие, которое использовалось при нападении на города тысячелетия назад, а лазерное, и его эффективность в десятки раз превышала прежнюю. Арлих Вомалитес понимал невозможность изобретения такого оружия всего за неделю и пришел к выводу, что разработано оно было давно, а в течение недели происходило изготовление такой большой партии. Эти умозаключения очень обеспокоили правителя Атлантиды. Быть марионеткой в руках марсиан ему не хотелось.

Посланные на разведку динозавры-лазутчики рассказали своим вожакам о бежавших в страхе атлантах. Уверовав в свои силы, динозавры двинулись напрямик в брошенные города, оставив в Альте большой отряд для охраны энергоцентра. Поход предстоял долгий. Пеос и Сас отделила от Альты сотня километров.

Данные топографической съемки показывали, что динозавры разделились на две группы: одна двигалась в направлении Пеоса, другая в Сас. И еще одна группа осталась в Альте. Именно основываясь на результатах этих данных, Дисеммиарт направил вооруженный отряд атлантов из столицы к двум городам, поделив его пополам. Два

огромных войска по сто тысяч солдат шли навстречу врагу по труднопроходимым лесам, а множество летательных кораблей со взрывчаткой на борту летело впереди их.

Пилоты гаруд заметили пробирающуюся сквозь леса армию животных у самого подхода к Пеосу и начали бомбежку. Земля содроглась от страшных взрывов. Динозавры бросились врассыпную, но деревья мешали маневрам. Они бились друг об друга телами и, издавая громкие звуки, падали на землю. Все смешалось в однородную массу — и динозавры, и деревья, и трава, и изуродованные взрывами тела. Атланты без остановки сбрасывали бомбы, убивая и калеча динозавров. Гаруды сделали несколько заходов, прежде чем запасы снарядов иссякли.

Солдаты пешей армии, добравшись до Пеоса, добивали раненых животных и убивали живых. Ими двигала месть за убитых братьев, и не было врагу пощады.

Примерно такая же ситуация сложилась в Сас. Все динозавры были перебиты еще на подступах к городу, а атланты понесли минимальные потери. Для убедительной победы оставалось лишь разгромить находящийся в Альте отряд. Гаруды вернулись на базу близ Халидокеан и, загрузившись бомбами, направились к последней точке. Не готовые к атаке динозавры попали под массированную бомбежку и все были уничтожены. Атланты праздновали победу.

Весть о победе над свирепыми хищниками не сразу достигла континентов, на которые сбежало население Пеоса и Сас. Но, даже убедившись в безопасности нахождения в Атлантиде, не все вернулись домой. Многие решили остаться и осваивать новые земли. Разрушенную же Альту

поднимали в течение нескольких лет, а потом численность его жителей стала постепенно восстанавливаться за счет рожденных детей.

Произошедший конфликт с животными помог атлантам объединиться, стать единым целым, и даже отменить рабство, чему особенно радовались Вознесенные Учителя, однако через несколько десятилетий после войны против общего врага на континенте вновь стали разгораться междоусобные распри. Зачинщиками опять являлись красные атланты. Их эго требовало удовлетворения собственной потребности в господстве, и для этого использовался материальный мир. Марсиан не волновали страдания атлантов и их инволюция. Они были поглощены самолюбованием и стремлением взять все под свой полный контроль. Безграничная забота марсиан о себе и увеличении собственного могущества очень волновали Вознесенных Учителей.

Вновь было введено рабство, телесные наказания, но самым страшным оказалось то, что, познав силу оружия, атланты стали пытаться решить свои проблемы при помощи его. В каждом городе велись собственные разработки, держащиеся в строгом секрете, на фоне которого расцвели шпионаж и коррупция. В этих подлых направлениях особенно преуспели марсиане, и без того знающие о своем техническом превосходстве. Политические игры доставляли им удовольствие. Оружие коренных атлантов сильно отличалось даже от оружейных разработок иври и было отчасти примитивно. Вознесенные Учителя, глядя на эту гонку вооружений со стороны, все же не оставляли надежду на возвращение коренных атлантов к их перво-

зданной природе. Ведь они не умели лгать так же искусно, как это делали иври и марсиане, в их разработках использовалось много правополушарных технологий, да и, в конце концов, Кали-юга была в своём апогее.

Как известно, любые знания можно применять как в созидательных, так и в разрушительных целях. Марсиане знали психологию живых существ, и все их поступки были обдуманно и спланированными. Специально несколькими тысячелетиями ранее они стали склонять землян к левополушарным технологиям и использованию изобретений в созидательных целях. Марсиане хорошо понимали, что развившаяся со временем гордыня и тщеславие приведут к тому, что знания, полученные в результате работы над «созидающими» устройствами, лягут в основу изобретений с ярко выраженными разрушительными свойствами.

Нечасты были контакты между Учителями и марсианскими руководителями, но вторые при каждом удобном случае стремились задеть чувства мудрых существ и показать их ничтожество. Однажды правитель Мэйниса, города-государства марсиан, пригласил Джирджиса, чтобы поделиться кое-какой информацией, полученной из города атлантов.

Дом правительства в Мэйнисе представлял собой выставку передовых технологий. Все последние разработки науки были использованы для его технического оснащения и внутреннего убранства и ведения государственных дел. По новейшей технологии для передачи беспроводного электричества, к которому только подбирались иври, было устроено освещение всех зданий. Здесь применялись неиссякаемые источники энергии.

В главном зале дома правительства стоял огромных размеров телевизор, толщиной в несколько миллиметров, по которому обычно шло вещание из разных частей острова, но сейчас на нем застыла одна картинка. На экране показывалась какая-то лаборатория, где атланты в серебристых костюмах осуществляли непонятные действия.

— Это эксперимент с ДНК, — пояснил Дисеммиарт. — Его ставят ваши ученые-атланты, пытаюсь доказать себе, что ничем не уступают своим создателям.

Сказанные слова неприятно удивили Джирджиса. Было странно осознавать, что его собратья пытаются возвысить себя до уровня создателей. «Неужели гордыня и тщеславие так укоренились в них», — думал Учитель.

— Ты видишь эксперимент в прямой трансляции, и, думаю, тебе будет интересно узнать, что они уже добились на этом поприще определенных успехов. Конечно, атланты пока не такие искусные создатели, как нефилимы, но кое-что у них получилось, — и Учитель махнул рукой своему помощнику.

Помощник вышел, но скоро вернулся, вкатив за собой непонятный объект, накрытый брезентом.

— Жаль, правда, что результаты их экспериментов не живут дольше недели, — продолжил Дисеммиарт, откинув брезент.

На столе лежало существо, которое Джирджис уже видел прежде. Это был кентавр — полуатлант-полулошадь.

— А ты уверен, что этот кентавр есть следствие эксперимента атлантов? — спросил Джирджис. — Ведь

ты не хуже меня знаешь, что подобные нетеры продолжают работать на рудниках, сохранившихся на других континентах. Они по-прежнему добывают золото для нефилимов, и даже последнее смещение полюсов не уничтожило их всех. Пусть сейчас их значительно меньше, чем раньше, но и золота в недрах планеты поубавилось.

— Можешь поверить, что увиденное есть именно результат работы твоих собратьев. Тебе ли не знать, что нетеры живут сотни лет и умирают в старости. А этот экземпляр еще молод, и никаких признаков насильственной смерти на нем нет. Если не веришь мне — полетели в их лабораторию, и ты сам во всем убедишься. По дороге как раз и продолжим наш разговор, — сказал марсианин и поднялся на крышу дома правительства, где стояла позолоченная гаруда.

Джирджис и Дисеммиарт сели в корабль, и пилот поднял их в воздух.

— Куда мы направляемся? — спросил Джирджис.

— В Сас, — ответил марсианин, вальяжно развалившись в широком, удобном кресле с вышитым на спинке золотыми нитками собственным именем.

— А ты не боишься, что радары заметят нас и атланты откроют огонь?

— Наш корабль невидим для их радаров, не волнуйся. Мы уже неоднократно бывали здесь.

— А с земли они могут нас увидеть?

— Это тоже невозможно. Краска, покрывающая поверхность гаруды, делает его невидимым.

Корабль летел на невероятно высокой скорости, и скоро пилот сообщил о приближении к объекту. Джирд-

жис выглянул в иллюминатор и увидел далеко внизу под собой возвышающиеся строения. Давно он не был здесь. С высоты птичьего полета этот город казался красивым и величественным. Только Учитель понимал, что величие города или страны заключается не во внешних факторах, таких как высота строений и вычурность их убранства, а в живущем в нем народе, наделенном самосознанием и нравственностью. К сожалению, исходя из этого, Джирджис не мог назвать Сас величественным городом. С высоты полета нельзя было разглядеть притаившееся в подвалах заводов и фабрик рабство, продажных чиновников и инженеров, подлые внутренние конфликты. Все дипломатические отношения, развивавшиеся между странами-городами, основывались на аморальности и продажности. Культ денег вступил в свои права. Политическая система, некогда созданная для поддержания правопорядка, осуществления контроля за соблюдением законов и защиты интересов атлантов, стала большой кормушкой для власть имущих. В политику шли не «доноры», готовые отдать свою жизнь и здоровье ради благополучия своего города-государства, а воры, жаждущие отщипнуть кусок «пирога», во вред интересам страны и общества в целом. Досада охватила Джирджиса. Если бы так себя вели ирви или марсиане, это было бы закономерно, но видеть подобное от землян было больно и печально.

«Марсиане слишком умны, чтобы взять нас силой, — думал Джирджис, уткнувшись лбом в стекло иллюминатора. — Они решили разрушить общество изнутри — конфликтами, войнами, болезнями, а потом одним махом покорить нас всех. Как ни печально, но у них

это получилось, и мы сами им в этом помогли».

— Вот, вот, смотри, — прервал размышления голос Дисеммиарта. — А ты мне не верил.

Джирджис повернулся и подошел к экрану. Прикрепленное к брюху гаруды устройство просвечивало строения и землю, выводя на экран картинку в режиме реального времени. Судя по качеству изображения, лаборатория находилась глубоко под землей, и в ней проходили какие-то эксперименты. В больших прозрачных емкостях сидели похожие на кентавров и нетеров существа. Рядом стояли такие же емкости, но с химерами и сфинксами. Увидев все собственными глазами, у Джирджиса не осталось сомнений в том, что эксперименты с ДНК проводили атланты.

— А почему ты мне это показал? — спросил он у марсианина.

— Ну, хорошо, — сказал Дисеммиарт, сменив тон с дружелюбного на враждебный. — Ни для кого не секрет, что ты, Арлих, Ра и другие так называемые Вознесенные Учителя против нашего пребывания на этой планете. Мы негласно воюем уже много тысячелетий за умы жителей Атлантиды. И я думаю, увидев это, ты понял, что война вами проиграна. Вы не смогли показать вашим же собратьям привлекательность того, что называете духовностью, и завладеть их к вам расположением. Зато мы дали им все, что они хотели, и, получив это всё, они невольно стали зависимы от нас. Вы хотели править планетой, но мы оказались сильнее.

— Мы не ставили перед собой цель завладеть планетой, как ты это говоришь. Нам все равно, кто будет на ней править. Главное, чтобы это правление было гуманным,

несло Свет, счастье, мир, гармонию и идиллию, а ваше правление вызывает хаос. Вашими поступками движут гордыня и тщеславие, а не Любовь.

— Ваша Любовь не дает развития. Зато войны, дают толчок техническому прогрессу, как ничто иное.

— Любовь создана не для технического прогресса, а для духовного роста. Она есть корень созидания и благополучия. Любовь — неотъемлемая составляющая счастья. Ваше же счастье основано на страдании других. Только когда кому-то плохо, вам хорошо. И вы этот шаблон навязали землянам.

— Мы живем в дуальном мире, в котором вкус победы — это всегда вкус чьего-то горя. Без поражения противника не будет твоего первенства. Только соревновательный аспект движет общество вперед. Раньше вы не знали о конкуренции, и на вашей планете даже не было торгово-экономических отношений, а теперь атланты могут получить все, что захотят. Начав конкурировать, они стали развиваться.

— Раньше им это не требовалось. Они обходились малым и были счастливы, а вы развили в них жадность и удовлетворили её безделушками. Мне хорошо знакомо устройство нашего дуального мира, и скажу тебе одно: несмотря на дуализм, наш мир Един, и в этом единстве заключается его сила. Нужно уметь созидать, чтобы понимать это. Вот ты говоришь о развитии, а видишь ли ты, что развитием в вашем случае движет страх? А страх всегда тормозит движение существа на пути к Свету. Я думаю, вы прекрасно осознаете, что в душе каждого землянина прорастает Божественное зернышко миролюбия и добра.

Но, опасаясь его роста, вы отвлекаете их именно материальными науками, яркими развлечениями и постоянными конфликтами.

— До чего же ты глуп, раз полагаешь, будто что-то невидимое может стать важнее материального, — зло ответил Дисеммиарт.

— Нас рассудит время, — сказал Джирджис и исчез.

Он понимал бесполезность продолжения разговора. Марсиане были не способны испытывать чувства, и доказывать им, что внутреннее важнее, чем физическая составляющая жизни, было пустой тратой времени. Переместившись в высший обертон третьего измерения, Джирджис отправился в Инкал, где, встретив Арлиха, поведал о разговоре с лидером марсиан.

— Марсиане забывают о самом главном. У нефилимов было разрешение от Галактического Совета на проведение подобных опытов, а у атлантов его нет. Наши братья, да и иври с марсианами пытаются управлять силами природы при помощи кристаллов, совершенно забыв о причинно-следственной связи. За каждый поступок нужно нести ответ, и не перед кем-то, а перед Высшими Силами. Атланты даже не представляют, как все эти эксперименты скажутся на них.

— Ты имеешь в виду, что все они будут наказаны природными катаклизмами? — спросил Джирджис.

— Ну конечно! Подожди, пройдет еще совсем немного времени — и планета содрогнется от землетрясений, наводнений и вулканических извержений. Природа живая, и она покажет нам, что нельзя пытаться ею манипулировать.

— Арлих, но ведь не думаешь же ты, что мы проиграли эту битву против Тьмы? — неожиданно спросил Джирджис.

— Нет. Внутренний конфликт идет внутри каждой сущности постоянно, и всегда она может встать на путь Света. То, что сейчас воины Тьмы сильнее, явление временное. Однако нам всем нужно продолжать работу, пока не поздно смягчить возмездный удар природы. Сейчас соотношение численности сторонников Света и Тьмы примерно десять к девяноста. В девяносто процентов входят и те атланты, кто при помощи правополушарных технологий удовлетворяет своё эго. Ведь познавать мир женским путем — еще не значит быть воином Света.

— Но и среди тех десяти процентов, что сейчас на нашей стороне, много светлых сущностей. Если на момент ухода из Лемурии была тысяча Вознесенных Учителей, то сейчас нас на пятьсот больше.

— Вот видишь, не так-то все и плохо, — сказал Арлих и улыбнулся.

— Ты прав. Мне почему-то все казалось намного хуже.

— Всем нам свойственно в большей мере замечать зло, нежели добро.

Эксперименты не останавливались ни на день. В каждом городе-государстве находилось по несколько предприятий и лабораторий, проводящих исследования, в которых главным компонентом являлся кристалл. Атланты уже давно познали силу этого живого элемента природы и пытались научиться пользоваться им. Как и всегда, первоначальные опыты носили исключительно мирный характер,

но со временем стали продумываться варианты использования кристалла в качестве оружия. Сначала кристаллы научились применять в качестве неиссякаемого источника энергии, который аккумулировал солнечную энергию и энергию звезд, а потом дистанционным способом передавал её гарудам. Спустя время, когда этого показалось мало, ученые города-государства Ом решили использовать кристаллы для уничтожения противников, обитающих по соседству в городе Пеос. Тщеславие затмевало глаза атлантов из Ом, считавших свое изобретение передовым. Они и не подозревали, что в остальных городах уже давно велись работы в этом направлении и их опыты окажутся последней каплей в переполненной чаше терпения Природы.

Настроив кристалл на определенную работу, в результате которой должен был активизироваться вулкан в районе Пеоса, атланты стали ждать. Сильный толчок вернул к реальности обманутых самомнением о собственном величии ученых. Потом еще один, более мощный. Пеос находился далеко от Ома, и, понимая, что эти толчки пришли не оттуда, один из атлантов проверил сейсмологические приборы, выведя с них данные на большой экран. Внутри у атлантов похолодело. По поверхности всего континента одновременно активизировались вулканы. Это был шок. Схватившись за голову, ученые не могли двинуться с места. Руки задрожали. Полагая, что это все произошло по их вине, они боялись связываться с правителем Ома, зная, что понесут наказание.

На экране была видна особенно сильная сейсмологическая активность близ городов Сионис и Альта. А тем

временем красные очаги продолжали вспыхивать. Набравшись смелости, один из ученых взял рацию и связался с правителем Ом. Возмущению того не было предела. Много грубых слов он сказал в адрес ученых.

Вулканы выбрасывали в воздух тонны пепла, которым накрывало города. Извергнутая жерлами вулканов лава медленно растекалась по улицам Сас, Мальта, Сиониса, и Мэйнис, уничтожая все на своем пути. Атланты умирали мучительной смертью в кипящей лаве. Страшные крики и запах паленых тел стояли в воздухе. Пространство было пропитано ужасом и безысходностью. Каждого волновала лишь собственная жизнь, и зачастую, пытаясь спасти себя, бегущие от лавы атланты сбивали с ног собратьев, и тех настигала мучительная смерть.

Каждый миг был на счету, и правитель Ома приказал ввести чрезвычайное положение. Все население города в срочном порядке стали на гарудах переправлять на другие материки. Кому не хватило места на летательных аппаратах, плыли по океану на кораблях.

Однако беда не приходит одна. Атланты в полной мере ощутили на себе возмездие природы. Обстоятельства сложились, как всегда, «кстати». Помимо извержения вулканов, произошло смещение полюсов, ознаменовавшееся движением мирового океана. Его воды со страшным шипением выкатывались на километры суши по раскаленной лаве, скрывая под собой часть Атлантиды, а в воздух поднялись густые клубы пара. На счастье атлантов, это смещение не было столь глобальным, как во времена лемурийского континента, когда острова полностью ушли под воду. Однако движения вод хватило, чтобы потопить

город Посейдонис и пустующие части Атлантиды.

В панике атланты бежали с материка. Ученые всех городов-государств поняли, что заигрались со стихиями природы, и надо срочно прекращать гонку вооружений. Длющаяся вот уже несколько лет война между иври и марсианами резко прекратилась. Отвернувшись от Божественного, они позабыли о земных циклах и природе мироздания. Смещение было внезапным и стремительным. Не готовое к катастрофе, правительство было застигнуто врасплох, что привело к многочисленным жертвам среди населения. Еще никакой другой катаклизм не уничтожал столько живых существ на Земле одновременно. Эвакуация началась с опозданием, было упущено драгоценное время. Но спасатели все же успели перевести многих в безопасные места. Кто-то перебрался на неповрежденные земли на своем транспорте. Лишь немногие вернулись обратно в Атлантиду после того, как мировые воды успокоились, а лава остыла.

Спасаясь, атланты разбрелись по поверхности всей планеты, в поисках приемлемых условий для жизни. Очень быстро на новых землях стали расти города. Пользуясь шансом, марсиане все взяли под свой контроль, и их представители встали во главе всех городов. Марсиане поняли, что испуганным народом управлять значительно проще, чем осуществлять те манипуляции в моменты их внутренней уверенности. Атланты связывали свои надежды с деятельностью красных атлантов, полагая, что те располагают знанием, которое поможет преодолеть последствия катастрофы. Но на самом деле марсиане боялись затронувшего их катаклизма не меньше остальных. Марсиане

ошибочно полагали, что все эти катаклизмы были связаны только с их деятельностью, и не являются регулярными.

.....

С момента извержения вулканов и смещения полюсов Вознесенные Учителя стали реже являться землянам, а сами земляне упорно не хотели их замечать. Они были поглощены восстановлением технических устройств и строительством городов на новых континентах. Атлантам приходилось в срочном порядке возрождать военную мощь для противостояния динозаврам и другим свирепым хищникам, которые стали нападать на них из-за вторжения на принадлежащую им территорию.

Население Атлантиды сократилось на девяносто процентов. Атланты боялись возвращаться в свои дома, опасаясь повторных катаклизмов. Пустующие города-энергоцентры, созданные для подъема сознания, пустовали, а без жителей не имели они должной силы. Атланты хаотично расселились по планете, и в прошлом жители одного города жили по разные стороны родного материка. Несколько столетий Вознесенные Учителя наблюдали за ситуацией со стороны, а потом, стараясь исправить положение, собрались на совещание.

— Нам необходимо вернуть атлантов на континент, чтобы они именно на нем продолжили свое развитие, — сказал Арагагат. — Тем более что сейчас подходящее время. Совсем скоро на планете наступит время пробуждения сознания.

— Но это будет сделать не так уж и просто. Они забыли телепатическое общение и не чувствуют силу энергоцен-

тров. А докричаться до каждого из них в отдельности невозможно, — заметил Ра.

— Нам все-равно придется это сделать, — сказал Арлих. — Как я не знаю, но это просьба Вселенского Совета, и мы должны её осуществить.

— Все-таки за пределами планеты много заинтересованных существей, — сказал Ра, внемля Арлиху.

— Конечно. Их всегда интересовал ход Эксперимента, — ответил Арлих. — Все они хотят видеть землян на вершине лестницы духовной эволюции.

— Уже есть какие-нибудь предложения? — поинтересовался Арагагат.

— Согласно выдвинутому Вселенским Советом требованиям, мы не должны напрямую вмешиваться в ход Игры. Нам предстоит это сделать руками землян, живущих в этот момент на планете, — ответил Арлих.

— Среди атлантов есть наши далекие родственники, которые, как и многие из нас, являются потомками богов. Предлагаю кого-нибудь из них и отправить с этой миссией, — сказал Арагагат.

— Из живущих сейчас на континенте атлантов может подойти Моисей. Он долгое время служит в одном из храмов Халидокеан, куда, как вы помните, мигрировало большинство потомков Энлиля, — сказал Ра. — На мой взгляд, он сможет выполнить возложенную на него задачу.

— Задача осложняется еще тем, что почти все жители Халидокеан находятся в рабстве, и выволить их будет непросто. Тебе надо будет поговорить с Моисеем, и предупредить обо всех трудностях, — сказал Арлих.

— Я косвенно помогу ему справиться с поставленной задачей, — ответил Ра и, не теряя времени, отправился осуществлять просьбу Совета.

Двигаясь по тонким мирам, он увидел Моисея. Тот сидел облокотившись на городскую стену и смотрел вдаль. По биополю плавали грязновато-красные сгустки энергии, говорящие о плохом самочувствии и грустных мыслях. Моисей всегда был кроток и скромен, однако его усердие в занятии медитативными практиками способствовало развитию психических способностей и расширению сознания. Его вклад в реабилитацию общего настроения жителей Халидокеан после извержения вулканов был неоспоримо велик. Много времени он провел в беседах с атлантами, объясняя важность развития природных чувств, а главное — Любви.

Оказавшись напротив Моисея, Ра материализовался в физическом мире. От него исходили тепло и доброта, а вокруг на огромной скорости вращалась Мер-Ка-Ба. В этот момент Ра не имел плотного физического тела и был полупрозрачен, однако Моисей его видел.

— Здравствуй, Моисей! — приветствовал Ра, паря в полуметре над землей. — На тебя возложена важная миссия, реализовав которую ты повысишь уровень сознания землян.

— Что я должен делать? — спросил Моисей, не до конца осознавая происходящего.

— Тебе нужно вернуть потомков жителей Халидокеан обратно в город. Именно этот город является ключевым в развитии сознания, и, вернувшись в него, атланты вновь активизируют всю энергетическую систему Древа Жизни,

и движение Божественных Энергий возобновится. Города-энергоцентры начнут притягивать к себе собратьев, и Атлантида увидит расцвет.

Мысли Моисея путались, он не знал точно, кто находится перед ним, однако, чувствуя исходящую Любовь, принял его за одного из Учителей.

— Кто ты? — все же спросил жрец, решив проверить свои предположения.

— Я посланник Высшего Разума и Космического Братства.

— Значит, это они хотят, чтобы я шел в Кеми?

— И они тоже. Это желание исходит от многих космических структур, считающих, что сейчас необходимо вернуть землян к их прежнему месту обитания. Этому есть вполне определенные причины, — Ра не стал углубляться в значимость энергоцентров для сознания.

— Значит, я должен просто сходить на север Африканского континента и привести оттуда атлантов?

— Да. Но трудность заключается в том, что почти все атланты, которых ты должен привести, являются рабами тамошнего правителя. Ты должен будешь убедить его отдать их тебе.

— Но ведь он меня не послушает.

— Вот тебе и надо сделать так, чтобы он послушал. А я тебе в этом помогу, — сказал Ра.

Моисей сидел в задумчивой нерешительности. Он хотел помочь Высшим Силам, но не верил в собственные силы.

— Вижу, что это у тебя получится, — уверовал Ра. — Возьми самое необходимое и отправляйся в Кеми. Там найди правителя и обо всем с ним поговори.

— Могу я взять с собой своего брата Аарона?

— Конечно, — ответил Ра и исчез.

Гаруда с Моисеем и Аароном на борту приземлилась на территории Кеми через несколько дней после разговора с Вознесенным Учителем. Отсюда им предстояло идти пешком. Несколько часов длилось путешествие по густым тропическим лесам, пока не показались высокие стены. Войдя в ворота, их вниманию открылся город, несравнимый по своей красоте с Халидокеан, который восстанавливали медленно после событий четырехсотлетней давности. Ни Моисей, ни Аарон в жизни не видели подобной красоты. Открыв от удивления рты, они шли по улицам ко дворцу правителя.

Высокое сооружение из черного мрамора распахнуло свои позолоченные врата перед странниками. У входа Моисея и Аарона встретили слуги и проводили к своему правителю. В большом тронном зале стоял богато убраный стол, а сам правитель сидел на украшенном драгоценными камнями троне. Его длинные руки, унизанные золотыми браслетами, лежали на подлокотниках, а тело покрывала шелковая мантия. Большие глаза смотрели из-под высокого лба. В его манерах читалось неприкрытое высокомерие и гордыня.

— Я послан к тебе богами, — сразу перешел к сути Моисей. — Они просят тебя освободить рабов и отпустить их со мной обратно в Атлантиду.

Лицо правителя исказилось в гримасе, и хохот вырвался из груди.

— Ты хочешь увести у меня всех рабов, прикрывшись богами? — смеясь, спросил он. — Ты не мог выдумать

что-нибудь оригинальнее?

Продолжая громко смеяться, он встал во весь рост, отчего Моисей невольно съежился, и окинув взглядом стоящих рядом слуг, вновь обратился к атланту.

— Раз ты говоришь, что тебя прислали боги, подтверди это чем-нибудь.

— Слова богов не нуждаются в подтверждении. Эти атланты должны жить в Халидокеан и поднимать общее сознание землян, а не прислуживать в далеких землях.

— Это мои рабы. И где им быть, решаю я, — повисил голос правитель.

— Причинно-следственная связь настигнет всех, и в первую очередь того, кто ставит свои эгоистичные мотивы против развития общества, — слова сами текли из уст Моисея, а его сознание ушло на второй план. Ему было страшно от сказанного, потому что нельзя так было разговаривать с правителем, но противостоять этому он никак не мог.

— Как ты смеешь мне угрожать? — закричал царь.

— Мои слова ничтожны в сравнении с карой богов. От жизни твоих рабов зависит благополучие всей планеты. Им нужно быть в Атлантиде. — Сразу после этих слов сознание Моисея заняло свое законное место, и он испуганно поднял глаза.

Высокий красный атлант стоял перед ним, сверкая жестокими глазами. Моисей чувствовал его негодование, и ярко выраженная агрессия была на лице правителя.

— Вон отсюда! — закричал правитель и, достав примитивное орудие для наказания рабов — кнут с шипами на конце, больно ударил несколько раз Моисея.

Не ожидая этого, Моисей и Аарон отскочили от трона и выбежали из зала, слыша посылаемые вдогонку угрозы. В спешке они покинули дворец и затерялись среди высоких зданий. Только сейчас Моисей стал осознавать сказанные слова и манеру произнесения. Теперь его не удивлял поступок царя. Сев в медитацию, Моисей вышел из тела и увидел перед собой Ра.

— Правитель Кеми не собирается отдавать своих рабов. Он просил подтверждение того, что я пришел от бога... — начал свой рассказ Моисей, но Ра остановил его.

— Я находился там и все слышал. Ты должен был ощутить мою помощь. Сказанные тобой слова о причинно-следственной связи абсолютно верны, и завтра он это поймет. Тебе нужно будет посетить дворец еще раз, но через пять дней.

— Я сделаю, как ты скажешь. Но что будет теперь? Какого наказания ждать Кеми?

— Наказания нужно ждать только тем, кто должен его понести согласно Вселенским Законам. Остальным нечего бояться, — ответил Ра и исчез.

Утром следующего дня Моисей проснулся от громких стонов. Выйдя из подвала здания, где ночевал вместе с Аароном, он увидел корчившегося от боли красного атланта. Его тело покрывали язвы и нарывы, из которых сочился гной. Сопоставив вчерашний разговор с Ра и увиденную картину, он посчитал это совпадением и, разбудив Аарона, пошел изучать город. Энергетика этого поселения сильно изменилась в сравнении с минувшим днем. Она стала более болезненной и неприятной. Хотелось

поскорее выйти за пределы городских стен.

На город напала страшная инфекция, поражающая своим вирусом почти всех жителей. Никто не знал лекарств от неё, и любые защитные меры были бесполезны. Она распространялась с невероятно большой скоростью. Никакой внешний блеск не мог скрыть мучений атлантов. Чем больше Моисей и Аарон гуляли по городу, наблюдая за развитием болезни, тем очевиднее становилась связь поглотившего горожан недуга со словами Ра. Вознесенные Учителя ускорили процесс «наказания», чтобы помочь Моисею осуществить свою миссию. Вся порочность атлантов была очевидна. Под блеском помпезности, дорогих одежд и красивых слов скрывались «заспанные» души, скатившиеся в своем духовном развитии на несколько тысячелетий назад.

Как и сказал Ра, четыре дня Моисей и Аарон находились в городе, а на пятый пошли во дворец. Несмотря на ощутимую поддержку Вознесенных Учителей, колени Моисея тряслись от страха, а в голове крутился вопрос: «Вдруг царь посчитает меня причастным к распространению заразы, и прикажет наказать?».

Как и в первый день, Моисея и Аарона встретили слуги и проводили к правителю. Царь сидел на своем троне, накрытый шелковой тканью. Было видно, что каждое движение причиняет ему боль. В прежде диковатых глазах царило опустошение и упадок сил, а лицо покрывали язвы. Моисей подошел к трону, и сознание его вновь отдалилось.

— Такого подтверждения достаточно или ты ждешь чего-то большего? — спросил Моисей.

Правитель хотел было разозлиться, но съедающая

силы боль заставила успокоиться. Болезненными глазами он смотрел на стоявшего в полный рост Моисея, и понимал причину своих болезней. Сказанные странным атлантом слова, прежние поступки правителя, накатившая болезнь — все сошлось в одну логическую цепочку, и осознанием пробудило нутро. Тонкие струнки уже готовы были дрогнуть, однако черствость и неразвитое эмоциональное тело не дали осознанию укорениться.

— Ты распространил заразу, думая, что я поверю в твою причастность к богам и отдам тебе рабов?

— Те, кого ты называешь рабами, принадлежат не тебе, а всему миру. Они нужны для развития сознания, и их ценность была показана тебе. Ты хотел доказательства — ты их получил. Но не от меня, а от того, кого отверг. Я не в силах за одну ночь заразить жителей твоего города.

Правитель опустил уставшие глаза и, подумав, спросил:

— Если я отпущу своих рабов с тобой, ты избавишь меня от этих мучений?

— Не я тебе даровал эту болезнь — не мне тебя избавлять от неё. Единственное, что я могу, — попросить снять боль и избавить от язв, но это лишь отдалит дальнейшее развитие болезни. На время исчезнут симптомы, но первопричина останется, а её можешь стереть только ты сам — изменением образа жизни и отношения к окружающим.

Подозвав к себе прислуг, правитель приказал собрать всех атлантов-рабов и отдать их Моисею. Помощник удивленно переспросил, но в ответ услышал злобное шипение

и увидел взгляд раздраженных глаз.

Через несколько часов все рабы стояли у городских ворот. Моисей был доволен исходом переговоров и повелев всем сесть в прибывшие за ними гаруды, погрузился в медитацию. Перед ним появились Ра, Арлих и Арарагат. Они были довольны проделанной работой и, поблагодарив, пообещали исполнить просьбу правителя Кеми и восстановить его здоровье.

Четыреста тридцать лет поколения свободных атлантов из Халидокеан были рабами в землях марсиан. Они радовались освобождению, как дети ликуют перед запечатанным подарком, — не зная, что ждет их в будущем. Они не ведали ощущения свободы, оно было им чуждо.

Шли годы, и с возвращением землян в Халидокеан, погребенное под слоем лавы зерно цивилизации в Атлантиде, начало медленно прорастать. Все города-энергоцентры стали заселяться, и строения вновь возвысились над зелеными джунглями. Потомки живших на этих землях атлантов освоили места обитания своих родителей, но их внутренние сущности не изменились. Вместе с ними в Атлантиду вернулись конфликты, войны, гонка передовых технологий, политика. Слово и не было этих четырехсот лет тишины, висевшей над покрытым лавой континентом.

После смещения полюсов и бегства атлантов с родного континента марсианам удалось найти идеальную для них форму правления, лишённую посторонних политических лидеров, таких как Арлих. Видя, что большинство атлантов вновь перебираются на подтопленный континент, они поняли необходимость создания нового единого государства на базе прежней Атлантиды. Оставив в недавно пост-

роенных городах своих преемников, марсианские лидеры вернулись в Атлантиду и начали руководить восстановительными работами. Используя при строительстве последние технологии, рабочие быстро возродили свой родной город Мэйнис и на правах новых хозяев построили Халидокеан. И новые города стали красивее и современнее своих предшественников.

Не видя в настоящий момент времени смысла в работе на физическом плане, Вознесенные Учителя отошли от политической игры, оставив за собой лишь храмы. Планета медленно, но верно вступала в эпоху пробуждения сознания, связанного с приближением Трета-юги. В этот момент времени сознание атлантов само должно было пройти трансформацию и преобразиться. Новый взгляд на жизнь, на братьев, отношение к войнам и оружию — все это должно было претерпеть изменения и не оставить темных пятен.

Время полноправного правления марсиан ознаменовалось возобновлением искусственно спровоцированных междоусобиц и внедрением финансово-денежных отношений. Атланты постепенно становились существами самостоятельно думающими и действующими на основании внутренних побуждений. Теперь они не бездумно соглашались со всеми решениями правительства, как было это раньше, а все чаще противились произволу власти и стремились реформировать систему. Они больше не хотели воевать против своих братьев и вообще брать в руки оружие. Культ денег казался им абсурдным и нелепым. Атланты удивлялись, как могли они прежде вести себя иначе. Все войны недалекого прошлого, воспоминания о

которых были еще свежи, казались им нелепыми и необоснованными. На фоне такого общенародного настроения марсианам становилось все тяжелее и тяжелее управлять атлантами. Правители надеялись, что, прилетев в Атлантиду, смогут укрепить свои позиции, но земляне оказали сопротивление — как внутреннее, так и внешнее. В такой ситуации было крайне сложно принимать выгодные для марсиан решения, и иногда приходилось принимать точку зрения большинства.

Пытаясь показать свою заботу, марсиане позволили коренному атланту занять трон Халидокеан на короткий срок. Несмотря на периодическое пробуждение атлантов, марсиане полагали, что взошедший на престол ставленник будет помогать им, но тот оказался учеником Наакальской Школы и, понимая всю важность момента, пошел по пути Света.

Марсиане не знали, что учителями выбранного ими атланта были лучшие жрецы Атлантиды, а иногда и сами Вознесенные Учителя проводили с ним по нескольку дней подряд, обучая предметам, не постижимым простыми смертными. Имя нового правителя было Осирис. В назначенное судьбой время он женился на своей сестре Исиде, любовь к которой пылала в его сердце с ранних лет. Брак был долгожданным для обоих супругов, безумно любящих друг друга. Чистую любовь не могли затмить даже нелепые слухи, распускаемые их родным братом Тифоном, завидующему славе и посту Осириса. Жена Тифона, Афродита, также являющаяся ему сестрой, была тайно влюблена в высокого атланта, со светлой энергетикой и добрым характером. Эту тайную любовь навсегда суждено ей было скры-

вать от землян и своего супруга.

Восход Осириса на трон Халидокеан стал началом правления над всей Атлантидой. Его методы могли сравниться разве что с методами Арлиха Вомалитеса, в которых главной ценностью государства являлись его жители. Осирис был сторонником созидательной политики и предпочитал Божественное проявление войнам. Ни одного серьезного военного конфликта не было учинено в годы его правления. В столь сложные для сознания времена он, наоборот, свел их к минимуму. Доброта, мир, Любовь и гармония были его жизненным кредо. Свое мировоззрение он старался привить другим. Очень хорошо Осирис понимал, что борьба Добра со Злом начинается внутри каждого живого существа, и его главная задача — склонить качели сознания в пользу Добра. Каждое светлое существо было факелом во тьме невежества землян, и чем больше от него вспыхивало сердец, тем больше Света и Любви проецировалось в мир.

Как свет и тьма, солнце и луна, день и ночь, были братья Осирис и Тифон. Если Осирисом двигало желание помогать атлантам, то для Тифона власть была лишь поводом для тщеславия и способом личного обогащения. Негодование кипело в душе Тифона, когда старшему брату оказывались почести. Ему тоже хотелось быть в центре внимания, ощущать на себе его славу и принимать поклоны в свою сторону. Одно было ему невдомек, что для Осириса власть была тяжелой ношей, а не поводом для гордости и тщеславия. Зависть Тифона сжигала изнутри. Ему хотелось почестей, славы и величия брата. Бессчетными, подлыми способами он пытался очернить Осириса в глазах

подданных, оспаривая принятые им решения и выставляя его некомпетентным правителем. Но все попытки Тифона были обречены на провал. Народ любил своего царя и чувствовал его заботу. Для них Осирис был жертвователем, пренебрегающим собой ради своего народа. Нелегко Тифону было подломить веру в него, и после долгих лет размышлений он со своими союзниками решился на убийство брата. Однако, как это сделать, не знал.

Осирис понимал, что жизнь протекает не только в Атлантиде, но и в отдаленных уголках планеты, где расположены небольшие поселения атлантов, сбежавших с главного континента по разным причинам. Много он путешествовал по этим неизведанным территориям, распространяя законы Добра и Любви. Везде, где останавливался Осирис, у него появлялись сотни учеников и последователей, старавшихся воплотить его идеи в жизнь. Именно благодаря этим последователям строились города и процветало искусство после ухода Осириса. На всей планете не было атланта почитаемого и любимого более, чем Осирис. Путешествия занимали порой целые годы. Годы, наполненные тоской Исиды по мужу. Темными ночами она сидела у открытого окна в своей комнате, вспоминая о муже, и даже не подозревала, что где-то сидит Афродита, и её мысли тоже наполнены тоскливыми грезами об Осирисе. Она была уверена, что, если бы не сестра Исида, добрый правитель Атлантиды мог бы быть с ней и именно она бы согревала его ложе. А так ей приходилось жить со вспыльчивым и раздражительным Тифоном, чья жестокость не знала границ. Ей давно надоели его пирушки и любовные похождения, которые он даже не пытался скрыть.

Путешествие Осириса в восточные земли заняло два долгих года. И хотя он постоянно поддерживал связь с женой, они очень соскучились друг по другу. Осирис был настолько мудр, что, даже зная о попытках своего брата Тифона соблазнить Исиду и заставить её встать на его сторону, без раздумья отправлялся в далекие путешествия. Он был уверен в порядочности и честности своей жены и не боялся оставлять её одну. Однажды утром Осирис связался с Исидой и сообщил о скором возвращении. Услышав это, обрадованная царица распорядилась устроить большой праздник.

Теплым летним днем гаруда с Осирисом на борту приземлилась на вершину храма Инкал под восторженное ликование толпы. Народу было так много, что все улицы, лучами идущие от главного храма в стороны, были забиты атлантами. Жители боготворили своего царя, почитая как светящегося Учителя. Исида встречала мужа на последней ступени храма, протянув руки. Двери гаруды открылись, и из них вышел Осирис. Он, как всегда, улыбался, был лучезарен, и вокруг него многие видели золотистый светящийся ореол. Поприветствовав собравшихся взмахом руки, он подошел к Исиде и крепко обнял. В этот момент в поле его зрения попала Афродита, стоявшая неподалеку и с грустью в глазах наблюдавшая за трогательной встречей возлюбленных. За одно мимолетное мгновение Осирис разглядел в этих глазах любовь и душевные муки.

Вечером в доме правителя был устроен праздничный ужин. Осирис видел, как процветает его народ, а это значило, что все задуманное им удавалось. В хорошем расположении духа он спустился в тронный зал, где уже

вовсю шло гулянье. Тифон распорядился, чтобы вина текли как из рога изобилия, и все были довольны. Осирис занял свое место рядом с супругой и с удовольствием принял ужин. Весь вечер Афродита не спускала глаз с объект своей любви, тайно желая близости. Увидев, что Осирис захмелел, она обманом отвлекла Исиду и тайком пробралась в спальню возлюбленного. Приглушив свет лампы, она заняла место Исиды и стала ждать. Дверь слегка приоткрылась, и силуэт высокого мужчины проник в комнату. Конечно, это был он! Афродита могла узнать его из тысячи. Скинув с себя одежду, Осирис лег в кровать и предался любви. Тот вечер был незабываемым для Афродиты.

Чувства к собственному супругу давно не волновали её сердце, а поэтому и физическая близость не приносила радости. Тифон не мог дать ей желаемого, и накапливающаяся неудовлетворенность перетекала в ссоры. Во время одной из них Афродита рассказала супругу о тайной любви к его брату и о том, что изменила. Тифон пришел в ярость. Ударив жену, он бросился к Осирису, но, вспомнив о физическом превосходстве брата, остановился. В открытом бою он был обречен на поражение. Обида, смешанная с местью, превращает даже самого ничтожного человека в безрассудного преступника, и чем слабее натура, тем более изощренным будет способ отмщения. К чести Тифона, он был силен, но не настолько глуп, чтобы в открытую объявлять брату войну, выставляя себя на всеобщее посмешище. Такое поспешное действие могло привести к сильному удару по репутации, и все бы вокруг узнали о неверности Афродиты.

Любовь собственной жены к его же брату была послед-

ней каплей, переполнившей чашу терпения, и коварный способ убийства сам влетел в голову. Не показывая враждебного отношения, Тифон втайне снял с Осириса мерки и устроил пир в его честь, на который созвал лишь своих приближенных. Когда все напились допьяна, сообщники Тифона вынесли для развлечения красивый саркофаг, украшенный драгоценными камнями.

— А теперь давайте сыграем в игру, — громко объявил Тифон, указав на саркофаг. — Я подарю его тому, кому он будет по размеру. Предлагаю начать с себя, — сказал он и лег в него.

— Он тебе слегка великоват, — заметил кто-то из присутствующих и занял его место.

— Тебе он тоже не по размеру, — сказал другой заговорщик.

Когда все померили саркофаг, наступила очередь Осириса. Едва он в него лег, как секретные замки сработали, и правитель Атлантиды оказался замурованным. В спешке заговорщики вынесли саркофаг и сбросили в реку Сморода.

Исчезновение Осириса вызвало большой ажиотаж, и по всему континенту объявили поиски. Никто не знал, что с ним произошло, и только Афродита, видевшая, как супруг строил саркофаг, понимала, что к этому исчезновению причастен Тифон. Опасаясь за свою жизнь и жизнь ребенка Осириса, которого носила в утробе, она бежала в окрестности города, предварительно рассказав сестре о поступке Тифона. Исиде было больно принять факт измены мужа, но по-женски ей было жаль сестру, и она не держала зла на её. Ведь понять — значит простить. А когда Афро-

дита покаялась и рассказала, что обманом овладела её мужем, Исида простила и его. Она знала, что прощение избавляет от душевных мучений.

Уже на следующий день она начала поиски мужа, и по её приказу множество гаруд было поднято в небо. Они летали вдоль рек и моря, высматривая с высоты на поверхности воды саркофаг. Несколько дней поисков результата не дали, но на третий день пилот одного из кораблей нашел похожий объект в болоте, покрытом высокой травой. Узнав об этом, Исида тут же отправляется на поиски, взяв с собой лишь близкого друга Осириса по имени Шуня. Вдвоем они преодолели труднопроходимую местность и нашли саркофаг запутанным в густой траве. Открыв его, Исида увидела мертвое тело горячо любимого мужа и упала перед ним на колени. Все, даже слабые надежды на чудо были потеряны, и она долго плакала, сидя напротив мертвого тела.

Внезапно позади Исида ощутила присутствие одного из Вознесенных Учителей. Она обернулась и увидела Арлиха Вомалитеса. Тот парил в метре от земли и смотрел на неё.

— Оживи его, Арлих! — взмолилась царица. — Я ведь знаю, что это в твоих силах.

— Я сделаю это, — ответил Арлих, и слезы исчезли с лица Исиды. — Я обязательно сделаю это. Воскресение Осириса из мертвых необходимо для дальнейшего развития жителей планеты. Оно заложит опыт обретения бессмертия через смерть в Коллективное Сознание всех землян. Сейчас тебе надо перенести тело в храм Инкал, и уже там я проведу необходимую церемонию.

Счастливая Исида вскочила на ноги, и вместе с Шуней

потацила тяжелый саркофаг в Халидокеан. Они боялись использовать для транспортировки гаруды, поскольку о нахождении саркофага мог узнать Тифон и помешать доставить тело домой. Их опасения оказались ненапряжными. Тифон, уже взошедший на царский престол, узнал от своих лазутчиков о возвращении сестры в город и велел выкрасть тело Осириса. Его приказ был исполнен, и военные не позволили Исиде и Шуне пройти в город. Они силой забрали саркофаг, убив при нападении Шуню, пытавшегося защитить Исиду и мертвое тело друга.

Не зная, как еще избавиться от тела, Тифон расчленил его на четырнадцать частей и приказал разбросать фрагменты по территории всей Атлантиды. Вновь Исида поддалась нападкам тоскливой печали и несколько дней провела в одиночестве, однако потом собралась с силами. Она подкупила одного из военных, и тот выкрал для неё схему направления движения военных гаруд, выполнявших приказ Тифона по уничтожению частей тела Осириса.

Благодаря помощи жителей Атлантиды, продолжавших любить и почитать правящую чету, Исида быстро нашла останки мужа и втайне доставила их в Инкал. Собрав все фрагменты тела воедино, она обнаружила, что не хватает одного фрагмента, самого важного для Воскрешения. Этой частью тела был фаллос. Проверив еще раз карту полетов, Исида, к своему ужасу, узнала, что он был выброшен в море, где стал кормом для рыб. Обида кольнула сердце, и Исида заплакала навзрыд. Она слишком хорошо знала о движении энергии в теле, чтобы понимать бесполезность попыток Воскрешения при отсутствии источника сексуальной энергии.

Как и в первый раз, за её спиной появился Арлих и успокоил её.

— Я знаю, как воссоздать утерянную часть тела, и сделаю это, — сказал он.

— Как такое возможно? — удивилась Исида.

— Все в нашей Вселенной сотворено по одним Законам, и, имея один фрагмент тела или любого другого строения, можно воссоздать остальное. Все подчиняется Сакральной Геометрии! Ты, что ли, забыла? — И Арлих воссоздал, казалось бы, навсегда потерянный фрагмент.

Арлих одновременно вел работу на нескольких уровнях — физическом, астральном, ментальном. И никто, кроме него, не мог это сделать лучше.

Воскрешение было одним из способов обретения бессмертия, но он сильно отличался от обретения бессмертия путем Вознесения. Главным отличием являлось то, что при Воскрешении живому существу надо было сначала пройти через физическую смерть, а только потом испытать удовольствие от осознания бессмертия. При Вознесении это осознание происходило без смерти, и существо просто становилось бессмертным. Вознесение является более удачным способом обретения бессмертия, но и Воскрешение было приемлемым, и даже необходимым, на том этапе истории.

Собрав все фрагменты тела воедино, Арлих приложил к затылку Осириса жезл, с камертоном на одном конце и загнутый на другом. При помощи этого инструмента Воскрешения он поднимал вибрации тела до нужного уровня, пока в мертвом не начинали происходить метаморфозы личности и не менялся химический состав тела.

Наряду с химическим составом преобразилась и форма тела. Несколько часов длилась тайная церемония Воскрешения, во время которой Арлих использовал анх, цеп, посох, жезл и другие ритуальные атрибуты.

Когда все было закончено, Осирис приподнялся на столе и посмотрел на жену. По его взгляду было заметно, что он пережил серьезные внутренние потрясения и прошел через изменения. Его сознание словно находилось далеко от Инкала.

— Это все скоро пройдет — сказал Арлих. — Ты не вини в произошедшем Тифона и Афродиту. Просто они не лучшим образом сыграли свои роли в этой жизни и попались на некоторые уловки.

Обретя бессмертие, Осирис не перестал любить Исиду, и скоро она родила ребенка, зачатого беспристрастным способом. Вскоре после этого и сама Исида вступила в ряды Вознесенных Учителей, пополнив пантеон величайших существ планеты.

.....

А тем временем планета-космодром Мардук приближалась к Земле. Царившая на ней атмосфере была радужной, и виной всему стала новая проблема, поставившая перед нефилимами вопрос их полного исчезновения. Связано это было с потерей четырех «атомов». Их имена были Энлиль, Ануш, Ишон, имени четвертого — старца, никто не знал. В течение нескольких месяцев об этих нефилимах никто ничего не слышал, а потом Ану простил их и решил вернуть обратно, но только поиски не увенчались успехом. Вместо них была обнаружена лишь пещера, где

они обитали, и полуразрушенный древний храм. Неопределенность оказалась хуже их смерти. Ану не знал, обращаться ли ему к жрецам из пещер, чтобы те создали новых особей для поддержания необходимой численности живущих собратьев. Нехватка четырех элементов одного тела представляла собой опасность, но еще страшнее было увеличение числа «атомов». Чтобы знать наверняка, Ану привлек к работе лучших магов Родины, чтобы те установили местопребывание соплеменников.

Маги провели кропотливую работу в тонких мирах, прежде чем узнали об уходе собратьев с физического плана своей планеты. Этот поступок привел в бешенство Ану и его окружение.

— Энлиль, как всегда, в своем репертуаре, — возмутился Энки. — Он нас даже не предупредил об этом поступке, хотя прекрасно знал, что это приведет к исчезновению расы.

— А он мог знать, что погибнет? — спросил Беримир у магов.

— Скорее всего, он знал, что физическое тело будет разрушено, — ответил Лучезар.

— Что значит «физическое тело»? — удивился Энки.

— Не забывай, что физическое тело есть лишь оболочка, в которую завернута душа, — ответил маг.

— Ты хочешь сказать, что они все совершили осознанное самоубийство, чтобы узнать о существовании души? — спросил Энки.

— Да.

— Видимо, после изгнания Энлиль окончательно сошел с ума. Как можно верить в такие глупости! — возмутился

Энки.

Ану было неприятно слышать такие слова в адрес Энлиля, даже несмотря на его поступок.

— Это не такие уж и глупости, — заметил Лучезар.

— Если все они погибли, нам нужно создавать новые тела, — сказал Ану.

— Я не знаю, как работают жрецы над воспроизводством тел, но если рассуждать логически, то каждое тело должно иметь душу, которая бы руководила им. А кого жрецы будут переселять в новые тела, если мы не знаем местонахождение потерянных нефилимов.

Ану задумался. Ему, в отличие от его собратьев, был известен секрет запечатанной пещеры, из которой выходили молодые особи нефилимов. Также он знал и о существовании души. Даже если бы он велел жрецам создать тела, они все равно были бы пусты и безжизненны.

— Я думаю, мы столкнулись с еще более серьезной проблемой, чем предполагали, — продолжая размышлять, тихо произнес Ану. — Нам все равно придется искать их, но уже не в пределах Родины, а в пределах всей Галактики, на всех уровнях, — и Ану посмотрел на магов. Только они поняли смысл сказанных им слов.

— Мы уже пытались узнать место их нахождения, и из всевозможных вариантов пока остается только один, — ответил Лучезар.

— И где они могут быть?

— Скорее всего, сейчас они находятся на планете Земля, в нашем же измерении. Именно там, где мы добывали золото.

— Ты хочешь сказать, что они совершают там

перерождения? — удивлению Ану не было предела. Он не понимал, как существа такого высокого уровня сознания могли променять свою жизнь, на жизнь среди примитивных землян.

— Я считаю это вполне возможным, — сказал Лучезар. — Энлиль очень любил и эту планету, и землян.

— Значит, в этот раз мы не только заберем с неё золото, но и вернем беглецов домой, — грозно произнес Ану.

— А если они не заходят? — спросил Беримир. — Ведь они не считают себя виновными в той ситуации, за которую их осудили.

— Если не захотят добровольно, мы вернем их силой, — сказал Энки, глядя прямо в глаза собрату.

— Готовьте военные корабли, и снабдите их высокочастотными радарными, с помощью которых мы сможем вычислить их по духовной составляющей из миллиона землян, — приказал Ану. — А я пока свяжусь с Галактическим Советом и попрошу разрешения на вторжение в жизнь землян.

Галактический Совет выслушал Ану и не мог не согласиться с необходимостью поиска собратьев. Расу нефилимов нужно было спасать. Как каждое существо необходимо для полноценного существования планеты, так и каждая раса поддерживала гармонию и баланс во всей, поистине безграничной, Галактике, обширность которой невозможно постичь и даже представить.

Незадолго до приближения Мардука к Земле вся военная мощь нефилимов была наготове. Операцию по поиску беглецов предстояло провести стремительно, в кратчай-

шие сроки, чтобы успеть вернуться на космодром до того, как Мардук отлетит от планеты на большое расстояние.

Когда планеты сблизились, тысячи космических кораблей устремились на Землю. Руководителем операции был назначен Энки. С нетерпением он ждал того момента, когда встретит давнего соперника Энлиля и осудит его. Войдя в атмосферу Земли, нефилимы включили свои радары и приступили к работе. Выстроенные города удивили их своими размерами и сооружениями. Нефилимы не ожидали увидеть такого технического прорыва в развитии цивилизации созданных ими тварей. Внизу по морям плавали лодки, в воздухе парили летательные аппараты, по суше ездили гусеничные машины.

Несколько дней неизвестные корабли кружили над планетой, а испуганные атланты строили предположения относительно их появления в небе. Все попытки связи были проигнорированы гостями, а если к ним приближались гаруды, то это заканчивалось уничтожением последних. Нефилимы не хотели идти на контакт со своими слабо развитыми детьми, несмотря на то, что они возвели такие города. Для «родителей» все, что было построено здесь, являлось всего лишь бесполезными и непрактичными игрушками в руках неумелых малышей. Все приблизившиеся к нефилимам гаруды оказались сбиты. Строения отражали от себя лучи радара, и невозможно было просканировать многие части городов. Предполагая, что Энлиль скрывается в одном из таких мест, Энки дал команду разрушать все здания, поверхность которых отражала волны, идущие от поискового аппарата. Вот тут-то и началось самое страшное для землян. Ни один из самых жутких

фильмов, которые десятками показывали ежедневно по всем телеканалам, не показывал ничего подобного. Бело-желтые лучи лазера плавными движениями вспахивали города. Здания взрывались и падали, накрывая собой атлантов. Над каждым городом стоял высокий столб пыли, и видимость была почти нулевая. Жители городов в панике покидали свои дома, и искали спасения под густыми кронами леса.

Неделю продлились интенсивные поиски сбежавших. Все города превратились в руины, а атланты были напуганы до смерти. Даже марсиане спрятались в подземное бомбоубежище и боялись появляться на поверхности планеты. Их технологии оказались детской игрушкой против оружия гостей. Посланная артиллерия была полностью разгромлена. Самооценка марсиан была унижена.

Поиски Энлиля не увенчались успехом, и раздосадованному Энки не оставалось ничего другого, как вернуться на Мардук с пустыми руками. Его больше волновало само обнаружение давнего соперника и дальнейшее наказание, чем последствия побега. Нефилимы вынуждены были ждать год до того момента, когда планеты вновь сблизятся и появится возможность возобновить поиски. За неделю, по меркам землян, нефилимы полностью уничтожили все города, возводимые атлантами в течение многих лет, и поставили под сомнение совершенство разработанных технологий. Единственным объяснением того, что Энлиль не был обнаружен, которое нашли маги, являлась смерть физического тела, а значит, пребывание его самого на тонких планах планеты в момент поисков.

Когда в небе стихло и с радаров исчезли неизвестные

корабли, марсиане вылезли из своего убежища и поняли, что им вновь придется восстанавливать города. Нет никого придирчивее, чем существо с заниженной самооценкой. Такой тип всегда всем недоволен и замечает вокруг себя лишь негатив. Так случилось и с красными атлантами. Они стали раздражительны и недовольны действиями остальных атлантов. Принимаемые ими законы были чрезмерно жестки и шли в ущерб интересам рядовых граждан. Навязываемый тоталитарный режим правления встречал все большее и большее сопротивление народа, которое в один из дней вылилось в кровопролитный бунт.

Несколько тысяч атлантов одновременно вышли на главные площади своих городов с мирными маршами, направленными против повышения налогов на воду. Уверовавшие в собственную безнаказанность, марсиане решили силой подавить митинг, чтобы показать всем остальным жителям бесполезность их попыток изменить систему в лучшую для себя сторону. Подчиненная правительству армия силой хотела разогнать демонстрацию, используя при этом оружие, но в ответ атланты объединились и пошли в ответное наступление. Митингующие напали на отряд военных, нанося удары и топча упавших ногами.

В городе Сас митингующие загнали вооруженный отряд военных к самому Дому правительства и, забрав оружие, открыли огонь по окнам. Представители муниципальной власти, находившиеся в тот момент на своих рабочих местах, в страхе спрятались в подвале, а правитель города скрылся по секретному подземному туннелю. Он в панике сбежал в Халидокеан к своим собратьям-марсианам.

Только тогда правительство осознало свою уязви-

мость перед народом, который они не считали полноценным и приравнивали к стаду. Собравшись вместе, атланты поняли, что именно в этом объединении и заключается их преимущество и только так можно противостоять вооруженной власти и тоталитарной системе. Весь народ уничтожить невозможно, да и в этом нет смысла. Ведь, если не останется никого, нечем будет и управлять. Насильственные меры по отношению к землянам становились бесполезны, поскольку встречали яростное сопротивление, и тогда марсиане всерьез задумались над альтернативными способами порабощения своего народа. На протяжении восьми тысячелетий несколькими поколениями красных атлантов разрабатывались самые разнообразные методы. Какие-то из них внедрялись, но были не так эффективны, как того ожидали марсиане, какие-то так и остались в стадии разработки. Около шестидесяти способов тоталитарного управления было придумано и использовано только за первое тысячелетие, и все они не имели должного результата.

Войны за природные ресурсы сменялись войнами за власть. Кровопролитные революции чередовались с импичментами и переворотами. Но марсиане всегда оставались на вершине власти, и у руля потоков денежных средств. Уже после первых волнений марсиане осознали, что уязвимы по причине публичности и их положения в обществе, и ушли в тень, назначив на руководящие посты представителей иври, которыми стали манипулировать. К примеру, когда они видели недовольство общества правящей политической системой, они разрабатывали новую систему и, свергнув, при помощи искусственного переворота, прежнюю, устанавливали её, выдвигая своего

очередного ставленника на пост лидера. Преимущество таких манипуляций заключалось в том, что земляне свято верили, будто именно они выбирают правительство, проводят реформы, управляют жизнью, хотя в действительности это была лишь иллюзия. Президенты, министры, мэры, губернаторы, сенаторы были марионетками в руках марсиан, которые находились в тени и неприкосновенности. Ставленников назначали и смещали, вводили в высшие эшелоны власти и ликвидировали физически. Для марсиан все они были такими же атлантами, как и остальные, а поэтому с ними не считались. Управление шло за счет приказов и неприкрытой лести. Иври и многие другие атланты были готовы подчиняться и терпеть унижение ради назначения на руководящие посты, где могли приказывать тем, кто ниже их по статусу, и радоваться грязным деньгам, полученным от искусно выстроенных теневых схем. Манящая жажда денег и власти была сильнее нравственных устоев этих особей. Марсианам доставлял удовольствие сам процесс манипулирования землянами. Уход «в тень» атлантов с марсианскими корнями положил начало созданию «тайного правительства».

Несмотря на шагающую по планете «эпоху духовного прозрения», марсиане сохраняли свои позиции и держали атлантов на коротком поводке. Вознесенные Учителя были довольны воспоминаниями землян об их божественности и природном начале. И хотя большинство атлантов попрежнему не помнили о телепатическом общении и месмеризме, они стремились к росту и делали успехи. По всей планете в большом количестве открывались школы духовного развития, где учителя делились своим опытом со

всеми желающими. Медитативные практики стали привычным явлением, и в каждом парке можно было встретить с десяток горожан, сидящих в глубокой медитации. Многие воспитанники духовных школ научились покидать свое тело и выходить в астрал. Однако из миллионов стремящихся к Свету существ лишь немногиеполнили ряды Вознесенных Учителей и обрели бессмертие. Теперь численность Вознесенных Учителей на Земле составляла 1654.

Технологии атлантов оставались на высоком уровне. Множество устройств изобрели они после вторжения нефелимов, чтобы отвести от себя угрозу из Космоса. Целые институты астрономии с современнейшими обсерваториями наблюдали за движениями в небе и предупреждали о любой потенциальной опасности. Ни один корабль не мог пролететь мимо оставшись незамеченным. Астрономы занимались изучением планет и сканированием небесных просторов с целью выявления угрозы. Однажды в Дом правительства, что в Халидокеан, пришло экстренное послание из Му, в котором сообщалось об обнаружении в космическом пространстве объекта,двигающегося в сторону Земли. Эта весть тут же облетела весь мир и оживила атлантов. Особенный интерес к ней проявили марсиане. Воспоминания о природных катаклизмах, случившихся четырнадцатью тысячелетиями ранее, остались в документальных хрониках, и попрежнему вселяли в марсиан страх. Никто не хотел повторения подобных событий, а особенно марсиане.

Стремясь показать заботу о населении, марсиане попросили правителя Атлантиды собрать все руководство и выступить перед атлантами на площади. В тот день

все теле и радио каналы транслировали в прямом эфире обращение верховного главнокомандующего к жителям страны.

— Дорогие атланты! — начал правитель точно в назначенное время. — Сегодня перед нами встала серьезная проблема, которую надо преодолеть. И давайте решать её все вместе, как мы всегда это делали. Всем вам хорошо известно, что в сторону нашей планеты летит комета, и вероятность того, что она пролетит мимо, ничтожно мала. Её траектория проходит прямо через Землю. Иными словами, наша планета стоит на её пути. Я, как правитель, которому не безразлична судьба его народа, предлагаю уничтожить комету и не дать ей столкнуться со всеми нами любимой Землей. Думаю, все вы хотите видеть ваших детей живущих в спокойном мире, поэтому поддержите меня в этом начинании. Давайте уже, наконец, использовать наш научно-технический потенциал для спасения, а не для разрушения! Мы направим на летящую комету современное оружие, и когда она подлетит достаточно близко, взорвем её. Образовавшиеся мелкие осколки изменят траекторию и пролетят мимо, а даже если какие-то из них и попадут в атмосферу, то они будут безопасны для нашего существования. Не забывайте, что комета или её осколки могут уничтожить вас, ваш дом и вашу семью.

Весь мир слушал правителя. Выступление было организовано лучшим образом и обставлено в мрачных тонах. Организаторы понимали, что для поддержки такого решения необходимо нагнать страху. Сцена была сделана в виде кометы, с красным огненным хвостом, а правитель на её фоне смотрелся спасителем. Закончив свою речь,

он отступил от микрофона, показывая, что ждет реакции на предложенные меры.

Собравшийся народ стоял в нерешительности и обдумывал сказанные слова. В каждом землянине бодрствовало природное начало, шепчущее о божественности каждого природного явления и катаклизма. Неожиданно в толпе начались волнения, и на сцену поднялся один из духовных лидеров, пользовавшийся большим уважением. Этого никто не ожидал, и появление его вызвало переполох среди представителей правительства. Однако собравшиеся атланты были ему рады. Они выкрикивали его имя и аплодировали. Видя такую реакцию, сторонники марсиан не посмели прогнать духовного лидера и, вжав головы в плечи, стали наблюдать за его действиями.

Подойдя к микрофону, Заратуштра представился и извинился перед правителем за свою незапланированную речь.

— Меня здесь сегодня никто не ждет, поэтому буду краток, — начал Заратуштра. — Все мы на протяжении многих веков шли на поводу у страха и гордыни, что, впрочем одно и то же. В течение эпох эти чувства управляли нами, указывая, что делать. Лично мне это надоело. Большинство из вас уже осознает свое божественное начало, всегда неотъемлемое, но порой дремлющее. Давайте уже прислушаемся к своему сердцу — что оно нам скажет? Может, оно не хочет больше насилия над природой? Может, природа хочет отдаться в руки уготованной ей судьбы? И эта судьба, как всегда, изменит все к лучшему? Помните, что природа — это Бог, а Бог — синоним Любви. Разве Любовь может причинить вред? Конечно, нет! Любовь

может все расставить на свои места и своими действиями восстановить гармонию! Все природные явления — это элемент божественного проявления, который всегда приходит вовремя. Я не могу решить за вас, как и никто другой не вправе делать это. Но вы прислушайтесь к своему сердцу! Оно — это вы! А вы себя не обманите! — заключил Заратуштра и под громкий звук аплодисментов спустился обратно в толпу.

Сторонники марсиан поняли, что проиграли эту информационную войну, и теперь никто из землян их не поддержит.

— Мы не можем поступить иначе, чем дать комете врезаться в Землю. Народом было принято решение, и если мы пойдем против него, то это вызовет бунты по всей планете, — сказал один из марсиан на встрече по окончании выступления.

— И что? У нас есть оружие! Мы с легкостью их подавим! — противоречил его товарищ.

— Не получится! Каждый атлант пойдет до конца и не отступит от своего, пока не умрет. А, перебив их всех, кем будем управлять? Понимаешь, о чем я говорю?

— Да. Я понял. Тут ты прав. У нас не остается ничего иного, как позволить комете столкнуться с планетой.

— Давайте посмотрим на эту ситуацию с другой стороны, — сказал марсианин. — Сейчас у нас есть реальная возможность укрепить позиции нынешнего правителя. Ведь если комета столкнется с Землей в районе какого-то населенного пункта, это приведет к большим жертвам, и вот тут земляне поймут, что были не правы. В дальнейшем во всех вопросах они будут полностью пола-

гаться на мнение своего правителя, чтобы избежать подобных последствий.

— Тоже верно, — кивнул головой товарищ.

— Тогда предлагаю поступить так, как того хочет стадо, — заключил начавший диалог марсианин и откинулся на спинку кресла из чистого золота.

Лидеры марсиан знали точный день и час, когда комета влетит в атмосферу Земли, и поэтому заблаговременно переместились в подземное бомбоубежище, даже не оповестив об этом многих из своих собратьев.

Комета с ревом влетела в атмосферу и со страшным грохотом упала в воды мирового океана рядом с западным побережьем Атлантиды. Куски смертоносного небесного тела и тверди земной разлетелись на многие километры. Часть осколков достигли тех мест, куда первоначально перебрались земляне после затопления Лемурии, а один, самый большой полетел в сторону Атлантиды. Жители Мэйниса с ужасом наблюдали, как что-то бесформенное и огромное летит прямо на них и врезается в одно из правительственных зданий, разрушив его до основания. Так перст судьбы указал на виновников «разложения» общества и его истинных врагов. Строение с грохотом пало, похоронив под собой десятки красных атлантов, а фрагменты здания разлетелись в стороны, покалечив еще сотни горожан.

Наблюдавшие из подземного хранилища за падением кометы марсиане пришли в ужас. Это был сильнейший удар по их репутации. Комета не нанесла почти никакого урона землянам, но выставила посмешищами марсиан. Взглянув на сейсмокарту, еще одна волна ужаса окатила

правителей. Падение кометы породило многометровые волны, неумолимо движущиеся напрямик к западному берегу Атлантиды. А так как спасительное убежище находилось почти на самом побережье, риск затопления этого сооружения был очевиден. В спешке марсиане покидали свое убежище через люк, который вот-вот мог превратиться в надгробную плиту. Выскочив на поверхность, они озирались по сторонам в надежде увидеть спасительную гаруду, но её нигде не было. Вдалеке уже слышался грохот воды. Внезапно поверхность земли с растущей на ней травой раскинулась в стороны, и из неё медленно поднялась гаруда: летательные корабли были спрятаны в убежище как раз для подобных случаев. Потом появилась еще одна.

Гаруда вмещала в себя до двадцати атлантов, в то время как марсиан оказалось вдвое больше, однако двух кораблей должно было хватить. Погрузившись, красные атланты со страхом озирались назад, откуда высокие волны мчались на них. Руки пилотов так тряслись, что один из них не мог попасть в кнопку запуска, и отлет затягивался. Первый корабль резко, почти вертикально взмыл в небо, и от этого маневра пассажиры попадали с ног. Стремительные потоки воды безжалостно приближались к убежищу, и, когда до них оставалось не больше двадцати метров, первый корабль набрал высоту. Сверху вниз пассажиры первого корабля наблюдали за попытками пилота поднять второе судно. Они видели сквозь стекла лица своих собратьев, с ужасом наблюдавших за тоннами воды, приближающимися к ним. Всего за доли секунды вторая гаруда начала набирать высоту, но многотонная волна с силой

ударил её в хвостовой отсек. Корабль перевернулся в воздухе и, потеряв управление, упал в бушующие воды. Волны начали бросать его как щепку, ударяя и накрывая собой. В кратковременные моменты подъема из морских пучин, марсиане с первого судна видели, как бьются стекла и вода заливается внутрь.

Пилот спасшейся гаруды поднял корабль в воздух, и зависнув над местом трагедии, марсиане стали молча всматриваться в бушующую воду. Они уже не кричали, опасаясь за своих собратьев. На корабле стояла скорбная тишина. Марсиане надеялись, что выживет хоть кто-то, но с высоты было видно, как тела некоторых из них волны несли прочь.

Бесславное возвращение домой усугублялось трагедией, унесшей жизни половины марсианских лидеров. Все считали красных атлантов бездушными и жестокими существами, лишенными положительных эмоций. Но все их железное безразличие дрогнуло, когда беда коснулась их самим. Никто не мог помочь им избавиться от этих мучительных переживаний. Но скорее всего, это была не жалость, а просто чувство привязанности к своим собратьям причиняло такие страшные ощущения. Но, так или иначе, принятие землянами решения о столкновении кометы с землей вызывало в марсианах злость. Уже никто не мог остановить их стремления отомстить за смерть близких. Даже Вселенские Законы и Галактический Совет стали им не указ. Марсиане были готовы пойти на все, лишь бы добиться поставленной цели и поработить землян.

Атланты убедились в том, что любые природные катаклизмы несут в мир гармонию и справедливость. Все

телевизионные каналы смаковали момент столкновения осколка кометы с правительственным сооружением в городе марсиан. Их реакцией было ехидство, и никто не скрывал ликования. Землянам казалось, что природа отомстила их давним обидчикам, нанеся нокаутирующий удар по самолюбию. Марсиане видели это ликование, и оно злило их еще больше.

Желая отомстить за гибель собратьев, они возобновили исследования в направлении порабощения землян и, изучив массу информации, наткнулись на старые хроники, где говорилось о поставленном на Марсе эксперименте. Цикл вращения Земли вокруг Солнца положительно сказывался и на сознании марсиан. В этой заключительной стадии Эпохи Просветления их пониманию были более доступны знания древних, чем прежде. Изучая материалы, они нашли сведения о Мер-Ка-Ба, которую можно было активизировать вокруг своего тела, сделав из него универсальное орудие Добра и Зла. Эмоции, за счет которых активизировалось поле света, атрофировались, и не оставалось ничего другого, как воссоздать их искусственным способом. Была создана комиссия, в которую вошли виднейшие ученые-марсиане. Сложность ситуации заключалась в том, что из-за давности проводимого эксперимента многие материалы были потеряны, а какие-то оказались вне понимания. В течение нескольких лет ученые по крупицам собирали информацию. А когда все знания, сведенные воедино были проанализированы, состоялось совещание между лидерами марсиан и группой ученых.

— Мы изучили весь найденный материал по эксперименту Мер-Ка-Ба и его последствиям, — сказал пред-

седатель комиссии. — Исходя из собранного материала мы считаем проведение эксперимента с искусственной Мер-Ка-Ба крайне опасным для нас и планеты в целом. Велика вероятность вновь потерять планету, как это было много лет назад.

— Давай отбросим все эти мрачные размышления и перейдем к делу, — раздраженно сказал лидер марсиан. — Если мы все сделаем правильно, все будет хорошо. — Для создания Мер-Ка-Ба нам нужно выбрать место, и соорудить на нем определенную постройку. — И он вывел на большой экран образ постройки и место её расположения. — Она должна находиться в строго определенном месте и соответствовать его вибрации.

— Ты скажи, реально ли построить эту штуку и будет ли она работать? — перебил его военный.

— Да, — кратко ответил ученый.

— Но мы должны предупредить о незаконности этого эксперимента, — предупредил другой ученый, сидящий по левую руку от председателя комиссии. — Если что-то пойдет не так, произойдет масса катастрофических явлений. Возможно даже, что это приведет решетку Сознания Христа в пассивное состояние.

— Нам наплевать на эти Законы, и вам тоже они должны быть безразличны. Послушав один раз землян, мы потеряли наших товарищей, и теперь не должны ни перед чем останавливаться. Наша цель — взять планету под контроль, и мы добьемся своего.

— Тогда где вы предлагаете создать эту Мер-Ка-Ба? — спросил военный у ученых, бросив взгляд на раздраженного товарища.

— Её однозначно нужно создавать в Атлантиде или на островах рядом с ней. Мы предлагаем выстроить её на самом южном острове. Он практически необитаем, и там она не будет бросаться в глаза.

— Сколько времени вам потребуется для осуществления этого проекта?

— Несколько месяцев.

— Хорошо. Тогда можете преступать к работе, — подвел черту председатель комиссии и своим видом показал, что разговор окончен.

— Не слишком нагло мы действуем? Я понимаю причины нашего стремления к порабощению землян, но идти против всей Галактики — глупо, — продолжил диалог военный, когда ученые вышли из комнаты.

— Нет, это справедливо, — возражал председатель комиссии. — Вся Вселенная знала о комете, но никто нам ничего не сказал. После этого мы имеем полное право делать все, что нам захочется.

Всем марсианам было наплевать на мнение землян, и они даже не стали скрывать идею строительства искусственной Мер-Ка-Ба. Вознесенные Учителя и другие духовные лидеры пришли в ужас от замысла красных атлантов. Они на практике знали силу Мер-Ка-Ба и боялись использования её против себя. Однако все способы переубедить марсиан были ими проигнорированы, а попытки остановить эксперимент, подавлены силой. Унижение толкало на необдуманные поступки.

Знание Сакральной Геометрии было сугубо логическим способом постижения мира и Мер-Ка-Ба. Именно при помощи них, ученые спроектировали сооружение, пред-

ставляющее «фундамент» для энергетической составляющей искусственной Мер-Ка-Ба.

Лидеры Вознесенных Учителей собрались в живописном лесу близ Халидокеан. Ими обсуждался вопрос о постройке марсианской Мер-Ка-Ба, и о том, как можно было повлиять живым полем на искусственное.

— Каковы наши шансы на успех, если мы создадим коллективную Мер-Ка-Ба? Она сможет заглушить работу марсианского эксперимента? — спросил Джирджис, смотря вдаль.

— Насколько мне известно, еще ни разу за всю историю землян никто не создавал ничего подобного, — ответил Тоум. — Вы только представьте, какого размера окажется поле Мер-Ка-Ба, если будет состоять из активных полей полутора тысяч Вознесенных Учителей.

— Она будет огромна, и сила не сравнима ни с чем.

— Вообще не понимаю, как марсианам удалось запустить весь этот эксперимент! Ведь в нем должно принимать участие много умных существ, прекрасно понимающих возможные последствия, — удивлялся Ра.

— Они их либо купили, либо запугали, — ответил Тоум.

— Миром правят деньги, а не правда! Сколько можно с этим мириться? — отчаянно произнес Арарагат.

— Спокойнее, Арарагат, — сказала Тайа. — Не забывай, что внутренняя борьба происходит в сущности каждое мгновение и не всегда она заканчивается в пользу Света. Сейчас ты пытаешься встать на путь истины и найти справедливость, забыв о Единстве мира. Бери пример с Арлиха Вомалитеса. Это мудрейший правитель во всей истории

Атлантиды и Лемурии. Он не распыляет себя во внешний мир — не взывает к насилию, не устраивает митинги и марши протеста. Зато проводит колоссальную работу на внутренних планах. Он, как никто, понимает силу влияния тонких миров на физический мир. Ты можешь не соглашаться с происходящим на планете, но не стоит полагать, будто ты способен что-то изменить насильем в этом дуальном мире. Так называемое Зло дает возможность сравнивать и анализировать. Без него весь Эксперимент рухнет, поскольку Добро и Зло являются фундаментом, в котором потеря одного из компонентов неминуемо повлечет за собой распад Целого.

Несмотря на услышанные слова, внутри Арарагата кипело негодование.

— Я головой понимаю весь дуализм мира и его Единство, но мои чувства и эмоции бунтуют. Они не хотят мириться с царящей вокруг несправедливостью.

— Ты слишком много времени провел среди атлантов без медитации. Твои эмоции выходят из-под контроля. Такими темпами ты скоро можешь встать в один ряд с нашими собратьями, использующими правополушарные технологии для разрушения. Советую тебе возобновить медитации, и особый акцент удели медитации Мер-Ка-Ба. Пока она у тебя активна, никакие внешние факторы не смогут поколебать твою память и духовное состояние. Даже воздействие Кали-юги не будет тебе помехой.

Проанализировав ощущения, возникающие в последнее время, Арарагат понял, что его стягивает в пучину мирских проблем, на которые ему уже тяжело взглянуть со стороны.

Беседа Учителей могла продолжаться еще долго, но пространство невероятным образом исказилось, и сквозь открывшиеся порталы, в физический мир стали засасываться сущности низших измерений. Произошедшее было страшно! Создавалось впечатление, что кто-то вылил полное ведро грязи в небольшой таз с чистой водой. По пространству волнам прокатывались недовольство, страх, возмущение. Существа низших измерений десятками тысяч ежеминутно попадали в астральный план третьего измерения. Учителя видели образы этих испуганных существ, мечущихся в новом для себя месте. Они были напуганы и потому, не зная как себя вести, вытворяли странные вещи.

Найдя источник проблемы, Учителя переместились ближе к нему. Всему виной было неверное построение Мер-Ка-Ба. Ученые-марсиане что-то не учли в своей работе, и искусственная Мер-Ка-Ба оказалась неуправляемой. Она открывала порталы и засасывала сущностей низших измерений. Столб возмущения уходил высоко вверх, пронизывая все Космическое пространство и вызывая недовольство в самых удаленных уголках Вселенной.

Из астрала было хорошо видно, как испуганные существа в панике бросались из стороны в сторону. Им требовалась энергия для жизни, но найти её источник в новом мире было тяжело. Повинуясь интуиции, они стали вторгаться в те места, где образовывались бреши в биополях атлантов. И так забивали эти бреши собой.

В вызванные негативными мыслями и эмоциями бреши Игрок подсеял сущности для реализации «причинно-следственной связи». Так было всегда. Однако сейчас

количество астральных сущностей превосходило число землян в несколько раз. Появление сущностей было бесконтрольным и они подсеялись ко всем существам, минуя очередной порядок. Они забивались даже в самую незначительную брешь.

Пришедшие существа были представителями низших измерений, в которых господствовали совершенно иные правила и законы. Там жизнь велась по другим сценариям, а Добро зачастую являлось Злом. Не зная устоев нового мира, они продолжали существовать по прежним понятиям, привнося в мир неподходящие для его сценария действия. Множество маниакальных сущностей вынуждали своих новых хозяев выполнять их волю, навязывая собственные желания. Они воздействовали на желания атлантов, их инстинкты, и подавляли волю. Порой земляне сами не понимали, почему ведут себя необычным образом, в голову лезут новые мысли и возникают несвойственные прежде желания. Стало опасно находиться даже в собственном доме. Астральные сущности стали управлять атлантами, и всего за несколько часов в мире воцарился хаос. Образы существ были непривычны для глаз землян, оттого и страшны. Счастье атлантов заключалось в их незнании. Все они чувствовали резко изменившуюся атмосферу на планете, но мало кто видел мечущихся существ.

Увидя неправильное функционирование искусственной Мер-Ка-Ба, Вознесенные Учителя пришли в ужас. Устройство было неуправляемо. Из астрального плана они наблюдали, как ученые-марсиане пытались остановить эксперимент, понимая, что где-то допустили ошибку. Как бы Учителя не хотели помочь марсианам, они не могли

ничего сделать. Время играло не в пользу жителей Земли. С каждой минутой в их измерение засасывало все больше и больше посторонних сущностей. Марсиане прекратили эксперимент, как только он пошел не по запланированному сценарию, и всеми способами пробовали вернуть все обратно. Однако все их попытки были тщетны. Они не могли заставить Мер-Ка-Ба работать в обратном режиме, то есть возвращать сущностей в их миры.

Учителя понимали, что техническими разработками красных атлантов, невозможно будет вернуть сущностей в их родные миры. Вся работа должна была проходить на тонких уровнях, в то время как марсиане даже не могли выйти в астрал.

Жизнь кардинально изменилась на планете в течение нескольких часов. Вторгшиеся примитивные сущности принесли в неё насилие, звериную страсть, похоть, тягу к наркотикам — иными словами, все то, из чего сами могли получить энергию, соответствующую собственным вибрациям. Из индивидуальностей атланты преобразовались в похотливых существ, движимых вперед лишь звериными инстинктами. Вокруг вспыхивали конфликты из-за мелочей, публичное совокупление вмиг стало естественным явлением, пьянство, странные пляски и беспричинная агрессия перешли в разряд обыденного. Лишь немногие прислушивались к себе и понимали, что происходящее не соответствует их внутренней структуре и является навязанным извне. Царящая вокруг дикость переходила все границы, и даже лидеры марсиан испытывали от этого ужас.

Арлих увидел стремительный захват сущностями

земных тел и манипулирование ими и понял, от кого придется ждать наибольших проблем, если эти сущности вторгнутся в тела марсиан. Вмиг он оказался рядом с убежищем марсиан, из которого те наблюдали за происходящими в мире событиями. Материализовавшись прямо посреди комнаты, он обвел их осуждающим взглядом. Марсиане опешили от неожиданного появления Арлиха.

— Вы хоть знаете, что причина всего происходящего на планете в вас? — Арлих был зол. — Вы и понятия не имеете о том, что пытались построить!

— Объясни, что произошло с землянами? — попросил военный, стараясь не встречаться взглядом с Арлихом.

— Ваша Мер-Ка-Ба взбесилась и втянула в наш мир миллионы существ из других миров. Они вселяются в тела и управляют ими, не спросив разрешения даже у тех, кто с рождения живет в них. Еще совсем немного — и весь мир окончательно сойдет с ума. Я уже молчу о том, что вы нарушили все мыслимые Законы! — грозно говорил Арлих.

— И что нам делать теперь? — спросил правитель Мэйниса. — Наши ученые прекратили эксперимент, но окончательно остановить уже запущенный механизм они не могут.

Марсиане осознавали серьезность ситуации и были готовы принять любые меры по предотвращению страшных последствий. Они без агрессии слушали критику со стороны Вознесенного Учителя, хотя и скрывали, что она им неприятна.

— Если не хотите, чтобы эти сущности завладели вами, вам нужно поставить энергетическую защиту, но это лишь временная преграда.

— Мы согласны. Поставь нам её, пожалуйста, — попросил военный.

Впервые Арлих слышал от красных атлантов слово «пожалуйста». Прделав несложную процедуру, он создал вокруг каждого лидера марсиан энергетическую сферу серебристого цвета, ставшую им защитой от вторжения.

— А почему наш эксперимент вышел из-под контроля? — спросил военный, когда Арлих закончил.

Арлих Вомалитес исчез, так и не ответив на вопрос, хотя прекрасно знал, что причина заключается во времени проведения эксперимента, которое было выбрано неверно. Эксперимент должен произойти во время открытия «окна времени».

Защитив марсиан от вторжения сущностей, он обезопасил весь мир от страшных поступков обезумевших лидеров, способных уничтожить всю планету, идя на поводу навязанных чувств. Какие бы работы ни проводились, Вознесенные Учителя понимали, что впереди землян ждет большой шаг назад в своем эволюционном развитии, в том числе и в развитии сознания. Землянам предстояло деградировать во всех отраслях жизни, вплоть до способности добывать пищу. Эксперимент марсиан не прошел бесследно. Впереди ждал тотальный спад, за которым закономерно следует долгий эволюционный подъем, способный растянуться на сотни тысячелетий. Это оказалось бы очень долго, и Учителя обратились к Галактическому Совету, заведомо зная, что до последнего будут помогать землянам.

— Есть ли способы ускорить духовную эволюцию на Земле после падения сознания, которое уже набирает ход? — спросил Арлих.

— То, что произошло на вашей планете, для нас не ново. Ты, Арлих Вомалитес, должен понимать, что естественный путь восстановления является единственно безопасным способом для всех вас. Любое форсирование развития событий может привести к еще более страшным последствиям, вплоть до вашего полного исчезновения и приостановления функционирования души.

— Земляне готовы пойти на риск. Мы все считаем, что он оправдан.

— Кого ты подразумеваешь, когда говоришь «мы»? На вашей планете ярко выражено противоборство землян с марсианами. Мы не можем повысить уровень развития только одних землян, поскольку для нас вы все являетесь одним целым. И земляне, и марсиане, и иври — это все составляющие одного Сознания, которое не может быть разделено.

Арлих знал, что Галактический Совет прав — развиваться предстоит всем вместе, объединившись в одно целое, несмотря на нетерпимость друг к другу. На каких-то отрезках пути землянам придется тянуть сознание марсиан вверх, а на каких-то — наоборот.

— Марсиане заинтересованы в развитии не меньше нашего, и они объединятся с нами ради достижения общей цели, — ответил Арлих.

— Есть способ ускорить ваше «выздоровление», но есть и предостережение. Если вы не успеете вернуться в Сознание Единства в течение следующих 13 тысяч лет, то вы все приостановите свое существование. На то есть вполне определенные причины. Именно через 13 тысяч лет сознание самой планеты Земля должно будет перейти к

Сознанию Христа, а если к этому моменту ваше сознание будет находиться в ином состоянии, вы себя разрушите. Вы не сможете обитать на планете, имеющей более высокое состояние сознания, чем будет у вас. Поэтому к моменту Перехода, который и состоится через 13 тысяч лет, вы уже должны находиться в Сознании Христа, или, как его еще называют, в Сознании Любви.

Арлих был удивлен. Он стремился к мудрости много лет, но сейчас впервые узнал, что планеты тоже имеют свои состояния сознания.

— Мы готовы пойти на риск, — еще раз повторил он.

— Ты понимаешь, что проблема заключается в малом количестве времени для возвращения в Сознание Христа? В пределах Галактики 13 тысяч лет — это секунда.

— Да.

— Тогда мы скажем сирианцам, чтобы они проинструктировали вас на правах материнского аспекта. Желаем успехов и надеемся, что у вас все получится. И кстати, мы заглядывали в Хроники Акаши и уже сейчас можем сказать, что через 13 тысяч лет, когда произойдет Переход, на планете будет идти примерно 2012 год с момента прихода Величайшего существа высшего измерения.

Арлих поблагодарил их и вернулся на Землю к друзьям. Там продолжал царить хаос.

Земля быстро превращалась в место боли и тьмы. Отношение атлантов к жизни, её устоям, и к собратьям менялось на глазах. Некогда надежная, общественная система разрушилась до основания, а финансовый крах усугубил психологическое состояние жителей. Кровавые войны, эпидемии, самоубийства — все это скопом

навалилось на землян, и не было видно просвета в череде мрачных будней. Понимая, что так продолжаться не может, поскольку скоро приведет к необратимым последствиям, Вознесенные Учителя поставили перед собой новую задачу и решили осуществить её к тому моменту, когда прилетят сирианцы. Теперь она заключалась в исцелении мира. Всех заключенных в чужой Игре сущностей надо было доставить в свои миры, а сознание атлантов после их вмешательства привести в норму. Учителя приняли решение подключить к работе духовных лидеров и всех остальных атлантов, которые умели исцелять.

Оздоровление жителей планеты велось в иерархическом порядке. Учителя для начала освободили от сущностей Заратуштру и остальных учителей его уровня. Затем они обучили их «удалению» существ из биополя братьев и теперь уже вместе исцелили лучших учеников. С этого момента задача духовных лидеров заключалась в том, чтобы передать своим воспитанникам навыки по оздоровлению атлантов. Затем исцеление должно было принять масштабы коллективной помощи всех нуждающихся. Вознесенные Учителя понимали, что, несмотря на необычный вид существ, они играли по своим правилам, и не считали, что делают что-то страшное. Поэтому и «удалять» их из биолей стремились мягко и аккуратно, с Любовью и состраданием, стараясь не причинять боли. После освобождения обязательным было отправить чужеродную сущность обратно в тот мир, откуда она пришла, а иначе она бы вновь к кому-нибудь подселилась, и вся проделанная работа оказалась бы напрасной. Для возвращения сущностей домой в пространстве создава-

лись порталы, соединяющие два мира, и по ним, как по туннелю, сущность находила дорогу. Освобожденные были безгранично благодарны своим спасителям. Все они хотели вернуться домой и не сопротивлялись. Лишь особо пугливые «задерживались» в биополях, боясь покидать насиженное место, поскольку опасались причиненной боли и новых страданий.

Кропотливая и однообразная работа по «удалению» существ из биолей атлантов не прекращалась. В те мрачные дни взаимопомощь была приоритетным началом для большинства землян. Однако все попытки восстановить хотя бы прежние общественные системы, разрушенные всего за несколько лет до основания, заканчивались ничем. Именно народ является фундаментом в формировании государства, а не государство выращивает народ. В этом убедились все на примере последних событий.

Появление сирианцев было внезапным. Проследовав над Халидокеан на малой высоте, они воочию убедились в духовном падении своих детей. Сделав несколько кругов, корабль полетел в густые леса близ города Му, где должна была состояться встреча сирианцев с Вознесенными Учителями. Почувствовав прибытие инопланетян, Учителя возложили обязанности по переселению сущностей в их миры на атлантов, и отправились встречать гостей.

Корабль приземлился, и вышедшие оттуда сирианцы увидели мудрейших из землян. Все 1 654 Вознесенных Учителя собрались на большой поляне и с радостью встречали одних из своих родителей, которые принесли с собой необходимые знания. Сирианцы остановились перед атлантами и сразу перешли к делу. Они общались телепа-

тически, поэтому Учителя получали большой объем информации ежесекундно.

— Галактический Совет сообщил нам, что вам нужна помощь, — сказал высокий сирианец. — Мы уже в курсе возникшей проблемы, поскольку о ней знают в пределах многих световых лет от нашей Вселенной. Для того, чтобы ускорить процесс развития вашего сознания, необходимо создать планетарную решетку. Вам наверняка ничего не известно о ней, поэтому позволю себе небольшое отступление и расскажу о том, что она из себя представляет. Эта планетарная решетка является своего рода энергетическим каркасом, обволакивающим всю планету. Она находится высоко в небе и выступает защитным слоем, удерживающим сознание каждого вида животных. Изначально она присуща каждому из видов обитающих на планете животных — млекопитающих, птиц, рыб, насекомых. Так что вы можете представить себе их огромное количество. Эти кристаллические решетки не что иное, как коллективное сознание конкретных видов. Когда одна из стрекоз, к примеру, получает какой-то жизненный опыт, то он сохраняется в кристаллической решетке и становится доступным всем остальным особям данного вида, даже если те находятся на противоположной стороне земного шара.

Решетка Сознания Христа присутствовала на планете с того самого момента, когда первый разумный землянин появился на свет. Без неё он просто не смог бы выжить и продолжить род, — продолжал сирианец. — Однако эксперимент марсиан приостановил её работу, введя в пассивное состояние. Сейчас ваша задача заключается в создании новой планетарной решетки Сознания Христа,

используя компоненты уже существующей. То есть, вы из «мертвого» элемента решетки искусственным путем воссоздадите точно такую же живую. Без этой решетки земляне не смогут достигнуть Сознания Христа.

Мы не имеем права вмешиваться в вашу работу, но можем руководить ею со стороны. Главное — поймите, что создание кристаллической решетки вокруг планеты необходимо, поскольку самостоятельно ваши собратья не смогут вернуться на прежний уровень сознания.

Еще долго сирианцы рассказывали о планетарной решетке, её значимости и ещё о двух решетках, существующих на планете. Они рассказали о первоначальной решетки сознания, о второй решетки, под воздействием которой жили атланты в тот момент. Учителя поняли, что третья решетка Сознания Христа — это что-то вроде цели, к которой должны стремиться земляне. Лишь уяснив для себя и пропустив через свой опыт Безусловную Любовь и осознав Единство, они могли «подключиться» к этой решетке и передать этот опыт остальным.

Создание решетки было главным элементом на пути стремительного роста, столь необходимого для возвращения к правильному пониманию Реальности. Получив инструкции по осуществлению этой задачи, Арлих, Ра и Арарагат должны были провести большую работу на тонких планах планеты, прежде чем перейти к проецированию решетки в физическом мире. Для осуществления первого этапа Учителя отправились в Кеми, поскольку именно там, в густом тропическом лесу, выходила из земли ось разрушенной решетки. Арлих с легкостью определил точно место её нахождения по сильному энергетическому потоку.

Ра встал в нескольких метрах от потока и силой намерения создал глубокую яму в том самом месте, где выходила энергия. На это потребовалось около десяти минут. Затем Арарагат обложил яму изнутри кирпичом. Кирпичики один за другим появлялись из ниоткуда, быстро выстраивая внутреннюю стену. Когда все было закончено, Учителя создали несколько огромных энергетических спиралей, берущих начало из этого места и далее пронизывающих планету, выходя в разных её уголках. Сеть спиралей обволакивала весь земной шар и уходила далеко в Космос. Система была выстроена по принципам Сакральной Геометрии, поэтому расчет точек осуществлялся с точностью до микрона. Ближайшая точка, где одна из спиралей выходила на поверхность земли, располагалась совсем близко. Учителя переместились к ней и силой намерения построили там небольшое каменное сооружение, сигнализирующее о сакральности этого места.

Когда вся энергетическая работа была окончена, пришло время реализации следующего этапа — строительства сооружений в четвертом измерении, в местах пересечения спиралей. Таких точек существовало огромное множество. И если бы была возможность взглянуть на спирали из Космоса, то стали бы различимы все эти множественные пересечения, расположенные именно в виде решетки. Поставленные сооружения закрепляли решетку, но не проецировали её в физический мир, поскольку для этого требовалось создать еще и строения на физическом плане.

Тысячи строений были воздвигнуты Вознесенными Учителями по всей планете, но лишь немногие — с помо-

щью одного сознания, поскольку это противоречило законам. Большинство сооружений в физическом мире возводилось совместно с землянами. Таким образом, Великая Пирамида была построена Арлихом и атлантами. Арлих с помощью сознания уменьшал вес каменных блоков, атланты переносили их на нужное место. Когда пирамида была полностью выстроена, Арлих вернул всей конструкции её реальный вес. Примерно по такому принципу строились пирамиды и в Мексике, и на Тибете, Стоунхендж в Англии, Мачу-Пикчу в Перу, и многие другие объекты в узловых точках Решетки.

Положив начало работы, Учителя вернулись в Атлантиду. Общественные и политические устои были разрушены окончательно. Поведение атлантов вело к полному самоуничтожению.

Вознесенные Учителя знали, что атлантов впереди ждало «Время Перемен». То самое время, к которому каждый из них стремился, но которое уже забыл. Этот период был ознаменован прекращением всего старого и началом нового. Множество событий накладывались друг на друга, и обычное смещение полюсов превращалось в явление значительное для всей Солнечной системы, называемое Переходом. Все планеты одновременно осуществляли это явление, воздающее каждой душе по заслугам. Кто-то, в силу духовного развития, поднимался на следующую ступень развития и продолжал совершенствоваться в следующем измерении, навсегда позабыв боль, горе и страдания, а кто-то оставался в физическом мире, погруженным в земные грехи, и впереди его ждали тысячелетия скитаний в полном беспамятстве. Вся опасность этого

периода заключалась в понижении напряженности магнитного поля планеты, влияющего на память и мозг в целом. Единственное, что могло помочь сохранению памяти, была Мер-Ка-Ба, но мало кто из атлантов помнил о ней, а тем более умел её активизировать. Только Вознесенные Учителя хранили в себе эти знания и особенно тщательно практиковали в преддверии Перехода. Они знали, что предстоящее смещение полюсов приведет к затоплению их родной Атлантиды и гибели большинства жителей, но ничего не могли поделать. Им было запрещено вмешиваться в это священное явление. Все должно было остаться исключительно в руках Божьих.

Единственные, кому позволялось вмешаться в жизнь землян накануне Дня Очищения, были их родители. Все это время нефилемы пребывали на планете, контролируя добычу золота и наблюдая за местным населением. Постоянные войны и конфликты были нефилимам в тягость, и лишь маленькое утешение, на фоне царящего вокруг разврата, доставляли Вознесенные Учителя и некоторые потомки Адапы и Тити. Эти потомки Дружина хотели познать Законы Вселенной, проводили много времени в медитациях, пропагандировали Любовь, но пока им этого было недостаточно, чтобы обрести бессмертие и встать в один ряд с Учителями.

Нефилемы вели записи по всем своим потомкам, заносая данные в компьютер. Они знали всех потомков Дружина. Лишь к ним нефилемы относились с теплом, ведь эти дети были развитыми, а остальные для них стояли не выше насекомых в эволюционной иерархии. Заранее зная о смещении полюсов, находящиеся в экспедиции нефилемы

связались с Родиной и попросили разрешения на спасение их потомков от вод Потопа. Учитывая то, что Эксперимент должен был продолжаться, Ану дал свое согласие, и разрешил помочь лишь достойным из достойнейших стать одними из прародителей новой цивилизации, чтобы кровь нефилимов текла в венах землян.

Долго родиняне продумывали способы спасения потомков и выбирали подходящие кандидатуры. Наконец их выбор пал на атланта из города Пеос, по имени Нуах. Он никогда не являлся жрецом храма, но его Любовь к собратьям была, казалось, безгранична. Как ребенок, широко открытыми глазами он смотрел на мир и видел в нем красоту и гармонию. Любознательность Нуаха не знала границ. Все попадавшее в поле зрения интересовало атланта. Его жена Пирра в действительности была ему дальней родственницей, и ни о каком смешении крови с простыми землянами не шло и речи. Кроме Нуаха и Пирры, выбор нефилимов пал на детей его, и семью Йефета. Все они идеально подходили на роли начинателей новой цивилизации.

Бросив жребий, боги определили того, кто пойдет к Нуаху и, объявив о предстоящих скоро катаклизмах, возложит на него большую задачу. Выбор этот пал на Ладимира, и ранним утром тот явился в дом избранника.

— На тебя возложена важная миссия, — сказал Ладимир, появившись в дверях.

Нуах остолбенел от неожиданности и долго не мог прийти в себя.

— Скоро Землю потрясут большие перемены, которые уничтожат большинство народа. Но ты должен выжить. Для

этого тебе нужно построить судно по чертежам, которые я дам тебе.

— Но ведь сейчас столько новых гаруд, самых последних разработок. — И он указал пальцем на небо. — Зачем изобретать что-то новое?

— Они не помогут. Помимо глобальных изменений, произойдет явление, именуемое во всех Галактиках Переходом. Ты ведь знаешь, что видимый в зеркале образ — это всего лишь оболочка. В действительности твое истинное «Я» спрятано внутри и называется «душа». Вот этот Переход будет служить экзаменом для души на пути к следующему уровню Знаний, когда духовно созревшие души перейдут в четвертое измерение. Те, кто не сможет это сделать, останутся здесь, и станут поднимать следующую цивилизацию. Переход разрушит все искусственные материалы, а поэтому корабль должен быть исключительно из натуральных компонентов — чтобы не развалился.

— Если я спасусь, то не осуществлю Переход в следующее измерение? — спросил Нуах.

— Осуществишь. Ты достоин этого. Именно поэтому, когда ты спасешься и поднимешь цивилизацию, после своей физической смерти сразу перенесешься в четвертое измерение.

Нуах кивнул головой.

— Что я должен буду сделать?

— Тебе нужно создать деревянное судно, герметически закрытое со всех сторон, — и Ладимир протянул чертежи.

Развернув их, Нуах внимательно изучил проект.

— Я не смогу реализовать его в одиночку, — сказал

он.

— Именно поэтому ты привлечешь к этой работе Йефета и своих детей, которых потом возьмешь с собой на корабль. Они, как и ты, достойны стать отцами следующей цивилизации.

— Я сделаю это, — кивнул Нуах. — Но, думаю, на это уйдет не меньше полугода.

— Время у тебя еще есть. Мы будем следить за ходом работы и, если что-то пойдет не так, сообщим тебе. Есть еще одно требование. Ты должен строить корабль вблизи поселения, чтобы остальные атланты видели это и пересмотрели свое отношение к миру. Возможно, мы позволим взять на корабль кого-то еще. — С этими словами нефилим удалился.

Нуах обхватил голову руками: «Неужели все, к чему я так привык, — дома, гаруды, автомобили — будет навсегда разрушено?» И хотя в это было нетрудно поверить, поскольку подобные чувства давно преследовали его, сказанные нефилимом слова породили неприятный осадок в душе. Собравшись с духом, Нуах свернул чертеж и пошел к Йефету, по дороге окликнув своего старшего сына Шема. Он долго думал, каким образом преподнести встречу с богом, и решил рассказать все как есть. К удивлению, товарищ поверил ему, и вместе они пошли в ближайший лес.

Выбрав первое подходящее дерево, Нуах сел рядом с ним и в медитации слился с природой и лесом. Он попросил помочь с выбором остальных деревьев, и спросил разрешение на сруб. Природа ответила согласием. Все приходилось делать вручную — рубить ветки, переносить бревна.

Нуах посчитал, что правильным будет избегать всяческого воздействия инструментов при создании корабля.

Строительство ковчега по чертежам нефилимов оказалось несложным. Все было понятно и доступно. Единственной проблемой являлись размеры каждой из конструкций. Приходилось применять хитроумные приспособления по подъему бревен, созданные из дерева и веревок, топоры, пилы.

По двадцать часов в день трудились товарищи, выполняя волю создателей. Хроническая усталость и недосыпание причиняли головные боли, а мышцы ныли от физических нагрузок. Полгода шло строительство ковчега. И вот все было закончено.

Когда солнце зашло за горизонт, Нуах и его помощники сели у готового корабля. Все чаще в последнее время их посещали мысли о бесполезности этой затей. Нуаху казалось, что создатели ошибаются, или по крайней мере пошутили. Вдруг не произойдет никакого Потопа и вся его работа была напрасна? Но тут кусты зашевелились, и из них вышел Ладимир. От неожиданности Нуах аж подпрыгнул на месте. Теперь-то наверняка его товарищи, потратившие столько времени на строительство ковчега, не будут считать его ненормальным. В нерешительности он сделал несколько шагов навстречу и замер. Шем и Йефет открыли рты от удивления. Впервые они видели существо, отдаленно похожее на них и создавшее род атлантов.

— Я думал, ты не придешь, — заговорил Нуах

— Никогда не сомневайся, — ответил нефилим и, подойдя к ковчегу, провел по нему рукой. — Это потрясающе! Ты оправдал возложенные на тебя надежды.

Нефилим разговаривал с землянином, не обращая никакого внимания на помощников.

— Теперь все готово, — сказал нефилим, обойдя ковчег. — На нем вы можете спастись от надвигающейся катастрофы.

— За что ты наказываешь нас? — спросил Шем, считавший грядущее событие не естественным природным явлением, а карой богов.

— Мы наказываем не вас, а всех атлантов, забывших о своей истинной природе. Вами движет эгоизм, тщеславие и гордыня. Вы отделились от природы. А значит, вы не являетесь с ней одним целым. Вы здесь лишние. Технический прогресс вырвал из ваших сердец божественность и веру в Бога, — ответил нефилим и достал из рюкзака непонятный прибор. — Возьми его и поставь внутри корабля на алтарь в центре. При помощи этого устройства мы будем связываться с тобой и координировать твои действия, — сказал он Нуаху, дав понять Шему, что не будет больше отвечать на его вопросы.

— А он не разрушится под воздействием Перехода? — спросил Нуах, вспомнив слова Ладимира.

— Нет. Мы сохраним его, закрыв защитными полями.

— А как будет двигаться ковчег, если мы не сделали в нем даже отверстия для весел? — спросил Нуах.

— Передвижение будет происходить за счет вот этого устройства. — И нефилим прикрепил к днищу лодки атомный двигатель, а дистанционное устройство для управления передал Нуаху. — Когда вода накроет землю и поднимет ковчег, возьми в руки этот джойстик. Мы будем видеть вас на своих мониторах и направлять к нужному месту.

Ладимир заглянул в глаза Нуаху и увидел в них испуг.

— Не бойся. В этом нет ничего сложного.

Нуах кивнул головой.

— Есть еще оно обстоятельство, о котором не нужно забывать. Ты строишь корабль не только для себя и своих близких, — сказал нефилим и прошел на ковчег через открытые ворота.

Внутри корабль был в несколько уровней высотой и поделен на отсеки.

— Эти отсеки заполнят животные, которых будет необходимо спасти, — сказал нефилим. — Будет брошен клич, и к тебе придут достойнейшие из них. Возьми их на свой корабль и спаси. Среди них будут львы, тигры, шакалы, волки, вороны и другие хищники, но ты не бойся их. Они не причинят вреда.

— А для чего мы должны спасать шакалов? — удивился Шем.

— Они поддерживают мир в гармонии и равновесии. Без этого вы бы не познали красоты лебедя, силы медведя, благородства оленя и мудрости совы, — ответил Ладимир.

Нуах взял в руки рацию и поставил на алтарь, крепко скрепив ремнями.

— Через неделю тебе, твоей жене, твоему сыну, его супруге и Йефету с семьей, нужно будет зайти в ковчег и запереть ворота. Знай, что с этого времени в любой момент может начаться смещение полюсов, поэтому ни при каких условиях не открывай ворота, — сказал нефилим.

Когда Ладимир ушел, Нуах, Шем и Йефет разошлись по своим домам и передали семьям слова создателя. Сказан-

ное привнесло в сердца близких много страха перед грядущими событиями и наполнили головы дурными мыслями. Однако, несмотря на это, уже через несколько дней три семьи стояли у ворот в спасительный ковчег, принимая животных. Нуах сидел у трапа в легкой медитации и телепатически общался со зверьем. Сейчас он понимал слова нефилима о достоинствах живых существ, которым предстояло спастись на корабле. Даже тигры, большинство из которых отличалось свирепостью, были спокойны. От животных исходили доброта и мудрость. И это было свидетельством того, что на корабле не произойдет кровавых потасовок, и лишь лучшие из лучших возродят поголовье своего вида после катастрофы.

Животные заходили в ковчег и занимали свои места. У каждой клетки и отсека был приготовлен запас еды. Когда все собрались, Нуах закрыл ворота под презрительный свист собравшейся толпы. Если саму идею строительства ковчега большинство землян считали заблуждением, то, когда Нуах и его товарищи заперлись в готовом корабле, их посчитали просто сумасшедшими. Однако, находясь на борту за глухими стенами, пассажиры не слышали критики и издевательских выкриков в свой адрес.

Несколько дней Нуах и его близкие провели в заточении, ведя отсчет времени через маленькое окошечко в потолке, в ожидании наводнения, и через три дня наступило тревожное событие. Стремительные воды подхватили корабль, и его понесло, бросая как щепку.

.....

До смещения полюсов оставались считанные часы. Предвидя скорую развязку, Арлих, Ра, и Арарагат вернулись в тропический лес Кеми и поднялись на вершину Великой Пирамиды, одиноко возвышающейся среди густых джунглей. Было необычайно тихо. Совсем близко текла река. Ра тоскливо посмотрел на восток. Солнце начинало садиться, бросая последние лучи на верхушки пальм. Это был его последний восточный закат. Следующие 16 тысяч лет Солнцу предстояло вставать на востоке, а садиться на западе. «До чего прекрасное время!» — думали Учителя, слушая пение птиц. Где-то далеко от них жили сбежавшие из Атлантиды атланты, которым предстояло пройти испытание. Встав на колени, Арарагат помолился за всех землян, прося у Высшего Разума благословения. Он молил, чтобы как можно больше атлантов осуществило Переход и продолжили свое развитие, позабыв о пугающей иллюзорности смерти, делящей Одну Жизнь на множество мучительных отрезков. Примеру Арарагата последовали и остальные. Втроем они стояли, обращенные лицами друг к другу и читали молитву. Когда в душе стала возникать пустота, они поднялись на ноги и, осуществив небольшое передвижение в пространстве, спустились в Зал Свидетельств, находящийся под Сфинксом.

Зал Свидетельств — одно из самых древних мест на Земле, созданное сознанием и не подвергающееся воздействию Перехода. Это своего рода музей истории земных цивилизаций, берущих начало почти шестьсот миллионов лет назад. Зал представляет собой огромную комнату, лишенную окон и дверей. В нем находится много

объектов, оставленных предыдущими цивилизациями, но Учителям был нужен лишь один из них. Это уникальный космический корабль, не имевший аналогов на планете. Уникальность его заключалась в сакральном устройстве работы и толщине стен. А толщина их была настолько мала, что находящиеся за ними объекты хорошо просматривались. Погрузившись на борт, Арлих активизировал свою Мер-Ка-Ба, перевел корабль в тонкий мир и, пройдя сквозь толщу земли, поднял его в небо. После этого Арлих придал молекулам летательного аппарата прежние вибрации, и корабль вернулся в физический мир.

Возвратившись в Атлантиду, Учителя созвали всех представителей Наакальской Школы и погрузившись на корабль, поднялись вверх. Почти одновременно с отрывом их от земли началось смещение полюсов, и воды мирового океана пустились в свой смертоносный бег. Бросив прощальный взгляд на остров, Вознесенные Учителя одновременно активизировали свои Мер-Ка-Ба и, защитив свою память от воздействия падающей напряженности магнитного поля, полетели в Кеми, к Великой Пирамиде.

Атланты в городах жили обыденной жизнью, в которой было место страху и насилию, пока наконец не пришло время Великого Перехода, и привычные им цвета не стали произвольно менять свои оттенки. Это продолжалось совсем недолго, и скоро начали происходить явления куда более заметные. В воздухе стали возникать необычные предметы, никогда прежде не встречаемые атлантами. Их цвета были новы, а назначение непонятно. В Мэйнисе над Домом правительства возник длинный, имеющий вид переплетенных нитей, объект. Излучая свет, он перели-

вался странными красками. Долгое наблюдение за ними вызывало внезапную смерть. Город Ом был наполнен множественными предметами, похожими на цветы, возникающими в воздухе, примерно в метре от земли. Они так же светились изнутри и зачаровывали атлантов невидимой силой красоты. Объекты возникали по всей планете, включая и Кеми. Вознесенные Учителя находились на корабле и из него наблюдали за Переходом, оценивая красоту и его неповторимость. Это было поистине чарующее время. Повсюду появлялись новые краски и образы. С понижением напряженности магнитного поля, грани третьего и четвертого измерений стерлись, и два разных мира стали проникать друг в друга.

Атланты сходили с ума. Причиной было не только внешнее изменение мира, его форм и цветов, не только крах общественных устоев и разрушение нерушимого, но и воздействие магнитного поля на мозг и сознание землян. Голова болела странным образом, словно мозги в ней начали шевелиться. На улицах городов началась паника. Земляне бегали, обхватив головы руками, и орали. Их деградация шла молниеносно. Несколько легче обстояли дела в небольших поселках, где все здания были построены из натурального камня и дерева. Здесь масштабы разрушений были не так велики, и видоизменение строения было почти незаметным.

После нескольких часов проникновения четвертого измерения в третье напряженность магнитного поля снизилась ещё сильнее, и все ненатуральные материалы стали исчезать. Уходящие на многие метры вверх здания стали рушиться без видимых причин, хороня под собой жителей,

надевавшихся найти спасение в собственных квартирах. Они с грохотом падали вниз, поднимая в воздух тонны пыли, а вскоре исчезали вовсе, или от них оставались груды разделенных элементов. Происходящее казалось атлантам страшным. Гаруды, корабли, автомобили таяли на глазах, одежда рассыпалась. Чем больше и выше был город, тем страшнее происходили в нем перемены. Обезумевшие горожане в панике бежали в леса и там пытались спрятаться от непонятого явления. Кроме появляющихся в пространстве предметов необычных цветов и форм, мир наполнили еще и ужасные мыслеформы.

Одновременно с этими изменениями по планете прокатились высокие волны, смывающие города и уносящие жизни атлантов. Когда по всем телевизионным каналам прокатилась новость о наводнении, жители города Пеос изменили свое мнение о Нуахе и его семье. Надеясь на прощение, многие из них обступили корабль и со слезами на глазах умоляли открыть ворота и пустить внутрь. Сердце Нуаха сжималось от сострадания к женщинам и детям, однако он не мог послушаться создателей, и все мольбы остались без ответа. Спасаясь от наводнения, земляне прыгали в лодки и отправлялись в поисках убежища на других континентах. Тысячи лодок уходили из Портеи, но до места добрались лишь немногие. Одни суда поглотили волны, другие просто не успели. Переход разрушал неестественные материалы, из которых состояли лодки, и они распались, а пассажиры утонули в морской пучине. Кто-то пытался по воздуху на гарудах пересечь океан, и среди таких было больше выживших, однако падавшие с огромной высоты умирали мучительной смертью. Воды оконча-

тельно уничтожили всех трудящихся на рудниках нетеров, оставив о их существовании лишь мифы и легенды, долго передаваемые из уст в уста.

Вознесенные Учителя сидели в медитации Мер-Ка-Ба, наблюдая за преобразованием мира. Для них в этом не было ничего страшного и всем явлениям находилось объяснение, но они также понимали, что для уснувшего сознания землян это стало огромным потрясением. Тат создал перед собой мыслеформу в виде маленького доброго динозаврика и играл с ней.

— Знаешь, почему ты можешь материализовывать свои мысли? — спросил его отец Арлих.

— Потому что наши мысли материальны? — предположил Тат.

— Отчасти.

— А почему тогда раньше у меня это не получалось?

— Потому что тогда ты находился в третьем измерении, а сейчас — почти в четвертом. Четвертое измерение отличается отсутствием таких крепких физических вещей, как прежний мир. Здесь нет такого промежутка во времени между «подумал» и «появилось». В четвертом измерении мысли материализуются почти мгновенно, — пояснил Арлих.

— А если атлант наполнен страхами и боится происходящих сейчас событий, его страхи тоже материализуются?

— Конечно. Именно поэтому ты так долго учился контролировать свои эмоции и чувства. Страх всегда тормозит развитие существа.

С любовью Арлих смотрел на своего сына. К своим

годам тот был очень умен и мудр. Любую информацию сын усваивал почти мгновенно, и сам процесс узнавания нового приносил ему удовольствие. В этих чертах его характера Арлих узнавал себя самого.

— А ты знаешь, почему исчезают многие вещи, к которым мы привыкли? — вновь спросил Арлих после размышлений.

— Нет.

— Одним из аспектов этой Игры было создание искусственных материалов, которых в природе никогда не существовало. Они появляются лишь оттого, что атланты в них верят, и не более. Вот представь: один атлант придумал пластиковый стакан, потом он подумал, как его создать, и создал. Остальным этот предмет понравился, и им начинают пользоваться. Но пластиковый стакан не является природным материалом, поэтому его нет на самом деле. Для атлантов же предмет существует, поскольку они в это верят, и вера их закреплена решеткой сознания третьего измерения. Именно вера движет созданием ненатуральных вещей.

— Но ведь вера — это есть не что иное, как мысль, — перебил Тат своего отца.

— Все правильно. Атланты думают, из каких элементов создать пластиковый стакан, из чего сделать пластик, как его обработать и вылить в форму. И все это прочно закрепляется в коллективной решетке сознания, и уверенность в «возможность» создание предмета передается остальным. Все очень просто, хотя и кажется, на первый взгляд, чем-то невозможным.

— А что происходит с этими ненатуральными вещами

во время Перехода?

— Они рассыпаются на первосоставляющие природные элементы. Это происходит из-за разрушения решетки сознания третьего измерения. Рушится она, а вместе с ней и все искусственные материалы.

— И дома, значит, тоже?

— Конечно. Там, в Атлантиде, сейчас происходят странные, по меркам землян, события. Они воочию наблюдают за всеми признаками Перехода одновременно. Им это кажется жутким, хотя на самом деле это не более чем процесс очищения. Природа занимается самовосстановлением после воздействия землян.

— Значит, после Перехода не останется никаких технических изобретений?

— Никаких! Переход сотрет их все, и следующая цивилизация даже ничего не узнает о своих предках, поскольку все фактические доказательства будут уничтожены.

— Значит, мы специально переместились в джунгли, чтобы не видеть, как все рушиться и страдают наши собратья, — задумчиво произнес маленький Тат, разговаривая сам с собой.

— На природе, вдали от всех этих потрясений, Переход переносится легче. Ничто тебя не отвлекает от любования этим прекрасным и редким явлением, — ответил Арлих и посмотрел в сторону реки.

Перемены коснулись не только атлантов, но и всех обитающих на планете существ. Киты, дельфины, птицы, насекомые проходили через те же переживания, и через то же безумие, как и земляне. Переход был обязателен для всех без исключения.

Каждый живущий на планете неоднократно проходил через Переход. Только сейчас об этом опыте почти никто не помнил, а незнание, как известно, вызывает страх. За все время с момента создания свободных землян и до окончания эпохи Атлантиды произошло множество Переходов, выбирающих достойных, а остальных возвращая на «повторное обучение».

Весь мир наполнился яркими светящимися объектами, которые скоро начали менять свой цвет на желтый. Тат закрыл глаза и испытал приятные ощущения от самого обычного дыхания. Он всегда дышал полным дыханием, но сейчас оно доставляло особое удовольствие. Жизненная энергия растекалась по меридианам и энергетическим каналам, наполняя собой тело. Скоро желтые объекты превратились в зеленый туман, наполняющий все пространство. В городах уже ничего не было видно, кроме тумана. Он постепенно менял свои цвета, переливаясь от желтого к зеленому, от зеленого к синему, от синего к фиолетовому, от фиолетового к белому. Белый туман появился внезапно и стремительно, словно вспышка. Он затмил собой сознание всех атлантов, которые уже ничего не могли видеть, как бы далеко они ни сбежали с Атлантиды.

Атланты зачарованные сидели в белом тумане, сосредоточившись на себе и окружении. Постепенно туман начал рассеиваться, и физический мир стал возвращаться. Непередаваемую словами красоту увидел каждый находившийся на природе. Деревья, трава, небо, атланты, неразрушенные строения — все приобрело золотой блеск перевоплощения и новизны. Даже ранние лемурийцы,

наносящие золото на свои тела и стены храмов, не могли представить в своих мечтах подобной красоты.

Когда напряженность магнитного поля спала до нуля, на всей планете наступила Великая Пустота. Ничего не было. Только черная Пустота. Такого поворота событий мало кто ожидал, но для натерпевшихся атлантов это показалось естественным. Никто никого и ничего не видел. Даже себя. Страха не было. В этот момент все окончательно лишились своих физических тел, и в Пустоте существовали лишь их души, хотя сами атланты этого не осознавали. И не могли понять, лежат они или стоят, двигаются вверх или вниз, кружатся на месте или на огромной скорости летят вдаль, — не было ориентиров, по которым можно было бы определить свое местоположение и делать выводы. Большинство атлантов устали пребывать в Пустоте и уснули. Прежде чем уснуть, сознание многих просветлилось, и атланты вспомнили, как ждали этого момента многие тысячелетия, и пришли в этот, уже тот, физический мир специально ради этого момента, отделяющего два измерения. Скоро им предстояло узнать, — пойдут ли они дальше по эволюционной лестнице духовного развития или останутся в третьем измерении.

Великая Пустота сменилась ярким светом так же внезапно, как и появилась. В этот момент атланты разделились на две группы — тех, кто после появления света остался в третьем измерении, и тех, кто осознал новый мир четвертого измерения. Души низкого духовного развития вновь появились в физическом мире, из которого так хотели сбежать, но, не справившись с испытаниями, были вынуждены заново начать обучение. Им было

очень обидно, но Закон есть Закон. Мир вновь распахнул перед ними свои объятия. Вместе с ними в физическом мире появились души, поднявшиеся из царства животных. Теперь им тоже предстояло жить в телах прямоходящих землян и мнить из себя хозяев планеты.

Те атланты, которые с приходом света осознали себя в ином мире, были поражены его яркостью. Создавалось впечатление, что сам воздух светится ярким, чистым светом. Этот мир был лишен зла, насилия и страха. А поэтому попавшие в него сущности должны были быть чистыми. Другим здесь не было места. В четвертом измерении происходила мгновенная материализация мыслей. Вот тут-то и осознали земляне свою уязвимость. Все, о чем бы они ни подумали, сбывалось в то же мгновение. Воображение наполненных страхом атлантов проецировало в мир страшные образы, пожирающие своих создателей. Все, кто хотел защитить себя от выдуманных чудовищ, обязательно погибали. В подобных случаях первое же испытание становилось последним, и их возвращало в третье измерение. Лишь немногим атлантам удалось закрепиться в четвертом измерении, но все они были достойны этого. Их образ жизни, чистота мыслей и спокойное душевное состояние помогли приспособиться к новому миру. Большинство из «званных» были сброшены обратно. Эволюционное падение усугублялось еще и последствиями марсианского эксперимента, и теперь землянам суждено было восстанавливать цивилизацию с нуля, не имея никаких воспоминаний о прошлом.

Всего за несколько дней физический мир четвертого измерения наполнился мыслеобразами третьего измере-

ния. Атланты подсознательно думали о тех вещах, которые были им близки прежде, и в то же мгновение эти вещи появлялись перед ними. Яркий мир наполнялся новыми объектами, которые скоро начали исчезать за ненадобностью.

Оставшиеся в четвертом измерении существа были безгранично рады новым положительным ощущениям, о которых они только мечтали прежде. Память их хранила мучения, страдания и лишения, через которые им предстояло пройти в череде перерождений, но оно того стоило. Новые ощущения быстро стирали старую боль воспоминаний и открывали новые горизонты для развития и познания окружающего мира.

Сам Переход и предшествующее ему десятилетие оказались очень болезненными для всех атлантов. Природные катаклизмы уничтожали целые города, кровопролитные конфликты вспыхивали из-за мелочей. Атланты не чувствовали себя в безопасности в собственных домах и боялись жить. Всеми виной была предпереходная эпоха. Природа отвечала на жестокость землян к собственным собратьям, преподнося последний шанс пересмотреть отношение к миру. Уровень сознания всей планеты, состоявший из уровня сознания каждого атланта, был низок, что привело к длительному и мучительному Переходу. Живи атланты в мире и гармонии с собой и ближними, это Великое Время Перемен прошло бы наименее неприятным образом и принесло бы в жизнь массу нового. Не было бы конфликтов и катаклизмов. Даже сам Переход, с тремя днями Пустоты и проникновением одного мира в другой, произошел мягко и за несколько часов. События на планете в

этот период были отражением духовного уровня землян. Вселенский Закон «Что внутри, то и снаружи» действует всегда.

Примерно 37 тысяч лет продлилась эра Атлантиды, но Переход и смещения полюсов уравнивали её с Лемурией, стерев с лица земли и оставили лишь покрытые мраком легенды, без каких-либо фактических доказательств.

ГЛАВА 6

ЭПОХА АРИЙЦЕВ

Когда пустота спала и вернулся свет, Вознесенные Учителя пришли в прежний физический мир. Это была уже не та планета, какую они видели прежде. Полюса поменялись местами, а вместе с ними претерпел изменение и климат. Учителя спустились с Пирамиды и перенеслись в место, где до Перехода жили атланты.

Все искусственные материалы были разрушены и девственность природы восстановлена. Одичавшие атланты вели себя как полумозговые существа. Они позабыли абсолютно все. Лишь инстинкты остались в их памяти. Зрелище было печальным. Некогда высокоразвитая цивилизация уничтожила себя сама, отвернувшись от божественного начала. Взглянув на атлантов со стороны, Учителя вернулись к Пирамиде. Они понимали Закон и знали, что на этом временном отрезке все их попытки поднять землян с колен окончатся неудачами. Впереди было 60 веков тьмы, лишь по истечении которых начнется Эпоха Прозрения. Попрощавшись, все Учителя разлетелись по разным частям планеты, чтобы переждать время, уйдя в состояние соматхи. Кто-то переместился в город под Великой Пирамидой, кто-то улетел в Гималайские пещеры, кто-то на Юкатан. Все эти сакральные места были защищены от посторонних глаз километрами непроходимых лесов и скал. Это были идеальные места для уединения.

На протяжении шести тысяч лет Учителя находились

в медитации соматхи: пока сами тела сидели без движения, души осуществляли важную работу на тонких планах планеты и далеко в Космосе. Все это время тело продолжало существовать само по себе, хотя жизненно важные процессы замедлились. Для душ время текло достаточно быстро. Когда наступил момент, Учителя вышли из медитации и вновь собрались возле Пирамиды. Некогда густой тропический лес, в центре которого возвышалась Пирамида и протекала река, превратился в пустыню. На её фоне вид огромного строения вызывал тоску и уныние.

Погрузившись в корабль, на котором осуществлялся Переход, Арлих, Ра, Арарагат и остальные Учителя полетели к озеру Титикака. Там на берегу высадились Арлих и треть всех Вознесенных Учителей. Потом корабль полетел в Тибет, где высадился Арарагат и половина оставшихся. Ра с остальными Учителями вернулся в Кеми, который теперь назывался Египтом. Таким образом, все Вознесенные Учителя поделились на три равных группы, с лидером в каждой, и начали поднимать цивилизации.

За шесть тысяч лет атланты изменились до неузнаваемости. Чтобы не замерзнуть, тела покрылись шерстью, а в качестве орудий использовались примитивнейшие топоры, полученные из осколков камней, и такие же копья.

Все понимали, что знания землянам нужно давать порционно, и поэтому в каждом из трех очагов цивилизаций развитие шло примерно по одному сценарию. Сначала Учителя являлись людям и давали информацию, которую те должны были донести до остальных. Как правило, выбирались лучшие и пользующиеся авторитетом земляне. После того как данная информация была усвоена, Учителя

приходили вновь и приносили новые знания. Они являлись людям во сне или принимали образ человека и приходили в гости, часто сами рождались в земных телах. И все для того, чтобы донести знания. В благодарность земляне стали называть их богами. Такой ступенчатый способ подачи информации подходил для людей, и развитие стремительно шло вверх. Но, как только Учителя перестали являться, развитые цивилизации стали рушиться. Люди не умели самостоятельно добывать знания, и величие начало сходиться на нет, оставляя после себя лишь воспоминания и духовный опыт. Мексика, Египет, Индия стали жить духовной жизнью, игнорируя материальную сторону.

Сразу после Перехода люди пытались воссоздать обсерватории, подобные тем, что располагались в Атлантиде. Эти строения служили наблюдательными пунктами за небесными телами, и с помощью их земляне могли узнать о приближении планеты Нибиру, или Мардук, как её называли вавилоняне. Для людей это было важно, так как на уровне подсознания они продолжали с глубочайшим почтением относиться к золоту и ждать прилета творцов, означающего преподношение им драгоценного металла.

Приходящие в физической мир Вознесенные Учителя проводили много времени в построенных храмах, передавая людям знания атлантов. Некоторые из них, такие как Тат, создавали братства, с целью поднятия уровня духовного развития землян.

.....

Когда пустота спала и вернулся свет, Нуах понял, что ковчег продолжает движение, а время Великих Перемен

осталось позади. Руководствуясь указаниями, полученными по рации, он вел корабль к самой высокой точке, находящейся поблизости и именуемой горой Арарат. Несколько недель продолжалось плавание, пока ковчег не коснулся земли. Не успели Нуах с семьей выйти на берег, как перед ними явились нефилимы. Они сказали, что высадили его на этой части суши не случайно. Здесь, на маленьком участке земли, собрано такое огромное количество ресурсов, какого нет более нигде, — больше сотни видов трав и растений, необходимых для жизни. Через это место проходят все климатические пояса. И еще нефилимы приоткрыли тайну, на пороге, которой находились приплывшие в ковчеге: теперь Нуаху и его близким предстояло начинать новую цивилизацию. И затем улетели на Родину, оставив детей в полном недоумении. Лишь спустя 3 600 лет нефилимы вновь явились к потомкам Нуаха, чтобы помочь им развиваться.

Свой прилет создатели хотели держать в секрете, но, когда корабли приблизились к поверхности планеты, поняли, что сделать это не получится. За 3 600 лет земляне расселились близ разрушенных баз, ошибочно называя их храмами богов, и корабли не могли пролететь незамеченными. Выйдя к людям, создатели ужаснулись: не прогресс в развитии, а деградацию земного сообщества увидели они и поняли, что предстоит большая работа.

Уже через несколько дней молодой Нинурта вернулся на базу после прогулки и, встретив своего друга, поведал о встрече с человеком.

— Сегодня один землянин спросил у меня, как мы их создали.

— И что? Ты рассказал ему?

— Я попытался, но он совсем ничего не понял.

— Это не удивительно. Подобную информацию не способно воспринимать их сознание. С ними надо общаться на их уровне и с помощью образов, которые они уже видели.

— Но так мы не сможем передать им правду.

— Ну и что? Зато они от тебя отстанут с расспросами.

— Тут ты прав.

— Расскажи им, к примеру, что их сотворили мы совместно с расой сирианцев, но не стоит говорить о создании Цветка Жизни и дальнейшем духовном оплодотворении. Лучше сказать, что сирианцы заложили свое семя в женщин-нефилимов, а те уже родили людей. Земляне ведь знают, что такое оплодотворение, и им это сравнение будет понятно.

На следующий день Нинурта вернулся в поселок близ базы и, найдя нужного человека, повторно рассказал историю создания землян.

— В определенный момент времени нефилимы, находящиеся в лаборатории, взяли полученную из своей крови, крови приматов и земли субстанцию и поместили в каждую из семи нефилимов женского пола. Женщин специально отбирали жрецы на Родине и выслали на Землю в момент смены руководителей. Это были мудрейшие особи, и только на них можно было возложить столь важную задачу. Каждая из них являлась жрецом и обладала обширными знаниями в области мироздания. Им суждено было стать физическими матерями детей будущей новой расы.

Стоял теплый солнечный день, — продолжил Нинурта, перейдя на описание событий в ярких красках. — Все руководство нефилимов и сирианцы собрались в лаборатории. Среди множества пробирок и чаш, на больших гранитных алтарях лежали семь женщин-нефилимов. Дети в их животах развились до крайней степени, и находиться внутри было уже невозможно. Нинхурсаг и её помощники подошли к женщинам и начали принимать роды. С нетерпением родители ждали появления на свет своего чада. Каждая цивилизация в определенный период своей жизни подходит к тому, чтобы совместно с другой зачать новый вид. Нефилимы и сирианцы участвовали впервые в подобном опыте. Они были молодыми родителями в размерах Вселенной. Послышался крик, и из первой женщины-нефилима появился человеческий ребенок. Родители были счастливы до безумия. Обнявшись, они смотрели на новорожденного глазами полными Любви. Переключив свое внимание с ребенка на другую женщину, родители стали ждать. Боясь сорвать эксперимент, сирианцы сразу зачали семерых женщин-нефилимов, опасаясь что кто-нибудь из них не справится и потеряет ребенка.

Когда землянин слышал наполненный знакомыми образами рассказ, ему все стало более-менее понятно. С этого момента нефилимы решили рассказывать землянам не правдоподобные истории, а такие, которые те способны были понять своим слабым сознанием.

Часто люди задавали вопросы относительно внешнего сходства нефилимов между собой, на что создатели придумали историю о своем родстве, хотя в действительности причина схожести тел была в единственном шаблоне, по

которому первоначально создавались тела.

Спустя несколько недель после прилета на Землю нефилимы отправились осматривать находящиеся на других континентах территории, чтобы проверить, выполняют ли люди законы, принесенные нефилимским годом ранее. Они оставили свои корабли далеко от любопытных глаз, а сами осторожно взобрались на высокий холм, и с него стали наблюдать. Внизу, на огромной поляне, началось сражение.

Прозвучал набат, и толпы ринулись друг на друга, как обезумевшие животные. Поле брани окропила первая кровь, и тела навсегда остались лежать на земле. Куда делась та идиллия, что царила на рудниках и в городах богов? Куда подевалось человеколюбие и взаимовыручка? С короткими ножами люди в остервенении прыгали друг на друга и наносили удары в спину, горло, лицо. Кровь брызгала во все стороны, не успевая впитываться в землю. Потоки стрел летели из засады. Сраженные люди падали корчась в страшных муках.

В войнах земляне уничтожали себе подобных, совершенно забыв, что у них одни корни и произошли они от одних родителей во всех смыслах этих слов. У каждого из воюющих был один Отец-Сирианец и Мать-Нефилим, отдавшие частичку себя для создания вида. Каждый из воюющих был потомком одних родителей — Адапы и Тити. Прошло много времени, и о таких вещах уже все забыли, тем более что всегда найдутся те, кому невыгодны эти воспоминания и кто с большим удовольствием истину прикроет «правдивой» ложью. Тьма была сильнее Света в дуалистическом мире людей на тот момент. Одициание,

незнание и нежелание знать были главными причинами сгустившегося Зла над родом человеческим. Лень, слепая вера и нежелание познать истину всегда были присущи человеку. Впервые сердце Энки дрогнуло так сильно при виде людей и их поступков. Даже он, всегда нетерпимый к ним, ужаснулся их злостью и ненавистью.

— Главное, чтобы они не изобрели ядерное оружие, — тихо проговорил Энки.

Нинурта промолчал. Несмотря на свою молодость, он понимал, что когда-нибудь люди достигнут знаний, достаточных для получения водорода и других веществ, которые начнут использовать в разрушительных целях.

Дождавшись окончания сражения, нефилимы пришли в деревню победителей.

— За что вы воюете? — жестко, с вызовом спросил Энки у вождя племени.

Вождь, сияющий от гордости за выигранное сражение, не ожидал такого тона от своих богов и растерялся.

— Мы сражаемся за вас, — произнес он, снизу вверх поглядывая на создателей.

— Что? — вскричал Энки, ошарашенный подобным ответом. — За кого — за нас? Мы создавали вас не для того, чтобы вы истребляли друг друга. Вы все одной крови. И люди вашего племени, и те, против кого вы сегодня сражались, и все те, кто живет на других континентах. Все вы братья и сестры.

— Мы хотим быть лучше остальных, — попытался оправдаться вождь. — Победившее племя забирает золото, и дарует его Вам, чтобы доказать, что мы лучшие.

Энки зажмурился и, махнув от досады рукой, развернулся и отошел. Гудислав почувствовал, что собрат очень разочарован, и впервые в жизни пожалел, что отступил от своего мнения, когда встал вопрос об уничтожении людей.

— Какая нам разница, у кого мы возьмем золото? Ваша задача была не воровать его у других, а добывать свое, — сказал Мирослав, подойдя к вождю. — Ваша главная цель на земле — то, для чего мы оставили вас в живых — это духовное развитие и создание цивилизации. Создание цивилизации означает умение любить, ценить, уважать других и быть к ним терпимыми, даже если они живут в невежестве. Развитое, цивилизованное общество — это не высокие здания, не совершенное оружие, не торговля и экономика, не научно-технический прогресс, а в первую очередь правильные основы миропонимания, высокая духовность и нравственность людей. Только на этих принципах должна строиться цивилизация!

На этих словах раздосадованные нефилимы развернулись и ушли, осознав что все их попытки донести до людей Знания не приведут к успеху.

— А как ты думаешь, существовало бы сейчас человечество, если бы тогда мы насильно не подняли его на следующие эволюционные ступени, прибегнув к генной инженерии? — спросил Нинурта у Жизномира.

Жизномир был лучшим учеником Лучезара, и, конечно, незадолго до смерти великий жрец передал ему все свои Знания, уделив особое внимание экспедициям на Землю.

— Скорее всего, да, но не сейчас, — ответил Жизно-

мир. — Помнишь, мы взяли за основу для создания землян уже существующий вид гоминидов, который развивался самостоятельно и в конечном итоге должен был эволюционировать до полноценного землянина. Мы только лишь искусственно ускорили этот процесс, на что нам тогда было дано разрешение. Я думаю, что сейчас гоминиды доросли в своем развитии как раз до той ступени, на которую мы их поставили, и сейчас бы не было этих кровопролитных войн из-за самолюбия и эгоизма, а это ждало их в будущем.

— Рок однозначен, а судьба имеет право выбора. Появление разумного существа на этой планете было неизбежно, — это есть Рок. Но вот способы его появления могли измениться, — это Судьба. Мы лишь повлияли на способ, ускорив эволюцию, но мы не в состоянии повлиять на общую картину и финал, которые находятся под властью Люцифера и являются частью Космического Плана.

— Получается, что мы, сами того не желая, стали игрушками в руках Бога? — спросил Мечислав, присоединившись к беседе товарищей.

— Не совсем игрушками, и в руках не только Бога, хотя все очень походит на это. Я думаю, Ану заранее знал, что нам придется ускорять эволюцию на Земле, но держал в тайне. Вообще, жизнь во Вселенной интересная штука: никогда не знаешь, кто всем заправляет. Так и здесь, на Земле. Земляне считают нас богами, хотя мы ими не являемся. Для них мы самые уважаемые и великие существа, хотя во Вселенной существует множество рас, способных быть для других создателями. Мы вправе говорить землянам, что делать, а что не делать, и они будут беспрекословно выполнять сказанное. Для нас же существует

Галактический Совет, его мы не можем послушаться и по отношению к нему находимся в таком же положении, как земляне по отношению к нам.

— Земля вообще уникальное место, где все создано по образу Вселенной, но в миниатюре.

— А ты, Жизномир, веришь в судьбу?

— В понимании многих судьба — это что-то определенное и однозначное. Исходя из моего видения мира, судьба — это Вселенский Закон причинно-следственной связи.

Нинурта облокотился на дерево и задумчиво посмотрел в сторону поселения. Смятение в мыслях и чувствах вызвали сказанные магом слова. Было крайне неприятно осознавать, что они мало чем отличаются от землян, находясь на Земле, хотя прежде мнили себя высокоразвитыми существами.

— Вы сделали многое с молчаливого согласия Галактического Совета и Люцифера, хотя свято верили, что это ваш выбор, — продолжил Жизномир, невольно причиняя страдания товарищу. — Вспомни момент, когда Дружин зачал ребенка с земной женщиной. Неужели вы думали, что об этом никто не узнает? Об этом знали все, кому это было нужно, но все промолчали, потому что ваше вмешательство было необходимо. Тот поступок стал еще одним толчком в эволюционном развитии землян. Вы игрушки в других руках, как и все остальные!

С неприятным осадком в груди нефилимы покинули Землю, оставив лишь небольшой отряд наблюдать за сбором золота. Люди продолжали собирать драгоценный для богов, но совершенно бесполезный для себя металл,

выполняя заложенную с момента создания программу. В течение следующих 3 600 лет небольшой отряд нефилимов находился на планете, наблюдая за нравственным состоянием людей. Они хотели отыскать сбежавшего Энлиля, но их технические устройства оказались недостаточно мощными для этого.

Перед следующим прилетом нефилимы напомнили Галактическому Совету о стоящей перед их расой проблеме, и Совет позволил им еще раз осуществить поиски потерянного элемента. Большая команда, во главе с Ану, прилетела на Землю. Впервые правитель Родины прибыл на зеленую планету, чтобы воочию увидеть созданных существ. На Земле ему были оказаны все почести, и для него построили отдельный храм.

Оставив свои базы и поселившихся вокруг них людей, нефилимы отправились в города, о которых им поведали земляне. Слава о красивейших городах давно дошла до живших вокруг храмов землян, однако мало кому приходилось бывать там. Пешком нефилимы взбирались на гору, с которой должен был открыться прекрасный вид на города Содом и Гоморра. С нетерпением товарищи поднимались вверх, стараясь остаться незаметными для людей, и понаблюдать за их жизнью без прикрас. Люди всегда были — и это тянется еще с момента ухода Адама и Ти-Амат с базы — раболепствующими и убогими. Они были даже не способны признавать свои ошибки, но находили виноватых в окружающих, а не в себе. Зная человеческую натуру, нефилимы специально хотели остаться незамеченными, чтобы увидеть естественный образ жизни людей, который сложился в последние века, а не то церемониальное пове-

дение, что было прописано в книгах в виде законов, соблюдение которых являлось обязательным, как считали люди, для удовлетворения богов.

Нинурта и Жизномир взошли на гору, и перед ними открылся вид двух некогда великих городов.

— Ты посмотри, что они наделали! — прошептал Нинурта. Его поразили лоск и блеск Содома и Гоморры.

— Ну а что, они придерживают его в чистоте, как видно. И здесь нет кровопролитных войн, что не может не радовать, — ответил Жизномир и остановился полюбоваться городом.

С горы открывался вид на красивый город, с пустовавшими сторожевыми башнями. Вход в ворота никто не защищал, и это наводило на мысль о миролюбии и братстве среди населения. Из труб домов поднимался дым, лаяли собаки.

— Может быть, зайдём внутрь? — поинтересовался Нинурта. — Очень хочется посмотреть на людской образ жизни.

— Пойдем.

Молча товарищи шли к городским стенам, в обход ведущей к нему дороги. Говорить было не о чем, и только человеческая жизнь за высокими оградами интересовала их в этот момент. На подходе к городским воротам они увидели ползущего калеку, от которого исходил запах собственных испражнений. Одной ноги у него не было, а вторая была перемотана рваными тряпками. Человек полз, не обращая на богов ни малейшего внимания.

— Болезни людей — это результат их образа жизни и поступков, — прошептал Жизномир.

— Знаю, — грустно заметил Нинурта и прошел через сторожевые ворота.

В одно мгновение лоск и внешняя красота города померкли в грязи улиц и образе жизни горожан. Полуобнаженные женщины бродили между пьяными мужчинами... Вокруг прислонившейся к грязной стене нищенки бегали голодные дети... В воздухе стоял тошнотворный запах разлагающихся биологических материалов... Мужчины совокуплялись с женщинами, женщины — с женщинами, мужчины — с мужчинами... Повсюду крик, шум, гам, разврат, грязь...

Не веря своим глазам, нефилимы бродили по грязному городу, забытому богами и человеческой моралью. Жители города потонули в грехе. Складывалось впечатление, что на больших территориях города порядочность людей растворилась и стала незаметна. Зная о своем крепком иммунитете и высокой защите от болезней, нефилимы не боялись подцепить летающую в воздухе инфекцию.

— Ты только посмотри, до чего опустилось это стадо! У меня нет даже других слов для сравнения! Все, чему мы их учили, они забыли, а законами пренебрегли. Они не понимают, что эти законы не наша прихоть, а фундамент гуманного устройства мира, основанного на взаимопомощи, Любви, и развитие цивилизации, — твердил Нинурта.

— Видимо, цивилизация им не нужна, и это не удивительно. Ты вспомни наш прошлый прилет, да и все предыдущие. Всегда мы наблюдали лишь падение землян, а не подъем в развитии. Я в первую очередь имею в виду нравственное развитие. Поскольку материальный аспект вечно был для них на первом месте, они стремились сделать все,

чтобы внешний блеск скрывал внутреннюю грязь. Физические удовольствия для них важнее духовных стремлений, для развития которых требуется приложить силы. Всегда проще плыть по течению, чем преодолевать препятствия.

— Ты знаешь, по-моему, в первый раз за все время я действительно начал осознавать, что тогда мы допустили ошибку. Не надо было говорить сирианцам о нашем намерении уничтожить людей. Если бы мы им этого не сказали, они бы не полетели на Галактический Совет, и нас бы не обязали оставить тварей в живых для реализации эксперимента Люцифера.

— А ты становишься как они, — сказал Жизномир, указывая на людей. — Тоже начинаешь расчленять Добро и Зло, забыв, что все во Вселенной едино. Эти существа играют в Игру и считают её реалистичной, и только для этого они сюда пришли. Именно во внутреннем противоборстве они набирают энергию Любви и развиваются.

— Прекрати философствовать! Ты ведь видишь, что эти твари нарушают данные нами законы и творят произвол. Разве ты не понимаешь, что это действительно плохо? Весь этот разврат губит их. Да что я говорю? Сейчас этот разврат губит их, но в самом ближайшем будущем он может погубить всю планету! А если в стенах этих городов зародился СПИД? Да все человечество вымрет из-за беспорядочных половых связей. Ты посмотри на весь род человеческий в целом! Одни воюют против своих братьев, другие крадут, третьи спариваются. Нет на этой планете ничего светлого и теплого. Во времена лемурийцев и атлантов все было по-другому. И не надо ссылаться на Кали-югу. Во времена атлантов она тоже воздействовала на сознание,

но такого не было. Складывается впечатление, что люди смеются над нами. Этот город погряз в разврате, похоти и нравственной грязи. Это большой рассадник заразы. Если мы не избавимся от этой язвы, она поглотит все остальное и обретет людей на полное исчезновение.

Жизномир чувствовал, что на его товарища оказывает сильное воздействие «спячка», в которой находилась планета Земля со всеми её жителями, но ничего не стал доказывать, а только промолчал, надеясь, что это скоро пройдет.

— Знаешь, в одном могу с тобой согласиться на сто процентов. Это касается их самоуничтожения. Не удивлюсь, если к нашему следующему прилету планета будет пуста. Останется только растительный и животный мир, да и то в лучшем случае, — добавил Жизномир, когда они прошли мимо открытого окна, из которого доносились стоны.

Вот так всегда и бывает: блестящее снаружи оказывается ржавым изнутри. Материальный мир торжествует над духовным, поглощая своей иллюзорной красотой все больше и больше человеческих тварей. А где здесь реальность, где иллюзия? На этот вопрос, пожалуй, может ответить лишь Бог, да все те, кто, покинув свои тела после смерти, находятся в другом мире и наблюдают за нами со стороны. Только им видно энергетическое устройство планеты на всех измерениях и обертонах. Только они видят со стороны всю фальшь, прозрачность, голографичность Игры под названием Жизнь. Бог видит и знает это в связи с положением. Такие, как Арлих, Ай, Тайя, Ра и другие сущности, стремящиеся дать людям Знания, узнают об этом из оккультной практики и путешествий по парал-

лельным мирам. Остальные же узнают о голографичном устройстве, со всеми вытекающими из этого последствиями, очень поздно, и то лишь в результате необходимости неизбежной смерти.

Товарищи прошли вдоль городской стены, испытав отвращение к распущенным, развращенным землянам. В центре ситуация была значительно хуже, и нефилимы, догадываясь об этом, развернулись и пошли обратно в лес, где на поляне оставили свой корабль. На базу им предстояло лететь с пессимистичными новостями.

В Ниппуре стояло несколько кораблей, и это означало, что некоторые уже вернулись из командировок по дальним землям. Выйдя из корабля, Жизномир и Нинурта прошли на базу и поднялись на второй этаж, где встретили своих братьев. В лицах их читалось разочарование. На все вопросы ответом было молчание. Прибывшие из Содома и Гоморры товарищи долго не могли понять, в чем причина такого поведения. И только когда пришел Ану и пригласил всех сесть за стол, ситуация начала проясняться. Каждая из летавших групп увидела примерно одно и то же в разных частях планеты. Везде шли войны, наблюдалось полное падение духовного уровня землян. Особенно это воспринималось болезненно в сравнении с эпохой развитых атлантов.

— Мы в который раз прилетаем на эту планету, и всегда видим полнейшую деградацию, — начал Ану. — Все наши попытки возвысить землян оказываются безуспешными из-за их же нежелания. Они полностью отклонились от духовного развития. В далекие ушедшие времена все было иначе. Вспомните лемурийцев! Ведь это были потрясаю-

щие, миролюбивые создания, с полным набором психических способностей. Пусть они были глупы, но они Любили все живое и никогда не причиняли боли себеподобным. Вспомните атлантов! Да, в сравнении с лемурийцами они значительно грубее и воинственнее, но им был присущ разум. А эти люди — худшее из всего, что было! Получается, на протяжении тысячелетий земляне инволюционировали, а не развивались.

— Я даже не знаю, как нам быть с этими землянами! То, что они делают, не приведет ни к чему хорошему. Более того, если мы с должным почтением отнесемся к Эксперименту Люцифера, то осознаем, что смерть землян здесь — это еще не страшно. Ужасна их жизнь и существование в обществе, где царит бездуховность. Если честно, я даже не приложу ума, каким образом мы можем помочь им в сложившейся ситуации. Под ними я подразумеваю как землян, так и Люцифера, — сказал Жизномир.

— А что, если мы создадим очередную иллюзию, но это будет иллюзия внутри иллюзии? — предложил Творимир. — Нужно, чтобы земляне думали, что все их проступки приведут к страшным последствиям.

— Если ты о причинно-следственной связи, то мы им о ней уже рассказывали, — перебил его Нинурта.

— Я сам знаю, что мы им о ней рассказывали, но только для их умов это очень тяжело. Закон причинно-следственной связи — недоступен их пониманию.

— И что ты предлагаешь? — поинтересовался Мечислав.

— Я предлагаю создать некоторые понятия, более близкие им и простые в понимании.

— Говори конкретнее, что это за предложение, — с нетерпением произнес Ану.

Творимир размышлял:

— Давайте придумаем им постсмертное наказание. Скажем людям, что ведущие праведный образ жизни, согласующийся с оставленными им законами, после смерти будут приняты в царство Божье, станут жить вместе с нами на небесах, на Родине, и пользоваться всеми благами, доступными нам. А те, кто нарушает наши законы, попадут в чистилище.

— А что, мне кажется, это хорошая идея, — сказал Жизномир. — Только надо проиллюстрировать её как можно красочнее и значительно идеализировать царство небесное. Ведь если кто-то из землян попадет к нам, то я не думаю, что он посчитает увиденное красивым. А описание чистилища можно будет разнообразить страшными эпитетами, а обитателями представить созданных давно нетеров и им подобных существ, которые не похожи на землян и выглядят пугающе. Наша главная задача — вызвать в них ярое нежелание попадать туда.

— Согласен, — сказал Мечислав, посчитав эту идею вполне возможной. — Тогда надо будет собрать людей и объявить им об этом. А уже они разнесут весть дальше. Есть желающие выступить в роли глашатаев?

Нинурта поднял руку:

— Я это сделаю.

— Хорошо, тогда давайте вернемся к нашей основной проблеме. Что мы будем делать с этими городами, утонувшими в разврате, и с народом, который сейчас там живет?

— Я считаю, что для демонстрации их неправоты нужно применить карательную миссию, направленную на уничтожение всех тех, кто не считается с Вселенскими Законами, — Ану был очень недоволен действиями землян. Его больно задело, что они пренебрегли словами создателей.

— Абсолютно согласен с Ану. Их нужно наказать, и это станет примером для тех, кто останется и вынужден будет продолжать поднимать цивилизацию. Пусть воспоминание о страшном наказании поможет создать некую утопию.

— Нам однозначно нужно уничтожить то, что мы породили, оставив лишь избранных, — категорично заявил Мечислав. — И не забывайте самого главного! Мы заключали договор с китами, в котором обязались не наносить вред планете и отвечать за все последствия наших экспериментов. Эти земляне и есть те самые последствия, и они ужасны!

— После того как Галактический Совет обязал нас оставить людей, мы полностью освобождены от этого пункта договора. Тем более что все наши оставшиеся биороботы, продолжавшие добывать золото после зарождения свободных землян, были уничтожены Потопом. Больше нет ни одного! — сказал Ану.

— Я все равно чувствую некоторую вину за их создание, и не перед китами, а перед планетой, — Гудислав грустно смотрел в пол.

— Нам так или иначе нужно искать Энлиля. Мы можем решить две проблемы одновременно — наказать землян и отыскать сбежавшего собрата. Если мы применим то же оружие, что и в Атлантиде, то при помощи его разрушим

все здешние города.

— Ну а все-таки, как же нам быть с Содомом и Гоморрой — этими городами, ставшими рассадниками заразы? Здесь не обойтись простым оружием, даже ядерным. Их нужно в первую очередь обеззаразить.

— Предлагаю использовать последние разработки обеззараживающего оружия.

— Ты хочешь «засолить» их? — улыбнулся Творимир.

— Ну да, — рассмеялся в ответ Мечислав. — Пока я нахожу это единственным вариантом, хотя, возможно, кто-то из вас предложит что-то более продуктивное.

— Мне все равно, — сказал Творимир и махнул рукой. — В случае с землянами все меры хороши.

— Отлично. Тогда давайте сначала проведем чистку по всей планете, а потом соберем оставшихся людей, пока они будут в состоянии шока, и скажем им о чистилище и небесном царстве.

— Я только одного не пойму: сколько нам еще уничтожать землян и быть карающим мечом в чужой Игре, прежде чем они поймут свою неправоту? — спросил Мирослав, хранивший до этого молчание и пребывающий в роли стороннего наблюдателя, будто его это совсем не касалось. На самом деле он был погружен в собственные мысли, и сейчас, когда появилась возможность, озвучил волновавший его вопрос. — Уже который раз мы прилетаем сюда и опять разрушаем все, что было создано. Мне это надоело!

— Это надоело не только тебе. Думаешь мне приятно уничтожать собственных тварей и плоды их трудов? Все бы

ничего, если бы это было наказание как таковое. То, что мы делаем, — лишь иллюзия уничтожения. Если бы мы уничтожали всех поголовно — это одно. Но наши поступки не несут в себе результативность. Мы убиваем часть людей, а их души освобождаются и готовятся занять те тела, которые для них готовят оставшиеся в живых. Убитые остаются на том же уровне развития, на котором до смерти. Да, это урок для них, по крайней мере в исторических хрониках, так как они не помнят о своих прошлых жизнях и не догадываются о бессмертии. Это замкнутый круг.

— Мы сами являемся орудием в руках высших существ, как бы отвратительно это ни звучало и ни било по нашему самолюбию, — негромко произнес Ану. — Галактический Совет обратился к нам с просьбой о помощи в Эксперименте. Они просят нас удалить грязные пятна с лица зеленой планеты. Я думаю, все вы понимаете, что подразумевается под грязными пятнами.

Галактический Совет имел в виду землян, чей образ жизни ставил под удар весь Эксперимент, обещавший стать наиболее удачным из пяти последних.

— Впервые наши интересы и интересы Галактического Совета совпали, — заметил Нинурта.

— Не совсем, — ответил Ану. — Они хотят, чтобы мы уничтожили города Содом и Гоморру, но оставили другие.

Мечислав закипел от злости.

— Почему мы должны всегда делать то, что говорят они? Мы создали этих тварей, мы написали им законы, а теперь с нами даже не считаются! — зло проговорил он.

— Я повторюсь еще раз, Мечислав. Мы лишь орудие в

руках более могущественных существ, — слегка раздраженно сказал Ану. — Хотя мне тоже неприятно, когда земляне пренебрегают данными им законами. — Ему было крайне отвратительно чувствовать себя оплеванным созданными рабами.

— Ану, а давай уничтожим все города и племена, которые живут не по закону и способствуют уничтожению цивилизации! — предложил Мечислав. — А если что, то мы всегда можем сказать, что не поняли, чего именно от нас хотел Совет, или что нашли подобную заразу и в других городах.

Это было хорошее предложение, способное воплотить желание нефилимов в жизнь. Ану молча осмотрел присутствующих и по их взглядам понял, что они хотят наказать землян за непослушание и пренебрежение законами создателей. За время, прошедшее после ухода Адама и Ти-Амат с базы, нефилимы хорошо вжились в роли богов и с удовольствием пользовались всеми подобающими их статусу действиями. Видя желание собратьев наказать землян, Ану решил воспользоваться предложением Мечислава и разрушить большинство павших городов и уничтожить духовно разложившихся тварей, тем более что Энлиля все равно нужно было искать.

Все нефилимы поддержали выдвинутые предложения, и было решено уже утром направить боевые корабли ко всем грешным поселениям. Следующий день ожидался для нефилимов жарким. Он же был последним для большинства жителей планеты. Ану решил начать карательную миссию с Мексики и других земель, а закончить обеззараживанием Содома и Гоморры.

Утром военные корабли поднялись в воздух, а тем временем Нинурта, Гудислав и Жизномир пошли в Содом и Гоморру. Перед уходом к ним явился Арлих. Он уже знал о намерениях нефилимов и поэтому попросил их не уничтожать одного из жителей Гоморры. Тот человек вел жизнь праведника, соответствующий данным нефилимами законам.

Когда нефилимы подходили к городу, они встретили Авраама.

— Тебе нужно уйти из города незамедлительно, — сказал Нинурта.

— Когда? — дрожащим от страха голосом спросил Авраам.

— Прямо сейчас! Забери свою семью, и бегите подальше отсюда. Лишь бегством вы можете спастись от нашего гнева, — повторил Нинурта и похлопал его по плечу. — И запомни: бегите и не оглядывайтесь!

Человек кивнул головой и скрылся за городскими стенами, а нефилимы развернулись и пошли прочь от города.

Корабли бесшумно скользили высоко в небе, а люди удивленно смотрели им вслед. Почти одновременно в разных уголках планеты начались обстрелы городов. Мощные лазерные лучи вспахивали землю и рушили все стоящие на ней строения. Большинство поселений в Мексике, Египте, Индии, Китае, Японии оказались полностью уничтожены. Разрушению подверглись множество цивилизаций поменьше, таких как на Санторини и Мальте. Когда работа была выполнена, пилот вытащил рацию и связался с космопортом, где шла подготовка последнего

корабля к операции по истреблению грешников. В рации послышался голос Мечислава.

— У вас все готово? — спросил военный.

— Да. Ждем от тебя информацию, — ответил пилот.

— Мы вывели из города всех, в ком уверены, так что можете начинать.

— Понял. Начинаем операцию. — И в рации послышался рев моторов.

Нинурта с Жизномиром поспешили из города и направились к высокому холму, чтобы спрятаться от страшного оружия, примененного для обеззараживания территории. Эти технологии были новы для расы нефилимов, но о страшных последствиях уже все знали. И хотя ни разу это оружие не применялось вне лабораторий, в естественных условиях, показание приборов зашкалили. Сев в корабль, Нинурта и Жизномир взмыли в небо и полетели на северо-восток, на базу Ниппур.

Мечислав направил боевой корабль в эпидемически опасную зону. Города Содом и Гоморра представляли угрозу для жителей города расположенного рядом с базой и космопортом нефилимов. Никому из создателей не хотелось, чтобы жителей этого поселения постигла участь грешников.

Без капли жалости пилот нажал на кнопку, и без звука карающие лучи лазера ударили в центральный район города, превращая дома и грешное население в соль. Оружие было бездумно и беспощадно по отношению к человечеству. Луч превращал в соль органические вещества, а самое страшное заключалось в том, что действовал он и на энергетическом уровне. Проникал через органы

чувств, уничтожая инфекцию, это оружие действовало на организм разрушительным образом, обеззараживая солью. Даже нефилимы не имели иммунитета против этого оружия и поэтому боялись его не меньше, чем люди.

В одно мгновение города превратились в бесформенные соляные строения, с множеством белых столбов, которые когда-то были живыми землянами. Оружие оказалось гуманным, поскольку мало кто из горожан успел увидеть корабль и испугаться. Смерть приходила к ним внезапно и молниеносно.

Тонны песка, поднятые взрывной волной в небо и смешанные с опасными элементами, зависли над побелевшим городом в выжидательной паузе. Пилот сидел за штурвалом корабля, делающего круг над городом, и пытался справиться со своими страшными мыслями, вспыхнувшими в его голове. Видя, что произошло внизу, на земле, после того как он нажал кнопку лазерного устройства, он ужаснулся тем, насколько недалеко оказались ученые. Вытерев пот с лица, пилот отвел корабль подальше от опасного облака и завис в воздухе, продолжая наблюдение. Облако расплывалось до огромных размеров, и предугадать, чего от него ожидать дальше, было невозможно.

Какое-то время оно стояло неподвижно, а потом медленно начало двигаться в северо-восточном направлении. Пилот взглянул на радары, и сердце его испугано застучало. Облако двигалось в сторону Ниппура. Приложив усилие и собравшись с мыслями, пилот понял, что наводить панику рано — ведь ветер еще мог поменяться, — и продолжил наблюдение.

Совсем немного потребовалось времени для понимания

того, что облако расширяется и не собирается менять курс. В той стороне, куда дул ветер, находились все основные базы нефилимов, к которым они так привыкли за многие тысячи лет экспедиции. Остальные команды уже вернулись из военных полетов и дожидались пилота последнего корабля, не подозревая об опасности.

«Если облако настигнет их на базе, — размышлял пилот, — то ни у кого не будет шанса выжить. Все прилетевшие в эту экспедицию погибнут, а я, если уцелею, не смогу вернуться на Родину».

Рисковать жизнью товарищей пилот не мог. Связавшись с Ниппуром, он сообщил о надвигающейся на них опасности и устремился на помощь. Информация о приближающейся угрозе была принята нефилимами неоднозначно. Сначала никто из них не поверил услышанному, но, проверив эту информацию по приборам, все пришли в ужас. Всегда спокойный и мудрый, Ану вскочил с кресла и собственноручно перепроверил полученные прибором данные. Резко обернувшись, он осмотрел товарищей, и по его лицу было видно, что угроза действительно существует. В воздухе повисла страшная атмосфера растерянности и безысходности.

— Ану, — медленно и тихо произнес Нинурта, уже вернувшийся на базу, которая стала ему родным домом за последнюю экспедицию. — Это смертельное облако действительно приближается к нам?

— Да. И очень быстро, — слова дались Ану не легко. — Надо что-то предпринимать.

— Надо улетать отсюда, и как можно скорее. Другого выхода нет! — громко сказал Гудислав, и все вышли из

состояния ступора.

Легкая паника уже было охватила нефилимов, но Ану грозно приказал всем успокоиться. Когда волнение стихло, он приказал всем улететь подальше от баз и городов. В спешке нефилимы бросились к кораблям, совершенно не заметив оставшихся Нинурту и Ану.

— Ану, что происходит? Как это назвать? — спрашивал Нинурта. — Не ответ ли это нам за наши действия против землян? Ведь причина и следствие есть во всем.

— Не знаю, — нервозно произнес Ану, скрестив на груди руки. — Может быть, это наказание от кого-то сверху, а может, и просто совпадение.

— Ану, что мне делать? — почти взмолился Нинурта. — Ведь я знаю, что ты в силах помочь! Помоги мне отогнать это облако, идущее к моей базе. Меня больше пугает не состояние базы, а живущие вокруг земляне. Ты ведь понимаешь, что все они погибнут.

— Проснись, Нинурта! Выйди из спячки! — закричал на него Ану. — Мы ведь не Боги! Мы не в состоянии управлять природой. Мы не сможем справиться с её стихиями. Ты слишком заигрался и вошел в роль Бога, но ты не есть Он! Мы можем лишь немного повлиять на природу, используя наши технологии. Но в данном случае наши технологии бессильны. Мы вновь стали жертвами собственной технократичности. Мы изобрели оружие, но мы не придумали противоядия от него.

— Ты прав, Ану. Прости мою панику, но я не знаю, что делать. Пусть я не люблю людей, но дать им погибнуть я не вправе. Я бессилён, но они ждут от меня помощи и надеются на меня.

— Тогда предупреди их и прикажи бежать подальше от города и этих земель. А там будь что будет. Пусть каждому воздастся по заслугам. У каждого из них своя судьба, и она настигнет их, если в этом будет необходимость, — ответил Ану, не найдя никаких других слов.

Ану был прав. Больше Нинурта ничем не мог помочь землянам. Он спустился вниз к рации и попытался выйти на связь со жрецом племени. Но недолго ждал, пока кто-нибудь подойдет, и, выключив рацию, побежал к воротам. Через несколько десятков метров от них начинался город, кольцом охватывающий базу. Открыв ворота, он увидел гуляющих людей. Они даже не подозревали о надвигающейся опасности. Нинурта побежал к ним. Но земляне, испугавшись, побежали от него. Он громко приказал им остановиться, и они замерли.

— Все слушайте меня! — закричал Нинурта. — Сейчас же заберите свои семьи и бегите из города. Бегите далеко и не возвращайтесь сюда несколько столетий. Все это время здесь будут жить только смерть и болезни, не видимые вашим глазом, но страшные и жестокие.

Услышав такие слова, люди в панике бросились из города. Они хватали самое необходимое, и бежали прочь от своих домов. Как же Нинурте хотелось взять на борт их всех, но это было невозможно. Вернувшись к кораблю, где его ждали товарищи, он взмыл в небо и уже с высоты наблюдал за столпотворением.

Именно в трудной ситуации человечество открывало свое истинное лицо. Нефилимы были уверены, что люди не придут на помощь друг другу, каждый будет сам за себя и станет спастись бегством. И удивлению создателей не было

предела, и даже слезы покатались по щекам некоторых из них, когда они увидели испуганных, но самоотверженных людей, помогающих остальным, несмотря на риск для собственной жизни. Кто-то падал, но бегущие поднимали его и помогали бежать дальше.

Корабль быстро набрал высоту, и скоро поселение вокруг базы совсем скрылось из виду. Люди остались без внимания богов, и брошенными на произвол судьбы. Отойдя от иллюминаторов, нефилимы сели в кресла и неуверенно переглянулись. У каждого из них осталась на душе болезненная рана от увиденного. Все ли земляне повели бы себя подобным образом, нефилимы не знали, но увиденное поставило под сомнение все их прежние представления о людях. Все понимали, что случайностей нет, и этот ветер, был не чем иным, как наказанием, посланным кем-то сверху, за карательную миссию, которые нефилимы совершили находясь в эмоциональной агрессии и не поняв до конца натуру людей. Сейчас нефилимы осознали, что сами являются такими же подконтрольными и несовершенными существами, какими для них являлись земляне. Падение было крайне болезненным после красивого полета игры в богов.

— Если эти люди выживут, они перестанут принимать нас за богов. Разве бог бы сбежал? — с обидой сказал Нинурта.

— Значит, надо, чтобы они умерли, — сказал Жизномир. Его совсем не волновали земляне, и даже не тронули проявления их верности и взаимовыручки.

Собратья обернули к нему свои скорбные лица, и маг понял, что остался в меньшинстве.

— Вы скоро станете совсем как эти твари, — сказал он. — Вы уже сейчас идете на поводу эмоций и ноете по любому поводу. А что будет потом? Я прекрасно понимаю, что в этих телах третьего измерения совершенно отличная от нашей энергетическая система и присутствуют иные энергоцентры, но давайте не будем жить по энергоцентру Любви, являющемуся низшим в наших родных телах. Давайте жить по более высоким, — как минимум, на один вверх — и везде видеть Истину. Если вы поймете, что Истина срывает перед вами все замки с дуальности, то поймете: все в мире Едино, и нет нужды переживать за землян, хотя бы потому, что все происходящее заложено в их программе судьбы. А варианты судьбы — как она сложится, зависит исключительно от поступков самих землян.

Жизномир был абсолютно прав, и его товарищи знали это. Однако юга «духовного сна» еще не покинула планету, и нефилимы оказались в её власти. В каждом из них она проявлялась по-своему. Были времена, когда кто-нибудь из них начинал чувствовать её воздействие на себе и стремился вспомнить Правду, но её никогда не удавалось закрепить, поскольку товарищи всегда стягивали обратно такого «прозревшего».

— А здесь на других жить нельзя, — сказал Нинурта. — Энергоцентр Любви главный в этом мире.

— Тем более что каждому из нас приносят духовные мучения страдания землян, а не сам факт их смерти. Смерть не страшна, а вот испытанные перед ней страдания и физические мучения поистине велики, — добавил Гудислав.

Страшное облако шло по территории Шумера, уничтожая на своем пути все, что попадалось. Зеленые леса засыхали и умирали в одночасье, а вода испарялась. Некогда красивые плодородные земли и густые тропические леса превращались в безжизненную пустыню. Значительно больше, чем планировалось, погибло людей в результате уничтожения двух городов. Это привело самих нефилимов к потере дома. Не было больше Междуречья, и ему уже никогда не суждено было стать тем, что оно из себя представляло когда-то. Многие нефилимы понимали, что всему виной их собственная жестокость — жестокость по отношению к собственным детям.

Улетали они с чувством стыда. Ведь когда-то им придется вернуться, — как они тогда посмотрят в глаза своих детей, которых бросили на произвол судьбы.

Этот последний прилет нефилимов состоялся примерно за 1 500 лет до рождения одной из величайших существей, когда-то живших на Земле, — Иисуса Христа. Они вновь пытались отыскать Энлиля, которого так и не нашли в последней поисковой экспедиции, однако в этот раз их методы были значительно гуманнее. Человечество уже выходило из духовной спячки, и создатели старались дать им как можно больше Знаний.

Нефилимы были Матерью людей и обращались с ними так же, как земные женщины обращаются со своими детьми. Они ругали их за шалости, нежелание учиться и хвалили за добрые поступки.

Время бежало вперед. На место шумерской цивилизации пришла аккадская, которая скоро сменилась вавилонской и ассирийской. Но вновь образованные государства

имели шумерские корни, а поэтому пантеон богов, истории об их похождениях, мифы и легенды о Героях были заимствованы у родоначальников. Конечно, время сильно видоизменило имена Героев, ориентиры, контексты и осколочные фрагменты, но основные сюжетные линии остались первоначальными. Многие мифы и легенды, происходившие в разные временные отрезки, сплетались воедино, а некоторые, цельные и объемные, распадались на мелкие и менее эффектные. Всемогущие цари и их власть имущие приближенные хотели прослыть причастными к тем легендарным событиям. Они видоизменяли тексты эпоса, вписывали в летописи свои имена, и так оказывались участниками давно минувших событий. Вся история переписывалась и трактовалась в пользу сильных мира сего. Земляне сами придали забвению свои собственные корни и поспособствовали разворовыванию истории. Так историческая правда фальсифицировалась во все времена.

.....

Опыт прошлого не научил землян делать выводы, и вновь, спустя совсем немного времени, они начали уничтожать себя изнутри. Веками один народ пытается подчинить себе другой, прикрываясь самыми альтруистическими мотивами, но в действительности движимые эгоизмом. Людям не хватает мудрости посмотреть на всю ситуацию со стороны, в глобальном масштабе, и заметить, что все они являются одним — человечеством и что, поглощая других, они уничтожают самих же себя. Человек винит природу за её несправедливость, хотя природные катаклизмы — это лишь ответ на его действия. Как во времена Атлантиды все

общество расколосось изнутри на эгоистов и альтруистов, так и на начальном этапе арийцев человечество встало на эту тропу внешнего и внутреннего противоборства. Регулярно конфликты разных масштабов вспыхивают в разных уголках планеты, и постоянно идет сражение внутри каждого индивидуума. Вся внутренняя борьба происходит между духовностью и материальностью, эгоизмом и альтруизмом. И зачастую гордыня, эгоизм, со всеми вытекающими из них последствиями, одерживают верх. Мы окружаем себя множеством совершенно ненужных вещей и, привыкнув к ним, считаем необходимыми, хотя миллионы людей по всему миру живут в разрушенных домах, с протекающей крышей, и испытывают острую потребность в обычной питьевой воде. Для них бьющий из земли ключ и тихие, не нарушаемые выстрелами ночи кажутся чудом и благодатью. Как быстро мы привыкаем к излишествам! Утопая в них, забывая о главном — о себе. Каждый стремится возвыситься над другими, показать свое превосходство, а то и господство. Мы пытаемся переделать других, но ошибочно полагаем, что идеальны сами.

Все будущее планеты в целом и живущих на ней существ зависят от сделанного каждым человеком выбора, и от этого выбора зависит благополучие и мир во всей Вселенной. Ведь как гласит Закон, возраст которого превосходит все мыслимые и немыслимые пределы, — «Что наверху, то и внизу».

СОДЕРЖАНИЕ:

Глава 1	
Родина — в опасности, в Земле — спасение	5
Глава 2	
Когда Солнце вставало на западе	47
Глава 3	
Создание рабов	135
Глава 4	
Лемурия	177
Глава 5	
Дети Атлантиды	333
Глава 6	
Эпоха арийцев	477

Литературно-художественное издание

Юрий Ладнов
НОВАЯ ИСТОРИЯ СТАРОЙ ПЛАНЕТЫ
ХРОНИКИ НИБИРУ: 2012

Ответственные за выпуск:
Редактор Устьянцева Е. В.
Корректор Устьянцева Е.В.
Художник Рагозин А. В.
Верстка Рагозин А. В.

Челябинск
Издательство «Алес»
Челябинск, ул.Курчатова, 23б, 10 этаж.

Подписано в печать _____
Формат издания 60х90/16
Тираж 1000 экз. Заказ № _____

Отпечатано в _____

ISBN 978-5-9902866-1-0

9 785990 286610